Лев Давидович Троцкий
Портреты революционеров

OCR unknown, spellcheck Calliope http://www.lib.ru
«Портреты революционеров:[сборник] Лев Троцкий»: Московский рабочий; Москва; 1991
ISBN 5-239-01313-6

Аннотация

В основу книги положен изданный в 1984 году в США сборник биографических очерков Троцкого «Портреты». В нее включены очерки о Ленине, Сталине, Бухарине, Луначарском, Зиновьеве и Каменеве, Воровском, Горьком и других. В особый раздел вынесены материалы не законченной Троцким книги «Мы и они». Сборник составлен по документам, хранящимся в архиве Троцкого в Хогтонской библиотеке Гарвардского университета.

Лев Давидович Троцкий
Портреты революционеров

Как создавались «Портреты революционеров»? (Творческая лаборатория Льва Троцкого)

Наряду с повседневной «текучкой», связанной с борьбой со Сталиным в Советском Союзе (конспиративной) и на Западе (более или менее открытой), Лев Троцкий в долгие годы изгнания постоянно пытался выкроить время для работы над чем-то «монументальным» – как он выразился в беседе с французским писателем Анри Мальро. Поначалу это сводилось к работе над воспоминаниями. Писать мемуары Троцкого впервые уговорили в 1927 или 1928 году Евгений Преображенский и Христиан Раковский. Первая стадия работы над рукописью «Моя жизнь» проходила в алма-атинской ссылке. Судя по наброскам, сохранившимся в Амстердамском международном институте социальной истории, первоначально воспоминания Троцкого представляли собой цикл автобиографических новелл. В этом варианте (особенно там, где Троцкий не смог обойти своих противоречий с Лениным) видны многочисленные «провалы».

Приступая к «Моей жизни», он попросту брал и переделывал свои прежние работы мало-мальски «личного» характера. Но вслед за насильственным выдворением Троцкого в Турцию в

начале 1929 года на него посыпались предложения, одно другого заманчивее: напечатать воспоминания в мировой прессе, а затем издать их отдельной книгой. Для этого первоначальный вариант уже не подходил. Тогда Троцкий принялся переписывать мемуары заново и дополнил первые главы рукописи «Моей жизни» историческим фоном и портретами современников. Текст увеличился почти вдвое. Первая книга мемуаров, хронологические рамки которой достигли 1917 года, оказалась готовой к концу 1929 года.

Однако стали подгонять сроки. Тогда Троцкий решил вернуться к первоначальному замыслу – рассказывать в первую очередь о себе, а повествование о своих друзьях и противниках (особенно если требовалась работа над старыми газетами и журналами) отложить на время. Поэтому-то некоторые главы «Моей жизни» и похожи на затянувшийся монолог. В этом проявилось увлечение Троцкого самоанализом и прорвалась сквозь нарочитую скромность предельно высокая оценка собственной роли в историческом процессе. Не в последнюю очередь посему (и не только из-за утилитарных стремлений закончить мемуары побыстрее) в «Моей жизни» довлеют скрупулезные заметки о раннем детстве, о времени, проведенном за школьной партой, о проделках одноклассников, а портреты современников присутствуют лишь фрагментарно. (Обрывки воспоминаний о детстве были записаны Троцким еще в середине 20-х годов по просьбе американского публициста Макса Истмена, который работал тогда над книгой о его молодости.)

Мало о ком из виднейших политиков XX века оставил Лев Троцкий столь подробные мемуары, как о своих одесских педагогах. Не без толики самолюбования включил он в «Мою жизнь» и повесть о своих двух побегах из Сибири (опубликовав их уже в свое время на русском и немецком языках), а также великолепную по стилю автобиографическую новеллу о насильственной высылке в 1916 году из Франции и Испании. (Новелла эта увидела свет впервые по свежим следам событий в нью-йоркской газете «Новый мир», а затем в 20-е годы в переработанном виде была напечатана в журнале «Красная новь».)

* * *

Окончательный вариант «Моей жизни» кажется нам более читабельным. Зато мемуары получились действительно сугубо «личными». Многие секреты политической борьбы эпохи так и остались нераскрытыми. А вместо галереи портретов современников Троцкий на сей раз ограничился эскизами и мазками. Правда, и подобный, выхолощенный, вариант «Моей жизни» убеждает читателя: Лев Троцкий мог бы стать великолепным психологом либо отменным литератором, одним из лучших бытописателей своей эпохи, не выбери он в восемнадцать с лишним лет тернистый путь народничества, а затем не стань прозелитом «интернациональной» социал-демократии, трансформировавшейся на русской почве в «большевизм-ленинизм».

Работая по 10–12 часов в день над «Моей жизнью» на острове Принкипо (вблизи Константинополя), Троцкий вскоре понял: даже при столь напряженных темпах он подведет со сроками издателей. Поэтому-то к труду над рукописью он привлек самых близких себе людей – жену и старшего сына. Тем более что они отлично помнили многочисленные судьбоносные эпизоды из жизни Троцкого. Судя по наброскам к «Моей жизни», Наталья Седова и Лев Седов, по просьбе Троцкого, описали несколько интересных событий, происшедших со всеми ними в эмиграции, в годы гражданской войны и в алма-атинской ссылке. Некоторые пассажи их воспоминаний Троцкий включил в текст «Моей жизни», впрочем почти всегда ссылаясь на «первоисточник». Такого рода «коллективное творчество» не должно нас удивлять. И в политическом и в человеческом значении этого слова Троцкий и его окружение представляли в 1929 году как бы единое целое. К тому же Лев Троцкий, еще будучи Наркомвоенмором, председателем Реввоенсовета республики, членом Политбюро и прочая, и прочая, привык, что ему помогает в творческой работе налаженный штат помощников, секретарей и стенографистов. А вот ко времени трудов и дней в Принкипо рядом с Троцким уже больше года не было привычных сотрудников. (В последнюю минуту ОГПУ не разрешило любимым секретарям его Сермуксу и Познанскому последовать за Троцким в изгнание.)

Поэтому-то Наталье Седовой и Льву Седову и пришлось срочно научиться делать необходимые для Троцкого выписки из литературы. Вскоре Лев Седов настолько втянулся в эту

работу, что порою казалось: он один сможет заменить Троцкому секретарей, попавших вместо Турции в камеры политпзоляторов. Но требовательный донельзя Троцкий не позволял своему сыну «почивать на лаврах». Когда Лев Седов переехал в Берлин, то он «направлял» его на расстоянии. Свидетельство сему, между прочим, письмо-инструкция. Его датировка – декабрь 1933 года (письмо это публикуется впервые, как и все остальные приводимые ниже цитаты из писем Льва Троцкого своему сыну):

> «Как делать выписки? Во-первых, все цитаты, подлежащие переписке, отмечены на полях серым карандашом. Где это требуется, начало и конец цитаты отмечены небольшими штрихами в тексте. Во-вторых, надо оставлять поля в три-четыре сантиметра. 3. Большие цитаты стараться помещать на отдельных листах, по возможности без переноса на другую страницу. 4. Малые цитаты можно помещать по две-три на странице, но оставлять между ними промежуток в пять, шесть строк. 5. Под каждой самостоятельной цитатой указывать книгу и страницу. Если в книге несколько статей, то приводить заглавие данной статьи, наряду с заглавием книги. Если выписка приводится из судебных протоколов, то надо указывать, кто именно говорит данные слова. 6. Выписанный текст надо тщательно считывать во избежание ошибок».

* * *

Судя по текстам, сохранившимся в амстердамском архиве, почти всю рукопись «Моей жизни» перепечатала Наталья Седова. Лишь последние несколько глав Троцкий доверил машинистке, поселившейся к тому времени в их семье на Принкипо.

Первоначально в мемуары должно было войти и подробное описание фракционной борьбы в партии большевиков в 20-е годы. Именно эти главы воспоминаний обещали прозвучать особенно сенсационно. Ведь Троцкому удалось вывезти из Советского Союза уникальный архив, и он собирался использовать эти документы в борьбе со «сталинской школой фальсификации».

Однако если первый том «Моей жизни» представляет и по форме и по содержанию своему компактную рукопись, то вторая часть мемуаров Льва Троцкого кажется скомканной. Она оставляет читателей в недоумении: что же заставило прервать воспоминания? К примеру, история с высылкой Троцкого из Советского Союза показана чуть ли не час за часом, но из текста так и не ясно до конца – что привело к этой высылке?

Видимо, с последней частью воспоминаний произошла та же самая история, что и с недорисованными портретами современников. Работая над окончательным вариантом «Моей жизни», Лев Троцкий просто-напросто отложил начатые главы о фракционной борьбе на времена более спокойные. Конечно, торопили и издатели (в первую очередь берлинские «Грани»), и переводчики, и редакторы газет, а также журнальной периодики. Но, самое главное, в 1929 году Лев Троцкий в глубине души явно был еще не готов раскрыться окончательно перед общественностью во всем том, что касалось его «партийного прошлого». Отсюда столько недоговорок, намеков в «Моей жизни», особенно если речь заходила о партийных и государственных секретах пяти– либо десятилетней давности. И наконец, в мыслях Троцкого во время работы над «Моей жизнью» уже формировался замысел новой книги, скорее историографического и аналитического, нежели мемуарного содержания.

Работа над следующей книгой, родившейся в годы эмиграции, была выполнена в рекордный даже для Троцкого срок. К наброскам первых глав «Истории русской революции» Троцкий приступил, видимо, в самом конце 1929 года, а ровно через полтора года огромный первый том этой эпопеи, показывающей (не без пристрастия, естественно) события Февральской революции и последующих месяцев, вышел в свет в Берлине. Затем еще год спустя появился и второй том, с подробным изложением перипетий корниловского мятежа, предгрозовой осени 1917 года и октябрьского переворота. Непосредственно к этой работе должна была примыкать «История гражданской войны в Советской России», но на это у Троцкого из-за занятий актуальной политикой не хватило уже ни сил, ни времени. В качестве же «отходов» от «Истории русской революции» в отдельные папки – как и во время работы над

мемуарами – складывались записи о самых ярких, либо по какой-то причине самых интересных для Троцкого современниках.

А ведь казалось, что в вилле на берегу Мраморного моря Троцкий, изолированный от больших библиотек мира и не питавший особых надежд выбраться из Турции (справедливо называл он себя в начале 30-х годов «гражданином планеты без виз»), не сможет выпустить историю русской революции в форме исследования. Ведь в его библиотеке первоначально хранилось лишь несколько десятков книг на данную тему. Остальные материалы остались в Москве на квартире младшего сына – Сергея Седова, и их так и не удалось вывезти. Однако неожиданная помощь пришла Троцкому из Берлина. Обосновавшийся там по «партийным» делам Лев Седов настолько серьезно принял к сердцу интеллектуальную – не только политическую – изоляцию Троцкого, что значительную часть своей воистину беспредельной энергии посвятил подборке материалов для «Истории русской революции». В Константинополь, а оттуда в Принкипо шли регулярно из Берлина письма с выписками, бандероли с газетными вырезками и увесистые посылки с библиотечными книгами. Помощь Троцкому стал оказывать также его берлинский издатель Пфемферт и владелец многих раритетов по истории русской революции Томас, один из самых загадочных деятелей Коминтерна, порвавший к тому времени со Сталиным. И наконец, Троцкому согласился содействовать в его трудах над рукописью Борис Николаевский, признанный историк международной социал-демократии, виднейший деятель меньшевистской эмиграции.

* * *

Отношения Троцкого и Николаевского – тема отдельного исследования. По словам недавно умершего в Голландии Бориса Сапира, Николаевский совсем случайно познакомился в Берлине со Львом, сыном Льва Троцкого. Николаевского подкупило трудолюбие Седова, его желание не просто быть сыном своего отца, но и превратиться в «самостоятельного» политика, при этом разобраться в истории российского революционного движения. Поэтому-то Борис Николаевский в середине 30-х годов дважды выступил в роли посредника между Львом Седовым и Международным институтом социальной истории. (Лев Седов тогда готов был поступить в только-только образовавшийся Амстердамский институт с целью разобрать переданные туда бумаги Троцкого по истории гражданской войны.)

Что же касается политических воззрений, то и Седов и Николаевский, подружившись, оставались каждый при своем мнении. Но при этом, несмотря на традиционную вражду большевиков и меньшевиков, оба они поняли, что, пока находятся в изгнании, главный противник у них тот же: хозяин кремлевских чертогов. Поэтому часто встречаясь либо переписываясь, Николаевский с Седовым обменивались доходившей за границу (и в тридцатые годы становившейся все более скудной) информацией о жизни на советском Олимпе, а иногда и о деятельности антисталинского подполья. В середине же 30-х, когда и Николаевский и Седов вынуждены были переехать из Берлина, вследствие победы «коричневой чумы», в Париж, то их политическое сотрудничество стало еще теснее: оба они старались предупреждать друг друга о деятельности «гепеуров», роящихся, как мошкара, вокруг самых активных эмигрантов.

При всем при этом Лев Седов продолжал считать себя «большевиком-ленинцем» и исповедовал взгляды порою даже более радикальные, нежели сам Троцкий; одно время он был бы не против проповедовать террор против Сталина и его окружения, по, натолкнувшись на сопротивление Троцкого, отошел от этих фантазий. Борис Николаевский же в годы изгнания являлся не просто меньшевиком, но находился на правом крыле движения. Поэтому-то он и продолжал считать Троцкого – вкупе с Лениным – могильщиком Февральской революции, ярым противником многопартийного строя в России. Не мог простить Николаевский Троцкому и гонений на меньшевиков и правых эсеров в годы гражданской войны и нэпа, глубоко осуждал его за участие в создании системы концентрационных лагерей и трудармий в Советской России. Если же заходила речь о фракционной борьбе 20-х годов, то Борис Николаевский симпатизировал скорее (да и то относительно) правым большевикам, таким, как Рыков, Бухарин, Рязанов. Но, являясь не просто политиком, а интеллектуалом с удивительно тонким историческим чутьем, Николаевский понимал, что без роли Троцкого трудно говорить об

истории России XX века. Поэтому-то ему так хотелось, чтобы Троцкий продолжил работу над прерванными в 1929 году мемуарами. Ради этого Николаевский готов был подбирать для своего заклятого политического противника все необходимые для кабинетной работы материалы. В архиве Бориса Николаевского, хранящемся большею частью в Институте Гувера (Стенфорд), находится, к примеру, документ, согласно которому Николаевский лично напечатал на машинке для Троцкого текст политического завещания Ленина. И, хотя Троцкий и Николаевский, судя по всему, не переписывались непосредственно, все же через Льва Седова «Геродот социал-демократии» регулярно пересылал Троцкому сначала материалы о событиях 1917 года, а затем и источники, связанные с деятельностью Маркса, Энгельса и Ленина (Троцкий время от времени возобновлял свою работу над их биографиями).

Как относился Лев Троцкий к полуконспиративным контактам, установленным с Николаевским и продолжавшимся даже после убийства агентурой Сталина Льва Седова? Поначалу он реагировал на предложение Седова пользоваться услугами Николаевского весьма настороженно. Троцкий не столь боялся подвохов со стороны меньшевиков: его скорее страшили возможные обвинения сталинской прессы, узнай она о подобном сотрудничестве через органы ОГПУ. Однако, убедившись в том, что Николаевский не только глубоко порядочный человек, но и прирожденный конспиратор, Троцкий стал пересылать ему некоторые свои манускрипты на отзыв. «Пользуюсь случаем, чтобы поблагодарить через твое посредничество Б. И. Николаевского за его обстоятельные и серьезные замечания. С некоторыми из них я не могу, правда, согласиться (о самозарождении марксизма, о программной позиции Александра Ульянова, о самарских спорах по поводу голода). Что касается других поправок, то я должен более тщательно справиться с текстом и с источниками, чтоб вынести окончательное заключение. Во всяком случае замечания Б. Н., без сомнения, помогут мне уточнить текст для всех других изданий (биографии Ленина, над которой Троцкий как раз тогда работал в изгнании.– *М. К*). Еще раз благодарю его», – говорится в письме Троцкого ко Льву Седову от 4 августа 1934 года.

И наконец, со слов Бориса Сапира, отметим: к написанию отдельной книги, в которую вошли бы мемуары о самых видных современниках, Льва Троцкого подталкивал (при посредничестве Льва Седова) все тот же Борис Николаевский. Он даже советовал Троцкому не начинать всю книгу с самого начала, а использовать свои же старые статьи о Ленине, Красине, Жоресе, Либкнехте и т. д., вышедшие в свое время в Советском Союзе, вернее, «личное» в этих статьях. Мы пока еще не выяснили, когда прозвучали эти советы. Скорее всего, это происходило в 1934–1935 годы. Ведь раньше дело сводилось к «технической» помощи Троцкому со стороны Николаевского. Правда, ни в архиве Троцкого в Гарварде и в Амстердаме, ни в бумагах Седова и Николаевского в Стенфорде мы не нашли документальных подтверждений того, с какого времени датируется помощь Николаевского Троцкому в его работе над сборником портретов современников. Известное же нам самое раннее упоминание об этой книге Троцкого, куда должны были войти мемуары и политические эскизы о деятелях XX века, – 20 января 1931 года. В письме американскому публицисту Максу Истмену говорится:

> «…Хочу в нескольких словах сообщить Вам о новой книге, которую я пишу в промежутке между двумя томами „Истории революции“. Книга будет, может быть, называться „Они и мы“ или „Мы и они“ и будет заключать в себе целый ряд политических портретов: представителей буржуазного и мелкобуржуазного консерватизма, с одной стороны, и пролетарских революционеров, с другой; намечены: Хувер, Вильсон, из американцев; Клемансо, Пуанкаре, Барту и некоторые другие французы; дело банка Устрик займет главу в связи с характеристикой французских политических нравов. Из англичан войдут Болдвин, Ллойд Джордж, Черчилль, Макдональд и лейбористы вообще. Из итальянцев я возьму графа Сфорца, Джолитти и старика Кавура. Из революционеров: Марке и Энгельс, Ленин, Люксембург, Либкнехт, Воровский, Раковский и, вероятно, Красин, в качестве переходного типа».

* * *

Длинный список персонажей, перечисленный Троцким в письме, свидетельствует отнюдь не о замысле его сесть работать над субъективными мемуарами о современниках (подобный сборник выпустил уже Луначарский под заглавием «Силуэты революционеров»), а скорее о желании составить книгу, похожую на известный в то время труд Карла Радека «Портреты и памфлеты». Льву Троцкому поначалу, видимо, не мешало, что с большинством своих предполагаемых героев и антигероев он не был лично знаком, и поэтому придется то и дело «сбиваться» на публицистику. Вскоре, однако, выяснилось, что для подобной кропотливой работы на острове Принкипо действительно нет возможности, – автор не мог бы наводить справки в книгохранилище Румянцевского музея либо в библиотеке Комакадемии, как это случалось в прежние времена. Правда, Троцкий и в подобных случаях старался не сдаваться. В письме Максу Истмену он утверждал: «Этот список еще не окончательный». Однако не прошло нескольких месяцев, и перечень предполагаемых действующих лиц книги «Мы и они» пришлось значительно подсократить, ограничившись портретами знакомых деятелей российского рабочего движения.

Но и эта «минимальная программа» осуществлялась медленно за нехваткой необходимых источников. «Было бы хорошо, – пишет Троцкий сыну, – если бы ты сам проработал материалы о Воровском, сделав необходимые выписки, по крайней мере из тех книг, которые нельзя достать в собственность. Что мне нужно?

а) Отношение Воровского к Ленину, – здесь важна каждая мелочь;

б) отношение Воровского к Польше, польскому языку, польской партии и пр., отношение Воровского к католицизму и к религии вообще (все это для того, чтобы разоблачать ложь Сфорца о том, будто Воровский, в качестве поляка, считал Россию чужой страной);

в) отношение Воровского к Москве, к России, к русской литературе, к русскому языку и пр.;

г) отношение Воровского к Октябрьской революции и его роль в ней;

д) (sic!) период болезни Воровского и забота о нем Ленина;

е) смерть Воровского. Так как я в ближайшие месяцы буду полностью занят своей „Историей“, то ты мог бы работу о Воровском проделать систематически и детально, отмечая необходимые выдержки и давая их в переписку. Лучше переписать лишнее, чем упустить существенное».

В ответ из Берлина пришли первые книжные посылки и выяснилось: материалов о Воровском собралось довольно много.

Старый знакомый Воровского Якуб Ганецкий вскоре после трагического покушения в Женеве стал собирать литературно-критические и политические статьи и всячески пропагандировать их в печати. Так и у предельно субъективного в других случаях, строго оценивавшего своих современников Троцкого появилось желание сказать доброе слово о Вацлаве Воровском, об одном из немногих старых большевиков, который хорошо относился к нему, несмотря на старинные распри. Для Воровского, в отличие от Бонч-Бруевича, Кржижановского, Лядова и большинства «стариков» из эмигрантского окружения Ленина, Троцкий перестал быть bete noire[1] российского социал-демократического движения с тех пор, как летом 1917-го перешел на рельсы большевизма. Троцкого и Воровского объединяло еще и то, что оба они являлись культурнейшими людьми своего круга. В мотивах, побудивших Троцкого написать портрет Воровского, естественно, сыграла свою роль и тема «выстрела Конради». В святцах большевистского движения имя убитого террористом Воровского было записано рядом с именами Урицкого, Володарского, Войкова, хотя каждый из этих политиков проделал собственный, и отнюдь не однозначный, жизненный путь. Правда, в глазах последующих поколений, вынужденных жевать жвачку агитпропа, имена эти слились воедино. Для Троцкого же они остались все теми же хорошо знакомыми ему современниками.

Интересны именно с психологической точки зрения размышления Троцкого о покушении на Воровского. Дело в том, что сам Лев Троцкий, высланный в 1929 году в Турцию и вскоре

---

[1] Дословно «черное животное» *(франц.)* ; здесь имеется в виду, что он перестал быть белой вороной.

лишенный советского гражданства, почти сразу же остался без охраны. Заставив его с семьей покинуть советское консульство в Константинополе, ОГПУ обрекло Троцкого, как казалось тогда, на верную гибель. Однако Сталин и его сообщники, мечтавшие, что «мокрое дело» совершат вместо них террористы из стана «классовых врагов», глубоко просчитались. Среди молодых сторонников Троцкого в разных странах всегда находилось достаточно добровольцев охранять его от возможных покушений. Да и сам Троцкий, работая над своими книгами по много часов в день, рано или поздно, но стал зарабатывать достаточно, дабы обеспечить безопасность маленькой колонии на острове Принкипо. Правда, до него продолжали доходить сведения, что генерал Туркул и другие видные белые офицеры готовятся с ним расправиться. Все это вызывало в Троцком подавленность, чувство затравленности. И к прежней «абстрактной» мании преследования у Льва Троцкого примешался реальный страх – пасть от руки конкретных убийц. Все это, вместе взятое, и дало повод ссыльному политику для раздумий о судьбе Воровского.

И наконец, личный, кажется неизвестный, мотив в написании данных мемуаров. После убийства Вацлава Воровского Троцкий и его жена стали как бы опекунами тяжело больной туберкулезом дочери Воровского Нины. Девушка на правах члена семьи почти каждый день приходила к ним в Кавалерский корпус Кремля. Между Львом Седовым и талантливой, но очень экзальтированной Ниной Воровской завязался бурный роман. Даже и после разрыва между ними добрые отношения двух семей не прервались. Более того, дружба приобрела еще и политическую окраску. Во второй половине 20-х годов Нина Воровская примкнула к «объединенной» оппозиции, возглавляемой Троцким, Зиновьевым и Каменевым. После же раскола рядов оппозиции, последовавшего вслед за XV съездом партии, Нина продолжала считать себя троцкисткой. Серьезной подпольной работы она вести не могла по состоянию здоровья. Однако с первых же дней существования Красного Креста большевиков-ленинцев включилась в его деятельность. О ней мы читаем в «Бюллетене оппозиции» в марте 1931 года:

> «Умерла Нина Воровская, 23-х лет, сгорев в огне туберкулеза. Дочь В. В. Воровского, старого революционера-большевика, убитого в Швейцарии белым террористом, Нина унаследовала от отца самостоятельный и строптивый склад характера, общую талантливость натуры, иронические огоньки в глазах, но – увы! – также и тяжкий недуг».

По всей вероятности, автором некролога является сам Лев Троцкий. Он продолжает так:

> «Уже то, что сказано о психологическом складе Нины, объясняет достаточно, как и почему она в совсем еще юном возрасте примкнула к оппозиции. Примкнув, она не знала уже ни сомнений, ни колебаний. Ее комната в Москве была одним из очагов комсомольской и партийной оппозиции. Нина рвала с друзьями в тот час, когда они рвали с оппозицией. Из комсомола Воровская была исключена, о принятии в партию не могло быть и речи.
>
> От отца – кажется, также и от матери – Нина унаследовала и артистические данные: она была оригинальной рисовальщицей. […] За границей (в Берлине. – *М. К* .) она подверглась тяжкой операции (тораксопластика). Прежде чем Нина успела оправиться, ее срочно вызвали в Москву, через полпредство. Полуофициально ей объяснили внезапный вызов валютными соображениями. В действительности же власти установили, несомненно, связи Нины с нами и с иностранными оппозиционерами и решили сразу оборвать ее пребывание за границей… Судьба не дала Нине развернуть свою личность. Но все, кто знал ее, сохранят в своей памяти этот прекрасный и трагический образ».

После кончины Нины доброе отношение к ней Троцкий как бы перепроецировал на Вацлава Вацлавовича Воровского. А по словам известного троцкиста Виктора Далина, хорошо знавшего Нину Воровскую, Лев Седов как-то передал тяжело больной девушке в Москву с оказией: «Старик работает над биографией твоего отца».

* * *

Упомянем еще один (правда, побочный) импульс, побудивший Троцкого написать о Воровском. Среди бумаг Льва Троцкого, которые он незадолго до своей гибели передал на хранение в Гарвард, в отдельной папке сохранились заготовки к полемике с итальянским политиком и дипломатом Сфорцей. В своей книге Сфорца вложил в уста Воровского немало пошлости, не свойственной советскому дипломату, и самой дешевой клеветы. В годы эмиграции Троцкий довольно часто встречался с измышлениями такого рода. Поэтому-то книга Сфорцы, попадаясь постоянно на глаза Троцкому в его рабочем кабинете, подталкивала его к работе над мемуарным сборником «Мы и они». «…Я хотел бы написать статью: Ленин, Воровский и граф Сфорца. Этот поганенький либерально-сиятельный итальянский дипломат гнусно оклеветал Ленина и Воровского. Разоблачить и уличить его можно беспощадно. Книга Сфорцы вышла на всех языках и широко рекламировалась в Америке. Как Вы думаете, нашлось бы место для такой статьи?» – советовался Троцкий 25 января 1932 года все с тем же Максом Истменом, который одно время служил посредником между Троцким и американскими журналами и издательствами.

Мемуарная канва жизни Вацлава Воровского у Троцкого в конце концов застопорилась. Зато в работе над книгой «Мы и они» он довольно успешно продвинулся, вырисовывая портрет Леонида Красина. Их многолетние отношения складывались в различные периоды жизни диаметрально противоположно. Большевик-примиренец, «техник номер один» российского подполья (кто только не пользовался бомбами и капсюлями из его подпольной лаборатории и не жертвовал ему денег «на террор»!), Красин с самого начала довольно хорошо относился к Троцкому. Их добрым контактам, установившимся в 1905 году, ничуть не мешало недавнее меньшевистское прошлое Троцкого, объявившего себя «внефракционным социал-демократом», и его упорное нежелание склонить выю перед Лениным. Судя по всему, Красин ценил тогда в Троцком и незаурядного человека и политика большого масштаба. Троцкого же с самого начала подкупал широкий размах Красина, его душевная доброта. (Будучи человеком довольно сухим, Троцкий, как правило, легко сходился со своими антиподами.)

Неизвестно, насколько интенсивно поддерживали Красин и Троцкий отношения между собой в период революционного спада, – в биографических записках Троцкого, оставшихся неоконченными, сохранилась лишь коротенькая сцена, да и то со слов Надежды Крупской, о том, как Красин отошел от рабочего движения. Зато встретились Красин и Троцкий снова в 1917 году в Петрограде, по сути дела политическими противниками. Если Троцкий находился в то время на крайне радикальном крыле российского рабочего движения, то, проштудировав письма Красина в Амстердамском институте социальной истории, остается неясным, можно ли причислять в это время Красина вообще к социал-демократии?

Как не похож Леонид Красин в этих письмах на портреты, долгие годы выполнявшиеся по заказам свыше московскими богомазами! В доверительных письмах к жене звучит самая непримиримая критика политики большевиков, насильственно взявших власть в свои руки (как считал Красин) путем вооруженного переворота в октябре 17-го; особенно резки выпады в адрес Троцкого и Ленина. Подобная позиция отчетливо прослеживается у Красина вплоть до 1919-го и даже до начала 1920 года. Однако она не помешала ему (впрочем, как и Горькому, и почти всем бывшим участникам группы «Вперед!», и запрещенной по личной инициативе Ленина редакции «Новая жизнь») совершить превращение из Савла в Павла на пути в Дамаск.

Несмотря на весь наносной цинизм богатого промышленника и сибарита «товарищ Никитич» сдавал после октябрьского переворота свои идейные позиции в муках и тревогах. И у самого начала этого нелегкого для Леонида Красина пути мы видим Льва Троцкого. Еще 5 ноября 1917 года Троцкий обратился к лидеру рабочих-металлистов Александру Шляпникову: «Нам необходим министр торговли и промышленности… Как вы относитесь, в частности, к кандидатурам Л. Б. Красина или Серебровского?» И именно по предложению того же Троцкого Красина включили (имея в виду его широкие связи в германских промышленных кругах) в мирную делегацию, которая с декабря 1917 года вела переговоры с представителями кайзера Вильгельма в Брест-Литовске. После этого между Красиным и Троцким восстановились коллегиальные, а затем постепенно наладились и старые дружеские отношения. Интенсивно

общались они и в годы гражданской войны. Во время боевых действий против войск белых генералов и Антанты Леонид Красин принимал участие в работе Совета Труда и Обороны. Будучи председателем Чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии и одновременно наркомом торговли и промышленности, Леонид Красин обладал воистину диктаторскими полномочиями в области снабжения армии и организации экономики всего тыла. Многочисленные источники, сохранившиеся в архивных фондах, подтверждают слова Троцкого: «Все, что он делал, он делал хорошо».

В 1920 году конкретные контакты Красина с военным ведомством ослабли. На его место по просьбе Троцкого был назначен Алексей Рыков. Однако добрые отношения Красина с Троцким из-за этого не прервались. А вскоре оба они почувствовали, что в глазах части партийного аппарата оказались «не ко двору». После того как Ленин в начале 1923 года полностью потерял работоспособность, партию большевиков (а следовательно, и высшее руководство Советской России) возглавила «тройка». Она состояла из Зиновьева, Каменева и Сталина (Зикаси – называли эту «тройку» современники с легкой руки записного остряка партийных съездов Давида Рязанова). С самого начала своего отнюдь не эфемерного существования «тройка» представляла интересы центрального, а особенно провинциального (губернского) партийного аппарата. Пользуясь столь весомой поддержкой, «тройка» уже в 1923 году de facto захватила власть на партийном Олимпе.

Неотлагательной своей задачей новоявленные «триумвиры» считали уже тогда полную изоляцию Льва Троцкого. Сталин даже помышлял об убийстве своего давнего врага, но отказался от этого замысла, боясь вызвать в ответ волну индивидуального террора со стороны молодых прозелитов Троцкого. Борьба против Льва Троцкого и многочисленной «группы 46-ти» – старых большевиков, выступивших с резким письмом в защиту внутрипартийной демократии, – детерминировала в середине 20-х годов почти всю деятельность возглавляемого «тройкой» Центрального Комитета. Более того, на партийном Олимпе была создана в помощь «тройке» еще и конспиративная «семерка» (Сталин, Зиновьев, Каменев, Бухарин, Рыков, Томский, Куйбышев). «Семерка» эта располагала собственным потаенным секретариатом, особым шифром, фельдъегерями и даже ответвлениями в некоторых губкомах. Именно на тайных собраниях «семерки», по сути дела, и решались вплоть до лета 1925 года (времени разрыва Сталина с Каменевым и Зиновьевым) все важнейшие вопросы партийной и государственной жизни. Лишь после тайных постановлений на заседаниях «семерки» те же самые вопросы выносились на совещания Политбюро и Совнаркома.

* * *

Подобное положение вещей не составляло особого секрета для Льва Троцкого. Понимая, что борьбу с ним ведут самым некорректным образом, и презирая, как он любил выражаться в семейном кругу, «эту сталинскую методу», Троцкий все же весьма тяжело переносил вынужденную изоляцию. И как бы в ответ на интриги «тройки» и «семерки» он стал манкировать заседаниями Политбюро и Совнаркома. А коли Троцкий и присутствовал на этих совещаниях, то демонстративно углублялся во французские и английские газеты либо обменивался записками с Леонидом Красиным, который, видя затравленность Троцкого, непременно садился рядом с ним.

А как же складывалось положение самого Красина на пороге «новых времен»? Судя по письмам к жене, Красин сначала думал, что с ним будут продолжать считаться Более того, в 1924 году Леонида Красина после семнадцатилетнего перерыва избрали членом ЦК. Но за внешними почестями не последовали назначения на должности, от которых зависело экономическое развитие страны. Не вызвало в недрах партократии большого энтузиазма и выступление Красина на XIII съезде ВКП(б). в котором он протестовал (со своих старых позиций технократа) против дублирования управления хозяйством одновременно по партийной и по государственной линии.

Видя, что в результате всего этого положение начинает складываться не в его пользу, Леонид Красин, оставаясь ключевой фигурой в системе Наркомата иностранных дел, обычно не задерживался в советской столице во время своих приездов. Но как бы он ни спешил, все же

всегда выкраивал время навещать Льва Троцкого. В словах Троцкого о Красине мы слышим как бы отзвуки их тогдашних доверительных бесед, хотя политическими союзниками в середине 20-х годов они так и не стали. Притом, что Леонид Красин полностью разделял воззрения Троцкого о необходимости «интенсификации» борьбы с бюрократической элитой, захватившей власть в стране, «товарищ Никитич» оставался сторонником демократизации не только в стане большевиков, но и во всем обществе. К подобным выкладкам Лев Троцкий придет гораздо позже, лишь в 30-е годы, во время своей работы над серией статей о последствиях сталинского термидора и над глубоко аналитичным трудом «Что такое СССР и куда он идет?» – книгой, не вышедшей на русском языке при жизни автора и известной на Западе под названием «Преданная революция».

Так и не опубликовав почему-то свои мемуары о Красине, Троцкий время от времени вспоминал о нем: то в политическом дневнике, а то и в манускрипте биографии Сталина. Всегда в спокойных, объективных тонах.

* * *

Если о ком-то из предполагаемых героев сборника политических портретов Лев Троцкий отзывался исключительно восторженно, то в первую очередь о Христиане Раковском. «Болгарин по происхождению…но румынский подданный силою балканской карты, французский врач по образованию, русский по связям, симпатиям и литературной работе, Раковский владеет всеми балканскими языками и четырьмя европейскими, активно участвовал в разные периоды во внутренней жизни четырех социалистических партий – болгарской, русской, французской и румынской, – чтобы впоследствии стать одним из вождей советской федерации, одним из основателей Коминтерна, председателем Украинского совета народных комиссаров, дипломатическим представителем Союза в Англии и во Франции и чтобы разделить затем судьбу левой оппозиции. Личные черты Раковского – широкий интернациональный кругозор и глубокое благородство характера – сделали его особенно ненавистным для Сталина, воплощающего прямо противоположные черты», – характеризовал его Троцкий в «Моей жизни»,

Раковский и Троцкий впервые встретились в Париже в 1903 году. Одновременно находились они и в Штутгарте четыре года спустя, на конгрессе II Интернационала. В 1910 году Лев Троцкий совершил поездку по Балканам и смог вблизи наблюдать политическую деятельность Христиана Раковского. А затем последовали новые встречи: Вена, где Раковский старался материально помочь выходу «Правды» и других «троцкистских» изданий, Бухарест (когда Троцкий снова объехал Балканы в качестве военного корреспондента в 1913 году) и, наконец, Циммервальд: в сентябре 1915 года оба они стояли на левых позициях даже в этом кругу антимилитаристски настроенных социалистов, хотя некомпетентные исследователи и по сей день клеймят их «центристами». И в Петроград Троцкий и Раковский прибыли почти одновременно, в мае 1917 года. Правда, они несколько месяцев не состояли в одной и той же партии, а это значило, что не виделись слишком часто. Троцкий стал «межрайонцем», а затем большевиком. Раковский же вступил в ряды меньшевиков-интернационалистов, его больше привлекали тогда умеренные взгляды Мартова и Мартынова, нежели радикализм Ленина и Троцкого. Но с декабря 1917-го позиции Троцкого и Раковского заметно сближаются.

«Исторической судьбе было угодно, чтобы Раковский, болгарин по происхождению, француз и русский по общему политическому воспитанию, румынский гражданин по паспорту, неоднократно изгонявшийся из Румынии за свою непримиримую революционную деятельность, оказался главой правительства в Советской Украине», – говорится в книге «Очерки политической истории Румынии», изданной в 1922 году Троцким и Раковский совместно. Однако в данном случае «историческую судьбу» отождествлял не в последнюю очередь сам Лев Троцкий, второй после Ленина по влиянию политический деятель в Советской России в годы гражданской войны. Именно стараниями Троцкого Раковский был назначен главою харьковского правительства (и одновременно наркомом иностранных дел Советской Украины) вопреки сопротивлению Пятакова и Антонова-Овсеенко. Кто бы мог подумать, что все трое вождей Советской Украины вскоре станут «троцкистами», во время внутрипартийной

фракционной борьбы, а Раковский к тому же не просто «оппозиционером», а еще и хранителем номер один традиций оппозиции 1923 года после высылки Льва Троцкого из Советского Союза.

Деятельность Раковского-оппозиционера в наши дни практически не изучена. Из его (отчасти конспиративной) переписки с Троцким даже исследователям известны лишь фрагменты. Письма Раковского из Астрахани Троцкому в Алма-Ату – это как бы ключ к дружбе двух образованнейших интеллектуалов, сброшенных волею вершителей «генеральной линии» с Олимпа власти в самую гущу повседневной жизни Но и в ссылке Троцкого и Раковского волновали в первую очередь не трудности быта. Сутью их жизни являлись размышления типа Quo vadis?[2] когда речь заходила о политическом положении страны и о собственной духовной жизни.

«Переписка находится в полном расстройстве, даже с Москвой. Письма, отделенные друг от друга двумя и даже тремя неделями, получаются одновременно (если получаются вообще). Не знаю, что виною – метеорологические или иные какие силы. […] Иностранные газеты стал получать сейчас из Москвы и из Астрахани», – говорится в письме Троцкого, отправленном в первых числах апреля 1928 года сразу трем адресатам – Евгению Преображенскому, Николаю Муралову и Христиану Раковскому. Последний же, и сам находясь в трудных условиях ссылки, успокаивал Троцкого: «В сравнении со мной у тебя громадные неудобства… Тем не менее я думаю, что недостающие тебе книги можно будет выписывать из Москвы. По-моему, кроме текущей работы было бы чрезвычайно важно, если ты выбрал бы какую-нибудь тему, которая заставила бы тебя, вроде моего Сен-Симона, многое пересмотреть и перечитать под известным углом зрения».

В Астрахани в 1928 году Раковский усиленно работал над книгой о Сен-Симоне, однако круг его интересов был предельно разнообразен:

> «…с первых дней я стал знакомиться интенсивно со старинной и новой литературой, со статистическими и научными материалами. Письма из Москвы приходят здесь на пятый, а иногда на шестой день, газеты на третий день. Здесь имеется киоск, где получаются даже и некоторые немецкие газеты, но не все номера. […] Взял с собой соч[инения] Диккенса (по-английски) и другую русскую беллетристику, с которой вообще я плохо знаком. Из русских авторов пока прочел только „Конную армию“ Бабеля… а из здешней библиотеки взял Сервантеса (полный перевод „Дон-Кихота“ с интересным предисловием Мериме) и Овидия… В обстановке, аналогичной с теперешней, я всегда перечитываю Дон-Кихота, и теперь он мне доставляет громадное удовольствие».

Наряду с чтением и работой над книгой о современниках (о которой он подробно писал Троцкому – не послужило ли это, в свою очередь, для Троцкого дальнейшим импульсом?) Христиан Раковский старался путем рукописных воззваний и статей реагировать на происходящие вокруг него тлетворные события: террор внутрипартийный и касающийся всего общества, сплошная коллективизация, провал первого пятилетнего плана, по словам сталинских статистиков-фальсификаторов якобы выполненного за четыре года. Часть своих работ (их терминология оставалась неизменно ортодоксальной, но идейный nucleum[3] вмещал в себя не только характерные черты пролетарской диктатуры, но и элементы демократии), словом, самые значительные труды времен ссылки Раковскому удалось переправить с помощью целой цепи посредников за границу, где они и публиковались в «Бюллетене оппозиции».

Резко выступал Христиан Раковский против «капитуляции» своих сподвижников. Поэтому-то Троцкий и другие лидеры международной антисталинской оппозиции упоминали Раковского всегда на первом месте, когда речь заходила о мучениях узников советских политизоляторов и колоний ссыльнопоселенцев. «Группа немецких рабочих… могла бы

---

[2] Куда идти? *(лат.)*

[3] Ядро, зерно *(лат.)*.

написать письмо Бернарду Шоу, Роллану, М. Горькому, приветствовать их за поддержку СССР и в то же время потребовать от них вмешательства в пользу Раковского», – советовал Троцкий своему сыну Льву Седову, который как раз устанавливал в Берлине контакты с рабочими лидерами.

А тем временем о Христиане Раковском доходили все более тяжелые известия. Гепеуры старались полностью изолировать его. Один обыск следовал за другим. Ссылку в Астрахань, город с тяжелым климатом, сменило изгнание в Барнаул, место с не менее трудными условиями, к тому же безо всяких культурных традиций. У дома Раковского маячило всегда пять-шесть подозрительных соглядатаев в одинаковых кепках и пальто. И чем чаще о Раковском вспоминали прогрессивные круги Запада, тем более ужесточался его режим. Поэтому-то не было и дня, когда бы Лев Троцкий не вспоминал в кругу своих домашних о Раковском и его многострадальной семье. 2 сентября 1931 года Троцкий (под псевдонимом Г. Гуров) разослал в различные страны мира специальный циркуляр, объясняющий, как следует самым эффективным способом организовать борьбу за освобождение Раковского.

«О Христиане Раковском […] надо поднять большую кампанию. Следовало бы написать хоть краткую биографию его. Я бы это сделал, если бы подобрать необходимые материалы. Я советую поручить это официально одному лицу в Берлине и Париже и болгарской организации. Надо разыскать статьи Раковского в советской печати, его старую книгу против румынского боярства (1909 г., кажется), мою книгу о Румынии с большим приложением Раковского и пр., и пр. Можно написать соответственное обращение ко всем секциям. […] Когда наберется достаточно материала, я написал бы биографию Раковского в два-три печатных листа. Это имело бы большое значение. Пока что кампанию нужно вести», – говорится в письме Троцкого Льву Седову от 27 февраля 1932 года.

Материалы о Христиане Раковском с самого начала лежали у Троцкого в кабинете в отдельной папке. 31 марта 1933 года он информировал сына: «Я сейчас работаю над биографией и характеристикой Раковского (в числе текущих работ). Толчком послужило, конечно, известие о его смерти. Хотя этот повод, к счастью, отпал, биографию надо будет все-таки выпустить, тем более что в августе ему исполняется 60 лет. К сожалению, материалов у меня здесь очень мало. Нет, в частности, ни одной его книги, ни докторской диссертации, ни книги о боярской Румынии, ни русской книги за подписью Инсарова о Франции и французах. Нет также почти ничего, что характеризовало бы деятельность Раковского как украинского предсовнаркома. Думаю, что в Париже кое-что можно добыть. Говорят, есть характеристика Раковского в книге Де-Монзи… Хорошо было б получить эту книгу.

Параллельно я работаю также над биографиями Иоффе и Воровского. По другой линии хочу дать портрет Красина. Если попадутся материалы, особенно относительно Иоффе, прошу прислать».

Последний абзац письма свидетельствует о том, что работа над портретами современников превратилась у Троцкого в сизифов труд. Он сам, если и не махнул на нее, то, не имея нужных материалов под рукой, не видел ни конца, ни края. А порой и сама жизнь вносила коррективы в мемуары Троцкого. Ведь некоторые герои задуманной книги продолжали жить, да еще и выходили из его политической орбиты. Так, к примеру, Христиан Раковский, казавшийся поистине непреклонным в феврале 1934 года, «капитулировал» (под огромным давлением сталинских властей) и обратился в ЦК ВКП (б) с просьбой принять его обратно в партию. Довольное кремлевское руководство не только разрешило Раковскому вернуться из ссылки, но и организовало ему почетную встречу. На вокзале старого оппозиционера, измученного донельзя физически и морально, встретили пионеры с цветами и… Лазарь Каганович, второй секретарь ЦК, самый близкий в этот период к Сталину политик. Осенью того же 1934 года Раковский был послан с дипломатической миссией в Токио с делегацией Красного Креста. А в 1935 году, как бы пройдя испытательный срок, он был принят в партию. После этого фарса почти никого не удивило, что во время первых концептуальных политических процессов Христиан Раковский на страницах советской прессы потребовал для своих же недавних товарищей по оппозиционной деятельности смертной казни.

«Капитуляция» Раковского ударила Троцкого по голове, словно обухом. Поначалу он попытался, как обычно обращаясь к марксистским постулатам, объяснить этот поступок

усилением (либо ослаблением) определенных мировых классовых процессов. Во всяком случае, это следует из его письма сыну от 19 марта 1934 года:

> «По поводу СССР надо указать, что процесс отчуждения от мирового рабочего движения продолжается и усугубляется: причина – в поражениях пролетариата и в ослаблении Коминтерна. В сознании рабочих процесс отражается так: везде побеждает фашизм. Мировой пролетариат оказывается не на высоте. Победа фашизма означает опасность для нас, а у нас дела идут все же на поправку, – значит надо как можно крепче держаться за аппарат, каков он ни есть. Уже в момент победы Гитлера в Германии мы писали и после не раз повторяли, что без успехов революции на Западе бюрократический режим на почве национального социализма будет в СССР только крепнуть. Истекшие 15 месяцев подтвердили это предвидение. Сдача Раковского и Сосновского (бывшего ведущего публициста „Правды“, известного оппозиционера. – *М. К* .) представляет одно из проявлений этой национальной реакции, вернее, интернациональной безнадежности. Держаться сейчас на позиции коммунистов-интернационалистов можно, только имея перед собой мировую перспективу, наблюдая и обобщая реальный ход развития или распада мировых рабочих организаций и реальные возможности, которые открываются перед IV Интернационалом. От этих перспектив бывшие оппозиционеры в СССР герметически отделены. Разумеется, их сдача есть известный моральный удар для нас, но если вдуматься во всю обстановку и в индивидуальное положение каждого из них, буквально жившего в закупоренной бутылке, – никогда ничего [похожего] в мировой истории революционного движения не бывало, – то приходится скорее удивляться, как они удерживались или удерживаются на своей позиции до сих пор».

Но, как бы оправдывая Раковского такими доводами, Троцкий тем не менее не мог простить ему «капитуляции». Он даже попросил своего секретаря Ван Эйенорта разорвать большой портрет Христиана Раковского, который долгие годы висел в рабочей комнате Троцкого. А в дневнике, предназначенном отнюдь не для публикации, а как бы для беседы с будущим, появилась запись Троцкого от 20 февраля 1935 года:

> «Раковский милостиво допускается на торжественные собрания и рауты с иностранными послами и буржуазными журналистами. Одним крупным революционером меньше, одним мелким чиновником больше!»

Вскоре Христиан Раковский стал одной из жертв мясорубки тридцатых. В 1937 году он был арестован и подвергнут, судя по дошедшему до нас заявлению, полному слов протеста, самым изощренным пыткам. Раковского обвинили в том, что с 1924 года он являлся агентом британской Intelligence Service, а с 1934-го, после поездки в Токио, – еще и японской разведки. Заставляя Раковского признаваться в «преступных» связях с Троцким, следователи подготовили целый сценарий. Сломленный подсудимый покорно повторял заученные выражения, но вдруг посреди казенного набора фраз у него вырвалось что-то личное: «Я старше Троцкого и по возрасту, и по политическому стажу, и, вероятно, не меньше у меня политического опыта, чем у Троцкого». Иностранные журналисты, присутствовавшие в Октябрьском зале Дома союзов в один голос заметили, что на «Большом процессе» в марте 1938 года перед ними появился старый, болезненного вида, сломленный человек. Суд присудил тогда Раковского к 20 годам заключения и 5 годам поражения в гражданских правах. «…Раковский, отдавший 50 лет делу борьбы за освобождение трудящихся, может надеяться искупить свои мнимые преступления к 90-летию своего рождения!» – негодовал Лев Троцкий на страницах «Бюллетеня оппозиции». Равняется с чудом, что Раковскому дали возможность дожить до лета 1941 года. А тогда его расстреляли вместе с левой эсеркой Марией Спиридоновой и сестрой Троцкого Ольгой Каменевой во дворе Орловского централа.

* * *

После «капитуляции» Христиана Раковского у Троцкого оставался в памяти

«безоблачным» образ лишь одного своего старого друга – Адольфа Иоффе. «С венских дней началась наша дружба. Иоффе был человеком высокой идейности, большой личной мягкости и несокрушимой преданности делу». Эту краткую характеристику, данную Иоффе в «Моей жизни», Лев Троцкий несколько раз готовился повторить в развернутой форме, собрав воспоминания об их совместной деятельности. Из различных упоминаний об Адольфе Иоффе у Троцкого можно в конце концов составить целую мозаику-портрет, в центре которого совместное пребывание в венской эмиграции, а затем борьба со сталинской «генеральной линией» в середине 20-х. Характерно, что о самоубийстве Иоффе, затравленного кремлевской камарильей, Лев Троцкий вспомнил именно во время своего ареста в Москве в 1928 году. В минуты высылки Троцкого присутствовали лишь самые близкие друзья. Среди них была и Надежда Адольфовна Иоффе, оставившая интереснейшие воспоминания о дружбе своего отца со Львом Троцким. Не раз вспоминал высокие интеллектуальные и деловые качества Адольфа Иоффе Лев Троцкий и в годы эмиграции. Однако фрагменты мемуаров его о Иоффе так и не увидели свет. Предполагаемая книга портретов современников «Мы и они» осталась в рукописи.

И если советский читатель все же может познакомиться с портретами Красина и Воровского, Раковского и Иоффе, то он обязан этому исключительно бостонскому историку Юрию Фельштинскому. Составляя эту книгу, Фельштинский включил в нее также несколько малодоступных в Советском Союзе статей Троцкого, близких к мемуарному жанру. Статьи эти предельно субъективны, как и все, что выходило из-под пера Льва Троцкого. В то же время они свидетельствуют и о его прозорливости: к примеру, гипотеза Троцкого, почему был арестован Авель Енукидзе, подтверждена в наши дни архивными материалами, а воспоминания Марии Ульяновой о том, каким образом тяжелобольной Ленин просил у Сталина цианистый калий, также подтверждают давнишние размышления Льва Троцкого, когда он незадолго до смерти взялся описать свои подозрения в публицистическом шедевре с характерным названием «Сверх-Борджиа в Кремле». И наконец, благодаря стараниям составителя этой книги Юрия Фельштинского перед нами предстала целая картинная галерея современников Троцкого, со всеми их трагическими и противоречивыми чертами, та самая галерея, для которой он оставил, образно выражаясь, лишь кипу неразобранных холстов.

* * *

Мне посчастливилось познакомиться с Юрием Фельштинский в Бостоне в 1984 году. Молодой тогда еще историк как раз подступал к составлению своих многочисленных изданий рукописей Троцкого. С тех пор большинство этих планов осуществилось. А благодаря крушению постсталинской системы, наследие Троцкого начало возвращаться и к себе на родину. И хотя от Юрия Фельштинского Лев Троцкий безмерно далек в совокупности его идей перманентной и мировой революции, однако, не посвяти этот проницательный ученый, которому абсолютно чужды черты фанаберии и великодержавности многих советских историков, столько лет копированию пожелтевших бумаг в Бостоне, Стэнфорде и Амстердаме, не приложи он невероятные по упорству усилия к классификации в большинстве случаев впервые публикуемых документов, то много сотен раз проклятый «сталинской школой фальсификации» Лев Троцкий вряд ли смог бы снова стать в столь широких кругах в Советском Союзе предметом исследований.

Будапешт, 30 мая 1990 года
Миклош Кун

От редактора-составителя

В предлагаемый читателю сборник под общим названием «Портреты революционеров» включены написанные Троцким в разные периоды его жизни статьи и очерки о политических и партийных деятелях Советского Союза: Ленине, Сталине, Бухарине, Зиновьеве, Каменеве, Луначарском, Красине, Воровском, Иоффе, Горьком, Демьяне Бедном, Серебровском, Енукидзе, Томском, Чичерине, Раковском, Блюмкине и других. Часть этих очерков была

закончена Троцким и предназначалась для публикации на иностранных языках, как, например, очерк о Ленине, написанный для Британской энциклопедии в 1926 году. Другие сохранились в черновиках. В особый раздел вынесены материалы незаконченной Троцким книги «Мы и они» («Они и мы»). Как следует из опубликованных в этом разделе выдержек из писем Троцкого М. Истмену, автор задумал эту книгу в 1931 году. Он неоднократно менял ее композицию, но закончить книгу так и не сумел, возможно потому, что интерес к работам Троцкого на Западе со временем уменьшался, и для книги не нашлось издателя, согласного заплатить за нее гонорар. По существу, Троцким была завершена только одна из глав книги – «Завещание Ленина»; остальные же главки – «Красин», «Воровский», «Иоффе», «Чичерин» и «Раковский» – остались в черновиках.

Материалы сборника «Портреты революционеров» публикуются по документам, хранящимся в архиве Троцкого, купленном в 1940 году Гарвардским университетом, в США. В книге использованы также материалы архива Троцкого – Истмена в библиотеке Лилли Индианского университета в США. Материалы публикуются с любезного разрешения администрации архива Троцкого Гарвардского университета и библиотеки Лилли Индианского университета.

Ю. Фельштинский
Бостон, США

Ленин

Очерк

Ленин (Ульянов Владимир Ильич) (1870–1924) – теоретик и политик марксизма, вождь партии большевиков, организатор Октябрьской революции в России, основатель и руководитель советских республик и Коммунистического Интернационала – родился 9/22 апреля 1870 года в городе Симбирске (ныне переименованном в Ульяновск).

Отец Ленина (Илья Николаевич) крестьянского происхождения, педагог. Мать, Мария Александровна, по рождению Берг[4],– дочь врача. Старший брат Ленина (род. в 1866 г.) примкнул к движению народовольцев, принимал участие в неудавшемся покушении на жизнь Александра III, был казнен на 22-м году жизни.

Ленин, третий из шести детей семьи, окончил Симбирскую гимназию в 1887 году с золотой медалью. Казнь брата навсегда вошла в его сознание и содействовала определению его дальнейшей судьбы.

Летом 1887 года Ленин поступает на юридический факультет Казанского университета, но в декабре того же года исключен за участие в студенческой сходке и выслан в село Кокушкино близ Казани в имение деда (с материнской стороны). Его ходатайства (1887 г.) о приеме вновь в Казанский университет, как и выезде за границу для продолжения образования, встречают отказ. Осенью Ленину разрешено вернуться в Казань, где он и начинает систематическое изучение Маркса и завязывает первые связи с членами местного марксистского кружка.[5]

В течение 1891 года Ленин успешно сдает экзамены при юридическом факультете Петербургского университета. В 1892 году он зачисляется в Самаре помощником присяжного поверенного. К этому и следующему году относится несколько судебных выступлений Ленина в качестве защитника. Однако главное содержание его жизни уже составляет изучение

---

[4] Фамилию матери Ленина Троцкий приводит по памяти и неправильно. На самом деле ее девичья фамилия Бланк.

[5] В отличие от Троцкого, Ленин тщательно скрывал влияние народнической идеологии на свое духовное развитие в домарксистский период своей биографии. Однако в Институте Гувера (Стэнфорд, Калифорния) среди бумаг историка-эмигранта Сватикова хранится копия с двух работ Ленина – быть может, самых ранних среди известных – явно народнического характера.

марксизма и применение его к исследованию путей хозяйственного и политического развития России.

Переехав в 1894 году в Петербург, Ленин завязывает связи среди рабочих и начинает пропагандистскую работу. К этому периоду относятся первые литературные работы Ленина, направленные против народников и фальсификаторов марксизма, и переходившие из рук в руки в рукописном виде[6]. В апреле 1895 года Ленин выезжает впервые за границу, имея главной целью установить связь с марксистской группой «Освобождение труда» (Плеханов, Засулич, Аксельрод). По возвращению в Петербург он организует нелегальный «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», который быстро превращается в значительную организацию, развивает пропагандистскую и агитационную работу среди рабочих и учащихся и завязывает связи с провинцией. В декабре 1895 года Ленин и его ближайшие сотрудники подвергаются аресту. 1896 год Ленин проводит в тюрьме, где работает над изучением путей экономического развития России. В феврале 1897 года его отправляют в трехлетнюю ссылку в Восточную Сибирь, в Енисейскую губернию. К этому времени (1898 г.) относится брак Ленина с Н. К. Крупской, его товарищем по работе в СПБ Союзе и верной его сподвижницей в течение дальнейших 26 лет жизни и революционной борьбы. За время ссылки Ленин заканчивает свой важнейший экономической труд «Развитие капитализма в России», основанный на методической проработке огромного статистического материала (Петербург, 1899).

В 1900 году Ленин выезжает в Швейцарию с целью организовать за границей, совместно с группой «Освобождение труда», издание революционной газеты, предназначенной для России. К концу года в Мюнхене уже выходит No 1 газеты «Искра» с эпиграфом: «Из искры возгорится пламя». Целью газеты является организация централизованной подпольной революционной партии социал-демократов, которая во главе пролетариата открыла бы борьбу с царизмом, вовлекая в нее угнетенные народные массы, и прежде всего многомиллионное крестьянство.

В выпущенной Лениным вскоре брошюре «Что делать?» всесторонне развивается идея организации сплоченного кадра профессиональных революционеров, беззаветно преданных делу революции и спаянных железной внутренней дисциплиной.

Идея централизованного партийного руководства борьбой пролетариата во всех ее формах и проявлениях тесно связывается у Ленина с идеей гегемонии рабочего класса в демократическом движении страны. Становясь стержнем ленинского мировоззрения и практической борьбы, идея гегемонии непосредственно переходит в программу диктатуры пролетариата, когда 1905 год и февраль 1917-го подготовляют условия для октябрьского переворота.

Созванный в июле-августе 1903 года II съезд РСДРП (Брюссель – Лондон) принимает выработанную Плехановым и Лениным программу, но заканчивается историческим расколом партии на большевиков и меньшевиков. Отныне Ленин начинает свой самостоятельный путь как вождь фракции, а затем партии большевиков. Начавшись с вопросов организации партии, разногласия вскоре углубляются вопросом об отношении к буржуазному либерализму, с одной стороны, к крестьянству – с другой. Меньшевики стремятся согласовать политику русского пролетариата с либеральной буржуазией. Ленин видит ближайшего союзника пролетариата в крестьянстве. Эпизодические сближения с меньшевиками не приостанавливают все большего и большего расхождения двух линий: революционной и оппортунистической, пролетарской и мелкобуржуазной. В борьбе с меньшевизмом выковывается политика, приведшая впоследствии к разрыву со II Интернационалом (1914), к Октябрьской революции (1917) и к замене скомпрометированного социал-демократического названия партии коммунистическим (1918).[7]

Поражение армии и флота в русско-японской войне, расстрел рабочих 9 января 1905 года, аграрные волнения и политические забастовки создают революционную ситуацию в стране. Программа Ленина: подготовка вооруженного восстания масс против царизма, создание временного революционного правительства, которое должно организовать революционно-

---

[6] В первую очередь главы книги «Что такое „друзья народа“ и как они воюют против социал-демократов?»

[7] Перемена названия произошла на VII съезде партии в марте 1918 года.

демократическую диктатуру рабочих и крестьян для радикальной очистки страны от царизма, крепостничества и всякого вообще средневекового хлама. В соответствии с этим, на III съезде партии, состоявшем из одних большевиков (май 1905 г.), принимается новая аграрная программа конфискации помещичьих и царских земель.

В октябре 1905 года начинается всероссийская забастовка. 17 октября царь издает «конституционный» манифест. В начале ноября Ленин возвращается из Женевы в Россию и в первой же статье призывает большевиков[8], в связи с новой обстановкой, расширить организацию, привлекая в партию широкие круги рабочих, но сохраняя нелегальный аппарат, в предвидении неизбежного удара контрреволюции. В декабре царизм переходит в контрнаступление. Восстание в Москве в конце декабря, без поддержки армии, без одновременного восстания в других городах и без достаточного отклика деревни, вскоре подавляется.

В событиях 1905 года Ленин выдвигает три момента: 1) временный захват народом действительной, то есть не ограниченной классовыми врагами политической свободы, помимо и вопреки всех наличных законов и учреждений; 2) создание новых, пока еще потенциальных органов революционной власти, в виде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; 3) применение народом насилия по отношению к насильникам над народом. Эти выводы 1905 года станут руководящими принципами политики Ленина в 1917 году и приведут к диктатуре пролетариата в форме Советского государства.

Разгром Декабрьского восстания в Москве отодвигает массы на второй план. Авансцену занимает либеральная буржуазия. Начинается эпоха первых двух Дум. Ленин формирует в этот период принципы революционного использования парламентаризма в непосредственной связи с борьбой масс в целях подготовки их к новому периоду наступления.

В декабре 1907 года Ленин выезжает из пределов России, чтобы вернуться в нее лишь в 1917 году. Открывается эпоха победоносной контрреволюции, преследований, ссылок, казней, эмиграции. Ленин ведет борьбу против всех течений упадочничества в революционной среде: против меньшевиков, проповедовавших ликвидацию (отсюда «ликвидаторы») подпольной партии и переход к чисто легальной деятельности в рамках псевдоконституционного строя; против «примиренцев», не понимавших противоположности большевизма и меньшевизма и пытавшихся занять среднюю позицию; против авантюризма социалистов-революционеров, пытавшихся личным террором заменить недостаточную активность масс; наконец, против сектантства части большевиков, так называемых «отзовистов», требовавших отозвания социал-демократов из Думы во имя непосредственно революционных действий, для которых обстановка не открыла возможностей. В эту глухую эпоху Ленин обнаружил сочетание двух основных своих качеств: непримиримой революционности основной линии и безошибочного реализма в выборе методов и средств.

Одновременно Ленин ведет развернутым фронтом борьбу против попыток ревизии теоретических основ марксизма, на которые опирается вся его политика. В 1908 году он пишет капитальное исследование[9], посвященное основным вопросам познания и направленное против идеалистической, по существу, философии Маха и Авенариуса и их русских последователей, пытавшихся соединить эмпириокритицизм с марксизмом и проводивших в политике отзовизм. Опираясь на огромную проделанную им научную работу, Ленин доказывает, что методы диалектического материализма, как они сформулированы Марксом и Энгельсом, полностью подтверждаются развитием научной мысли вообще, естествознания в особенности. Так, революционная борьба, не упускавшая из виду самых мелких практических вопросов, шла у Ленина всегда рука об руку с теоретической борьбой, поднимавшейся до самых высоких достижений обобщающей мысли.

1912-1914 годы характеризуются новым подъемом рабочего движения в России. В режиме контрреволюции обнаруживаются трещины. В начале 1912 года Ленин созывает в Праге

---

[8] Название этой статьи В. И. Ленина «О реорганизации партии». Дата ее написания – ноябрь 1905 года.

[9] Имеется в виду работа В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм».

тайную конференцию русских организаций большевиков. «Ликвидаторы» объявляются вне партии. Разрыв с меньшевизмом принимает окончательный и бесповоротный характер. Избирается новый ЦК. Ленин организует из-за границы издание в Петербурге легальной газеты «Правда», которая в постоянной борьбе с цензурой и полицией оказывает руководящее влияние на передовых рабочих.

В июле 1912 года Ленин с ближайшими своими сотрудниками переезжает из Парижа в Краков, с целью облегчить свои отношения с Россией. Революционный подъем в России нарастает, обеспечивая тем самым перевес большевизма. Ленин в оживленных отношениях с Россией почти ежедневно посылает статьи под различными псевдонимами для легальных большевистских газет, досказывая необходимые выводы в нелегальной печати. В этот период, как и раньше, так и позже, Н. К. Крупская стоит в центре всей организационной работы, принимает приезжающих из России товарищей, дает инструкции отъезжающим, устанавливает нелегальные связи, пишет конспиративные письма, зашифровывает и расшифровывает. В июле 1913 года Ленин переезжает в местечко Поронин (Галиция), еще ближе к границе. Здесь застигает его объявление войны. Австрийская полиция, заподозрив в Ленине русского шпиона, подвергает его аресту, но через две недели освобождает и высылает в Швейцарию.

Начинается новая широкая полоса в работе Ленина, сразу получающая интернациональный размах. Манифест, опубликованный Лениным 1 ноября от имени партии, определяет империалистический характер войны и виновность в ней всех великих держав, издавна подготовлявших кровавую борьбу за расширение рынков и за разорение конкурентов. Патриотическая агитация буржуазии обоих лагерей, со сваливанием вины друг на друга, объявляется маневром для одурачивания рабочих масс. Манифест констатирует переход большинства европейских социал-демократических вождей на позицию защиты отечественной буржуазии, срыв ими решений международных социалистических конгрессов и крах II Интернационала. С точки зрения русских социал-демократов, заявляет манифест, поражение царизма было бы наиболее выгодным из исходов войны. Поражение «своих» правительств должно быть лозунгом социал-демократов всех стран. Ленин подвергает беспощадной критике не только социал-патриотизм, но и разных оттенков пацифизм, который, мечтая о мире, капитулирует перед войной и, занимаясь платоническими протестами, отказывается от революционной борьбы с империализмом.

Теоретики и политики II Интернационала усугубили старые обвинения Ленина в анархизме. На самом деле через всю теоретическую и практическую работу Ленина, и до и после 1914 года, проходит борьба не только с реформизмом, который с началом войны превратился в опору империалистической политики имущих классов, но и с анархизмом и со всеми вообще разновидностями революционного авантюризма.

1 ноября 1914 года Ленин выдвигает программу создания нового Интернационала, которому «предстоит задача организации сил пролетариата для революционного натиска на капиталистические правительства для гражданской войны против буржуазии всех стран за политическую власть, за победу социализма».

В сентябре 1915 года в Циммервальде (Швейцарии) собирается первая конференция европейских социалистов, стоящих в оппозиции к империалистической войне (всего 31 человек). Левое крыло циммервальдской, а затем кинтальской конференции явилось, под руководством Ленина, основным ядром будущего Коммунистического Интернационала, программа, тактика и организация которого вырабатывались под руководством Ленина. Им непосредственно вдохновлялись решения первых четырех конгрессов Коминтерна.

К своей борьбе в международном масштабе Ленин был подготовлен не только своим общим глубоким образованием на марксистской основе, не только опытом революционной борьбы и партийного строительства в России, но и детальным знакомством с мировым рабочим движением. Он непосредственно следил в течение долгого ряда лет за внутренней жизнью важнейших капиталистических государств. Хорошо владея английским, немецким и французским языками, Ленин читал также по-итальянски, по-шведски, по-польски. Реалистическое воображение и политическая интуиция позволяли ему нередко по отдельным явлениям восстанавливать картину целого. Всегда и неизменно Ленин был против механического перенесения методов одной страны на другую, рассматривая и разрешая

вопросы революционного движения не только в их международной взаимозависимости, но и в их национальной конкретности.

Февральская революция 1917 года застает Ленина в Швейцарии. Его попытки проехать в Россию наталкиваются на решительное сопротивление британского правительства. Ленин решает использовать антагонизм воюющих стран и проехать в Россию через Германию. Удача этого плана дает врагам повод для неистовой кампании клеветы, которая, однако, уже бессильна помешать Ленину встать во главе партии, а вскоре и во главе революции.

В ночь на 4 апреля, сейчас же по выходе из вагона, Ленин выступает на Финляндском вокзале с речью, основные мысли которой он повторяет и развивает в ближайшие дни. Низвержение царизма, говорит Ленин, явилось лишь первым этапом революции. Буржуазная революция уже не может удовлетворить массы. Задача пролетариата – вооружаться, усиливать значение Советов, пробуждать деревню и готовиться к завоеванию власти во имя социалистического переустройства общества.

Далеко идущая программа Ленина не только оказывается неприемлемой для деятелей патриотического социализма, но и вызывает возражения в среде самих большевиков. Плеханов называет программу Ленина «бредовой». Но Ленин строит свою политику не на настроениях временных вождей революции, а на взаимоотношениях классов и логике движения масс. Он предвидит, что рост недоверия к буржуазии и к Временному правительству будет с каждым днем увеличиваться, что партия большевиков достигнет большинства в Советах и что к ним должна будет перейти власть. Маленькая ежедневная газета «Правда» становится отныне в его руках могущественным орудием низвержения буржуазного общества.

Политика коалиции с буржуазией, проводившаяся социалистами-патриотами, и вынужденное союзниками безнадежное наступление русской армии на фронте возбуждают массы и приводят в Петрограде к вооруженным демонстрациям в первые дни июля. Внутренняя борьба достигает остроты. 5 июля опубликованы грубо сфабрикованные контрразведкой «документы», долженствующие свидетельствовать, что Ленин действует по поручению германского генерального штаба[10]. К вечеру прибыли вызванные Керенским с фронта «надежные» части и юнкера из окрестностей Петрограда, которые заняли город. Движение было подавлено. Травля против Ленина достигла апогея. Он перешел на нелегальное положение, скрываясь сперва в Петрограде, затем в Финляндии и сохраняя постоянную связь с руководящими элементами партии.

Июльские дни и последовавшая расправа вызывают резкий подъем в массах. Предвидение Ленина оправдывается по всей линии. Большевики получают большинство в Советах Петрограда и Москвы. Ленин требует решительных действий для захвата власти, открывая, со своей стороны, непримиримую борьбу против колебаний на верхах партии. Он пишет статьи, брошюры, официальные и частные письма, подвергая вопрос о захвате власти освещению со всех сторон, опровергая возражения, рассеивая опасения. Он рисует неизбежное превращение России в иностранную колонию при продолжении политики Милюкова – Керенского и предсказывает сознательную сдачу ими Петрограда немцам с целью разгрома пролетариата. «Теперь или никогда!» – повторяет он в страстных статьях, письмах и беседах.

Восстание против Временного правительства, намеченное решением ЦК, под давлением Ленина, на 10 октября, ходом вещей отодвинулось на 25 октября[11]. В этот день Ленин впервые после трех с половиной месячного пребывания в подполье появляется в Смольном, откуда непосредственно руководит борьбой. В ночь на 27-е он выступает на заседании Съезда Советов с проектом декрета о мире (принят единогласно) и декрета о земле (принят всеми против одного, при восьми воздержавшихся). Большевистским большинством съезда, при поддержке группы левых эсеров, объявляется переход власти к Советам. Назначается Совет Народных

---

[10] Приказ об аресте Ленина был отдан Временным правительством 6 июля 1917 года.

[11] Судя по некоторым источникам, Ленин советовал начать восстание между 15 и 20 октября. 10-го же октября 1917 года на заседании ЦК обсуждался вопрос о необходимости восстания, но о сроках присутствующие высказывались неопределенно.

Комиссаров во главе с Лениным. Из лесного шалаша[12], где Ленин скрывался от преследований, он непосредственно переходит на вершину власти.

Пролетарский переворот быстро распространяется по стране. Советы становятся господами положения в городе и деревне. При этих обстоятельствах Учредительное собрание, собравшееся 5 января, оказывается явным анахронизмом. Конфликт между двумя этапами революции налицо. Ленин не колеблется ни на минуту. В ночь на 7 января ВЦИК, по докладу Ленина, принял декрет о роспуске Учредительного собрания. Диктатура пролетариата, учит Ленин, обозначает максимум действительного, а не формального демократизма для трудящегося большинства, ибо обеспечивает ему реальную возможность воспользоваться свободами, передавая в руки трудящихся все те материальные блага (здания для собраний, типографии и прочее), без которых «свобода» остается пустым звуком и иллюзией. Диктатура пролетариата, по Ленину, есть необходимая ступень к уничтожению классового общества.

Вопрос о войне и мире вызвал новый кризис партии и власти. Значительная часть партии звала к «революционной войне» против Гогенцоллерна, не считаясь ни с хозяйственным положением страны, ни с настроением крестьянства. Ленин, считавший необходимым затягивать переговоры с немцами в агитационных целях как можно дольше, требовал, однако, чтобы в случае ультиматума с их стороны был подписан мир хотя бы ценой территориальных уступок и контрибуций: уступить в пространстве, чтобы выиграть во времени, – развивающаяся на Западе революция раньше или позже аннулирует тяжелые условия мира. Политический реализм Ленина обнаружился в этом вопросе во всей своей силе. Большинство Центрального Комитета – против Ленина – делает еще попытку, «объявив состояние войны прекращенным, отказаться в то же время от подписания империалистического мира». Это приводит к возобновлению немецкого наступления. После ожесточенных прений в ЦК на заседании 18 февраля Ленин завоевывает большинство за свое предложение немедленно возобновить переговоры и подписать немецкие условия, еще более отягченные.

Советское правительство, по инициативе Ленина, переселяется в Москву. Добившись мира, Ленин выдвигает перед партией и страной вопросы хозяйственного и культурного строительства.

Как всегда, он ставит вопросы ребром: «Не надо самообманов… Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую теперь нас толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению…»

Но тягчайшие испытания еще впереди. Контрреволюционное движение надвигается с окраин. На Северном Кавказе формируются белогвардейские армии. Эсеры и меньшевики усиливают свою враждебную активность. К концу лета 1918 года центральная Россия оказывается окруженной контрреволюционным кольцом. Рука об руку с отечественной контрреволюцией идет на Волге восстание чехословаков[13], на севере и юге – интервенция англичан (2 августа – Архангельск, 14 августа – Баку). Прекращается подвоз продовольствия. В этих беспримерных по трудности условиях, когда казалось, что выхода нет, Ленин не отходит от руля партии и государства ни на час. Он дает оценку каждой новой опасности, указывает пути спасения, агитирует на собраниях и в печати, извлекает из рабочей массы все новые и новые силы, организует поход рабочих в деревню за хлебом, руководит созданием первых военных отрядов, следит по карте за движением врага, сносится по прямому проводу с молодыми отрядами Красной Армии, заботится в центре об их вооружении и снабжении, следит за международным положением, ориентируясь на противоречия в лагере империалистов, и в то же время находит время для внимательных бесед и с первыми иностранными революционерами, прибывающими на советскую почву, и с советскими

---

[12] Троцкий описывает события слишком большими мазками. Из шалаша в Разливе Ленин в августе 1917 года переезжает в Финляндию и лишь в конце сентября перебирается в Петроград.

[13] Начался мятеж Чехословацкого корпуса в 20-х числах мая 1918 года и вскоре распространился на огромной территории вдоль железнодорожных артерий от Владивостока до Самары.

инженерами по поводу планов электрификации, новых методов использования торфа, развития сети радиостанций и прочее, и прочее.

30 августа эсерка Каплан подстерегает Ленина у входа в помещение рабочего митинга и производит в него два выстрела. Это покушение ожесточает гражданскую войну. Крепкий организм Ленина быстро справляется с ранениями. В дни выздоровления он пишет брошюру «Пролетарская революция и ренегат Каутский», направленную против виднейшего теоретика II Интернационала. 22 октября он уже выступает с речью.

Война на внутренних фронтах остается по-прежнему главным содержанием его работы. Хозяйственные и административные проблемы занимают по необходимости служебное место. Питаемая извне гражданская война в полном разгаре. Только благодаря титанической энергии Ленина, его зоркости и неколебимой воле борьба заканчивается (в начале 1921 г.) полным подавлением контрреволюции. Государственная организация крепнет. Суровая школа гражданской войны выдвигает закаленные кадры организаторов.

Октябрьская революция рассматривалась Лениным всегда в перспективе европейской и мировой революции. То обстоятельство, что война не привела непосредственно к социалистическому перевороту в Европе, побудило Ленина в начале 1921 года по-новому поставить вопросы внутреннего хозяйственного режима. Социалистическое строительство невозможно без соглашения между пролетариатом и крестьянством. Поэтому партия должна радикально перестроить вызванный гражданской войной режим «военного коммунизма», заменить изъятие «излишков» у крестьянина правильно поставленным налогом и допустить частный товарообмен. Эти мероприятия, проведенные Лениным при полном сочувствии всей партии, открыли собой новую полосу в развитии Октябрьской революции, под именем «новой экономической политики».

В своей политике внутри Советского Союза Ленин с величайшим вниманием относится к положению национальностей, угнетавшихся царизмом, и всеми мерами стремится создать для них условия свободного национального развития. Ленин ведет беспощадную борьбу против всякого проявления великодержавных тенденций в государственном аппарате, тем более внутри партии. Обвинения в национальном гнете[14], выдвигавшиеся против Ленина и его партии со ссылками на Грузию и прочее, порождались на самом деле не национальной борьбой, а острым столкновением классов внутри наций.

Принцип национального самоопределения, который в западноевропейском рабочем движении распространялся исключительно на национальные меньшинства так называемых культурных стран, да и то половинчато, Ленин распространяет со всей решительностью на колониальные народы, выступая в защиту их права на полное отделение от метрополий. Западноевропейский пролетариат должен, по учению Ленина, отказаться от декларативных выражений сочувствия угнетенным нациям и перейти к совместной с ними борьбе против империализма.

На VIII съезде Советов (1921) Ленин докладывает о произведенной по его инициативе работе по составлению плана электрификации страны. Постепенный подъем на высшую ступень техники есть залог успешного перехода от мелкого крестьянского товарного хозяйства, с его разобщенностью, к крупному социалистическому производству, охваченному единым планом. «Социализм есть Советская власть плюс электрификация».[15]

Переутомление, вызванное непомерной напряженностью работы в течение многих лет,

---

[14] В феврале 1921 года части 11-й Красной Армии вступили в Грузию, где в это время происходило – во многом по инициативе Сталина и Орджоникидзе – восстание против меньшевистского правительства Жордания. Вопреки всему написанному позднее историками официозами, тифлисское правительство опиралось на значительную часть населения страны. Ввод в Грузию красноармейских частей произошел при протесте тамошней общественности, но с согласия советского руководства, в том числе и Ленина (но при протесте Троцкого). Тем не менее, Троцкий написал целую книгу в защиту оккупации Грузии, под заглавием «Коммунизм и терроризм», острие которой было направлено против Карла Каутского, вставшего на защиту правительства Жордания.

[15] Цитируется неточно. У Ленина: «Коммунизм – это есть Советская власть плюс электрификация всей страны» (См.: Ленин В, И. Поли. собр. соч. Т. 42. С. 159.).– *Прим. ред. – сост* .

подорвало здоровье Ленина. Склероз поражает кровеносные сосуды головного мозга. В начале 1922 года врачи запрещают ему повседневную работу. В июне – августе болезнь Ленина развивается[16]; наступает утеря речи. В начале октября здоровье улучшается настолько, что Ленин вновь возвращается к работе, но уже ненадолго. Последнее свое публичное выступление[17] Ленин заканчивает выражением уверенности в том, что в результате упорной коллективной работы «из России нэповской будет Россия социалистическая…».

16 декабря наступает паралич правой руки и ноги. Однако в январе-феврале Ленин диктует еще ряд статей, имеющих большую важность для политики партии: о борьбе с бюрократизмом в советском и партийном аппарате, о значении кооперации для постепенного вовлечения крестьян в социалистическое хозяйство и, наконец, о политике в отношении национальностей, которые угнетались царизмом.

Болезнь прогрессировала. Снова наступила потеря речи. Работа для партии прекратилась, а вскоре прекратилась и жизнь. Ленин скончался 21 января 1924 года в 6 часов 30 минут[18] вечера в Горках, близ Москвы. Похороны его явились беспримерной манифестацией любви и скорби миллионов. Единство цели Ленин пронес через всю свою жизнь, начиная со школьной скамьи. Он не знал колебаний в борьбе с теми, кого считал врагами рабочего класса. В его страстной борьбе никогда не было ничего личного. Он себя сознавал орудием неотвратимого исторического процесса. Материалистическую диалектику как метод научной ориентировки в общественном развитии Ленин сочетал с величайшей интуицией вождя.

Внешность Ленина отличалась простотой и крепостью при среднем росте или слегка ниже среднего, при плебейских чертах славянского лица, которое освещалось насквозь видящими глазами и которому могучий лоб, переходивший в купол еще более могучего черепа, придавал из ряда вон выходящую значительность. Неутомимость Ленина в работе была беспримерна. Его мысль была одинаково напряжена в сибирской ссылке, в Британском музее или на заседании Совета Народных Комиссаров. С предельной добросовестностью он читал лекции в маленьком рабочем кружке в Цюрихе и строил первое в мире социалистическое государство. Науку, искусство, культуру он ценил и любил во всем их объеме, но никогда не забывал, что они составляют достояние небольшого меньшинства. В простоте его литературного и ораторского стиля выражалась величайшая сосредоточенность духовных сил, устремленных к единой цели. В личном общении Ленин был ровен, приветлив, внимателен, особенно к угнетенным, к слабым, к детям. Его образ жизни в Кремле мало отличался от его образа жизни в эмиграции. Простота обихода, воздержанность в отношении пищи, питья, одежды и всех вообще «благ» жизни вытекали у него не из каких-либо моралистических принципов, а из того факта, что умственная работа и напряженная борьба не только поглощали его интересы и страсти, но и давали ему то высшее удовлетворение, которое не оставляет места для суррогатов наслаждения. Его мысль работала над делом освобождения трудящегося до того мига, как окончательно потухла.

19 марта 1926 г.

Приложение

Из дневника Алексинской

Ленин и Н. Н.[19] играют в шахматы. Есть хорошие шахматисты, которые настолько любят

---

[16] Исключительно сильный приступ болезни, оказавшейся смертельной, произошел с Лениным в мае 1922 года.

[17] Имеется в виду выступление Ленина на объединенном пленуме Моссовета и районных Советов 20 ноября 1922 года.

[18] В энциклопедических словарях в 6 часов 50 минут.

[19] Н. Н. – Видимо, Григорий Алексинский или Александр Богданов. С ними Ленин, вплоть до политического

и ценят красивый процесс игры, что сами исправляют ошибки противника. Ленин не из этого числа: его интересует не столько игра, как выигрыш. Он пользуется каждой невнимательностью партнера, чтобы обеспечить себе победу. Когда он может взять у противника фигуру, он делает это со всей поспешностью, чтобы партнер не успел одуматься. В игре Ленина нет элегантности.

Из дневника Татьяны Алексинской.

«Ленины». «Родная Земля», No 1, 1 апреля 1926 г, (*Архив Троцкого, Т-3777*).

Два тори о революционере (Черчилль и Биркенхед о Ленине)

В 1918–1919 годах Черчилль пытался сбросить Ленина вооруженной силой. В 1929 году Черчилль пытается дать психологическую и политическую характеристику Ленина (Times, 18. 2. 29). Возможно, что это есть попытка литературного реванша за неудачную военную интервенцию. Несоответствие методов с целью во втором случае не менее очевидно, чем в первом. «Его (Ленина) симпатии холодны и необъятны, как Ледовитый океан. Его ненависть туга, как петля палача», и прочее, и прочее в том же трескучем стиле. Черчилль швыряется антитезами, как атлет гирями. Но внимательному глазу видно, что гири из жести, а бицепсы подбиты ватой. В живом образе Ленина нравственная сила нашла выражение законченной простоты. Попытка подойти к Ленину во всеоружии ярмарочной атлетики заранее осуждена.

Столь же плачевна у Черчилля фактическая сторона. Достаточно сослаться на хронологию. Черчилль повторяет где-то вычитанную им фразу о большом влиянии на развитие Ленина казни его старшего брата. По Черчиллю, это произошло в 1894 году. На самом деле покушение на Александра III было организовано Александром Ульяновым 1 марта 1887 года. По Черчиллю, Ленину было в 1894 году 16 лет. На самом деле Ленину было тогда 24 года, и он руководил подпольной организацией в Петербурге. К моменту Октябрьской революции Ленину было не 39 лет, как выходит по Черчиллю, а 47. Хронологические ляпсусы Черчилля показывают, как смутно он представляет себе эпоху и людей, о которых говорит.

Если от хронологии и боксерского стиля перейдем к философии истории, то картина получится еще более плачевная.

Черчилль рассказывает, что дисциплина в русской армии была после Февральской революции разрушена «приказом No 1», отменявшим отдание чести[20]. Так смотрели на дело обиженные старые генералы и амбициозные молодые поручики. Но это вздор. Старая армия отражала господство старых классов. Старую армию убила революция. Если крестьянин прогонял помещика из поместья, то сын крестьянина не мог подчиняться сыну помещика в качестве офицера. Армия не только техническая организация, связанная маршировкой и отданием чести, а моральная организация, основанная на определенных взаимоотношениях людей и классов. Когда старые отношения взрываются революцией, армия неизбежно гибнет. Так было всегда. Мне не ясно, читал ли когда-либо Черчилль историю Английской революции XVII столетия или французской революции XVIII века. Набирая своих офицеров, Кромвель говорил: «Неопытный воин, но зато хороший проповедник». Кромвель понимал, что основы армии создаются и разрушаются не символикой этикета, а общественными взаимоотношениями людей. Ему нужны были офицеры, которые ненавидели монархию, католическую церковь и привилегии аристократии. Он понимал, что только ради новых великих целей может вырасти

разрыва, часто играл в шахматы. Запись эта органично примыкает к дневниковым заметкам Троцкого начала – середины 30-х годов, когда он принялся усиленно работать над биографией Ленина.

[20] Приказ номер 1 Петроградского Совета по Петроградскому гарнизону был принят 1 (14) марта 1917 года на заседании рабочей и солдатской секций Петроградского Совета. Кроме формальных распоряжений, вроде отмены отдания чести, приказ узаконил существование солдатских комитетов в армии, однако не ввел, вопреки желанию почти трети присутствующих, систему выборности командного состава.

новая армия. Это было в середине XVII века. Черчилль в XX веке думает, что царскую армию погубила отмена некоторых символических телодвижений. Без Кромвеля и его армии не было бы современной Англии. Кромвель и сегодня несравненно более современен, чем Черчилль.

Целью Ленина, говорит Черчилль, было «подорвать всякие авторитеты и дисциплину». Круглоголовые то же самое говорили об индепендентах. На самом деле, индепенденты разрушали устаревшую дисциплину, чтоб установить на ее место другую, приведшую Англию к расцвету. Ленин беспощадно подкапывал, разрушал и взрывал старую, темную, слепую, рабскую дисциплину средневековья, чтоб расчистить арену для сознательной дисциплины нового общества. Если Черчилль все же признает за Лениным силу мысли и воли, то по Биркенхеду Ленина не было вообще. Существует лишь миф о Ленине (Times, 26.2.29). Реальный Ленин был посредственностью, на которую могут сверху вниз глядеть коллеги лорда Рейнго со страниц Беннета. Несмотря на это разногласие, оба тори совершенно похожи друг на друга в том отношении, что не имеют ни малейшего понятия ни об экономических, ни о политических, ни о философских работах Ленина, составляющих более чем два десятка томов. Подозреваю, что Черчилль не дал себе даже труда внимательно прочитать статью о Ленине, написанную мною в 1926 году для Британской энциклопедии. Иначе он не мог бы оказаться повинным в грубейших хронологических ошибках, нарушающих всю перспективу.

Чего Ленин не выносил, так это идейной неряшливости. Ленин жил во всех странах Европы, овладевал чужими языками, читал, изучал, выслушивал, вникал, сравнивал, обобщал. Став во главе революционной страны, он не упускал случая добросовестно и внимательно учиться. Он не уставал следить за жизнью всего мира. Он свободно читал и говорил по-немецки, французски, английски, читал по-итальянски и на ряде славянских языков. В последние годы жизни, заваленный работой, он в свободные минуты потихоньку штудировал чешскую грамматику, чтобы получить непосредственный доступ ко внутренней жизни Чехословакии. Что знают Черчилль и Биркенхед о работе этой проницательной, сверлящей, неутомимой мысли, которая отметает все внешнее, случайное, поверхностное во имя основного и главного? В своем счастливом неведении Биркенхед воображает, что Ленин впервые выдвинул лозунг «власть Советам» после Февральской революции 1917 года. Между тем вопрос о Советах и их возможной исторической роли представлял центральную тему работ Ленина и его сподвижников начиная с 1905 года и даже ранее.

Дополняя и поправляя Черчилля, Биркенхед заявляет, что если бы у Керенского было хоть на унцию государственного смысла и мужества, Советы никогда не достигли бы власти. Поистине утешительная философия истории! Армия разрушается вследствие того, что солдатам разрешено не поднимать пятерню при встрече с поручиком. Нехватки одной унции под черепом радикального адвоката достаточно для гибели благочестивого и цивилизованного общества. Чего же стоила эта цивилизация, если в критическую минуту она не нашла в своем распоряжении лишней унции мозгов?

А ведь Керенский стоял не одиноко. Его окружали кольцом государственные люди Антанты. Почему ж они не научили, не вдохновили Керенского или не заменили его? На это косвенно отвечает Черчилль. По его словам, «государственные люди союзных наций заявляли, что все идет к лучшему и что русская революция явилась крупной выгодой для общего дела». Этим Черчилль свидетельствует, что государственные люди ничего не понимали в русской революции и, значит, мало отличались от Керенского.

Биркенхед не видит ныне особой дальнозоркости Ленина и в подписании Брест-Литовского мира[21]. Неизбежность мира для Биркенхеда ныне очевидна. Только сумасшедшие истерики (hysterical fools) могли, по его словам, воображать, что большевики способны бороться с Германией, Поразительное, хотя и запоздалое признание! Ведь британское правительство 1918 года, как и все правительства Антанты, категорически требовали от нас войны с Германией, и на наш отказ от этой войны ответили блокадой и интервенцией. Приходится спросить на энергичном языке консервативного политика: где же, собственно,

---

[21] Не буду останавливаться на том, что Биркенхед приписывает мне желание войны с Германией в 1918 году. Почтенный консерватор слишком прилежно следует здесь указаниям историков школы Сталина.

находились тогда сумасшедшие истерики? Не они ли решали судьбы Европы? Оценка Биркенхеда была бы очень проницательной в 1917-м. Но, признаться, мы не высоко ценим ту проницательность, которая обнаруживается через 12 лет после того, как она была необходима.

Черчилль приводит против Ленина – и в этом гвоздь его статьи – статистику жертв гражданской войны. Статистика эта фантастична. Но дело не в этом. Жертв было много с двух сторон. Черчилль особо отмечает, что он не включил жертв голода и эпидемий. На своем псевдоатлетическом языке Черчилль пишет, что ни Тамерлан, ни Чингисхан не могли бы выдержать матча с Лениным в отношении истребления человеческих жизней. Судя по расположению имен, Черчилль полагает, очевидно, что Тамерлан предшествовал Чингисхану. Это ошибочно. Увы, цифры хронологии и статистики не составляют сильной стороны этого министра финансов. Однако не это нас интересует. Чтоб найти пример массового истребления человеческих жизней, Черчилль обращается к XIII и XIV столетиям азиатской истории. Великая европейская бойня, в которой уничтожено десять миллионов человек и искалечено двадцать миллионов, совершенно выпала, по-видимому, из памяти британского политика. Войны Чингисхана и Тимура были детской игрой по сравнению с упражнениями цивилизованных наций в течение 1914–1918 годов. А блокада Германии, голод немецких матерей и детей? Если даже допустить нелепую мысль, что вся ответственность за войну лежит на германском кайзере, – хороша, к слову сказать, цивилизация, если один коронованный психопат способен на четыре года обречь континент огню и мечу, – если даже принять эту смехотворную теорию единоличной ответственности кайзера, то и тогда остается совершенно непонятным, почему немецкие дети должны были вымирать сотнями тысяч за грехи Вильгельма? Но я не становлюсь здесь на моральную точку зрения и меньше всего склонен перегибать весы в сторону гогенцоллернской Германии. Я готов повторить то же рассуждение в отношении сербских, бельгийских или французских детей, как и в отношении тех желто– и чернокожих, которых Европа в течение четырех лет обучала преимуществам христианской цивилизации над варварством Чингиса и Тимура. Обо всем этом Черчилль забывает. Цели, которые Англия преследовала в войне (и которых она совершенно не достигла), кажутся Черчиллю настолько непреложными и священными, что он не удостаивает внимания тридцать миллионов истребленных и искалеченных человеческих жизней. Он с высшим нравственным негодованием говорит о жертвах гражданской войны в России, забывая об Ирландии, об Индии и о многом другом. Значит, дело не в жертвах, а в задачах и целях, которые преследовала война. Черчилль хочет сказать, что всякие жертвы во всех частях света допустимы и священны, раз дело идет о могуществе и силе Британской империи, то есть ее правящих классов. Преступны лишь те, неизмеримо меньшие жертвы, которые вызываются борьбою народных масс, когда они пытаются изменить условия своего существования, как было в Англии в XVII столетии, во Франции в конце XVIII, в Соединенных Штатах в конце XVIII и середине XIX веков, в России в XX столетии и как будет еще не раз в будущем. Напрасно Черчилль вызывал при этом призрак двух азиатских завоевателей. Оба они боролись за интересы кочевой аристократии, подчиняя ей новые области и племена. В этом смысле их дела связаны непрерывной преемственностью с принципами Черчилля, а не Ленина. Кстати сказать, последний из великих гуманистов – имя его Анатоль Франс – не раз высказывал ту мысль, что из всех видов кровавого безумия, которое называется войной, наименее безумной является все же гражданская война, ибо в ней люди, по крайней мере сознательно, а не по приказу, делятся на враждебные лагери.

Черчилль делает попутно еще одну ошибку, самую главную и для него лично наиболее убийственную. Он забывает, что в гражданской войне, как и во всякой иной, имеются два лагеря и что, если бы он, Черчилль, не примкнул к лагерю ничтожного меньшинства, количество жертв было бы неизмеримо меньше. Власть мы завоевали в октябре почти без борьбы. Попытка Керенского вернуть себе власть испарилась, как капля воды на горячей плите… Натиск масс был так могуществен, что старые классы едва осмеливались сопротивляться. С какого времени начинается гражданская война и спутник ее – красный террор? Черчилль плох в хронологии, но мы ему поможем. Поворотным моментом является середина 1918 года. Руководимые дипломатами и офицерами Антанты чехословаки захватывают железную дорогу на Востоке. Французский посол Нуланс организует восстание в

Ярославле[22]. Английский уполномоченный Локкарт организует террористические акты[23] и попытку разрушения петроградского водопровода. Черчилль вдохновляет и финансирует Савинкова. Черчилль стоит за спиною Юденича. Черчилль предсказывает точно по календарю день падения Петрограда и Москвы. Черчилль поддерживает Деникина и Врангеля. Мониторы британского флота обстреливают наши побережья. Черчилль трубит наступление «14 наций». Черчилль становится вдохновителем, организатором, финансистом, пророком гражданской войны. Щедрым финансистом, посредственным организатором, никуда не годным пророком. Лучше бы Черчиллю не приподнимать этих страниц прошлого. Ибо число жертв было бы не в десятки, а в сотни и тысячи раз меньше, если бы не британские гинеи, британские мониторы, британские танки, британские офицеры и британские консервы.

Черчилль не понял ни Ленина, ни его исторической задачи. Глубже всего это непонимание – если только непонимание может быть глубоким – обнаруживается в оценке поворота к новой экономической политике. Для Черчилля это отказ Ленина от самого себя. Биркенхед дополняет: за 10 лет принцип Октябрьской революции совершенно обанкротился. Биркенхед, который за 10 лет не уничтожил и даже не смягчил безработицы углекопов, требует от нас в десять лет построения нового общества, без ошибок, без поражений и без отступлений. Чудовищное требование, которое измеряет только глубину теоретической первобытности почтенного консерватора. Сколько будет на историческом пути отступлений, ошибок, рецидивов, это предсказать нельзя. Но уметь сквозь отступления, рецидивы и зигзаги видеть основную линию исторического развития – в этом и состояла гениальная сила Ленина. Даже если бы в России победила на время реставрация – до чего, смею думать, очень далеко, – это также мало отменило бы неизбежность смены общественных форм, как мало рвота отменяет законы пищеварения.

Когда Стюарты вернулись к власти, у них было гораздо больше прав думать, что принцип Кромвеля обанкротился. Между тем, несмотря на победоносную реставрацию, несмотря на всю дальнейшую цепь приливов и отливов, борьбу вигов и тори, фритредеров и протекционистов, бесспорно одно: вся новая Англия взошла на дрожжах Кромвеля. Эта историческая закваска стала истощаться только в последней четверти прошлого столетия. Этим объясняется неудержимый упадок мировой роли Англии. Чтобы возродить падающую Англию, нужны новые дрожжи. Не Черчиллю понять это. Ибо, в противоположность Ленину, который мыслил континентами и эпохами, Черчилль мыслит парламентскими эффектами и газетными фельетонами. А этого убийственно мало. Будущее, и не столь отдаленное, докажет это,

23 марта 1929 г.

Разногласия с Лениным

В чем было разногласие с Лениным?

В противовес отдельно выдернутым и ложно истолкованным цитатам мы дали выше более или менее связную, хотя далеко не полную картину действительного развития взглядов на характер и тенденции нашей революции. На этом важнейшем вопросе налипало, как всегда бывает во фракционной, особенно эмигрантской борьбе, много случайного, второстепенного и ненужного, что, однако, сподвигало и заслоняло важное и основное. Все это неизбежно в

---

[22] 6 июля 1918 года в Ярославле началось восстание против советской власти, в котором участвовали различные политические силы от меньшевиков до монархистов. Одновременно произошли вооруженные выступления в Рыбинске и Муроме, но они быстро были подавлены. Ярославские повстанцы, возглавляемые полковником А. П. Перхуровым, держались до 21 июля. Во время следствия выяснились связи восставших с французским послом Нулансом через Бориса Савинкова.

[23] Глава английской миссии при советском правительстве Р. Локкарт возглавил разветвленный заговор в Петрограде, Москве и некоторых других городах центральной России летом 1918 года. Деятельность конспиративной сети, направляемой Локкартом, вошла в историческую литературу как заговор «трех послов». Он подробно описан, – впрочем, в тональности, отличающейся от работ советских историков, – в мемуарах Локкарта «Буря над Россией».

борьбе. Но теперь, когда борьба давно отошла в прошлое, можно и должно отбросить шелуху, чтобы выделить ядро вопроса.

Никакого принципиального разногласия в оценке основных сил революции не было. Это слишком ясно показали 1905-й и особенно 1917 годы. Но разница в политическом подходе была. Сведенная к самому основному, эта разница может быть сформулирована следующим образом. Я доказывал, что победа революции означает диктатуру пролетариата. Ленин возражал: диктатура пролетариата есть одна из возможностей на одном из следующих этапов революции; мы же еще должны пройти через демократический этап, в котором пролетариат может быть у власти только в коалиции с мелкой буржуазией. Я на это отвечал, что наши очередные задачи имеют буржуазно-демократический характер, что, бесспорно, на пути их разрешения могут быть разные этапы с той или другой переходной властью, не отрицаю, но эти переходные формы могут иметь только эпизодический характер; даже и для разрешения демократических задач необходима будет диктатура пролетариата; отнюдь не покушаясь перепрыгивать через демократическую стадию и вообще через естественные этапы классовой борьбы, мы должны сразу брать основную установку на завоевание власти пролетарским авангардом. Ленин отвечал: от этого мы ни в каком случае не зарекаемся; посмотрим, в каком виде сложится обстановка, каково будет в частности международное положение и прочее. Сейчас же нам надо выдвинуть три кита и на этих трех китах обосновать революционную коалицию пролетариата с крестьянством.

Нужны либо крайняя ограниченность, либо крайняя недобросовестность, чтобы теперь – после того, как Октябрьская революция уже совершилась, изображать эти две точки зрения как непримирение. Октябрь 1917 года их очень хорошо примирил. Выдвигание Лениным, всемерное подчеркивание и полемическое заострение демократической стадии революции и программы трех китов было политически и тактически, безусловно, правильно и необходимо. И когда я говорил о неполноте и пробелах в так называемой теории перманентной революции, я имел в виду именно тот факт, что я лишь принимал демократическую стадию как нечто само собою разумеющееся – принимал не только на словах, но и на деле, что достаточно доказано опытом 1905 года. Но теоретически далеко не всегда сохранял в своей перспективе ясную, отчетливую, всесторонне разработанную перспективу возможных последовательных этапов революции и мог отдельными заявлениями, статьями – в то время, когда эти статьи писались, – вызывать такое представление, будто я «игнорирую» объективные демократические задачи и стихийно-демократические силы революции, тогда как на самом деле я считал их само собою разумеющимися и исходил из них как из данных, что доказывается полностью другими моими работами, писавшимися под другим углом зрения и для других целей.

Известная односторонность тех или других статей, написанных по этому вопросу, на протяжении дюжины годов (1905–1917) была тем самым «перегибанием палки», пользуясь выражением Ленина, которое совершенно неизбежно в больших вопросах идейной борьбы. Этим и объясняются те или другие полемические отклики Ленина, вызванные той или другой формулировкой в отдельной моей статье, но ни в каком случае не отвечающие ни моей общей оценке революции, ни характеру моего участия в ней.

Один из моих критиков однажды весьма популярно внушал мне мысль, что не нужно все полемические отзывы Ленина брать за чистую монету, а нужно вносить в них некую немаловажную политико-педагогическую поправку. У критика моего выходило, что Ленин делает из мухи слона.

В этих словах есть доля истины, которую знает всякий, кто знает Ленина по его писаниям. Но выражена здесь мысль с исключительной психологической грубостью: «Ленин делал из мухи слона». Тот же автор в другом месте выражается так: «Эту мысль Ленин защищал „с пеной у рта“». И пена у рта, и превращение мухи в слона ни в каком случае не вяжутся с образом Ленина. Но зато оба эти выражения как нельзя лучше вяжутся с образом автора, их породившего. Давно сказано: стиль – это человек…

Верно, во всяком случае, то, что, поскольку я не входил во фракцию, а позже в партию большевиков, Ленин отнюдь не склонен был искать случаев для выражения согласия с теми или другими выраженными мною взглядами И если ему это приходилось делать по важнейшим вопросам, как показано выше, значит, солидарность была налицо и требовала признания.

Наоборот, в тех случаях, когда Ленин полемизировал против меня, он вовсе не искал «справедливой оценки» моих взглядов, а преследовал ударные задачи минуты – чаще даже не по отношению ко мне, а по отношению к той или другой группе большевиков, которой нужно было в этом самом вопросе дать острастку.

Но как бы ни обстояло дело насчет старой полемики Ленина против меня по вопросам о характере революции, как бы ни обстояло дело с вопросом о том, правильно ли я понимал Ленина в этом вопросе раньше и даже правильно ли я его понимаю теперь, допустим даже на минуту, что разумению моему не доступно то, что вполне является умопостигаемым для Мартынова[24], Слепкова[25], Рафеса, Степанова-Скворцова[26], Куусинена и всех прочих Лядовых[27], без различия пола и возраста, – остается все же налицо один совсем маленький, но весьма забористый вопросец: как же это так случилось, что те, которые в основном вопросе о характере русской революции не расходились с Лениным, разделяя его точку зрения полностью, и прочее, и прочее, заняли, – одни, поскольку были предоставлены самим себе, а другие – и после возвращения Ленина в Россию, – столь позорно оппортунистическую позицию в том самом вопросе, вокруг которого идейная жизнь партии вращалась в течение предшествовавших 12 лет.

На этот вопрос надо ответить, что я не перепрыгивал через аграрно-демократическую стадию революции, это доказано незабываемыми историческими фактами и всем предшествовавшим изложением. Но почему же мои ожесточенно беспощадные критики на самом важном месте… недопрыгнули? Неужели только потому, что никому не дано прыгать выше собственных ушей? Такое объяснение в отдельном случае вполне законно, но мы не имеем в данном случае дела с целым слоем партии, воспитавшимся на определенной установке

---

[24] Мартынов (Пиккер) Александр Самойлович (1865–1935) – старейший деятель российского революционного движения. На II съезде партии антиискровец. Один из идеологов экономизма, затем меньшевизма. В 1907–1912 годах член ЦК РСДРП. После гражданской войны инициатор публичного роспуска меньшевистских групп в Советской России. Занимал ведущие посты в аппарате Коминтерна, редактировал журнал «Коммунистический Интернационал». В конце 20-х годов Мартынов, будучи одним из теоретиков Коминтерна, активно полемизирует с Троцким. Примечательно, что во время этой полемики оба они взаимно обвиняли друг друга в меньшевистском прошлом. Мартынов умер, не дожив до кульминационного пункта «мясорубки тридцатых». Однако Сталин, видимо, к этому времени относился уже к нему с подозрением и по странной прихоти долгое время не позволял захоронить урну с прахом Мартынова.

[25] Слепков – вероятнее всего, Слепков Александр. Самый известный среди братьев Слепковых. Участник бухаринской школы, историк, публицист. В разное время редактировал «Комсомольскую правду», «Ленинградскую правду», журнал «Прожектор», работал в редакции «Правды», в аппарате Коминтерна. Был известен как сторонник генеральной линии Сталина в середине 20-х годов, яростно (и чаще всего несправедливо, предвзято) критиковал Троцкого, Зиновьева, Каменева и их сторонников. В эти годы часто фигурирует в работах Троцкого (в частности, оппозиционеры распространяли слух о кадетском прошлом Александра Сленкова). Впоследствии Слепков стал активным противником Сталина в рядах «правых», а затем (в 1932 году) одной из ключевых фигур группы Рютина – Каюрова – Слепкова. Несколько раз арестовывался и ссылался. Расстрелян. Посмертно реабилитирован.

[26] Степанов-Скворцов – в литературе обычно фигурирует как Скворцов-Степанов Иван Иванович (1870–1928). Советский государственный, партийный деятель, историк, экономист, журналист. Переводчик «Капитала» Маркса на русский язык. Один из руководителей Московской большевистской организации в годы царизма. С 1925 года редактор «Известий». С 1927 года заместитель редактора «Правды». В 1926–1928 годах редактор «Ленинградской правды». В последние месяцы своей жизни симпатизирует нарождающейся группе Бухарина – Рыкова – Томского, но активно не выступает на их стороне по состоянию здоровья,

[27] Лядов (Мандельштам) Мартын Николаевич (1872–1947) – деятель российского революционного движения, историк, публицист. Один из организаторов московского «Рабочего союза». Участник революции 1905–1907 годов. С 1909 года отзовист, меньшевик. В 1917 году заместитель председателя бакинского Совета. В 1920-м снова примыкает к большевикам. В 1923–1929 годы ректор Коммунистического университета им. Свердлова. Подобно почти всем большевикам первого призыва оставался в натянутых отношениях с Троцким. Поддерживал линию Сталина-Бухарина в борьбе с оппозицией. Лядов являлся в глазах Троцкого эталоном политической непоследовательности.

начиная с 1905 года. Нельзя ли в смягчение политической вины… привести то объяснение, что Ленин, считая само собою разумеющейся возможность перерастания буржуазной революции в социалистическую, в полемике слишком отодвигал этот исторический вариант, недостаточно останавливался на нем, недостаточно разъяснял… не только теоретическую возможность, но и глубокую политическую вероятность того, что пролетариат в России окажется у власти раньше, чем в передовых капиталистических странах.

Если бы пломбированный вагон не проехал в марте 1917 года через Германию, если бы Ленин с группой товарищей и, главное, со своим деянием и авторитетом не прибыл в начале апреля в Петроград, то Октябрьской революции – не вообще, как у нас любят калякать, а той революции, которая произошла 25 октября старого стиля– не было бы на свете. Как неопровержимо свидетельствует мартовское совещание (протоколы которого не опубликованы по сей день)[28], авторитетная, руководящая группа большевиков, вернее сказать, целый слой партии, вместо неистово-наступательной политики Ленина навязала бы партии политику постольку, поскольку… политику разделения труда с Временным правительством, политику неотпугивания буржуазии, политику полупризнания империалистской войны, прикрытой пацифистскими манифестами народов всего мира.

И если Ленин, выдвинувший свои тезисы 4 апреля, натолкнулся ни больше ни меньше, как на обвинение в троцкизме, то что произошло бы, спрашиваю я, если бы на великую пагубу русской революции Ленин оказался бы отрезанным от России или погиб бы в пути и курс на вооруженное восстание и диктатуру пролетариата был бы провозглашен кем-либо другим? Что тогда произошло бы?

После всего, что мы пережили за последние годы, это совсем не трудно себе представить. Инициаторы пересмотра установки лозунга, то есть проповедники курса на захват власти, стали бы предметом бешеной травли как ультралевые, как троцкисты, как нарушители традиции большевизма и – чего доброго – как контрреволюционеры. Все Лядовы ныряли бы в этой полемике и травле, как рыба в воде. Конечно, пролетариат снизу могущественно бы напирал и прорывал бы демократический фронт, но, лишенный объединенного, дальнозоркого и смелого руководства, он месяцем раньше или позже натолкнулся бы на победоносный корниловский, чанкайшистский переворот. После этого была бы написана семимильная резолюция о том, что все свершилось в строгом соответствии с законами Маркса, ибо буржуазии свойственно предавать пролетариат, а бонапартистским генералам свойственно в интересах буржуазии производить государственные перевороты. Кроме того, «мы это заранее предвидели».

Попытка указать самодовольным филистерам, что предвидение их не стоит выеденного яйца, ибо задача состояла не в том, чтобы предвидеть победу буржуазии, а в том, чтобы обеспечить победу пролетариата, эта попытка вызвала бы дополнительную резолюцию о том, что все произошло на основании соотношения сил, что пролетариат отсталой России, да еще в обстановке империалистической бойни, не мог перепрыгивать через исторические стадии развития и что выдвигать такую программу могут только сторонники перманентной революции, против которой Ленин боролся до последних дней своей жизни.

Вот как пишется нынче история. И делается она так же плохо, как и пишется.

Между этими двумя постановками есть различие, но нет ничего похожего на противоречие. Различие подхода вело иногда к полемике, всегда лишь случайной, эпизодической. Ленинская позиция означала выдвигание на первый план политически действенных моментов. Моя позиция означала выдвигание, подчеркивание революционно исторических перспектив в целом. Тут было различие подхода, но не было противоречия. Лучше всего это обнаруживалось каждый раз, когда эти две линии пересекались в действии. Так было в 1905 и 1917 годах.

---

[28] В Берлине в 1932 году в издательстве «Гранит» Троцкий опубликует протоколы Мартовского совещания в своей книге «Сталинская школа фальсификации». Основой этой публикации служила довольно точная копия корректуры из сборника протоколов заседания Петербургского комитета большевиков, изъятого из набора ретивыми партийными цензорами, но доставленного Троцкому оппозиционно настроенными типографскими рабочими.

Лето 1927 г.

Иосиф Сталин

Опыт характеристики

В 1913 году в Вене, в старой габсбургской столице, я сидел в квартире Скобелева за самоваром. Сын богатого бакинского мельника, Скобелев был в то время студентом и моим политическим учеником; через несколько лет он стал моим противником и министром Временного правительства. Мы пили душистый русский чай и рассуждали, конечно, о низвержении царизма. Дверь внезапно раскрылась без предупредительного стука, и на пороге появилась незнакомая мне фигура, невысокого роста, худая, с смугло-серым отливом лица, на котором ясно видны были выбоины оспы. Пришедший держал в руке пустой стакан. Он не ожидал, очевидно, встретить меня, и во взгляде его не было ничего похожего на дружелюбие. Незнакомец издал гортанный звук, который можно было при желании принять за приветствие, подошел к самовару, молча налил себе стакан чаю и молча вышел. Я вопросительно взглянул на Скобелева.

– Это кавказец Джугашвили, земляк; он сейчас вошел в ЦК большевиков и начинает у них, видимо, играть роль.

Впечатление от фигуры было смутное, но незаурядное. Или это позднейшие события отбросили свою тень на первую встречу? Нет, иначе я просто позабыл бы о нем. Неожиданное появление и исчезновение, априорная враждебность взгляда, нечленораздельное приветствие и, главное, какая-то угрюмая сосредоточенность произвели явно тревожное впечатление…

Через несколько месяцев я прочел в большевистском журнале статью о национальном вопросе за незнакомой мне подписью: И. Сталин[29]. Статья останавливала на себе внимание главным образом тем, что на сером, в общем, фоне текста неожиданно вспыхивали оригинальные мысли и яркие формулы. Значительно позже я узнал, что статья была внушена Лениным и что по ученической рукописи прошлась рука мастера. Я не связывал автора статьи с тем загадочным грузином, который так неучтиво наливал себе в Вене стакан чаю и которому предстояло через четыре года возглавить Комиссариат национальной политики в первом советском правительстве.

В революционный Петроград я приехал из канадского концентрационного лагеря 5 мая 1917 года. Вожди всех партий революции уже успели сосредоточиться в столице. Я немедленно встретился с Лениным, Каменевым, Зиновьевым, Луначарским, которых давно знал по эмиграции, и познакомился с молодым Свердловым, которому предстояло стать первым председателем Советской Республики. Сталина я не встречал. Никто не называл его. Он совершенно не выступал на публичных собраниях в те дни, когда вся жизнь состояла из собраний. В «Правде», которой руководил Ленин, появлялись статьи за подписью Сталина. Я пробегал их через строку рассеянным взглядом и не справлялся об их авторе, очевидно решив про себя, что это одна из тех серых полезностей, которые имеются во всякой редакции.

На партийных совещаниях я, несомненно, встречался с ним, но не отличал его от других большевиков второго и третьего ряда. Он выступал редко и держался в тени. С июля до конца октября Ленин и Зиновьев скрывались в Финляндии. Я работал об руку со Свердловым, который, когда дело касалось важного политического вопроса, говорил:

– Надо писать Ильичу, – а когда возникала практическая задача, замечал иногда:

– Надо посоветоваться со Сталиным.

И в устах других большевиков верхнего слоя имя Сталина произносилось с известным подчеркиванием, – не как имя вождя, нет, а как имя серьезного революционера, с которым надо считаться.

После переворота первое заседание большевистского правительства происходило в

---

[29] На самом деле статья подписана К. Сталин.

Смольном, в кабинете Ленина, где некрашеная деревянная перегородка отделяла помещение телефонистки и машинистки. Мы со Сталиным явились первыми. Из-за перегородки раздавался сочный бас Дыбенко; он разговаривал по телефону с Финляндией, и разговор имел скорее нежный характер. 29-летний чернобородый матрос[30], веселый и самоуверенный гигант, сблизился незадолго перед тем с Александрой Коллонтай, женщиной аристократического происхождения, владеющей полудюжиной иностранных языков и приближавшейся к 46-й годовщине. В некоторых кругах партии на эту тему, несомненно, сплетничали. Сталин, с которым я до того времени ни разу не вел личных разговоров, подошел ко мне с какой-то неожиданной развязностью и, показывая плечом за перегородку, сказал, хихикая:

– Это он с Коллонтай, с Коллонтай…

Его жест и его смешок показались мне неуместными и невыносимо вульгарными, особенно в этот час и в этом месте. Не помню, просто ли я промолчал, отведя глаза, или сказал сухо:

– Это их дело.

Но Сталин почувствовал, что дал промах. Его лицо сразу изменилось, и в желтоватых глазах появились те же искры враждебности, которые я уловил в Вене. С этого времени он никогда больше не пытался вступать со мной в разговоры на личные темы.

Когда Сталин стал членом правительства, не только народные массы, но даже широкие круги партии совершенно не знали его. Он был членом штаба большевистской партии, и в этом было его право на частицу власти. Даже в «коллегии» собственного комиссариата Сталин не пользовался авторитетом и по всем важнейшим вопросам оставался в меньшинстве. Возможности приказывать тогда еще не было, а способностью переубедить молодых противников Сталин не обладал. Когда его терпение истощалось, он попросту исчезал из заседания. Один из его сотрудников и панегиристов член коллегии Пестковский дал неподражаемый рассказ о поведении своего комиссара. Сказав: «Я на минутку», – Сталин исчезал из комнаты заседания и скрывался в самых потаенных закоулках Смольного, а затем Кремля.

«Найти его было почти невозможно. Сначала мы его ждали, а потом расходились».

Оставался обычно один терпеливый Пестковский. Из помещения Ленина раздавался звонок, вызывавший Сталина.

– Я отвечал, что Сталин исчез, – рассказывает Пестковский. Но Ленин требовал срочно найти его.

> «Задача была нелегкая. Я отправлялся в длинную прогулку по бесконечным коридорам Смольного и Кремля. Находил я его в самых неожиданных местах. Пару раз я застал его на квартире матроса Воронцова, на кухне, где Сталин, лежа на диване, курил трубку…».

Эта запись с натуры дает нам первый ключ к характеру Сталина, главной чертой которого является противоречие между крайней властностью натуры и недостатком интеллектуальных ресурсов. Куря трубку в кухне на диване, он размышлял, несомненно, о крайнем вреде оппозиции, о невыносимости прений и о том, как хорошо было бы со всем этим раз и навсегда покончить. Вряд ли он тогда надеялся, что ему удастся достигнуть этой цели.

* * *

Иосиф, или Сосо, четвертый ребенок в семье сапожника Виссариона Джугашвили, родился в маленьком городе Гори Тифлисской губернии 21 декабря 1879 года. Прежде чем закончится этот год, нынешнему диктатору России исполнится, следовательно, 60 лет. Мать, которой во время рождения четвертого ребенка было всего 20 лет, занималась стиркой белья, шитьем и выпечкой хлеба у более зажиточных соседей. Отец, человек сурового и

---

[30] Павлу Дыбенко было в 1917 году 28 лет.

необузданного нрава, большую часть скудного заработка пропивал. Школьный товарищ Иосифа рассказывает, как Виссарион своим грубым отношением к жене и сыну и жестокими побоями «…изгонял из сердца Сосо любовь к богу и людям и сеял отвращение к собственному отцу».

Рабское положение грузинской женщины в семье наложило на Иосифа отпечаток на всю жизнь. Он признал позже программу, которая требовала полного равноправия женщин, но в личных отношениях навсегда остался сыном своего отца и смотрел на женщину как на низшее существо, предназначенное для необходимых, но ограниченных функций.

Отец хотел сделать из сына сапожника. Мать была более честолюбива и мечтала для своего Сосо о карьере священника, как мать Гитлера лелеяла надежду увидеть своего Адольфа пастором. 11 лет Иосиф поступил в духовное училище. Здесь впервые познакомился с русским языком, который навсегда остался для него школьным, усвоенным из-под палки, чужим языком. Большинство учеников были дети священников, чиновников, мелких грузинских дворян. Сын сапожника чувствовал себя маленьким парием среди этой захолустной аристократии. Он рано научился сжимать зубы с затаенной ненавистью в сердце.

Кандидат в священники уже в школе покончил с религией.

– Знаешь, нас обманывают, – сказал он одному из товарищей. – Бога не существует.

Юноши и девушки предреволюционной России вообще порывали с религией в раннем возрасте, нередко в детстве: это носилось в воздухе. Но формула «нас обманывают» несет на себе личную печать будущего Сталина. Из низшей духовной школы молодой атеист перевелся, однако, в духовную семинарию в Тифлис. Здесь он провел пять томительных лет По внутреннему режиму семинария стояла между монастырем и тюрьмой. Недостаток пищи возмещался обилием церковных служб. Педагогика сводилась главным образом к наказаниям. Зато многие воспитанники научались под благочестивыми минами прятать от дежурных монахов свои мятежные мысли. Из тифлисской семинарии вышло немало кавказских революционеров. Немудрено, если в этой атмосфере Сосо примкнул к группе будущих заговорщиков. Его первые политические мысли были ярко окрашены национальным романтизмом. Сосо усвоил себе конспиративную кличку Коба, по имени героя грузинского патриотического романа. Близкие к нему товарищи называли его этим именем до самых последних лет; сейчас они почти все расстреляны.

В семинарии молодой Джугашвили еще острее, чем в духовном училище, ощущал свою бедность.

– Денег у него не было, – рассказывает один из воспитанников. – Мы же все получали от родителей посылки и деньги на мелкие расходы.

Тем необузданнее были мечты Иосифа о будущем. Он им покажет! Уже в те годы товарищи отмечали у Иосифа склонность находить у других только дурные стороны и с недоверием относиться к бескорыстным побуждениям. Он умел играть на чужих слабостях и сталкивать своих противников лбами. Кто пытался сопротивляться ему или хотя бы объяснять ему то, чего он не понимал, тот накликал на себя «беспощадную вражду». Коба хотел командовать другими.

Теперь он стал читать русских классиков, Дарвина, Маркса. Потеряв вкус к богословским наукам, Иосиф стал все ниже опускаться по лестнице познанья и оказался вынужден покинуть семинарию до окончания курса, в июле 1899 года. Он пробыл в духовной школе всего 9 лет и вышел из нее 20-летним юношей, т. е., на кавказский масштаб, взрослым человеком. Он считал себя революционером и марксистом. Мечты матери увидеть Сосо в рясе православного священника рассыпались прахом.

Коба пишет прокламации на грузинском и плохом русском языках, работает в нелегальной типографии, объясняет в рабочих кружках тайну прибавочной стоимости, участвует в местных комитетах партии. Его революционный путь отмечен тайными переездами из одного кавказского города в другой, тюремными заключениями, ссылкой, побегами, новым коротким периодом нелегальной работы и новым арестом. Полиция характеризует его в своих рапортах как «…уволенного из духовной семинарии, проживающего без письменного вида, без определенных занятий, а также и квартиры».

Его друг молодости изображает его мрачным, обросшим волосами и неряшливым.

«Его средства, – объясняет он, – не давали ему возможности хорошо одеваться; но правда и то, что у него не было потребности поддерживать свою одежду в чистоте и порядке».

Судьба Кобы есть типичная судьба среднего провинциального революционера эпохи царизма. Что, однако, резко отличает его от товарищей по работе – это то, что на всех этапах его пути его сопровождают слухи об интригах, о нарушении дисциплины, о самоуправстве, о клевете на товарищей, даже о доносах полиции на соперников. Многое в этих слухах, несомненно, ложно. Но ни о ком другом из революционеров не рассказывали ничего подобного!

После раскола между большевиками и меньшевиками в 1903 году осторожный и медлительный Коба выжидает полтора года в стороне, но в конце концов примыкает к большевикам[31]. Ему долго, однако, предстоит оставаться в тени. Блестящий инженер, впоследствии не менее блестящий советский дипломат Красин, игравший видную революционную роль на Кавказе в первые годы нынешнего столетия, называет в своих воспоминаниях ряд кавказских большевиков, но совершенно не упоминает о Сталине. За границей существует революционный центр во главе с Лениным. Все выдающиеся молодые революционеры находятся в связи с этим центром, совершают поездки за границу, ведут переписку с Лениным. Во всей этой переписке имя Кобы не названо ни разу[32]. Он чувствует себя провинциалом, продвигается вперед медленно, ступает тяжело и завистливо озирается по сторонам.

Революция 1905 года прошла мимо Сталина, не заметив его. Он провел этот год в Тифлисе, где меньшевики господствовали безраздельно. В день 17 октября, когда царь опубликовал конституционный манифест, Кобу видели жестикулирующим на фонаре. В этот день все взбирались на фонари. Но Коба не был оратором и терялся перед лицом массы. Он чувствовал себя твердо только на конспиративной квартире.

Реакция принесла резкий упадок массового движения и временный подъем террористических актов. На Кавказе, где живы были еще традиции романтического разбоя и кровавой мести, террористическая борьба нашла смелых исполнителей. Убивали губернаторов, полицейских, предателей; с бомбами и револьверами в руках захватывали казенные деньги для революционных целей. Имя Кобы тесно связано с этой полосой; но точно до сих пор ничего не установлено. Политические противники явно преувеличивали эту сторону деятельности Сталина; рассказывали, как он лично сбросил с крыши первую бомбу на площади в Тифлисе с целью захвата государственных денег. Однако в воспоминаниях прямых участников тифлисского набега имя Сталина ни разу не названо. Сам он ни разу не обмолвился на этот счет ни словом. Это не значит, однако, что он стоял в стороне от террористической деятельности. Но он действовал из-за кулис: подбирал людей, давал им санкцию партийного комитета, а сам своевременно отходил в сторону. Это более соответствовало его характеру.

Только в 1912 году Коба, доказавший в годы реакции свою твердость и верность партии, переводится с провинциальной арены на национальную. Конференция партии не соглашается, правда, ввести Кобу в ЦК[33]. Но Ленину удается добиться его кооптации самим Центральным Комитетом. С этого времени кавказец усваивает русский псевдоним Сталин, производя его от стали. В тот период это означало не столько личную характеристику, сколько характеристику

---

[31] Даже в наши дни, когда открываются все новые и новые архивные фонды, так и не выяснилось, примыкал ли Сталин к меньшевикам до того, как стать активным большевиком.

[32] Лев Троцкий намекает на случай, известный лишь современникам, но забытый в наше время. В 1934 году Институт Маркса – Энгельса – Ленина издал сборник документов «Партия в революции 1905 года». Так как в книге этой имя Сталина не фигурировало среди корреспондентов Ленина, то ее сразу же по приказу сверху пустили под нож. Всего сохранилось, в библиотеках и частных собраниях, лишь несколько экземпляров.

[33] Сталин, судя по сохранившимся документам, даже не был назван среди имен возможных чекистов. Он был кооптирован в ЦК несколько позже. Поэтому-то протоколы Пражской конференции долгие годы лежали в Москве в партийном архиве под спудом.

направления. Уже в 1903 году будущие большевики назывались «твердыми», а меньшевики «мягкими». Плеханов, вождь меньшевиков, иронически называл большевиков «твердокаменными». Ленин подхватил это определение как похвалу. Один из молодых тогда большевиков остановился на псевдониме Каменев, – по той же причине, по какой Джугашвили стал называться Сталиным. Разница, однако, та, что в характере Каменева не было ничего каменного, тогда как твердый псевдоним Сталина гораздо больше подходил к его характеру.

В марте 1913 года Сталин арестован в Петербурге и сослан в Сибирь за полярный круг в маленькую деревню Курейку. Вернуться ему пришлось только в марте 1917 года, после низвержения монархии. Предоставленный в течение четырех лет самому себе, Сталин не написал ни одной строки, которая была бы впоследствии напечатана. А между тем это были годы мировой войны и великого кризиса в мировом социализме. Свердлов, которому пришлось некоторое время жить со Сталиным в одной комнате, пишет своей сестре:

> «Нас двое, со мною грузин Джугашвили… парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни».

Из Курейки переводились в другие места и другие ссыльные. Желчный, снедаемый честолюбием и враждебностью к людям Сталин был для всех тяжелым соседом.

«Сталин замкнулся в самом себе, – вспоминал впоследствии один из ссыльных, – занимался охотой и рыбной ловлей; он жил почти в совершенном одиночестве».

Охота была без ружья: Сталин предпочитал ставить капканы. В 1916 году, когда стали мобилизовывать старшие возрасты, Иосиф Джугашвили был призван в ссылке к отбыванию воинской повинности, но в армию не попал из-за несгибающейся левой руки.

В тюрьмах и ссылке Сталин провел в общем около 8 лет, но – поразительное дело: ему так и не удалось за этот срок овладеть ни одним иностранным языком. В бакинской тюрьме он пробовал, правда, изучить немецкий язык, но бросил это безнадежное дело и перешел на эсперанто[34], утешая себя тем, что это язык будущего. В области познания, особенно лингвистики, малоподвижный ум Сталина искал всегда линии наименьшего сопротивления. В конце февраля 1917 года (по старому стилю) побеждает революция. Сталин возвращается в Петроград. В прошлом декабре ему исполнилось 37 лет.

* * *

Вместе с Каменевым Сталин отстраняет от руководства партией группу молодых товарищей, в том числе Молотова, нынешнего председателя Совнаркома, как слишком левых, и берет курс на поддержку Временного правительства. Но через три недели прибывает из-за границы Ленин, отстраняет Сталина и дает партии курс на завоевание власти. В течение месяцев революции трудно проследить деятельность Сталина. Более крупные и даровитые люди занимают авансцену и оттесняют его отовсюду. Ни теоретического воображения, ни исторической дальнозоркости, ни дара предвосхищения у него нет. В сложной обстановке он предпочитает молча выжидать. Новая идея должна была создать свою бюрократию, прежде чем Сталин мог проникнуться к ней доверием.

Революция, у которой свои законы и ритмы, попросту отрицает Сталина – осторожного кунктатора. Так было в 1905 году. Так повторилось в 1917 году. И в дальнейшем каждая новая революция – в Германии, в Китае, в Испании – неизменно застигала его врасплох и порождала в нем чувство глухого недовольства революционной массой, которою нельзя командовать при

---

[34] Лишь один источник, рассказ знакомого Сталина по туруханской ссылке, свидетельствует, что Сталин был не прочь выучить английский язык. «Когда проезжали мимо дома Сталина, Алеша (Улановский. – *М. К* .) попросил разрешения (у стражников. – *М. К* .) зайти, чтобы взять, что нужно для дальней дороги, как было принято у ссыльных. Сталина он не застал, а его сожительница пекла пироги и раскладывала их на листах из книги Канта. Алеша взял висевшую на гвозде шубу и стал искать какую-нибудь книгу. Кроме брошюр по национальному вопросу он увидел только популярный самоучитель английского языка и прихватил его с собой» (Надежда и Майя Улановские. История одной семьи. 1982. С. 12.)

помощи аппарата.

Поверхностные психологи изображают Сталина как уравновешенное существо, в своем роде целостное дитя природы. На самом деле он весь состоит из противоречий. Главное из них: несоответствие честолюбивой воли и ресурсов ума и таланта. Что характеризовало Ленина – это гармония духовных сил: теоретическая мысль, практическая проницательность, сила воли, выдержка, – все было связано в нем в одно активное целое. Он без усилий мобилизовал в один момент разные стороны своего духа. Сила воли Сталина не уступает, пожалуй, силе воли Ленина. Но его умственные способности будут измеряться какими-нибудь десятью – двадцатью процентами, если принять Ленина за единицу измерения. В свою очередь, в области интеллекта у Сталина новая диспропорция: чрезвычайное развитие практической проницательности и хитрости за счет способности обобщения и творческого воображения. Ненависть к сильным мира сего всегда была его главным двигателем как революционера, а не симпатия к угнетенным, которая так согревала и облагораживала человеческий облик Ленина. Между тем Ленин тоже умел ненавидеть.

В период Октябрьской революции Сталин более чем когда-либо воспринимал свою карьеру как ряд неудач. Всегда являлся кто-нибудь, кто его публично поправлял, затмевал, отодвигал. Его честолюбие не давало ему покоя как внутренний нарыв и отравляло его отношение к выдающимся людям, начиная с Ленина, мнительностью и завистливостью. В Политбюро он почти всегда оставался молчаливым и угрюмым. Только в кругу людей первобытных, решительных и не связанных предрассудками, он становился ровнее и приветливее. В тюрьме он легче сходился с уголовными арестантами, чем с политическими.

Грубость представляет органическое свойство Сталина. Но с течением времени он сделал из этого свойства сознательное орудие. На людей незамысловатых грубость нередко производит впечатление искренности. «Этот человек не мудрствует лукаво, – он выливает наружу все, что думает». Именно этого Сталину и нужно. В то же время Сталин крайне чувствителен, обидчив, капризен, когда дело касается его. Почувствовав себя оттиснутым в сторону, он поворачивается спиной к людям, забивается в угол, сосет трубку, угрюмо молчит и мечтает о мести.

В борьбе Сталин никогда не опровергает критики, а немедленно поворачивает ее против противника, придав ей самый грубый и беспощадный характер. Чем чудовищнее обвинения, тем лучше. «Политика Сталина, – говорит критик, – нарушает интересы народа». Сталин отвечает: «Мой противник – наемный агент фашизма». Люди ошарашены, но не допускают возможности такой чудовищной лжи. Этот прием, на котором построены московские процессы, мог бы быть смело увековечен в учебниках психологии как «рефлекс Сталина».

* * *

Жили в Кремле в первые годы революции очень скромно. В 1919 году я случайно узнал, что в кооперативе Совнаркома имеется кавказское вино и предложил изъять его, так как торговля спиртными напитками была в то время запрещена.

– Доползет слух до фронта, что в Кремле пируют, – говорил я Ленину, – произведет плохое впечатление.

Третьим при беседе был Сталин.

– Как же мы, кавказцы, – сказал он с раздражением, – будем без вина?!

– Вот видите, – подхватил шутливо Ленин, – грузинам без вина никак нельзя!

Я капитулировал без боя.

В Кремле, как и во всей Москве, шла непрерывная борьба из-за квартир, которых не хватало. Сталин хотел переменить свою слишком шумную на более спокойную. Агент ЧК Беленький порекомендовал ему парадные комнаты Кремлевского дворца. Жена моя, которая в течение девяти лет заведовала музеями и историческими памятниками, воспротивилась, так как Дворец охранялся на правах музея. Ленин написал ей большое увещевательное письмо: можно-де из нескольких комнат Дворца унести более ценную мебель и принять особые меры к охране помещения; Сталину необходима квартира, в которой можно спокойно спать; в нынешней его квартире следует поселить молодых товарищей, которые способны спать и под пушечные

выстрелы и пр. Но хранительница музеев не сдалась на эти доводы. Ленин назначил комиссию для обследования вопроса. Комиссия признала, что Дворец не годится для жилья. В конце концов Сталину уступил свою квартиру сговорчивый Серебряков, ют самый, которого Сталин расстрелял 17 лет спустя.

Я никогда не бывал на квартире у Сталина. Но французский писатель Анри Барбюс, написавший незадолго до своей смерти две биографии: Иисуса Христа и Иосифа Сталина, – дал тщательное описание маленького кремлевского дома, во втором этаже которого находится скромная квартира диктатора. Барбюса дополнил бывший секретарь Сталина Бажанов, бежавший за границу. У дверей квартиры постоянно сюит часовой. В маленькой передней висят солдатская шинель и фуражка хозяина. В трех комнатах и столовой простая мебель. Старший сын Яша, от первого брака, долгое время спал в столовой на диване, который на ночь превращали в постель… Но уж несколько лет, как он стал инженером и отделился от отца.

Завтрак и обед раньше приносили из столовой Совнаркома; но в последние годы, из страха перед отравлением, стали готовить пищу дома. Если хозяин не в духе, а это бывает нередко, за столом все молчат.

«В своей семье, – рассказывает Бажанов, – он держит себя деспотом. Целыми днями он соблюдает у себя высокомерное молчание, не отвечая на вопросы жены или сына».

После завтрака глава семьи усаживается в кресло возле окна и курит трубку. Раздается звонок по внутреннему телефону Кремля.

– Коба, тебя зовет Молотов, – говорит Надежда Аллилуева.

– Скажи ему, что я сплю, – отвечает Сталин в присутствии секретаря, чтобы показать свое пренебрежение к Молотову.

Со времени гражданской войны Сталин всегда носит нечто вроде военной формы, чтобы напоминать о своей связи с армией: высокие сапоги, тужурку и брюки хаки.

«Его никогда не видели одетым иначе, за исключением лета, когда он – в белом полотне».

Дело идет о передней, о шинели и о сапогах, и мы можем признать свидетельство Барбюса достаточно авторитетным.

Ночные автомобили на кремлевском дворе не давали спать. В конце концов вынесено было постановление: после 11 часов ночи автомобилям останавливаться у арки, где начинаются жилые корпуса; дальше все должны двигаться пешком. Однако чей-то автомобиль продолжал нарушать порядок. Разбуженный не в первый раз в три часа ночи, я дождался у окна возвращения автомобиля и окликнул шофера.

– Разве вы не знаете постановления?

– Знаю, товарищ Троцкий, – ответил шофер, – но что же мне делать? Товарищ Сталин приказал у арки: «Поезжай!»

Кроме кремлевской квартиры у Сталина есть дача Горки[35], где некогда жил Ленин и откуда Сталин вытеснил его вдову. В одном из помещений – экран кинематографа. В другом – драгоценный инструмент, который призван удовлетворять музыкальные потребности хозяина: это пианола. Другая пианола у него на кремлевской квартире. Он, видимо, не может долго жить без искусства. Часы отдыха он проводит за музыкальным ящиком, наслаждаясь мелодиями из «Аиды». В музыке, как и в политике, он предпочитает послушный аппарат. Советские композиторы тем временем воспринимают как закон каждое указание диктатора, у которого две пианолы.

В 1903 году, когда Сталину шел 24-й год, он женился на молодой малокультурной грузинке[36]. Брак, по рассказу друга его детства, был счастливым, потому что жена «выросла в священной традиции, обязывающей женщину служить». Молодая женщина проводила ночи в

---

[35] Неверные сведения. Сначала в Горках жила семья Ленина, а после их выселения (в 30-е годы) там был устроен музей. На легенду смахивает также рассказ о пианоле.

[36] Малокультурность первой жены Сталина весьма относительна. До 14 лет у нее были приходящие на дом преподаватели. Брат Екатерины Сванидзе учился в Берлине. Уровень образованности этой состоятельной семьи был не ниже недоучившегося семинариста Сталина.

горячих молитвах, когда ее муж участвовал в тайных собраниях. Терпимость к религиозным верованиям жены вытекала из того, что Коба не искал в ней друга, способного разделить его взгляды. Молодая женщина умерла в 1907 году от туберкулеза или от воспаления легких, и ее похоронили по православному обряду. От нее остался мальчик, который лет до 10 находился на попечении родственников в Тифлисе, а затем был доставлен в Кремль. Мы часто его находили в комнате наших сыновей. Нашу квартиру он предпочитал отцовской. В своих бумагах я нахожу такую запись жены:

> «Яша – мальчик лет 12, с очень нежным смуглым личиком, на котором привлекают [внимание] черные глаза с золотистым поблескиванием. Тоненький, скорее миньятюрный, похожий, как я слышала, на свою умершую от туберкулеза мать. В манерах, в обращении очень мягок. Сереже, с которым он был дружен, Яша рассказывал, что отец его тяжело наказывает, бьет, – за курение. „Но нет, побоями он меня от табаку не отучит“. „Знаешь, вчера Яша провел всю ночь в коридоре с часовым, – рассказывал мне Сережа. – Сталин его выгнал из квартиры за то, что от него пахло табаком“».

Я застал как-то Яшу в комнате мальчиков с папиросой в руке. Он улыбался в нерешительности.

– Продолжай, продолжай, – сказал я ему успокоительно.

– Папа мой сумасшедший, – сказал он убежденно. – Сам курит, а мне не позволяет.

Нельзя не передать здесь другой эпизод, рассказанный мне Бухариным, видимо, в 1924 году, когда, сближаясь со Сталиным, он сохранял еще очень дружественные отношения со мной.

«Только что вернулся от Кобы, – говорил он мне. – Знаете, чем он занимается? Берет из кроватки своего годовалого мальчика, набирает полон рот дыму из трубки и пускает ребенку в лицо…

– Да что вы за вздор говорите! – перервал я рассказчика.

– Ей-богу, правда! Ей-богу, чистая правда, – поспешно возразил Бухарин с отличавшей его ребячливостью. – Младенец захлебывается и плачет, а Коба смеется-заливается: „Ничего, мол, крепче будет…“

Бухарин передразнил грузинское произношение Сталина.

– Да ведь это же дикое варварство?!

– Вы Кобы не знаете: он уж такой, особенный…»

Мягкому Бухарину первобытность Сталина, видимо, слегка импонировала. Нельзя не согласиться, что отец был действительно «особенный»: он «закалял» младшего сына дымом и, наоборот, отучал старшего сына от дыму при помощи тех педагогических приемов, которые применял некогда к нему самому сапожник Виссарион… Эмиль Людвиг, опасавшийся встретить в Кремле надменного диктатора, на самом деле встретил человека, которому он, по собственным словам, готов был бы «доверить своих детей». Не слишком ли поспешно? Лучше бы почтенному писателю этого не делать…

Вторым браком Сталин был женат на Надежде Аллилуевой, дочери русского рабочего и матери-грузинки. Надежда родилась в 1902 году, после переворота работала в секретариате Ленина, была во время гражданской войны на Царицынском фронте, где находился и Сталин. Ей было 17 лет, Сталину – 40. Она была очень миловидна и скромна. Уже став матерью двух детей, она поступила студенткой в Промышленную академию. Когда против меня развернулась травля под руководством Сталина, Аллилуева при встрече с моей женой проявляла двойное внимание. Она чувствовала себя, видимо, ближе к тем, которых травили.

9 ноября 1932 года Аллилуева внезапно скончалась. Ей было всего 30 лет. Насчет причин ее неожиданной смерти советские газеты молчали. В Москве шушукались, что она застрелилась, и рассказывали о причине. На вечере у Ворошилова в присутствии всех вельмож она позволила себе критическое замечание по поводу крестьянской политики, приведшей к голоду в деревне. Сталин громогласно ответил ей самой грубой бранью, которая существует на русском языке. Кремлевская прислуга обратила внимание на возбужденное состояние

Аллилуевой, когда она возвращалась к себе в квартиру. Через некоторое время из ее комнаты раздался выстрел[37]. Сталин получил много выражений сочувствия и перешел к порядку дня.

* * *

В драме популярного русского писателя Афиногенова[38], написанной в 1931 году, говорилось, что если обследовать сто граждан, то окажется, что 80 действуют под влиянием страха. За годы кровавых чисток страх охватил и большую часть остальных 20%. Главной пружиной политики самого Сталина является ныне страх перед порожденным им страхом. Сталин лично не трус, но его политика отражает страх касты привилегированных выскочек за свой завтрашний день. Сталин всегда не доверял массам; теперь он боится их. Столь поразивший всех союз Сталина с Гитлером неотвратимо вырос из страха бюрократии перед войной. Этот союз мог быть предвиден: дипломатам следовало бы только вовремя переменить очки. Этот союз был предвиден, в частности, автором этих строк. Но господа дипломаты, как и простые смертные, предпочитают обычно правдоподобные предсказания верным предсказаниям. Между тем в нашу сумасшедшую эпоху верные предсказания чаще всего неправдоподобны. Союз с Францией, с Англией, даже с Соединенными Штатами мог бы принести СССР пользу только в случае войны. Но Кремль больше всего хотел избежать войны. Сталин знает, что если бы СССР в союзе с демократиями вышел бы из войны победоносным, то по дороге к победе он наверняка ослабил бы и сбросил нынешнюю олигархию. Задача Кремля не в том, чтобы найти союзников для победы, а в том, чтобы избежать войны. Достигнуть этого можно только дружбой с Берлином и Токио. Такова исходная позиция Сталина со времени победы наци.

Нельзя также закрывать глаза и на то, что не Чемберлен, а Гитлер импонирует Сталину. В фюрере хозяин Кремля находит не только то, что есть в нем самом, но и то, чего ему не хватает. Гитлер, худо или хорошо, был инициатором большого движения. Его идеям, как ни жалки они, удалось объединить миллионы. Так выросла партия, которая вооружила своего вождя еще не виданным в мире могуществом. Ныне Гитлер-сочетание инициативы, вероломства и эпилепсии – собирается не меньше и не больше, как перестроить нашу планету по образу и подобию своему.

Фигура Сталина и путь его – иные. Не Сталин создал аппарат. Аппарат создал Сталина[39]. Но аппарат есть мертвая машина, которая, как пианола, не способна к творчеству. Бюрократия насквозь проникнута духом посредственности. Сталин есть самая выдающаяся посредственность бюрократии. Сила его в том, что инстинкт самосохранения правящей касты он выражает тверже, решительнее и беспощаднее всех других. Но в этом его слабость. Он проницателен на небольших расстояниях. Исторически он близорук. Выдающийся тактик, он не стратег. Это доказано его поведением в 1905 году, во время прошлой войны 1917 года. Сознание своей посредственности Сталин неизменно несет в самом себе. Отсюда его потребность в лести. Отсюда его зависть по отношению к Гитлеру и тайное преклоненье перед

---

[37] Некоторые современники утверждали, что сам Сталин в состоянии аффекта застрелил Надежду Аллилуеву.

[38] Называлась эта драма, поставленная в Художественном театре в 1930 году, весьма характерно для эпохи – «Страх». Сталин основательно поработал над ее рукописью, вписав целые тирады, направленные против уклонистов и потенциальных «врагов народа». Но цепкий глаз царственного цензора пропустил слова из монолога главного героя – профессора Бородина. По словам очевидцев, во время этого монолога зал, как правило, замирал от волнения: «Мы живем в эпоху великого страха. Страх заставляет талантливых интеллигентов отрекаться от матерей, подделывать социальное происхождение… Страх ходит за человеком. Человек становится недоверчивым, замкнутым, недобросовестным, неряшливым и беспринципным… Страх порождает прогулы, опоздание поездов, прорывы производства, общую бедность и голод. Никто ничего не делает без окрика, без занесения на черную доску, без угрозы посадить или выслать…»

[39] Это перефразировка слов самого Троцкого из его дневников 30-х годов: «Ленин создал аппарат. Аппарат создал Сталина».

ним.

По рассказу бывшего начальника советского шпионажа в Европе Кривицкого, огромное впечатление на Сталина произвела чистка, произведенная Гитлером в июне 1934 года в рядах собственной партии.

«Вот это вождь!» – сказал медлительный московский диктатор себе самому. С того времени он явно подражает Гитлеру. Кровавые чистки в СССР, фарс «самой демократической в мире конституции», наконец, нынешнее вторжение в Польшу, – все это внушено Сталину немецким гением с усами Чарли Чаплина.

Адвокаты Кремля – иногда, впрочем, и его противники – пытаются установить аналогию между союзом Сталина-Гитлера и Брест-Литовским миром 1918 года. Аналогия похожа на издевательство. Переговоры в Брест-Литовске велись открыто перед лицом всего человечества. У Советского государства в те дни не было ни одного боеспособного батальона. Германия наступала на Россию, захватывала советские области и военные запасы. Московскому правительству не оставалось ничего другого как подписать мир, который мы сами открыто называли капитуляцией безоружной революции перед могущественным хищником. О нашей помощи Гогенцоллерну не было при этом и речи. Что касается нынешнего пакта, то он заключен при наличии советской армии в несколько миллионов; непосредственная задача его – облегчить Гитлеру разгром Польши; наконец, интервенция Красной Армии под видом «освобождения» 8 миллионов украинцев и белорусов ведет к национальному закабалению 23 миллионов поляков. Сравнение обнаруживает не сходство, а прямую противоположность.

Оккупацией Западной Украины и Западной Белоруссии Кремль пытается прежде всего дать населению патриотическое удовлетворение за ненавистный союз с Гитлером. Но у Сталина для вторжения в Польшу был и свой личный мотив, как всегда почти – мотив мести. В 1920 году Тухачевский, будущий маршал, вел красные войска на Варшаву. Будущий маршал Егоров наступал на Лемберг. С Егоровым шел Сталин. Когда стало ясно, что Тухачевскому на Висле угрожает контрудар, московское командование отдало Егорову приказ повернуть с Лембергского направления на Люблин, чтоб поддержать Тухачевского. Но Сталин боялся, что Тухачевский, взяв Варшаву, «перехватит» у него Лемберг. Прикрываясь авторитетом Сталина, Егоров не выполнил приказ ставки. Только через четыре дня, когда критическое положение Тухачевского обнаружилось полностью, армии Егорова повернули на Люблин. Но было уже поздно: катастрофа разразилась. На верхах партии и армии все знали, что виновником разгрома Тухачевского был Сталин. Нынешнее вторжение в Польшу и захват Лемберга есть для Сталина реванш за грандиозную неудачу 1920 года.

Однако перевес стратега Гитлера над тактиком Сталиным очевиден. Польской кампанией Гитлер привязывает Сталина к своей колеснице, лишает его свободы маневрирования; он компрометирует его и попутно убивает Коминтерн. Никто не скажет, что Гитлер стал коммунистом. Все говорят, что Сталин стал агентом фашизма. Но и ценою унизительного и предательского союза Сталин не купит главного: мира. Ни одной из цивилизованных наций не удастся спрятаться от мирового циклона, как бы строги ни были законы о нейтралитете. Меньше всего это удастся Советскому Союзу. На каждом новом этапе Гитлер будет предъявлять Москве все более высокие требования. Сегодня он отдает московскому другу на временное хранение «Великую Украину». Завтра он поставит вопрос о том, кому быть хозяином этой Украины. И Сталин и Гитлер нарушили ряд договоров. Долго ли продержится договор между ними? Святость союзных обязательств покажется ничтожным предрассудком, когда народы будут корчиться в тучах удушливых газов. «Спасайся, кто может!» – станет лозунгом правительств, наций, классов. Московская олигархия, во всяком случае, не переживет войны, которой она так основательно страшилась. Падение Сталина не спасет, однако, и Гитлера, который с непогрешимостью сомнамбула влечется к пропасти.

Перестроить планету Гитлеру даже при помощи Сталина не удастся. Ее будут перестраивать другие.

22 сентября 1939 года
Койоакан

Приложение

Двадцатилетие революции 1905 года
Из истории революции

Музеем революции в Грузии предоставлен в распоряжение редакции чрезвычайно любопытный документ – копия с письма тов. Сталина.

Письмо датировано 24 января 1911 года и отправлено тов. Сталиным из Сольвычегодске (Вологодской губернии) в Москву. На конверте адрес – «Москва, учительнице Бобровской, для Вл. С. Бобровского, Калужская застава, Медведниковская больница».

Ниже мы приводим полностью текст письма. Письмо публикуется впервые.

> «Пишет Вам кавказец СОСО, – помните, в 4-м году в Тифлисе и Баку. Прежде всего, мой горячий привет Ольге, Вам, Германову[40]. Обо всех вас рассказывал мне И. М. Голубев, с которым я и коротаю мои дни в ссылке. Германов знает меня как к…б…а[41] (он поймет). Мог ли и думать, что вы в Москве, а не за границей… Помните ли Гургена (старика Михо). Он теперь в Женеве и… „отзывает“ думскую фракцию – социал-демократов. Размахнулся старик, черт возьми. Я недавно вернулся в ссылку („обратник“). Кончаю в июле этого года. Ильич и К0 зазывают в один из двух центров, не дожидаясь окончания срока. Мне же хотелось бы отбыть срок (легальному больше размаха)…но если нужда острая (жду от них ответа), то, конечно, снимусь… А у нас здесь душно без дела, буквально задыхаюсь.
>
> О заграничной „буре в стакане“, конечно, слышали: блоки Ленина – Плеханова, с одной стороны, и Троцкого – Мартова – Богданова, с другой. Отношение рабочих к первому блоку, насколько я знаю, благоприятное. Но вообще на заграницу рабочие начинают смотреть пренебрежительно; „пусть, мол, лезут на стену, сколько их душе угодно; а по-нашему, кому дороги интересы движения, тот работай, остальное же приложится“. Это, по-моему, к лучшему.
>
> Мой адрес: Сольвычегодск, Вологодской губ., политическому ссыльному Иосифу ДЖУГАШВИЛИ».

Дошло ли или не дошло это письмо до адресата – неизвестно. Но копия его очутилась в тифлисском охранном отделении и была препровождена, с пространными комментариями, к начальнику Тифлисского губернского жандармского управления.

И вот, ротмистр Карпов, расшифровывая имена, указанные в письме Сталина-Джугашвили, пишет:

> «Совершенно секретно.
>
> Начальнику Тифлисского губернского жандармского управления.
>
> Доношу Вашему Высокоблагородию, что автор письма „Сольвычегодск“ 24 января 1911 года „Иосиф“, „Москва, учительнице Бобровской для Вл. С. Бобровского, Калужская застава, Медведниковская больница“, по выяснении, оказался крестьянином тифлисской губернии и уезда Дидилиловского сельского общества Иосифом Виссарионовым ДЖУГАШВИЛИ, о котором в делах отделения имеются следующие сведения: – в 1902 году привлекался при Тифлисском губернском жандармском управления к дознанию обвиняемым по делу „о тайном кружке РСДРП

---

[40] Германов – псевдоним Фрумкина Моисея Илларионовича (1878–1939), знакомого Сталина по бакинскому подполью. Участник революции 1905–1907 годов, борьбы за советскую власть в Сибири. После Октябрьской революции – член краевого экономического совета Западной Сибири. В 20-е годы заместитель председателя Сибревкома, затем заместитель наркома продовольствия. И наконец, заместитель наркома финансов. 15 июня 1928 года Фрумкин обращается с великолепно аргументированным письмом в Политбюро, в котором критикует чрезвычайные сталинские методы, по сути дела приведшие к ограблению деревни. Погиб в годы репрессий. Реабилитирован.

[41] Коба – так звали Сталина-Джугашвили.

в гор. Тифлисе“, за что, на основании ВЫСОЧАЙШЕГО повеления, последовавшего в 9-й день июня 1903 года, был выслан административным порядком в Восточную Сибирь, под гласный надзор полиции, сроком на три года и водворен в Балаганском уезде Иркутской губернии.

5 января 1904 года Джугашвили из места водворения скрылся и разыскивался циркуляром департамента полиции от 1 мая 1902 года за No 5500.

По негласным сведениям, относящимся к 1903 году, Джугашвили стоял во главе Батумского комитета социал-демократической партии и в организации был известен под кличкой „Чопур“. По тем же сведениям 1904 и 1906 годов проживал в гор. Тифлисе и занимался революционной деятельностью.

По вновь полученным мною агентурным сведениям, Джугашвили был известен в организации под кличкой „СОСО“ и „КОБА“, с 1902 года работал в социал-демократической партии-организации, сначала меньшевиком, а потом большевиком, как пропагандист и руководитель первого района (железнодорожного); в 1905 году был арестован и бежал из тюрьмы; в 1906 и 1907 годах нелегально жил в Батуме, где и был арестован и выслан под надзор полиции в Вологодскую губернию на 2 года, с 29 сентября 1908 года, но из места водворения г. Сольвычегодска скрылся и разыскивался циркуляром департамента полиции от 19 августа 1909 года за No 151385-53, но таким же циркуляром от 14 мая 1910 года за No 126025-96 розыск его прекращен.

Упомянутый в письме ГУРГЕН (старик МИХО), по указанию агентуры, есть сын священника, бывший учитель, Михаил Григорьев ЦХОКАЯ[42]. Последний, по имеющимся в отделении сведениям, издавна принадлежал к числу серьезных революционных деятелей, являясь центральной личностью среди националистов, и в местной социал-демократической организации был известен под кличкой „ГАМБЕТА“. Имел обширные связи в революционной среде. При ликвидации 6 января 1904 года Тифлисской социал-демократической организации был застигнут во время производства обыска, вместе с известным революционным деятелем Богданом КНУНЯНЦЕМ[43] в квартире Аршака Зурабова[44], вследствие чего 8 января подвергнут в порядке положения о государственной охране обыску. Ввиду продолжавшейся преступной деятельности и сношений с членами местной социал-демократической организации, при ликвидации последней 30 октября был подвергнут обыску, не давшему достаточных данных для привлечения обвиняемым. После раскола 17 января 1905 года в Тифлисской социал-демократической организации примкнул к фракции „большевиков“ и 17 июля был на сходке „большевиков“ в квартире Бориса ЛЕГРАНА. Находился в близкой и непосредственной связи с арестованными 15 апреля 1906 года тайной типографией названной выше организации и лабораторией для приготовления взрывчатых снарядов, являясь заведующим этим делом, причем сношение с местом нахождения типографии и лаборатории вел через посредство своей сожительницы, дочери нахиче-ванского почетного гражданина, Нунии Никитишны АЛАДЖАНОВОЙ, проходившей по наружному наблюдению под кличкой „ЮЛА“, и через бюро организации, помещавшейся в редакции газеты „ЭЛВА“, что вполне было установлено и наружным наблюдением, которое констатировало сношение лиц, проживавших в помещении

---

[42] Цхокая – правильнее Цхакая Миха (1865–1950)-один из старейших деятелей революционного движения на Кавказе. В эмиграции, после революции 1905 года, поддерживает Богданова. Возвратившись вместе с Лениным из Швейцарии, уезжает на Кавказ. Сторонник группы Мдивани, Махарадзе, Цинцадзе в вопросе автономизации и, следовательно, противник Сталина. Тем не менее Сталин почему-то пощадил Миху Цхакая и даже выдвигал его на различные «декоративные» посты. В 1923–1930 годах – один из председателей ЦИК ЗСФСР, председатель Президиума ЦИК Грузинской ССР, член Президиума ЦИК СССР.

[43] Кнунянц Богдан Мирзаджанович (1878–1911) – один из организаторов социал-демократического движения в Закавказье, большевик-примиренец, участник революции 1905–1907 годов. Умер в тюрьме.

[44] Зурабов Аршак (в некоторых документах Вагаршак) (1873–1920) –видный деятель армянского рабочего движения. Близкий друг Ленина в эмиграции. В годы первой мировой войны сотрудник копенгагенской библиотеки, возглавляемой Парвусом.

тайной типографии, с Н. АЛАДЖАНОВОЙ и посещение этими же лицами редакции газеты „ЭЛВА“, которую, в свою очередь, посещал и ЦХОКАЯ и АЛАДЖАНОВА, 15 апреля были арестованы, но, вследствие того, что в отношении их не были добыты данные, могущие служить основанием для привлечения к формальному дознанию, таковые, по распоряжению вр. тифлисского генерал-губернатора, из-под стражи были освобождены.

Наружному наблюдению Цхокая был известен под кличкой „Короткий“. По вновь полученным агентурным сведениям, Цхокая состоял членом Тифлисского комитета РСДРП и являлся пропагандистом, причем работал среди типографских рабочих.

Что же касается Бобровской Ольги, Германова, И. М. Голубева и Ильича[45], то выяснить личности таковых не представилось возможным, и агентуре вверенного мне отделения последние неизвестны.

По делам вверенного мне отделения проходил Бобровский Владимир (отчество неизвестно), который по сообщению департамента полиции, от 16 сентября 1902 года за No 5766, 18 августа того же года бежал из Киевской тюрьмы, но 30 апреля 1903 года был задержан на станции Орел Московско-Курской железной дороги, причем по личному обыску у него было обнаружено 301 экз. прокламаций, издания партии социалистов-революционеров (сообщение департамента полиции от 4 июня 1903 года за No 35-5666).

ПРИЛОЖЕНИЕ: выписка из письма.

При сем присов., что копии настоящего донесения мною представлены начальникам Вологодской и Московской губернских жандармских управлений.

Ротмистр КАРПОВ».

«Заря Востока»,
23 декабря, No 1062, 1925 г.

Сверх-Борджиа в Кремле

Вместо предисловия

Редактору «Life»

Милостивый государь!

В связи с моей первой статьей[46] для вашего журнала вы охарактеризовали меня как «старого врага» Сталина. Это неоспоримо. Политически мы давно состоим со Сталиным в противоположных и непримиримых лагерях. Но в известных кругах стало правилом говорить о моей «ненависти» к Сталину и считать a priori, что этим чувством внушается все, что я пишу не только о московском диктаторе, но и об СССР. В течение десяти лет моей последней эмиграции литературные агенты Кремля систематически освобождали себя от необходимости отвечать по существу на то, что я писал об СССР, ссылаясь, для собственного удобства, на мою «ненависть» к Сталину. Покойный Фрейд очень сурово относился к такого рода дешевому психоанализу. Ненависть есть все же форма личной связи. Между тем нас со Сталиным разъединили такие огненные события, которые успели выжечь и испепелить без остатка все личное. В ненависти есть элемент зависти. Между тем беспримерное возвышение Сталина я рассматриваю и ощущаю как самое глубокое падение. Сталин мне враг. Но и Гитлер мне враг, и Муссолини, и многие другие. По отношению к Сталину у меня сейчас так же мало «ненависти», как и по отношению к Гитлеру, Франко или микадо. Я стараюсь прежде всего понять их, чтоб тем лучше бороться против них.

---

[45] Ильич – Ленин. Странно, что ротмистр Карпов не смог об этом догадаться.

[46] См. статью «К политической биографии Сталина», – *Прим. ред. – сост.*

Личная ненависть в вопросах исторического масштаба вообще ничтожное и презренное чувство. Она не только унижает, но и ослепляет. Между тем в свете последних событий внутри СССР, как и на мировой арене, даже многие противники убедились, что я был не так уж слеп: как раз те из моих предсказаний, которые считались наименее правдоподобными, оказались верными.

Эти вступительные строки pro domo sua[47] тем более необходимы, что я собираюсь говорить на этот раз на особенно острую тему. В первой статье я пытался дать общую характеристику Сталина на основании близкого наблюдения над ним и тщательного изучения его биографии. Образ получился, я не оспариваю этого, мрачный, даже зловещий. Но пусть кто-нибудь попробует подставить другой, более человечный образ под те факты, которые потрясли воображение человечества за последние годы: массовые «чистки», небывалые обвинения, фантастические процессы, истребление старого революционного поколения, командного состава армии, старой советской дипломатии, лучших специалистов, наконец, последние маневры на международной арене! В этой второй статье я хочу рассказать некоторые не совсем обычные факты из истории превращения провинциального революционера в диктатора великой страны. Мысли этой статьи и высказанные в ней подозрения созрели во мне не сразу. Поскольку они появлялись у меня ранее, я гнал их как продукт чрезмерной мнительности. Но московские процессы, раскрывшие за спиной кремлевского диктатора адскую кухню интриг, подлогов, фальсификаций, отравлений и убийств из-за угла, отбросили зловещий свет и на предшествовавшие годы. Я стал более настойчиво спрашивать себя: какова была действительная роль Сталина в период болезни Ленина? Не принял ли ученик кое-каких мер для ускорения смерти учителя? Лучше, чем кто-либо, я понимаю чудовищность такого подозрения. Но что же делать, если оно вытекает из обстановки, из фактов и особенно из характера Сталина? Ленин с тревогой предупреждал в 1921 году:

> «Этот повар будет готовить только острые блюда».

Оказалось-не только острые, но и отравленные, притом не в переносном, а в буквальном смысле. Два года тому назад я впервые записал факты, которые были в свое время (1923–1924 годы) известны не более как семи-восьми лицам, да и то лишь отчасти. Из этого числа в живых сейчас остались, кроме меня, только Сталин и Молотов. Но у этих двух, если допустить, что Молотов был в числе посвященных, в чем я не уверен, не может быть побуждения исповедаться в том, о чем я собираюсь впервые рассказать в этой статье. Да будет позволено прибавить, что каждый упоминаемый мною факт, каждая ссылка и цитата могут быть подкреплены либо официальными советскими изданиями, либо документами, хранящимися в моем архиве. По поводу московских процессов мне пришлось давать письменные и устные объяснения перед комиссией д-ра Джон Дьюи, причем из сотен представленных мною документов ни один не был оспорен.

Ленин и Сталин. Последняя борьба и разрыв.

Богатая по количеству (умолчим о качестве) иконография, созданная за самые последние годы, изображает Ленина неизменно в обществе Сталина. Они сидят рядом, совещаются, дружественно смотрят друг на друга. Назойливость этого мотива, повторяющегося в красках, в камне, в фильме, продиктована желанием заставить забыть тот факт, что последний период жизни Ленина был заполнен острой борьбой между ним и Сталиным, закончившейся полным разрывом. В борьбе Ленина, как всегда, не было ничего личного. Он, несомненно, высоко ценил известные черты Сталина: твердость характера, упорство, даже беспощадность и хитрость, – качества, необходимые в борьбе, а, следовательно, и в штабе партии. Но Сталин чем дальше, тем больше пользовался теми возможностями, которые открывал ему его пост, для вербовки лично ему преданных людей и для мести противникам.

---

[47] О себе *(лат.).*

Став в 1919 году во главе Народного комиссариата инспекции[48], Сталин постепенно превратил и его в орудие фаворитизма и интриг. Из генерального секретариата партии он сделал неисчерпаемый источник милостей и благ. Во всяком его действии можно было открыть личный мотив. Ленин пришел постепенно к выводу, что известные черты сталинского характера, помноженные на аппарат, превратились в прямую угрозу для партии. Отсюда выросло у него решение оторвать Сталина от аппарата и превратить его тем самым в рядового члена ЦК. Письма Ленина того времени составляют ныне в СССР самую запретную из всех литератур. Но ряд их имеется в моем архиве, и некоторые из них я уже опубликовал.

Здоровье Ленина резко надломилось в конце 1921 года. В мае следующего года его поразил первый удар. В течение двух месяцев он был не способен ни двигаться, ни говорить, ни писать. С июля он медленно поправляется, в октябре возвращается из деревни в Кремль и возобновляет работу. Он был в буквальном смысле потрясен ростом бюрократизма, произвола и интриг в аппарате партии и государства. В течение декабря он открывает огонь против притеснений Сталина в области национальной политики, особенно в Грузии, где не хотят признать авторитета генерального секретаря; выступает против Сталина по вопросу о монополии внешней торговли и подготавливает обращение к предстоящему съезду партии, которое секретари Ленина, с его собственных слов, называют «бомбой против Сталина». 23 января он выдвигает, к величайшему испугу генерального секретаря, проект создания контрольной комиссии из рабочих для ограничения власти бюрократии.

«Будем говорить прямо, – пишет Ленин 2 марта, – наркомат инспекции не пользуется сейчас ни тенью авторитета… Хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего наркомата инспекции, нет…» и т. д.

Во главе инспекции стоял Сталин, и он хорошо понимал, что означает этот язык.

В середине декабря (1922 г.) здоровье Ленина снова ухудшилось. Он вынужден был отказаться от участия в заседаниях и сносился с ЦК путем записок и телефонограмм. Сталин сразу попытался использовать это положение, скрывая от Ленина информацию, которая сосредотачивалась в секретариате партии. Меры блокады направлялись против лиц, наиболее близких Ленину. Крупская делала что могла, чтоб оградить больного от враждебных толчков со стороны секретариата. Но Ленин умел по отдельным, едва уловимым симптомам, восстанавливать картину в целом.

– Оберегайте его от волнений! – говорили врачи. Легче сказать, чем сделать. Прикованный к постели, изолированный от внешнего мира, Ленин сгорал от тревоги и возмущения. Главным источником волнений был Сталин. Поведение генерального секретаря становилось тем смелее, чем менее благоприятны были отзывы врачей о здоровье Ленина. Сталин ходил в те дни мрачный, с плотно зажатой в зубах трубкой, со зловещей желтизной глаз; он не отвечал на вопросы, а огрызался. Дело шло о его судьбе. Он решил не останавливаться ни перед какими препятствиями. Так надвинулся окончательный разрыв между ним и Лениным. Бывший советский дипломат Димитревский, весьма расположенный к Сталину, рассказывает об этом драматическом эпизоде так, как его изображали в окружении генерального секретаря.

> «Бесконечно надоевшую ему своими приставаниями Крупскую, когда та вновь позвонила ему за какими-то справками в деревню, Сталин… самыми последними словами изругал. Крупская немедленно, вся в слезах, побежала жаловаться Ленину. Нервы Ленина, и без того накаленные интригой, не выдержали. Крупская поспешила отправить ленинское письмо Сталину… „Вы знаете ведь Владимира Ильича, – с торжеством говорила Крупская Каменеву, – он бы никогда не пошел на разрыв личных отношений, если бы не считал необходимым разгромить Сталина политически“».

---

[48] Сталин настоятельно просил Ленина в начале 1919 года во время своей инспекционной поездки в 3-ю армию создать подобного рода комиссариат. После того как Ленин пошел ему навстречу, Сталин в 1919–1920 годах занимал должность наркома государственного контроля, а в 1920–1922 годах – наркома РКИ.

Крупская действительно говорила это, но без всякого «торжества»; наоборот, эта глубоко искренняя и деликатная женщина была чрезвычайно испугана и расстроена тем, что произошло. Неверно, будто она «жаловалась» на Сталина; наоборот, она, по мере сил, играла роль амортизатора. Но в ответ на настойчивые запросы Ленина она не могла сообщать ему больше того, что ей сообщали из секретариата, а Сталин утаивал самое главное.

Письмо о разрыве, вернее, записка в несколько строк, продиктованная 5 марта доверенной стенографистке, сухо заявляло о разрыве со Сталиным «всех личных и товарищеских отношений». Эта записка представляет последний оставшийся после Ленина документ и вместе с тем окончательный итог его отношений со Сталиным. В ближайшую ночь он снова лишился употребления речи.

Через год, когда Ленина уже успели прикрыть мавзолеем, ответственность за разрыв, как достаточно ясно выступает из рассказа Димитревского, была открыто возложена на Крупскую. Сталин обвинял ее в «интригах» против него. Небезызвестный Ярославский, выполняющий обычно двусмысленные поручения Сталина, говорил в июле 1928 года на заседании ЦК:

«Они дошли до того, чтобы позволить себе к больному Ленину прийти со своими жалобами на то, что их Сталин обидел. Позор! Личные отношения примешивать к политике по таким большим вопросам…»

«Они» – это Крупская. Ей свирепо мстили за обиды, которые нанес Сталину Ленин. Со своей стороны Крупская рассказывала мне о том глубоком недоверии, с каким Ленин относился к Сталину в последний период своей жизни.

> «Володя говорил: „У него (Крупская не назвала имени, а кивнула головой в сторону квартиры Сталина) нет элементарной честности, самой простой человеческой честности…“.»

Так называемое Завещание Ленина, т. е. его последние советы об организации руководства партии, написано во время его второго заболевания в два приема: 25 декабря 1922 года и 4 января 1923 года.

«Сталин, сделавшийся генеральным секретарем, – гласит Завещание, – сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Через десять дней эта сдержанная формула кажется Ленину недостаточной, и он делает приписку:

«Я предлагаю товарищам обдумать вопрос о смещении Сталина с этого места и назначении на это место другого человека», который был бы «более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.». Ленин стремился придать своей оценке Сталина как можно менее обидное выражение. Но речь шла тем не менее о смещении Сталина с того единственного поста, который мог дать ему власть.

После всего того, что произошло в предшествовавшие месяцы, Завещание не могло явиться для Сталина неожиданностью. Тем не менее он воспринял его как жестокий удар. Когда он ознакомился впервые с текстом[49], который передала ему Крупская для будущего съезда партии, он в присутствии своего секретаря Мехлиса, ныне политического шефа Красной Армии, и видного советского деятеля Сырцова, ныне исчезнувшего со сцены, разразился по адресу Ленина площадной бранью, которая выражала тогдашние его подлинные чувства по отношению к «учителю». Бажанов, другой бывший секретарь Сталина, описывает заседание ЦК, где Каменев впервые оглашал Завещание.

> «Тяжкое смущение парализовало всех присутствующих. Сталин, сидя на ступеньках трибуны президиума, чувствовал себя маленьким и жалким. Я глядел на

[49] На самом деле Сталин получал копии Завещания Ленина (те его предсмертные конфиденциальные записки, в том числе и письма к съезду) от сотрудниц секретариата Ленина буквально через несколько дней после их написания.

него внимательно; несмотря на его самообладание и мнимое спокойствие, ясно можно было различить, что дело идет о его судьбе…»

Радек, сидевший на этом памятном заседании возле меня, нагнулся ко мне со словами:

– Теперь они не посмеют идти против вас.

Он имел в виду два места письма: одно, которое характеризовало Троцкого как «самого способного человека в настоящем ЦК», и другое, которое требовало смещения Сталина, ввиду его грубости, недостатка лояльности и склонности злоупотреблять властью. Я ответил Радеку:

– Наоборот, теперь им придется идти до конца, и притом как можно скорее.

Действительно, Завещание не только не приостановило внутренней борьбы, чего хотел Ленин, но, наоборот, придало ей лихорадочные темпы. Сталин не мог более сомневаться, что возвращение Ленина к работе означало бы для генерального секретаря политическую смерть. И наоборот: только смерть Ленина могла расчистить перед Сталиным дорогу.

«Мучается старик»

Во время второго заболевания Ленина, видимо, в феврале 1923 года, Сталин на собрании членов Политбюро (Зиновьева, Каменева и автора этих строк) после удаления секретаря сообщил, что Ильич вызвал его неожиданно к себе и потребовал доставить ему яду. Он снова терял способность речи, считал свое положение безнадежным, предвидел близость нового удара, не верил врачам, которых без труда уловил на противоречиях, сохранял полную ясность мысли и невыносимо мучился. Я имел возможность изо дня в день следить за ходом болезни Ленина через нашего общего врача Гетье, который был вместе с тем нашим другом дома.

– Неужели же, Федор Александрович, это конец? – спрашивали мы с женой его не раз.

– Никак нельзя этого сказать. Владимир Ильич может снова подняться – организм мощный.

– А умственные способности?

– В основном останутся незатронуты. Не всякая нота будет, может быть, иметь прежнюю чистоту, но виртуоз останется виртуозом.

Мы продолжали надеяться. И вот неожиданно обнаружилось, что Ленин, который казался воплощением инстинкта жизни, ищет для себя яду. Каково должно было быть его внутреннее состояние!

Помню, насколько необычным, загадочным, не отвечающим обстоятельствам показалось мне лицо Сталина. Просьба, которую он передавал, имела трагический характер; на лице его застыла полуулыбка; точно на маске. Несоответствие между выражением лица и речью приходилось наблюдать у него и прежде. На этот раз оно имело совершенно невыносимый характер. Жуть усиливалась еще тем, что Сталин не высказал по поводу просьбы Ленина никакого мнения, как бы выживая, что скажут другие: хотел ли он уловить оттенки чужих откликов, не связывая себя? Или же у него была своя затаенная мысль?… Вижу перед собой молчаливого и бледного Каменева, который искренне любил Ленина, и растерянного, как во все острые моменты, Зиновьева. Знали ли они о просьбе Ленина еще до заседания? Или же Сталин подготовил неожиданность и для своих союзников по триумвирату?

– Не может быть, разумеется, и речи о выполнении этой просьбы! – воскликнул я. – Гетье не теряет надежды. Ленин может поправиться.

– Я говорил ему все это, – не без досады возразил Сталин, – но он только отмахивается. Мучается старик. Хочет, говорит, иметь яд при себе… прибегнет к нему, если убедится в безнадежности своего положения.

– Все равно невозможно, – настаивал я, на этот раз, кажется, при поддержке Зиновьева. – Он может поддаться временному впечатлению и сделать безвозвратный шаг.

– Мучается старик, – повторял Сталин, глядя неопределенно мимо нас и не высказываясь по-прежнему ни в ту, ни в другую сторону. У него в мозгу протекал, видимо, свой ряд мыслей, параллельный разговору, но совсем не совпадавший с ним. Последующие события могли, конечно, в деталях оказать влияние на работу моей памяти, которой я в общем привык доверять. Но сам по себе эпизод принадлежит к числу тех, которые навсегда врезываются в

сознание. К тому же по приходе домой я его подробно передал жене. И каждый раз, когда я мысленно сосредотачиваюсь на этой сцене, я не могу не повторить себе: поведение Сталина, весь его образ имели загадочный и жуткий характер. Чего он хочет, этот человек? И почему он не сгонит со своей маски эту вероломную улыбку?… Голосования не было, совещание не носило формального характера, но мы разошлись с само собой разумеющимся заключением, что о передаче яду не может быть и речи.

Здесь естественно возникает вопрос: как и почему Ленин, который относился в этот период к Сталину с чрезвычайной подозрительностью, обратился к нему с такой просьбой, которая на первый взгляд предполагала высшее личное доверие? За несколько дней до обращения к Сталину Ленин сделал свою безжалостную приписку к Завещанию. Через несколько дней после обращения он порвал с ним все отношения. Сталин сам не мог не поставить себе вопрос: почему Ленин обратился именно к нему? Разгадка проста: Ленин видел в Сталине единственного человека, способного выполнить трагическую просьбу, ибо непосредственно заинтересованного в ее исполнении. Своим безошибочным чутьем больной угадывал, что творится в Кремле и за его стенами, и каковы действительные чувства к нему Сталина. Ленину не нужно было даже перебирать в уме ближайших товарищей, чтобы сказать себе: никто, кроме Сталина, не окажет ему этой «услуги». Попутно он хотел, может быть, проверить Сталина: как именно мастер острых блюд поспешит воспользоваться открывающейся возможностью? Ленин думал в те дни не только о смерти, но и о судьбе партии. Революционный нерв Ленина был, несомненно, последним из нервов, который сдался смерти. Но я задаю себе ныне другой, более далеко идущий вопрос: действительно ли Ленин обращался к Сталину за ядом? Не выдумал ли Сталин целиком эту версию, чтобы подготовить свое алиби? Опасаться проверки с нашей стороны у него не могло быть ни малейших оснований: никто из нас троих не мог расспрашивать больного Ленина, действительно ли он требовал у Сталина яду.

Лаборатория ядов

Еще совсем молодым человеком Коба натравливал в тюрьме исподтишка отдельных горячих кавказцев на своих противников, доводя дело до избиений, в одном случае даже до убийства. Техника его с годами непрерывно совершенствовалась. Монопольный аппарат партии в сочетании с тоталитарным аппаратом государства открыли перед ним такие возможности, о которых его предшественники вроде Цезаря Борджиа даже и мечтать не могли. Кабинет, где следователи ГПУ ведут сверхинквизиционные допросы, связан микрофоном с кабинетом Сталина. Невидимый Иосиф Джугашвили с трубкой в зубах жадно слушает им самим предначертанный диалог, потирает руки и беззвучно смеется. Свыше десяти лет до знаменитых московских процессов он за бутылкой вина на балконе дачи летним вечером признался своим тогдашним союзникам – Каменеву и Дзержинскому, что высшее наслаждение в жизни – это зорко наметить врага, тщательно все подготовить, беспощадно отомстить, а затем пойти спать[50]. Теперь он мстит целому поколению большевиков! Возвращаться здесь к московским судебным подлогам нет основания. Они получили в свое время авторитетную и исчерпывающую оценку[51]. Но, чтоб понять настоящего Сталина и его образ действий в дни болезни и смерти Ленина, необходимо осветить некоторые эпизоды последнего большого процесса, инсценированного в марте 1938 года.

Особое место на скамье подсудимых занимал Генрих Ягода, который работал в ЧК и ГПУ 16 лет, сперва в качестве заместителя начальника, затем в качестве главы все время в тесной

---

[50] Эти же слова Лев Троцкий приводит в своих воспоминаниях «Моя жизнь». Разговор Сталина с Каменевым и Дзержинским о мести, видимо, постепенно обрастал легендой. Один из вариантов его передает Мария Иоффе (со слов Карла Радека) в своей книге «Одна ночь».

[51] См. два тома, изданных комиссией д-ра Джона Дьюи: The Case of Leon Trotsky, 1937, and Not guilty, 1938, Harper and Brothers.

связи с «генеральным секретарем» как его наиболее доверенное лицо по борьбе с оппозицией. Система покаяний в несовершенных преступлениях есть дело рук Ягоды, если не его мозга. В 1933 году Сталин наградил Ягоду орденом Ленина, в 1935 году возвел его в ранг генерального комиссара государственной обороны, т. е. маршала политической полиции, через два дня после того, как талантливый Тухачевский был возведен в звание маршала Красной Армии. В лице Ягоды возвышалось заведомое для всех и всеми презираемое ничтожество. Старые революционеры переглядывались с возмущением. Даже в покорном Политбюро пытались сопротивляться. Но какая-то тайна связывала Сталина с Ягодой и, казалось, навсегда. Однако таинственная связь таинственно оборвалась. Во время большой «чистки» Сталин решил попутно ликвидировать сообщника, который слишком много знал. В апреле 1937 года Ягода был арестован. Как всегда, Сталин добился при этом некоторых дополнительных выгод: за обещание помилования Ягода взял на себя на суде личную ответственность за преступления, в которых молва подозревала Сталина. Обещание, конечно, не было выполнено: Ягоду расстреляли, чтоб тем лучше доказать непримиримость Сталина в вопросах морали и права.

На судебном процессе вскрылись, однако, крайне поучительные обстоятельства. По показанию его секретаря и доверенного лица Буланова (этот Буланов вывез меня и мою жену в 1929 году из Центральной Азии в Турцию), Ягода имел особый шкаф ядов, откуда по мере надобности извлекал драгоценные флаконы и передавал их своим агентам с соответствующими инструкциями. В отношении ядов начальник ГПУ, кстати сказать, бывший фармацевт, проявлял исключительный интерес. В его распоряжении состояло несколько токсикологов, для которых он воздвиг особую лабораторию, причем средства на нее отпускались неограниченно и без контроля. Нельзя, разумеется, ни на минуту допустить, чтоб Ягода соорудил такое предприятие для своих личных потребностей. Нет, и в этом случае он выполнял официальную функцию. В качестве отправителя он был, как и старуха Локуста при дворе Нерона, instrumentum regni[52]. Он лишь далеко обогнал свою темную предшественницу в области техники!

Рядом с Ягодой на скамье подсудимых сидели четыре кремлевских врача[53], обвинявшихся в убийстве Максима Горького и двух советских министров.[54]

«Я признаю себя виновным в том, – показал маститый доктор Левин, который некогда был также и моим врачом, – что я употреблял лечение, противоположное характеру болезни…» Таким образом «я причинил преждевременную смерть Максиму Горькому и Куйбышеву».

В дни процесса, основной фон которого составляла ложь, обвинения, как и признания в отравлении старого и больного писателя казались мне фантасмагорией. Позднейшая информация и более внимательный анализ обстоятельств заставили меня изменить эту оценку. Не все в процессах было ложью. Были отравленные и были отравители. Не все отравители сидели на скамье подсудимых. Главный из них руководил по телефону судом.

Максим Горький не был ни заговорщиком, ни политиком. Он был сердобольным стариком, заступником за обиженных, сентиментальным протестантом. Такова была его роль с первых дней октябрьского переворота. В период первой и второй пятилетки голод, недовольство и репрессии достигли высшего предела. Протестовали сановники, протестовала даже жена Сталина Аллилуева. В этой атмосфере Горький представлял серьезную опасность. Он находился в переписке с европейскими писателями, его посещали иностранцы, ему жаловались обиженные, он формировал общественное мнение. Никак нельзя было заставить его молчать. Арестовать его, выслать, тем более расстрелять – было еще менее возможно. Мысль ускорить ликвидацию больного Горького «без пролития крови» через Ягоду должна была представиться при этих условиях хозяину Кремля как единственный выход. Голова Сталина так

---

[52] Инструмент царской власти *(лат.)*.

[53] На самом деле три врача – Плетнев, Левин и Казаков.

[54] Троцкий явно подразумевает заместителя председателя Совнаркома Куйбышева и председателя коллегии ОГПУ Менжинского. Если кто и приложил руку к их насильственной смерти, то это только Сталин.

устроена, что подобные решения возникают в ней с силою рефлекса.

Приняв поручение, Ягода обратился к своим «врачам». Он ничем не рисковал. Отказ был бы, по словам Левина, «нашей гибелью, т. е. гибелью моей и моей семьи».

«От Ягоды спасения нет, Ягода не отступит ни перед чем, он вас вытащит из-под земли».

Почему, однако, авторитетные и заслуженные врачи Кремля не жаловались членам правительства, которых они близко знали как своих пациентов? В списке больных у одного доктора Левина значились 24 высоких сановника, сплошь членов Политбюро и Совета Народных Комиссаров! Разгадка в том, что Левин, как и все в Кремле и вокруг Кремля, отлично знал, чьим агентом является Ягода. Левин подчинился Ягоде, потому что был бессилен сопротивляться Сталину.

О недовольстве Горького, об его попытке вырваться за границу, об отказе Сталина в заграничном паспорте в Москве знали и шушукались. После смерти писателя сразу возникли подозрения, что Сталин слегка помог разрушительной силе природы. Процесс Ягоды имел попутной задачей очистить Сталина от этого подозрения. Отсюда повторные утверждения Ягоды, врачей и других обвиняемых, что Горький был «близким другом Сталина», «доверенным лицом», «сталинцем», полностью одобрял политику «вождя», говорил с «исключительным восторгом» о роли Сталина. Если б это было правдой хоть наполовину, Ягода никогда не решился бы взять на себя умерщвление Горького и еще менее посмел бы доверить подобный план кремлевскому врачу, который мог уничтожить его простым телефонным звонком к Сталину.

Мы извлекли из одного процесса одну «деталь». Процессов много, и «деталям» нет числа. Все они носят на себе неизгладимую печать Сталина. Это его основная работа. Шагая вразвалку по своему кабинету, он тщательно обдумывает комбинации, при помощи которых можно довести неугодного ему человека до предельной степени унижения, до ложного доноса на самых близких людей, до самой ужасной измены по отношению к собственной личности. Кто сопротивляется несмотря ни на что, для того всегда найдется маленький флакон. Ибо исчез только Ягода, – его шкаф остался.

Смерть и похороны Ленина

В судебном процессе 1938 года Сталин выдвинул против Бухарина как бы мимоходом обвинение в подготовке покушения на Ленина в 1918 году. Наивный и увлекающийся Бухарин благоговел перед Лениным, любил его любовью ребенка и матери и, если дерзил ему в полемике, то не иначе, как на коленях. У Бухарина, мягкого как воск, по выражению Ленина, не было и не могло быть самостоятельных честолюбивых замыслов. Если бы кто-нибудь предсказал нам в старые годы, что Бухарин будет когда-нибудь обвинен в подготовке покушения на Ленина, каждый из нас (и первый – Ленин) посоветовал бы посадить предсказателя в сумасшедший дом. Зачем же понадобилось Сталину насквозь абсурдное обвинение? Зная Сталина, можно сказать с уверенностью: это ответ на подозрения, которые Бухарин неосторожно высказывал относительно самого Сталина. Все вообще обвинения московских процессов построены по этому типу. Основные элементы сталинских подлогов не извлечены из чистой фантазии, а взяты из действительности, большей частью из дел или замыслов самого мастера острых блюд. Тот же оборонительно-наступательный «рефлекс Сталина», который так ярко обнаружился на примере со смертью Горького, дал знать всю свою силу и в деле со смертью Ленина. В первом случае поплатился жизнью Ягода, во втором – Бухарин.

Я представляю себе ход дела так. Ленин потребовал яду – если он вообще требовал его – в конце февраля 1923 года. В начале марта он оказался уже снова парализован. Медицинский прогноз был в этот период осторожно-неблагоприятный. Почувствовав прилив уверенности, Сталин действовал так, как если б Ленин был уже мертв. Но больной обманул его ожидания. Могучий организм, поддерживаемый непреклонной волей, взял свое. К зиме Ленин начал медленно поправляться, свободнее двигаться, слушал чтение и сам читал; начала восстанавливаться речь. Врачи давали все более обнадеживающие заключения. Выздоровление Ленина не могло бы, конечно, воспрепятствовать смене революции бюрократической реакцией.

Недаром Крупская говорила в 1926 году:

«Если б Володя был жив, он сидел бы сейчас в тюрьме».

Но для Сталина вопрос шел не об общем ходе развития, а об его собственной судьбе: либо ему теперь же, сегодня удастся стать хозяином аппарата, а следовательно – партии и страны, либо он будет на всю жизнь отброшен на третьи роли. Сталин хотел власти, всей власти во что бы то ни стало. Он уже крепко ухватился за нее рукою. Цель была близка, но опасность со стороны Ленина – еще ближе.

Именно в этот момент Сталин должен был решить для себя, что надо действовать безотлагательно. У него везде были сообщники, судьба которых была полностью связана с его судьбой. Под рукой был фармацевт Ягода. Передал ли Сталин Ленину яд, намекнув, что врачи не оставляют надежды на выздоровление, или же прибегнул к более прямым мерам, этого я не знаю. Но я твердо знаю, что Сталин не мог пассивно выжидать, когда судьба его висела на волоске, а решение зависело от маленького, совсем маленького движения его руки.

Во второй половине января 1924 года я выехал на Кавказ в Сухум, чтобы попытаться избавиться от преследовавшей меня таинственной инфекции, характер которой врачи не разгадали до сих пор. Весть о смерти Ленина застигла меня в пути. Согласно широко распространенной версии, я потерял власть по той причине, что не присутствовал на похоронах Ленина. Вряд ли можно принимать это объяснение всерьез. Но самый факт моего отсутствия на траурном чествовании произвел на многих друзей тяжелое впечатление. В письме старшего сына, которому в то время шел 18-й год, звучала нота юношеского отчаяния: надо было во что бы то ни стало приехать! Таковы были и мои собственные намерения, несмотря на тяжелое болезненное состояние. Шифрованная телеграмма о смерти Ленина застала нас с женой на вокзале в Тифлисе. Я сейчас же послал в Кремль по прямому проводу шифрованную записку:

«Считаю нужным вернуться в Москву. Когда похороны?»

Ответ прибыл из Москвы примерно через час:

«Похороны состоятся в субботу, не успеете прибыть вовремя. Политбюро считает, что Вам, по состоянию здоровья, необходимо ехать в Сухум.

Сталин».

Требовать отложения похорон ради меня одного я считал невозможным. Только в Сухуме, лежа под одеялами на веранде санаториума, я узнал, что похороны были перенесены на воскресенье. Обстоятельства, связанные с первоначальным назначением и позднейшим изменением дня похорон так запутаны, что нет возможности осветить их в немногих строках. Сталин маневрировал, обманывал не только меня, но, видимо, и своих участников по триумвирату. В отличие от Зиновьева, который подходил ко всем вопросам с точки зрения агитационного эффекта, Сталин руководствовался в своих рискованных маневрах более осязательными соображениями. Он мог бояться, что я свяжу смерть Ленина с прошлогодней беседой о яде, поставлю перед врачами вопрос, не было ли отравления; потребую специального анализа. Во всех отношениях было поэтому безопаснее удержать меня подалее до того дня, когда оболочка тела будет бальзамирована, внутренности сожжены, и никакая экспертиза не будет более возможна.

Когда я спрашивал врачей в Москве о непосредственных причинах смерти, которой они не ждали, они неопределенно разводили руками. Вскрытие тела, разумеется, было произведено с соблюдением всех необходимых обрядностей: об этом Сталин в качестве генерального секретаря позаботился прежде всего! Но яду врачи не искали, даже если более проницательные допускали возможность самоубийства. Чего-либо другого они, наверное, не подозревали. Во всяком случае, у них не могло быть побуждений слишком утончать вопрос. Они понимали, что политика стоит над медициной. Крупская написала мне в Сухум очень горячее письмо[55]; я не

[55] Письмо это Троцкий намеревался опубликовать в первом номере «Бюллетеня оппозиции» в 1929 году. Но оно было похищено у него профессором Хариным, сотрудником Парижского советского торгпредства, и передано

беспокоил расспросами на эту тему. С Зиновьевым и Каменевым я возобновил личные отношения только через два года, когда они порвали со Сталиным. Они явно избегали разговоров об обстоятельствах смерти Ленина, отвечали односложно, отводя глаза в сторону. Знали ли они что-нибудь или только подозревали? Во всяком случае, они были слишком тесно связаны со Сталиным в предшествующие три года и не могли не опасаться, что тень подозрения ляжет и на них. Точно свинцовая туча окутывала историю смерти Ленина. Все избегали разговора об ней, как если б боялись прислушаться к собственной тревоге. Только экспансивный и разговорчивый Бухарин делал иногда с глазу на глаз неожиданные и странные намеки.

– О, вы не знаете Кобы, – говорил он со своей испуганной улыбкой. – Коба на все способен.

Над гробом Ленина Сталин прочитал по бумажке клятву верности заветам учителя в стиле той гомилетики, которую он изучал в тифлисской духовной семинарии. В ту пору клятва осталась малозамеченной. Сейчас она вошла во все хрестоматии и занимает место синайских заповедей.

* * *

В связи с московскими процессами и последними событиями на международной арене имена Нерона и Цезаря Борджиа упоминались не раз. Если уж вызывать эти старые тени, то следует, мне кажется, говорить, о сверх-Нероне и сверх-Борджиа, – так скромны, почти наивны, кажутся преступления тех эпох по сравнению с подвигами нашего времени. Под чисто персональными аналогиями можно, однако, открыть более глубокий исторический смысл. Нравы римской империи упадка складывались на переломе от рабства к феодализму, от язычества к христианству. Эпоха Возрождения означала перелом от феодального общества к буржуазному, от католицизма к протестантизму и либерализму.

В обоих случаях старая мораль успела истлеть прежде, чем новая сложилась.

Сейчас мы снова живем на переломе двух систем, в эпоху величайшего социального кризиса, который, как всегда, сопровождается кризисом морали. Старое расшатано до основания. Новое едва начало строиться. Когда в доме провалилась крыша, сорвались с цепей окна и двери, в нем неуютно и трудно жить. Сейчас сквозные ветры дуют по всей нашей планете. Традиционным принципам морали приходится все хуже и хуже, и притом не только со стороны Сталина… Историческое объяснение не есть, однако, оправдание. И Нерон был продуктом своей эпохи. Но после его гибели его статуи были разбиты, и его имя выскоблено отовсюду. Месть истории страшнее мести самого могущественного генерального секретаря. Я позволяю себе думать, что это утешительно.

13 октября 1939 года
Койоакан

Приложение

Письмо Троцкого переводчику Ч. Маламуту

Дорогой товарищ Маламут!

Я опасаюсь, что в «Лайф» сталинцы ведут какую-то интригу, говорят, что в аппарате этого журнала много сталинцев. Я до сих пор не получил от редакции никакого ответа. Не знаете ли Вы, в чем дело? Заплатить они все равно обязаны, так как статья заказана.

Что касается вопроса о дне похорон, то, насколько я теперь понимаю, на основании полученных мною справок, в частности, Вашего письма, дело обстояло следующим образом. Когда я вернулся из Сухума в Москву и когда у меня с несколькими ближайшими товарищами

органам ОГПУ. У Троцкого осталась заверенная им же самим копия письма Крупской (другая сохранилась в архиве Макса Истмена).

шел разговор о похоронах (вопрос был затронут скорее вскользь, т. к. прошло уже свыше трех месяцев), мне говорили: он (Сталин) или они (тройка) вовсе не думали устраивать похороны в субботу, они хотели лишь добиться вашего отсутствия. Кто мне говорил это? Может быть, И. Н. Смирнов или Муралов, вряд ли Склянский, который был очень сдержан и осторожен. Так у меня сложилось впечатление, что о субботе не было вообще разговору.

Теперь я вижу, что махинация была сложнее. Сталин не решился ограничиться одной телеграммой мне о том, что похороны состоятся в субботу. От имени Политбюро, а может быть, секретариата ЦК, он отдал распоряжение военным властям о подготовке к субботе. Муралов и Склянский, разумеется, приняли распоряжение за чистую монету, хотя и были удивлены слишком близким сроком. Зиновьев принял такие же меры по Коминтерну.

Что Сталин с самого начала считал субботний срок фиктивным, вытекает из ряда обстоятельств, и, в частности, из приведенного Вами показания Вальтера Дуранти[56]. Он утверждает, что многие лица успели приехать на похороны из мест, отстоящих от Москвы дальше, чем Тифлис. Он не объясняет, однако, как им удалось совершить такое чудо. Между тем объяснение просто. На похороны прибыли из отдаленных мест, конечно, наиболее ответственные чиновники: секретари комитетов, председатели исполкомов и пр. В этот период у Сталина с большинством крупных аппаратчиков, как было разоблачено на XIV съезде партии, был особый «личный» шифр для сношений по всем вопросам, которые направлены были против меня. Прежде чем в газетах появилось какое-либо оповещение о смерти Ленина, все эти секретари получили, несомненно, шифрованные телеграммы с приказанием немедленно выехать в Москву, вероятнее всего, без всякого указания дня похорон. Ввиду критического момента, Сталин мобилизовал во всей стране своих аппаратчиков. Он не мог бы вызвать на похороны людей, которые находились дальше от Москвы, чем Тифлис, если бы действительно имел в виду похороны в субботу. Интрига оказалась сложнее, чем мне, находившемуся тогда в Сухуме, казалось по беглым разговорам в Москве несколько месяцев спустя. Но суть дела остается та же.

Кстати, тот факт, что Дуранти несколько лет спустя тщательно разъяснил этот эпизод, – разумеется, по указанию сверху, – показывает, что Сталин считал полезным замести и этот след.

17 ноября 1939 года
Койоакан

Сталин против Сталина

Ложь есть социальная функция. Она отражает противоречия между людьми и классами. Она нужна там, где нужно прикрыть, смягчить, замазать противоречие. Где социальные антагонизмы имеют долгую историю, там ложь приобретает уравновешенный, традиционный, почтенный характер. В нынешнюю эпоху небывалого обострения борьбы между классами и нациями ложь приобрела, наоборот, бурный, напряженный, взрывчатый характер. Никогда со времен Каина не лгали еще так, как лгут в наше время. К тому же к услугам лжи стоят сейчас ротационные машины, редко кинематограф. В мировом хоре лжи Кремль занимает не последнее место.

Много лгут, правда, фашисты. В Германии имеется специальный режиссер фальсификаций: Геббельс. Аппарат Муссолини тоже не бездействует. Но ложь фашизма имеет, так сказать, статический характер. Она почти монотонна. Объясняется это тем, что между повседневной политикой фашистской бюрократии и ее абстрактными формулами нет того ужасающего противоречия, которое все больше развертывается между программой советской

---

[56] Всемирно известный американский журналист в 30-е годы (Виктор Луи тех времен) прямо или косвенно служил орудием сталинской внешней политики. Через него кремлевские власти неоднократно распространяли на Западе выгодные для них слухи.

бюрократии и ее действительной политикой. В СССР социальные противоречия нового типа возникли на глазах ныне живущего поколения. Над народом сразу поднялась могущественная паразитическая каста. Самое существование ее есть вызов всем тем принципам, во имя которых произведена была Октябрьская революция. Вот почему эта «коммунистическая» (!) каста вынуждена лгать более, чем какой бы то ни было из правящих классов человеческой истории.

Официальная ложь советской бюрократии, отражающая разные этапы ее восхождения, меняется из года в год. Последовательные пласты лжи создали чрезвычайный хаос в официальной идеологии. Вчера бюрократия говорила не то, что третьего дня, а сегодня говорит не то, что вчера. Советские библиотеки превратились таким образом в очаги страшной заразы. Студенты, учителя, профессора, наводящие справки в старых газетах и журналах, открывают на каждом шагу, что одни и те же вожди по одним и тем же вопросам высказывали на коротком промежутке времени прямо противоположные суждения, притом не только теоретического, но и фактического характера, проще сказать, лгали в зависимости от изменчивых интересов дня.

Так возникла необходимость упорядочить ложь, согласовать фальсификации, кодифицировать подлоги. После длительной работы в Москве выпущена в этом году «История Коммунистической партии» под редакцией Центрального Комитета, вернее сказать, самого Сталина. Никаких ссылок, цитат, доказательств в этой «Истории» нет, она представляет собою продукт чисто бюрократического вдохновения. Чтоб опровергнуть хотя бы главные фальсификации, изложенные на 350 страницах этой книги, понадобилось бы несколько тысяч страниц. Мы попытаемся дать читателю понятие об амплитуде лжи на одном, правда наиболее ярком, примере, именно на вопросе о руководстве Октябрьской революцией, причем заранее делаем вызов господам «друзьям» опровергнуть хотя бы одну из наших цитат, хотя бы одну из наших дат, хотя бы одну фразу в одной из наших цитат, хотя бы одно слово в одной из фраз.

Кто руководил октябрьским переворотом? Новая «История» отвечает на этот вопрос вполне категорически: «…партийный центр по руководству восстанием, во главе с тов. Сталиным». Замечательно, однако, что об этом центре никто не знал до 1924 г. Нигде, ни в газетах, ни в мемуарах и официальных актах вы не найдете ссылки на деятельность партийного центра «во главе со Сталиным». Легенда о партийном центре стала фабриковаться только с 1924 г. и окончательного своего развития достигла в прошлом году с созданием специального фильма «Ленин в Октябре».

Принимал ли кто-нибудь еще участие в руководстве, кроме Сталина? «Товарищи Ворошилов, Молотов, Дзержинский, Орджоникидзе, Киров, Каганович, Куйбышев, Фрунзе, Ярославский и другие, – гласит „История“, – получили специальные задания партии по руководству восстанием на местах». К ним прибавлены еще Жданов и… Ежов. Здесь назван полностью штаб Сталина. Других руководителей, как оказывается, не было. Так гласит «История» Сталина.

Берем в руки первое издание Сочинений Ленина, выпущенное Центральным Комитетом партии еще при жизни Ленина. По поводу Октябрьского восстания в специальном примечании о Троцком говорится следующее: «После того, как Петербургский Совет перешел в руки большевиков, Троцкий был избран его председателем, в качестве которого организовал и руководил восстанием 25-го Октября». Ни слова о «партийном центре». Ни слова о Сталине. Эти строки писались, когда вся история Октябрьской революции была совершенно свежа, когда главные участники были живы, когда документы, протоколы, газеты были доступны всем. При жизни Ленина никогда и никто, в том числе и сам Сталин, не возражал против этой характеристики руководства Октябрьским восстанием, которая повторялась в тысячах местных газет, официальных справочников и входила в тогдашние школьные учебники.

«Был создан Военно-революционный комитет при Петроградском Совете, ставший легальным штабом восстания», – говорит «История». Она забывает только прибавить, что председателем Военно-революционного комитета был Троцкий, а не Сталин. «Смольный… стал боевым штабом революции, откуда шли боевые приказы», – гласит «История». Она забывает только прибавить, что Сталин никогда не работал в Смольном, не входил в Военно-революционный комитет, не принимал участия в боевом руководстве, сидел в редакции газеты и появился в Смольном только после окончательной победы восстания.

Из множества свидетельств по интересующему нас вопросу выберем одно, наиболее

убедительное в данном случае: речь идет о свидетельстве самого Сталина. В первую годовщину революции он посвятил в московской «Правде» особую статью Октябрьскому перевороту и его руководящим участникам. Скрытая цель статьи состояла в том, чтобы сказать партии, что Октябрьским восстанием руководил не один Троцкий, но и Центральный Комитет. Однако в то время Сталин не мог еще позволять себе открытых фальсификаций. Вот что он писал по поводу руководства восстанием:

> «Вся работа по практической организации восстания проходила под непосредственным руководством председателя Петроградского Совета тов. Троцкого. Можно с уверенностью сказать, что быстрым переходом гарнизона на сторону Совета и умелой постановкой работы Военно-революционного комитета партия обязана прежде всего и главным образом тов. Троцкому. Товарищи Антонов и Подвойский были главными помощниками тов. Троцкого».

Эти строки, которые мы цитируем дословно, написаны Сталиным не через двадцать лет после восстания, а через год. В статье, специально посвященной руководителям восстания, нет ни слова о так называемом «партийном центре». Зато названы лица, которые совершенно исчезли из официальной «Истории».

Только в 1924 году, после смерти Ленина, когда многое уже было позабыто, Сталин впервые объявил во всеуслышание задачей историков разрушение «легенды (!) об особой роли Троцкого в Октябрьском восстании». «Должен сказать, – говорил он публично, – что никакой особой роли в Октябрьском восстании Троцкий не играл и играть не мог». Как примирил, однако, Сталин эту новую версию со своей собственной статьей 1918 года? Очень просто: он запретил цитировать свою старую статью. Всякая попытка сослаться на нее в советской печати привела бы несчастного автора к самым тягчайшим последствиям. Однако в публичных библиотеках многих столиц мира нетрудно найти номер «Правды» от 7 ноября 1918 года, который представляет собой убийственную улику против Сталина и его школы фальсификаций.

У меня на столе десятки, сотни документов, опровергающих каждую фальсификацию сталинской «Истории». Но на этот раз довольно и сказанного. Прибавим только, что незадолго до своей смерти Роза Люксембург писала:

> «Ленин и Троцкий со своими друзьями были первыми, которые подали пример мировому пролетариату. Они и сейчас еще остаются единственными, которые могут воскликнуть вместе с Гуттеном: я дерзнул на это!»

Этого факта не отменят никакие фальсификаторы, хотя бы в их распоряжении были самые сильные ротационные машины и радиостанции.

19 ноября 1938 года
Койоакан

К политической биографии Сталина

Восемь лет борьбы после Ленина, восемь лет борьбы против Троцкого, восемь лет режима эпигонов – сперва «тройка», затем «семерка» и, наконец, «единый» – весь этот многозначительный период спуска революции, ее откатов в международном масштабе, ее теоретического снижения подвел нас к некоторому в высшей степени критическому пункту. В бюрократическом триумфе Сталина резюмируется большая историческая полоса, и вместе с тем, знаменуется близкая неизбежность ее преодоления. Кульминация бюрократизма предрекает его кризис. Он может оказаться гораздо более быстрым, чем его рост и подъем. Режим национал-социализма и его герой попадают под удары не только внутренних противоречий, но и международного революционного движения. Мировой кризис даст последнему ряд новых толчков. Пролетарский авангард не сможет и не захочет задыхаться в тисках молотовского руководства. Личная ответственность Сталина ангажирована полностью. Сомнения и тревога забрались в души даже наиболее вышколенных. А Сталин не может дать

больше того, что у него есть. Ему предстоит спуск, который может оказаться тем более стремительным, чем более искусственный характер имел подъем.

Во всяком случае, Сталин есть центральная фигура нынешнего межеумочного периода. Характеристика Сталина в связи с ходом XVI съезда получает большой политический интерес. Настоящий номер Бюллетеня[57] посвящен в значительной мере характеристике аппаратного вождя как политического деятеля и как теоретика.

В следующих ниже строках мы хотим дать некоторые материалы к политической биографии Сталина. Наши материалы крайне неполны. Мы выбираем наиболее существенное из того, что оказалось у нас в архиве. Но в нашем архиве нет пока многих существенных, может быть, самых важных материалов и документов. Из архивов департамента полиции, перехватывавшего и копировавшего в течение десятилетий письма революционеров, документы и пр., Сталин в течение последних лет тщательно собирал материалы, при помощи которых он мог, с одной стороны, держать в руках недостаточно надежных друзей, набросить тень на противников, а главное – оградить себя и своих единомышленников от публикования тех или других цитат или эпизодов, которые способны нанести ущерб фальшивой «монолитности» искусственно построенных биографий. Этих документов у нас нет. Крайнюю неполноту наших сведений надо всегда иметь в виду при оценке печатаемых ниже материалов.

* * *

1. 23 декабря 1925 года в партийной газете «Заря Востока» ближайшими друзьями Сталина была опубликована следующая жандармская справка, относящаяся к 1903 году:

«По вновь полученным мною агентурным сведениям Джугашвили был известен в организации под кличкой „Сосо“ и „Коба“; с 1902 года работал в социал-демократической партийной организации, сначала меньшевиком, потом большевиком, как пропагандист и руководитель первого района (железнодорожного)».

По поводу этой жандармской справки о Сталине, опубликованной его сторонниками, никаких опровержений, насколько знаем, нигде не появлялось. Из справки вытекает, что Сталин начал свою работу меньшевиком.

2. В 1905 году Сталин принадлежал к большевикам и принимал активное участие в борьбе. Каковы были воззрения его и действия в 1905 году? Каковы были взгляды его на характер революции и ее перспективы? Насколько знаем, никаких документов на этот счет в обороте нет. Никаких статей, речей или резолюций Сталина перепечатано не было.

Почему? Очевидно, потому, что перепечатка статей или писем Сталина за тот период могла бы только нанести ущерб его политической биографии. Ничем другим это упорное забвение прошлого «вождя» объяснить нельзя.

3. В 1907 году Сталин принимает участие в экспроприации Тифлисского банка. Меньшевики вслед за буржуазными филистерами немало негодовали по поводу «заговорщицких» методов большевизма и его «анархобланкизма». У нас к этому негодованию может быть только одно отношение: презрение. Факт участия в смелом, хотя и частичном ударе врагу делает только честь революционной решимости Сталина. Приходится, однако, изумляться, почему этот факт трусливо устранен из всех официальных биографий Сталина? Не во имя ли бюрократической респектабельности? Думаем все же, что нет. Скорее, по политическим причинам. Ибо, если участие в экспроприировании само по себе отнюдь не может скомпрометировать революционера в глазах революционеров, то ложная политическая оценка тогдашней ситуации компрометирует Сталина как политика. Отдельные удары по учреждениям, в том числе и «кассам» врага совместимы лишь с массовым наступлением, т. е. с подъемом революции. При отступлении масс частные, отдельные, партизанские удары неизбежно вырождаются в авантюры и ведут к деморализации партии. В 1907 году революция откатывалась, и экспроприации вырождались в авантюры. Сталин, во всяком случае, показал в

---

[57] «Бюллетень оппозиции», выпускаемый Троцким с 1929 по 1940 г. в Берлине, Париже и США. – *Прим. ред. – сост* .

этот период, что не умеет отличать отлива от прилива. Неспособность политической ориентировки широкого масштаба он обнаружит в дальнейшем не раз (Эстония, Болгария, Кантон, 3-й период).

4. Сталин ведет со времени первой революции жизнь профессионального революционера. Тюрьмы, ссылки, побеги. Но за весь период реакции (1907–1911) мы не находим ни одного документа: статьи, письма, резолюции, – в которых Сталин формулировал бы свою оценку обстановки и перспектив. Не может быть, чтобы таких документов не было. Не может быть, чтобы они не сохранились хотя бы в архиве департамента полиции. Почему они не появляются в печати? Совершенно очевидно, почему: они не способны упрочить ту нелепую характеристику теоретической и политической непогрешимости, которую создает Сталину, т. е. себе самому, аппарат.

Одно лишь письмо того периода попало по недосмотру в печать, – и оно целиком подтверждает нашу гипотезу.

24 января 1911 года Сталин писал из ссылки друзьям, причем письмо его, перехваченное департаментом полиции, было перепечатано 23 декабря 1925 года все той же услужливой не по разуму редакцией «Зари Востока». Вот что писал Сталин:

> «О заграничной „буре в стакане“, конечно, слышали: блоки Ленина-Плеханова с одной стороны, и Троцкого-Мартова-Богданова, с другой. Отношение рабочих к первому блоку, насколько я знаю, благоприятное. Но вообще на заграницу рабочие начинают смотреть пренебрежительно: пусть, мол, лезут на стену, сколько их душе угодно; а по-нашему, кому дороги интересы движения, тот работай, остальное же приложится. Это, по-моему, к лучшему».

Здесь не место останавливаться на том, насколько правильно Сталин определяет состав блоков. Вопрос не в этом.

5. Ленин вел неистовую борьбу против легалистов, ликвидаторов и оппортунистов, за перспективу второй революции. Эта борьба определяла тогда в основном все группировки за границей. Как же большевик Сталин оценивает эти бои? Как самый беспомощный эмпирик, как беспринципный практик: «буря в стакане воды; пусть, мол, лезут на стену; работай, остальное же приложится». Сталин приветствует настроение теоретического безразличия и мнимого превосходства близоруких практиков над революционными теоретиками. «Это, по-моему, к лучшему», – пишет он по адресу тех настроений, которые были характерны для периода реакции и упадка. Мы имеем, таким образом, в лице большевика Сталина даже не политическое примиренчество, – ибо примиренчество было идейным течением, которое стремилось создать принципиальную платформу, – мы имеем слепой эмпиризм, доходящий до полного пренебрежения к принципиальным проблемам революции.

Нетрудно себе представить, какую головомойку получила злополучная редакция «Зари Востока» за опубликование этого письма и какие меры были приняты в общегосударственном масштабе для того, чтобы такие письма не появлялись в дальнейшем.

6. В докладе на 7-м пленуме ИККИ (1926 г.) Сталин следующим образом характеризовал прошлое партии:

> «…Если взять историю нашей партии с момента ее зарождения, в виде группы большевиков в 1903 году, и проследить ее последующие этапы вплоть до нашего времени, то можно сказать без преувеличения, что история нашей партии есть история борьбы противоречий внутри партии… Нет и не может быть „средней“ линии в вопросах принципиального характера…»

Эти внушительные слова направлены против идейного «примиренчества» по отношению к тем, против кого Сталин вел борьбу. Но эти абстрактные формулы идейной непримиримости находятся в полном противоречии с политической физиономией и политическим прошлым самого Сталина. Он был, как эмпирик, органическим примиренцем, но именно как эмпирик он своему примиренчеству не давал принципиального выражения.

7. В 1912 году Сталин участвует в легальной газете большевиков «Звезда». Петербургская

редакция, в прямой борьбе с Лениным, ставит сперва эту газету как примиренческий орган. Вот что пишет Сталин в программной редакционной статье:

> «…Мы будем удовлетворены и тем, если газете удастся, не впадая в полемические увлечения различных фракций, с успехом отстаивать духовные сокровища последовательной демократии, на которые теперь дерзко посягают и явные враги и ложные друзья». (Революция и ВКП (б) в материалах и документах. Т. 5. С. 161–162.)

Фраза насчет «полемических увлечений разных (!) фракций» целиком направлена против Ленина, против его «бури в стакане воды», против его постоянной готовности «лезть на стену» из-за каких-то там «полемических увлечений».

Статья Сталина вполне, таким образом, совпадает с вульгарно-примиренческой тенденцией цитированного выше письма его 1911 года и полностью противоречит позднейшему заявлению о недопустимости средней линии в вопросах принципиального характера.

8. Одна из официальных биографий Сталина гласит:

«В 1913 году был снова сослан в Туруханск, где оставался до 1917 года».

Юбилейный сталинский номер «Правды» выражается так же:

«1913-1914-1915-1916 гг. Сталин проводит в Туруханской ссылке». (Правда. 1929. 21 декабря.)

И больше ни слова. Это были годы мировой войны, крушения II Интернационала, Циммервальда, Кинталя, глубочайшей идейной борьбы в социализме. Какое участие принимал Сталин в этой борьбе? Четыре года ссылки должны были быть годами напряженной умственной работы. Ссыльные ведут в таких условиях дневники, пишут трактаты, вырабатывают тезисы, платформы, обмениваются полемическими письмами и пр. Не может быть, чтобы Сталин за четыре года ссылки не написал ничего по основным проблемам войны, Интернационала и революции. Между тем тщетно стали бы мы искать каких-либо следов духовной работы Сталина за эти четыре поразительных года. Каким образом это могло произойти? Совершенно очевидно, что если бы нашлась одна-единственная строка, где Сталин формулировал бы идею пораженчества или провозглашал бы необходимость нового Интернационала, эта строка давно бы уже была напечатана, сфотографирована, переведена на все языки и обогащена учеными комментариями всех академий и институтов. Но такой строки не нашлось. Значит ли это, что Сталин совсем ничего не писал? Нет, это не значит. Это было бы совершенно невероятно. Но это значит, что среди всего написанного им за четыре года не оказалось ничего, решительно ничего, что можно было бы использовать сегодня для подкрепления его репутации. Таким образом, годы войны, когда выковывались идеи и лозунги русской революции и III Интернационала, в идейной биографии Сталина оказываются пустым местом. Весьма вероятно, что он в это время говорил и писал: «Пускай они там лезут на стену и устраивают бури в стакане воды».

9. Сталин приезжает с Каменевым в Петроград к середине марта 1917 года. «Правда», руководимая Молотовым и Шляпниковым, имеет неопределенный, примитивный, но все же «левый» характер, направленный против Временного правительства. Сталин и Каменев отстраняют старую редакцию, как слишком левую, и занимают совершенно оппортунистическую позицию в духе левых меньшевиков:

а) поддержка Временного правительства, постольку поскольку;

б) военная оборона революции (т. е. буржуазной республики);

в) объединение с меньшевиками типа Церетели.

Позиция «Правды» тех дней представляет собой поистине скандальную страницу в истории партии и в биографии Сталина. Его мартовские статьи, явившиеся «революционным» выводом из его размышлений в ссылке, вполне объясняют, почему из работ Сталина этой эпохи войны не появилось до сих пор ни одной строки.

10. Приведем здесь рассказ Шляпникова (Семнадцатый год. Кн. 2. 1925) о том перевороте, какой произвели Сталин и Каменев, связанные тогда единством позиции:

> «День выхода первого номера „преобразованной“ „Правды“ – 15 марта – был днем оборонческого ликования. Весь Таврический дворец, от дельцов Комитета Государственной думы до самого сердца революционной демократии – Исполнительного комитета – был преисполнен одной новостью: победой умеренных, благоразумных большевиков над крайними. В самом Исполнительном комитете нас встретили ядовитыми улыбками. Это был первый и единственный раз, когда „Правда“ вызвала одобрение даже матерых оборонцев либердановского толка. Когда этот номер „Правды“ был получен на заводах, там он вызвал полное недоумение среди членов нашей партии и сочувствовавших нам и язвительное удовольствие у наших противников. В Петербургский комитет, в Бюро ЦК и в редакцию „Правды“ поступали запросы: в чем дело, почему наша газета отказалась от большевистской линии и стала на путь оборонческой? Но Петербургский комитет, как и вся организация, был застигнут этим переворотом врасплох и по этому случаю глубоко возмущался и винил Бюро ЦК. Негодование в районах было огромное, а когда пролетарии узнали, что „Правда“ была захвачена приехавшими из Сибири тремя бывшими руководителями „Правды“, то потребовали исключения их из партии».

(Третий – бывший депутат Муранов.)

К этому надо прибавить следующее:

а) изложение Шляпникова перерабатывалось и крайне смягчалось под давлением Сталина и Каменева в 1925 году (тогда еще господствовала «тройка»!);

б) в официальной печати не появилось никаких опровержений шляпниковского рассказа. Да и как опровергать? Ведь номера тогдашней «Правды» налицо.

11. Отношение Сталина к проблеме революционной власти выражено им в речи на партийном совещании (заседание 29 марта 1917 года):

> «Временное же правительство взяло фактически роль закрепителя завоеваний революционного народа. Совет Р. и С. Д. мобилизует силы, контролирует; Временное же правительство – упираясь, путаясь, берет роль закрепителя тех завоеваний народа, которые фактически уже взяты им. Такое положение имеет отрицательные, но и положительные стороны: нам невыгодно сейчас форсировать события, ускоряя процесс откалывания буржуазных слоев, которые неизбежно впоследствии должны будут отойти от нас».

Сталин боится «отталкивать буржуазию» – основной довод меньшевиков начиная с 1904 года:

> «Поскольку Временное правительство закрепляет шаги революции – постольку ему поддержка; поскольку же оно контрреволюционно – поддержка Временного правительства неприемлема».

Совершенно так же говорил и Дан. Можно ли другими словами защищать буржуазное правительство пред лицом революционных масс?

Дальше протоколы гласят:

> «Тов. Сталин оглашает резолюцию о Временном правительстве, принятую Бюро ЦК, но говорит, что не совсем согласен с нею, и скорее присоединяется к резолюции Красноярского Совета Р. и С. Д.».

Приводим важнейшие пункты красноярской резолюции:

> «Со всей полнотой выяснить, что единственный источник власти и авторитета Временного правительства есть воля народа, который совершил этот переворот и которому Временное правительство обязано всецело повиноваться…»

> «Поддерживать Временное правительство в его деятельности лишь постольку, поскольку оно идет по пути удовлетворения требований рабочего класса и революционного крестьянства в происходящей революции».

Такова позиция Сталина в вопросе о власти.

12. Надо особо подчеркнуть дату: 29 марта. Таким образом, через месяц с лишним после начала революции Сталин все еще говорит о Милюкове как о союзнике: Совет завоевывает, Временное правительство закрепляет. Трудно поверить, что эти слова мог произнести докладчик на большевистской конференции[58] в конце марта 1917 года! Так не поставил бы вопроса даже Мартов. Это есть теория Дана в наиболее вульгарном выражении: абстракция демократической революции, в рамках которой действуют более «умеренные» и более «решительные» силы и разделяют между собой работу: одни завоевывают, другие закрепляют. И тем не менее речь Сталина не случайна. Мы имеем в ней схему всей сталинской политики в Китае в 1924–1928 гг.

С каким страстным, несмотря на всю сдержанность, негодованием бичевал позицию Сталина Ленин, успевший прибыть на последнее заседание того же совещания:

«Даже наши большевики, – говорил он, – обнаруживают доверчивость к правительству. Объяснить это можно только угаром революции. Это – гибель социализма. Вы, товарищи, относитесь доверчиво к правительству. Если так, нам не по пути. Пусть лучше останусь в меньшинстве. Один Либкнехт стоит дороже ПО оборонцев типа Стеклова и Чхеидзе. Если вы сочувствуете Либкнехту и протянете хоть палец (оборонцам),– это будет измена международному социализму». (Мартовское партийное совещание 1917 г. Заседание 4 апреля. Доклад т. Ленина, с. 44.)

Не нужно забывать, что речь Ленина, как и протоколы в целом, до сих пор скрываются от партии.

13. Как ставил Сталин вопрос о войне? Так же, как и Каменев. Нужно пробудить европейских рабочих, а пока выполнять свой долг по отношению к «революции».

Но как пробудить европейских рабочих? Сталин отвечает в статье от 17 марта:

«…мы уже указывали на один из серьезнейших способов сделать это. Он заключается в том, чтобы заставить собственное правительство высказаться не только против всяких завоевательных планов… но и открыто формулировать волю русского народа, немедленно начать переговоры о всеобщем мире на условиях полного отказа от всяких завоеваний с обеих сторон и права наций на самоопределение».

Таким образом, пацифизм Милюкова – Гучкова должен был служить средством пробуждения европейского пролетариата.

4 апреля, на другой день по приезде, Ленин с негодованием заявил на партийном совещании:

> «„Правда“ требует от правительства, чтоб оно отказалось от аннексий. Требовать от правительства капиталистов, чтоб оно отказалось от аннексий, – чепуха, вопиющая издевка…» (Мартовское партийное совещание 1917 г. Заседание 4 апреля. Доклад т. Ленина, с. 44.)

Эти слова были целиком направлены против Сталина.

14. 14 марта меньшевистско-эсеровский Совет выпускает манифест о войне к трудящимся всех стран. Манифест представлял лицемерный, лжепацифистский документ в духе всей политики меньшевиков и эсеров, которые уговаривали рабочих других стран восстать против своей буржуазии, а сами шли в одной упряжке с империалистами России и всей Антанты.

Как Сталин оценил этот манифест?

---

[58] Имеется в виду Всероссийское совещание Советов рабочих и солдатских депутатов 4(17) апреля 1917 г. – *Прим. ред. – сост* .

> «Прежде всего, несомненно, что голый лозунг „долой войну“ совершенно не пригоден, как практический путь… Нельзя не приветствовать вчерашнее воззвание Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в Петрограде к народам всего мира с призывом заставить собственные правительства прекратить бойню. Воззвание это, если оно дойдет до широких масс, без сомнения, вернет сотни и тысячи рабочих к забытому лозунгу „Пролетарии всех стран, соединяйтесь!“».

Как оценил воззвание оборонцев Ленин? В уже цитированной речи 4 апреля он сказал:

> «Воззвание Совета рабочих депутатов – там нет ни одного слова, проникнутого классовым сознанием. Там сплошная фраза!» (Мартовское партийное совещание 1917 г. Заседание 4 апреля. Доклад т. Ленина, с. 45.)

Эти слова Ленина направлены целиком против Сталина. Поэтому-то протоколы мартовского совещания и скрываются от партии.

15. Проводя в отношении к Временному правительству и к войне политику левых меньшевиков, Сталин не имел никакого основания отказываться от объединения с меньшевиками. Вот как он высказывался по этому вопросу на той же мартовской конференции 1917 года. Цитируем дословно протокол:

> «В порядке дня – предложение Церетели об объединении.
> Сталин:
> – Мы должны пойти. Необходимо определить наши предложения о линии объединения. Возможно объединение по линии Циммервальда – Кинталя».

Даже Молотов выражает (правда, не очень членораздельно) свои сомнения. Сталин возражает:

> «Забегать вперед и предупреждать разногласия не следует. Без разногласий нет партийной жизни. Внутри партии мы будем изживать мелкие разногласия». (Мартовское партийное совещание. Заседание 4 апреля, с. 32.)

Эти немногие слова говорят больше, чем целые тома. Они показывают те мысли, какими питался Сталин в годы войны, и свидетельствуют с юридической точностью о том, что циммервальдизм Сталина был той же самой марки, что и циммервальдизм Церетели. Здесь опять-таки нет и намека на ту идейную непримиримость, фальшивую маску которой Сталин, в интересе аппаратной борьбы, надел на себя несколько лет спустя. Наоборот, меньшевизм и большевизм представляются Сталину в конце марта 1917 года оттенками мысли, которые могут уживаться в одной партии. Разногласия с Церетели Сталин называет «мелкими разногласиями», которые можно «изживать» внутри единой организации. Мы видим здесь, насколько к лицу Сталину обличать задним числом примиренческое отношение Троцкого к левым меньшевикам… в 1913 году.

16. При такой позиции Сталин, естественно, ничего серьезного не мог противопоставить эсерам и меньшевикам в Исполнительном Комитете, куда он вошел по приезде как представитель партии. Не осталось в протоколах или в печати ни одного предложения, заявления, протеста, в котором Сталин сколько-нибудь отчетливо противопоставил бы большевистскую точку зрения лакейству «революционной демократии» перед буржуазией. Один из бытописателей того периода, беспартийный полуоборонец Суханов, автор упомянутого выше манифеста к трудящимся всего мира, говорит в своих «Записках о революции»:

> «У большевиков в это время, кроме Каменева, появился в Исп. Комитете Сталин… За время своей скромной деятельности в Исп. Комитете (он) производил – не на одного меня – впечатление серого пятна, иногда маячившего тускло и бесследно. Больше о нем, собственно, нечего сказать». (Записки о революции, кн. 2, с.

265, 266.)

17. Прорвавшийся, наконец, из-за границы Ленин рвет и мечет против «каутскианской» (выражение Ленина) «Правды», Сталин отходит в сторону. В то время, как Каменев обороняется, Сталин отмалчивается. Постепенно он вступает в новую официальную колею, проложенную Лениным. Но мы не найдем у него ни одной самостоятельной мысли, ни одного обобщения, на котором можно было бы остановиться. Где представляется случай, Сталин становится между Каменевым и Лениным. Так за четыре дня до октябрьского переворота, когда Ленин требовал исключения Зиновьева и Каменева, Сталин в «Правде» заявил, что он не усматривает принципиальных разногласий. (См. в этом же номере статью «Шило в мешке».)

18. Никакой самостоятельной позиции в период брестских переговоров Сталин не занимал. Он колебался, выжидал, отмалчивался. В последний момент голосовал за предложение Ленина. Путаная и беспомощная позиция Сталина в тот период достаточно ярко, хотя и не полно, характеризуется даже официально обработанными протоколами ЦК. (См. «Шило в мешке».)

19. В период гражданской войны Сталин был противником принципов, положенных в основу создания Красной Армии и вдохновлял за кулисами так называемую «военную оппозицию» против Ленина и Троцкого. Факты, сюда относящиеся, изложены отчасти в Автобиографии Троцкого (т. 2, с. 167; «Военная оппозиция»). (См. также статью Маркина в No 12–13 «Бюллетеня оппозиции», с. 36).

20. В 1922 году, во время болезни и отпуска Троцкого, Сталин проводит в ЦК под влиянием Сокольникова решение, подрывающее монополию внешней торговли. Благодаря решительному выступлению Ленина и Троцкого, решение это было отменено. (См. «Письмо в Истпарт» Троцкого.)

21. В национальном вопросе Сталин занимает в тот же период позицию, которую Ленин обвиняет в бюрократических и шовинистических тенденциях. Сталин со своей стороны обвиняет Ленина в национальном либерализме. (См. «Письмо в Истпарт» Троцкого.)

22. Каково было поведение Сталина в вопросе о германской революции в 1923 году? Здесь ему приходилось снова, как в марте 1917 года, самостоятельно ориентироваться в вопросе большого масштаба: Ленин был болен, с Троцким велась борьба. Вот что писал Сталин Зиновьеву и Бухарину в августе 1923 года о положении в Германии:

> «Должны ли коммунисты стремиться (на данной стадии) к захвату власти без с.-д., созрели ли они уже для этого, – в этом, по-моему, вопрос. Беря власть, мы имели в России такие резервы, как:
>
> а) мир;
>
> б) землю крестьянам;
>
> в) поддержку громадного большинства рабочего класса;
>
> г) сочувствие крестьянства.
>
> Ничего такого у немецких коммунистов сейчас нет. Конечно, они имеют по соседству Советскую страну, чего у нас не было; но что можем мы дать им в данный момент? Если сейчас в Германии власть, так сказать, упадет, а коммунисты ее подхватят, они провалятся с треском. Это „в лучшем“ случае. А в худшем случае – их разобьют вдребезги и отбросят назад. Дело не в том, что Брандлер хочет „учить массы“; дело в том, что буржуазия плюс правые с.-д. наверняка превратили бы учебу-демонстрацию в генеральный бой (они имеют пока что все шансы для этого) и разгромили бы их. Конечно, фашисты не дремлют, но нам выгоднее, чтобы фашисты первые напали: это сплотит весь рабочий класс вокруг коммунистов (Германия не Болгария). Кроме того, фашисты, по всем данным, слабы в Германии. По-моему, немцев надо удержать, а не поощрять».

Таким образом, в августе 1923 года, когда германская революция стучалась во все двери, Сталин считал, что Брандлера надо удерживать, а не поощрять. За упущение революционной ситуации в Германии Сталин несет главную тяжесть ответственности. Он поддерживал и поощрял кунктаторов, скептиков, выжидателей в Германии. В вопросе всемирно-исторической

важности он не случайно занял оппортунистическую позицию: по существу он лишь продолжал ту политику, которую в марте 1917 года проводил в России.

23. После того как революционная ситуация была загублена пассивностью и нерешительностью, Сталин долго еще защищал от Троцкого брандлеровский ЦК, защищая тем самым самого себя. При этом Сталин ссылался, конечно, на «своеобразие». Так, 17 декабря 1924 года – через год после крушения в Германии! – Сталин писал:

> «Об этом своеобразии нельзя забывать ни на одну минуту. О нем особенно следует помнить при анализе германских событий осенью 1923 г. О нем прежде всего должен помнить т. Троцкий, огульно (!) проводящий аналогию (!!) между Октябрьской революцией и революцией в Германии и безудержно бичующий германскую компартию». («Вопросы ленинизма», изд. 1928 г., с. 171.)

Таким образом, Троцкий был повинен в те времена в «бичевании» брандлерианства, а не в покровительстве ему. Из этого ясно видно, насколько Сталин с его Молотовым пригодны для борьбы против правых в Германии!

24. 1924 год – год великого поворота. Весною этого года Сталин повторяет еще старые формулы о невозможности построения социализма в отдельной стране, тем более отсталой. Осенью того же года Сталин порывает с Марксом и Лениным в основном вопросе пролетарской революции и строит свою «теорию» социализма в отдельной стране. Кстати сказать, нигде у Сталина эта теория в положительной форме не развернута и даже не изложена. Все обоснование сводится к двум заведомо ложно истолкованным цитатам из Ленина. Ни на одно возражение Сталин не ответил. Теория социализма в отдельной стране имеет административное, а не теоретическое обоснование.

В том же году Сталин создает теорию «двухсоставных», т. е. двухклассовых рабоче-крестьянских партий для Востока. Это есть разрыв с марксизмом и всей историей большевизма в основном вопросе: о классовом характере партии. Даже Коминтерн оказался в 1928 году вынужденным отодвинуться от теории, которая надолго загубила компартии Востока. Но великое открытие продолжает фигурировать и сегодня в сталинских «Вопросах ленинизма».

В том же году Сталин проводит подчинение китайского коммунизма буржуазной партии Гоминдан, выдавая последнюю за «рабоче-крестьянскую» партию выдуманного им образца. Китайские рабочие и крестьяне авторитетом Коминтерна политически закабаляются буржуазией. Сталин организует в Китае то «разделение труда», которое Ленин помешал ему организовать в России в 1917 году: китайские рабочие и крестьяне «завоевывают», Чан Кайши «закрепляет».

Политика Сталина явилась прямой и непосредственной причиной крушения китайской революции.

Позиция Сталина – его зигзаги – в вопросах советского хозяйства слишком свежи в памяти наших читателей, поэтому мы на них здесь не останавливаемся.

Напомним еще в заключение только о «Завещании» Ленина. Дело идет не о полемической статье или речи, где можно с основанием предположить неизбежные преувеличения, вытекающие из горячности борьбы. Нет, в «Завещании» Ленин спокойно, взвешивая каждое слово, подает последний совет партии, оценивая каждого из своих сотрудников на основании всего опыта своей работы с ними. Что говорит он о Сталине?

а) «груб»;

б) «нелоялен»;

в) «склонен злоупотреблять властью».

Вывод: снять с поста генерального секретаря.

Еще через несколько недель Ленин продиктовал Сталину записку, в которой заявлял о «разрыве с ним всяких личных и товарищеских отношений».

Это было одно из последних волеизъявлений Ленина. Все эти факты закреплены в протоколах июльского Пленума ЦК за 1927 г.

* * *

Таковы некоторые вехи политической биографии Сталина. Они дают достаточно законченный образ, в котором энергия, воля и решимость сочетаются с эмпиризмом, близорукостью, органической склонностью к оппортунистическим решениям в больших вопросах, личной грубостью, нелояльностью и готовностью злоупотреблять властью для подавления партии.

Сталин как теоретик

I. Мужицкий баланс демократической и социалистической революций

> «…Появление т. Сталина на конференции аграрников-марксистов – это была эпоха в истории Коммунистической академии. Исходя из того, что говорил т. Сталин, нам пришлось пересмотреть все свои планы и переделать их в том направлении, о каком говорил т. Сталин. Выступление т. Сталина дало громадный толчок в нашей работе». (Покровский на XVI съезде.)

В своем программном докладе на конференции аграрников-марксистов (27 декабря 1929 года) Сталин долго распространялся насчет того, будто «троцкистско-зиновьевская оппозиция» считает, что «Октябрьская революция, собственно говоря, ничего не дала крестьянству».

Вероятно, даже почтительным слушателям эта выдумка показалась слишком уж топорной. Надо, однако, для ясности привести цитату полнее:

«Я имею в виду, – говорил Сталин, – теорию о том, что Октябрьская революция дала будто бы крестьянству меньше (?), чем Февральская революция; что Октябрьская революция, собственно говоря, ничего не дала крестьянству». Изобретение этой «теории» Сталин приписывает одному из советских статистов-экономистов Громану, известному в прошлом меньшевику, после чего прибавляет:

«Но эта теория была подхвачена троцкистско-зиновьевской оппозицией и использована против партии».

Теория Громана насчет Февральской и Октябрьской революций нам совершенно неизвестна. Но Громан здесь вообще ни при чем. Он припутан только для заметания следов. Каким образом Февральская революция могла дать крестьянину больше, чем Октябрьская? Что вообще дала Февральская революция крестьянину, кроме верхушечной и потому совершенно ненадежной ликвидации монархии? Бюрократический аппарат остался старый. Земли Февральская революция крестьянину не дала. Зато она дала ему продолжение войны и обеспечила дальнейшее развитие инфляции. Может быть, Сталину известны какие-нибудь другие дары Февральской революции крестьянам? Нам они неизвестны. Февральская революция потому и уступила место Октябрьской, что кругом обманула мужика.

Мнимую теорию оппозиции о преимуществах Февральской революции над Октябрьской Сталин связывает с теорией «насчет так называемых ножниц». Этим он выдает до конца источники и цели своей кляузы. Сталин полемизирует, как я сейчас покажу, против меня. Лишь для удобства своих операций, для маскировки наиболее грубых искажений он прячется за Громана и за безымянную «троцкистско-зиновьевскую оппозицию» вообще.

Действительное существо вопроса состоит в следующем. На XII съезде партии (весною 1923 года) я впервые демонстрировал угрожающее расхождение промышленных и сельскохозяйственных цен. В докладе моем это явление впервые было названо «ножницами цен». Я предупреждал, что дальнейшее отставание промышленности будет раздвигать эти ножницы и что они могут перерезать нити, связывающие пролетариат и крестьянство.

В феврале 1927 года на Пленуме Центрального Комитета при обсуждении вопроса о политике цен я в 1001-й раз пытался доказать, что общие фразы вроде «лицом к деревне» проходят мимо существа дела и что с точки зрения смычки с мужиком вопрос разрешается в основе своей соотношением цен на сельскохозяйственные и промышленные продукты. Беда крестьянина состоит в том, что ему трудно заглянуть далеко вперед. Но под ногами у себя он

видит очень хорошо, твердо помнит вчерашний день и умеет подводить своему товарообмену с городом баланс, который является для него в каждый данный момент балансом революции.

Экспроприация помещичьего землевладения вместе с налоговыми облегчениями освободили крестьянство от уплаты суммы около пятисот-шестисот миллионов рублей. Это есть явное и неоспоримое завоевание крестьянства благодаря Октябрьской революции, – отнюдь не Февральской.

Но наряду с этим огромным плюсом крестьянин столь же отчетливо различает и минус, который принесла ему та же Октябрьская революция. Этот минус состоит в чрезмерном удорожании промышленных продуктов по сравнению с довоенными ценами. Разумеется, если бы в России сохранился капитализм, ножницы цен, несомненно, имели бы место, – это явление международное. Но во-первых, крестьянин этого не знает. А во-вторых, нигде эти ножницы не раздвинулись так, как в Советском Союзе. Большие потери крестьянства на ценах имеют временный характер, отражая период «первоначального накопления» государственной промышленности. Пролетарское государство как бы берет у крестьянина взаймы, чтобы вернуть ему затем сторицею. Но все это уже относится к области теоретических соображений и исторического предвиденья. Мысль же крестьянина эмпирична и опирается на факты в их сегодняшнем разрезе. «Октябрьская революция освободила меня от уплаты полумиллиарда земельной ренты, – рассуждает мужик. – Спасибо большевикам. Но государственная промышленность берет у меня на ценах гораздо больше, чем брали капиталисты. Тут что-то у коммунистов неладно». Другими словами, крестьянин подводит баланс Октябрьской революции путем сочетания двух ее основных статей: аграрно-демократической («большевистской») и индустриально-социалистической («коммунистической»). По первой статье – явный и бесспорный плюс; по второй статье – пока еще явный минус, притом на сегодняшнее число значительно превышающий плюс. Пассивное сальдо Октябрьской революции, составляющее основу всех недоразумений между крестьянином и советской властью, находится, в свою очередь, в самой тесной связи с изолированным положением Советского Союза в мировом хозяйстве.

Спустя почти три года после старых споров, Сталин на беду свою вернулся к вопросу. Так как он обречен повторять чужие зады и в то же время заботиться о своей «самостоятельности», то он вынужден на каждом шагу беспокойно оглядываться на вчерашний день «троцкистской оппозиции» и… заметать следы. Сталин совершенно не понял в свое время «ножниц» города и деревни; в течение пяти лет (1923–1928) он видел опасность в забегании промышленности вперед, а не в ее отставании; чтоб смазать все это хоть как-нибудь, он в своем докладе бормочет нечто несвязное о «буржуазном предрассудке (!!!) насчет так называемых ножниц». Почему это предрассудок? И в чем его буржуазность? Но Сталин не обязан отвечать на эти вопросы, так как никто не смеет ему задавать их.

Если бы Февральская революция дала мужику землю, то Октябрьская революция, при ножницах цен, не могла бы продержаться и двух лет. Вернее сказать, Октябрьская революция не могла бы и совершиться, если бы Февральская оказалась способной разрешить основную аграрно-демократическую задачу путем ликвидации частного землевладения.

Выше мы уже косвенно напоминали, что в первые годы после Октября крестьянин упорно стремился противопоставлять коммунистов большевикам. Последних он одобрял, – именно потому, что они совершили земельную революцию с такой решительностью, с какой она не совершалась еще нигде и никогда. Но тот же крестьянин был недоволен коммунистами, которые, взяв в свои руки фабрики и заводы, товары доставляют по дорогой цене. Другими словами, крестьянин очень решительно одобрял аграрную революцию большевиков, но с тревогой, с сомнением, а подчас и с открытой враждебностью относился к первым шагам социалистической революции. Довольно скоро, однако, мужику пришлось понять, что большевики и коммунисты – одна и та же партия.

В феврале 1927 года вопрос был поставлен мною на Пленуме ЦК следующим образом.

Ликвидация помещиков открыла нам у мужиков большой кредит, как политический, так и экономический. Но этот кредит не вечен и не безграничен. Вопрос решается соотношением цен. Только ускорение индустриализации, с одной стороны, коллективизации крестьянских хозяйств, с другой, может привести к более выгодному для деревни соотношению цен. В

противном случае выгоды аграрной революции целиком сосредоточатся в руках кулаков, ножницы же будут больнее всего ранить бедняков. Дифференциация середняков пойдет ускоренно. Результат при этом может быть один: крушение диктатуры пролетариата.

«В этом году, – говорил я, – на внутренний рынок будет выброшено промышленных товаров всего на 8 млрд рублей по розничным ценам… Деревня заплатит за свою меньшую половину товаров около 4 млрд рублей. Примем розничный промышленный индекс по отношению к довоенным ценам за 2,– как говорил здесь Микоян… Это значит, что деревня на промышленных изделиях переплачивает около 2 млрд рублей… Баланс (крестьянина): аграрно-демократическая революция принесла мне, помимо всего прочего, 500 млн рублей в год (ликвидация арендной платы и снижение налогов). Социалистическая революция перекрыла эту прибыль 2-миллиардным убытком. Ясно, что баланс сводится с 1,5-миллиардным дефицитом».

Никто мне не возразил на этом заседании ни слова, но Яковлев, нынешний народный комиссар земледелия, а тогда еще только чиновник особых поручений по делам статистики, получил задание: во что бы то ни стало ниспровергнуть мой расчет. Яковлев сделал все, что мог. Со всеми законными и незаконными поправками и ограничениями Яковлев на следующий день оказался вынужден признать, что баланс Октябрьской революции для деревни в целом все еще сводится с минусом. Приведем опять подлинную цитату:

> «…Выигрыш от уменьшения прямых платежей по сравнению с довоенным временем равен примерно 630 млн червонных рублей… Крестьянство потеряло в прошлом году около 1 млрд рублей вследствие того, что оно покупает промтовары не по индексу крестьянского дохода, а по розничному индексу промтоваров. Отрицательное сальдо равно около 400 млн рублей».

Ясно, что расчет Яковлева в основном подтвердил мою мысль: крестьянин реализовал крупный доход от совершенной большевиками демократической революции, но терпит пока еще убыток от совершенной ими социалистической революции, причем убыток значительно превышает прибыль. Я оценил пассивное сальдо в полтора миллиарда. Яковлев – менее чем в полмиллиарда. Считаю и сейчас, что моя цифра, отнюдь не претендовавшая на точность, была ближе к действительности, чем яковлевская. Разница двух цифр сама по себе очень значительна, но она не меняет моего основного вывода. Острота хлебозаготовительных затруднений явилась подтверждением моего расчета как более тревожного. Нелепо, в самом деле, думать, будто хлебная заготовка верхних слоев деревни вызывалась чисто политическими мотивами, т. е. враждебностью кулака по отношению к советскому государству. На такого рода «идеализм» кулак не способен. Если он не вывозил свой хлеб на продажу, то потому, что обмен становился невыгоден вследствие ножниц цен. Поэтому же кулаку удавалось втягивать в орбиту своего влияния и середняка.

Этот расчет имеет грубый, так сказать, валовой характер. Составные статьи баланса могут и должны быть расчленены применительно к трем основным слоям крестьянства: кулакам, середнякам и беднякам. Однако в тот период – начала 1927 года – официальная статистика, вдохновлявшаяся Яковлевым, игнорировала или злостно преуменьшала дифференциацию деревни, политика же Сталина – Рыкова – Бухарина была направлена на покровительство «крепкому» крестьянину и на борьбу с «иждивенчеством» бедняка. Таким образом, внутри деревни пассивное сальдо баланса особенно тяжко давило именно на низы крестьянства.

Но откуда все-таки взялось у Сталина противопоставление Февральской революции и Октябрьской? – спросит читатель. Вопрос законный. Сделанное мною противопоставление аграрно-демократической и индустриально-социалистической революций, Сталин, совершенно неспособный к теоретическому, т. е. абстрактному мышлению, смутно понял по-своему: он решил попросту, что демократическая революция – значит Февральская. На этом необходимо остановиться, ибо старое, традиционное непонимание Сталиным и его единомышленниками взаимоотношения демократической революции и социалистической, лежащее в основе всей их борьбы против теории перманентной революции, успело уже причинить ужасающие бедствия, особенно в Китае и Индии, и остается источником убийственных ошибок и по сей день.

Дело в том, что Февральскую революцию 1917 года Сталин встретил, по существу, левым

демократом, а не пролетарским революционером-интернационалистом. Он это ясно показал всем своим поведением до приезда Ленина. Февральская революция была для Сталина, и, как видим, осталась, «демократической» революцией par excellence[59]. Он стоял за поддержку первого временного правительства, которое возглавлялось национал-либеральным помещиком кн. Львовым, имело национал-консервативного фабриканта Гучкова военным министром, а национал-либерала Милюкова министром иностранных дел. Обосновывая на совещании партии 29 марта 1917 года необходимость поддержки буржуазно-помещичьего временного правительства, Сталин заявлял:

> «Власть поделилась между двумя органами, из которых ни один не имеет всей полноты власти. Роли поделились. Совет фактически взял почин революционных преобразований; Совет – революционный вождь восставшего народа, орган, конструирующий Временное правительство. Временное правительство взяло фактически роль закрепителя завоеваний революционного народа… Поскольку Временное правительство закрепляет шаги революции, – постольку ему поддержка…»[60]

«Февральское» буржуазно-помещичье и насквозь контрреволюционное правительство являлось для Сталина не классовым врагом, а сотрудником, с которым надо установить разделение труда. Рабочие и крестьяне будут «завоевывать», буржуазия будет «закреплять». Все вместе составит «демократическую революцию». Формула о поддержке буржуазии «постольку-поскольку», основная формула меньшевиков, была в то же время и формулой Сталина. Все это говорилось Сталиным через месяц после февральского переворота, когда характер Временного правительства должен был быть ясен и слепому уже не на основании марксистского предвиденья, а политического опыта.

Как показал весь дальнейший ход событий, Ленин в 1917 году, в сущности, не переубедил Сталина, а только отстранил его локтем. На механическом расчленении демократической революции и социалистической построена вся дальнейшая борьба Сталина против теории перманентной революции. Сталин до сих пор не понял, что Октябрьская революция была прежде всего демократической революцией и что только поэтому она могла осуществить диктатуру пролетариата. Произведенный мною баланс демократических и социалистических завоеваний Октябрьской революции Сталин приспособил попросту к своей старой концепции. После этого он ставит вопрос: «Верно ли, что крестьяне ничего не получили от Октябрьской революции?» И, рассказавши о том, что «благодаря Октябрьской революции крестьяне освободились от помещичьего ярма», (этого мы, видите ли, никогда раньше не слышали!), Сталин заключает так:

«Как можно после этого утверждать, что Октябрьская революция ничего не дала крестьянам?»

Как можно после этого утверждать, спросим мы, что у этого «теоретика» есть хоть крупица теоретической совести?…

* * *

Приведенный выше неблагоприятный для деревни баланс Октябрьской революции является, разумеется, временным и переходным. Главное значение Октябрьской революции для крестьянства в том, что она создала предпосылки социалистической перестройки сельского хозяйства. Но это – дело будущего. В 1927 году коллективизация была еще в полном загоне. О «сплошной» никто еще и не помышлял. Сталин, однако, и ее включает задним числом в расчет.

---

[59] Преимущественно *(лат.)*.

[60] Речь Сталина цитируется нами по официальному протоколу, который до сих пор тщательно скрывается от партии. Подчеркивания сделаны нами.

«Теперь, после усиленного развития колхозного движения, – предвосхищает наш теоретик будущее и переселяет его в прошлое, – крестьяне имеют возможность…производить гораздо больше, чем раньше, при той же затрате труда». И после этого снова:

«Как можно после всего этого (!) утверждать, что Октябрьская революция не дала выигрыша крестьянству? Разве не ясно, что люди, говорящие такую небылицу, явным образом лгут на партию и на советскую власть?…» Упоминание о «небылице» и о «лжи», как видим, здесь вполне на своем месте. Да, некоторые люди «явным образом лгут» на хронологию и на здравый смысл.

Сталин, как мы видим, углубляет свою «небылицу», изображая дело так, будто оппозиция не только возвеличила Февральскую революцию за счет Октябрьской, но и на будущие времена отказывала последней в способности улучшить положение крестьянства. На каких, с позволения сказать, дураков это рассчитано? Извиняемся перед почтенным профессором Покровским!…

Выдвигая неизменно с 1923 года проблему хозяйственных ножниц города и деревни, оппозиция преследовала вполне определенную и теперь для всякого бесспорную цель: заставить бюрократию понять, что борьба с опасностью размычки может вестись не мармеладными лозунгами, вроде «лицом к деревне» и проч., а посредством:

а) более быстрого темпа промышленного развития и

б) энергичной коллективизации крестьянского хозяйства.

Другими словами, проблему ножниц, как и проблему мужицкого баланса Октябрьской революции, мы выдвигали не для «дискредитирования» Октябрьской революции, – одна «терминология» чего стоит! – а для того, чтобы оппозиционным хлыстом заставить самодовольную и консервативную бюрократию использовать те неизмеримые хозяйственные возможности, которые открыла перед страной Октябрьская революция.

Официальному кулацко-бюрократическому курсу 1923–1928 годов, который находил свое выражение в повседневной законодательной и административной работе, в новых теориях, и прежде всего в травле оппозиции, последняя противопоставила с 1923 года курс на ускоренную индустриализацию, а с 1926 года, после первых успехов промышленности, на механизацию и коллективизацию сельского хозяйства.

Напомним еще раз, что оппозиционная платформа, которую Сталин держит под спудом, но из которой он черпает по кусочкам всю свою мудрость, гласит:

«Растущему фермерству деревни должен быть противопоставлен более быстрый рост коллективов. Необходимо систематически, из года в год, производить значительные ассигнования на помощь бедноте, организованной в коллективы…» (С. 24.)

«Должны быть вложены гораздо более значительные средства в совхозное и колхозное строительство. Необходимо предоставление максимальных льгот вновь организующимся колхозам и другим формам коллективизации. Членами колхозов не могут быть лица, лишенные избирательных прав. Задачей перевода мелкого производства в крупное, коллективистическое, должна быть проникнута вся работа кооперации».

«Необходимо принять землеустроительные работы полностью за счет государства, причем в первую очередь должны быть землеустроены коллективные хозяйства и хозяйства бедноты с максимальным ограждением их интересов». (С. 26.)

Если бы бюрократия не шаталась под давлением мелкобуржуазной стихии, а проводила бы программу оппозиции с 1923 года, не только пролетарский, но и мужицкий баланс Октябрьской революции имел бы сегодня несравненно более благополучный характер.

* * *

Проблема смычки есть проблема взаимоотношений города и деревни. Она распадается на две части или, вернее, может быть рассматриваема под двумя углами зрения:

а) взаимоотношения промышленности и сельского хозяйства;

б) взаимоотношения пролетариата и крестьянства.

На основах рынка эти взаимоотношения, имеющие форму товарооборота, находят свое выражение в движении цен. Соотношение между ценами на хлеб, лен, свеклу и пр., с одной

стороны, на ситец, керосин, плуг и пр., с другой, дает решающий показатель для оценки взаимоотношений города и деревни, промышленности и сельского хозяйства, рабочих и крестьян. Проблема ножниц промышленных и сельскохозяйственных цен остается поэтому и для нынешнего периода важнейшей хозяйственной и социальной проблемой всей советской системы. Как же изменялись между двумя съездами, т. е. за последние 2,5 года, ножницы цен? Сжимались они или, наоборот, расширялись?

Тщетно стали бы мы искать ответа на этот центральный вопрос в десятичасовом докладе Сталина на съезде. Давая груды ведомственных цифр, превращая руководящий доклад в бюрократический справочник, Сталин не сделал и попытки марксистского обобщения разрозненных и совершенно непродуманных им фактических данных, которые предъявили ему комиссариаты, секретариаты и иные канцелярии.

Сжимаются ли ножницы промышленных и сельскохозяйственных цен? Другими словами, уменьшается ли пока еще пассивное для крестьянина сальдо социалистической революции? В рыночных условиях – а мы из них не выскочили и еще долго не выскочим – сжатие или расширение ножниц имеет решающее значение для оценки достигнутых успехов и для проверки правильности или неправильности хозяйственных планов и методов. То, что в докладе Сталина об этом – ни слова, само по себе является крайне тревожным обстоятельством. Если бы ножницы сжимались, то в ведомстве Микояна нашлись бы спецы, которые дали бы без труда этому процессу цифровое и графическое выражение. Сталину осталось бы продемонстрировать диаграмму, т. е. показать съезду изображение ножниц, свидетельствующее о сжимании их лезвий. Вся экономическая часть доклада нашла бы свою ось. Увы, теперь ее нет. Проблему ножниц Сталин обошел.

Внутренние ножницы не являются, конечно, последней инстанцией. Существует другая, более высокая: это ножницы внутренних и мировых цен. Они измеряют производительность труда в советском хозяйстве сравнительно с производительностью труда мирового капиталистического рынка. От прошлого мы получили в этой области, как и в других, ужасающее наследство отсталости. Практически задача в отношении ближайшего ряда лет состоит не в том, чтобы смаху «догнать и перегнать» – до этого, к сожалению, еще очень далеко! – а в том, чтобы планомерно сжимать ножницы внутренних цен и мировых, что достижимо только при условии систематического приближения производительности труда внутри СССР к производительности труда передовых капиталистических стран. Это требует, в свою очередь, не статистически-максимальных, а экономически-оптимальных планов. Чем чаще бюрократы повторяют размашистую формулу «догнать и перегнать», тем упорнее они игнорируют проблему точных сравнительных коэффициентов социалистической и капиталистической промышленности, или, иначе, проблему ножниц внутренних и мировых цен. И об этом вопросе в докладе Сталина ни слова.

Проблема внутренних ножниц могла бы счесться ликвидированной лишь при условии действительной ликвидации рынка, проблема внешних ножниц – при ликвидации мирового капитализма. Сталин, как мы знаем, совсем было собрался в период своего аграрного доклада послать нэп «к черту», но за протекшие после того полгода одумался. Как это всегда с ним бывает, он неосуществившееся свое намерение ликвидировать нэп подкидывает в съездовском докладе «троцкистам». Белые и желтые нитки этой операции так нескромно торчат наружу, что отчет в этой части доклада не решается отметить ни одного аплодисмента.

Со Сталиным произошло в отношении нэпа и рынка то, что обычно бывает с эмпириками. Крутой поворот, совершившийся в его собственной голове под влиянием внешних толчков, он принял за радикальное изменение всей обстановки. Раз бюрократия вместо пассивного приспособления к рынку и к кулаку решила вступить с ними в последний бой, следовательно, статистика и экономика могут уже считать их как бы несуществующими. Эмпиризм чаще всего служит предпосылкой субъективизма, а если это эмпиризм бюрократический, то он неизбежно становится предпосылкой периодических «перегибов». Искусство «генерального» руководства состоит в таком случае в размене перегибов на перегибчики и в уравнительном их распределении среди илотов, именуемых исполнителями. Если в довершение генеральный перегиб подкинуть «троцкизму», то задача решена. Но дело не в этом. Суть нэпа, несмотря на резкое изменение «сути» сталинских мыслей о нэпе, состоит по-прежнему в рыночном

определении хозяйственных взаимоотношений города и деревни. Если нэп остается, то и ножницы промышленных и сельскохозяйственных цен остаются важнейшим критерием всей хозяйственной политики.

Мы слышали, однако, что Сталин теорию ножниц еще за полгода до съезда назвал «буржуазным предрассудком». Это самый простой выход из положения. Если вы деревенскому знахарю скажете, что кривая температуры является одним из важнейших показателей благополучия или неблагополучия организма, то знахарь вряд ли поверит вам. Если же он нахватался ученых слов и научился, в довершение беды, свое знахарство выдавать за «пролетарскую медицину», то он наверняка ответит вам, что термометр есть буржуазный предрассудок. Если у этого знахаря в руках власть, то он, во избежание соблазна, разобьет термометр о камень, или, еще хуже, о чью-нибудь голову.

В 1925 году дифференциация советского крестьянства была объявлена предрассудком паникеров. Яковлев был направлен в Центральное статистическое управление и отобрал там все марксистские термометры на предмет разрушения. Но беда в том, что изменения температуры не прекращаются в отсутствие термометра. Зато проявления скрытого органического процесса застигают целителей и исцеляемых врасплох. Так было с хлебной забастовкой кулака, который неожиданно оказался руководящей фигурой в деревне и заставил Сталина произвести 15 февраля 1928 года (см. «Правду» от этого числа) поворот на 180 градусов.

Термометр цен имеет не меньшее значение, чем термометр дифференциации крестьянства. После XII съезда партии, где ножницы впервые получили свое наименование и свое истолкование, значение их начало входить во всеобщее понимание. В течение следующих трех лет ножницы неизменно демонстрировались на пленумах ЦК, на конференциях и съездах именно как основная кривая хозяйственной температуры страны. Но затем они постоянно стали исчезать из обихода, и наконец на исходе 1929 года Сталин объявил их «буржуазным предрассудком». Так как термометр оказался своевременно разбит, то у Сталина не было никакого повода представлять XVI съезду партии кривую хозяйственной температуры.

Марксистская теория есть орудие мысли, служащее для уяснения того, что есть, что становится и что предстоит, и для определения того, что надо делать. Сталинская теория есть служанка бюрократии. Она служит для оправдания зигзагов задним числом, для сокрытия вчерашних ошибок и, следовательно, для подготовки завтрашних. Умолчание о ножницах есть центральное место сталинского доклада. Это может показаться парадоксом, ибо умолчание есть пустое место. Но это тем не менее так: в центре сталинского доклада стоит сознательно и преднамеренно просверленная дыра.

Консулы, бдите, дабы от этой самой дыры не было диктатуре ущерба!

II. Земельная рента, или Сталин углубляет Энгельса и Маркса

В начале своей борьбы с «генеральным секретарем» Бухарин заявил как-то, что главной амбицией Сталина является заставить признать себя «теоретиком». Бухарин достаточно хорошо знает Сталина, с одной стороны, азбуку коммунизма, с другой, чтобы понимать всю трагикомичность этой претензии. В качестве теоретика Сталин выступал на конференции аграрников-марксистов. В числе многого другого не поздоровилось при этом земельной ренте.

Еще совсем недавно (1925 г.) Сталин подводил дело к укреплению крестьянских участков на десятки лет, т. е. фактической и юридической ликвидации национализации земли. Наркомзем Грузии, не без ведома Сталина, разумеется, внес в то время законопроект о прямой отмене национализации. В том же духе работал и российский комиссариат земледелия. Оппозиция забила тревогу. В своей платформе она написала:

> «Партия должна дать сокрушительный отпор всем тенденциям, направленным к упразднению или подрыву национализации земли, одного из устоев диктатуры пролетариата».

Подобно тому, как в 1922 году Сталин отказался от своих покушений на монополию внешней торговли, он в 1926 году отказался от покушений на национализацию земли, объявив,

что его «не так поняли».

После провозглашения левого курса Сталин стал не только защитником национализации земли, но и немедленно же обвинил оппозицию в непонимании всего значения этого института. Вчерашний нигилизм по отношению к национализации оказался сразу заменен ее фетишизмом. Марксова теория земельной ренты получила новое административное задание: оправдать сталинскую сплошную коллективизацию.

Здесь необходима маленькая справка с теорией. В своем незаконченном анализе земельной ренты Маркс делит ее на абсолютную и дифференциальную. Поскольку один и тот же человеческий труд в приложении к разным участкам земли дает разные результаты, избыточный результат более плодородного участка будет, естественно, присвоен собственником земли. Это и есть дифференциальная рента. Но ни один из собственников не предоставит арендатору бесплатно даже и худший участок, раз на этот последний есть спрос. Другими словами, из частной собственности на землю вытекает с необходимостью некоторый минимум земельной ренты, независимо от качества участка. Это и есть так называемая абсолютная рента. Реальная арендная плата на землю теоретически сводится, таким образом, к сумме абсолютной и дифференциальной ренты. В соответствии с этой теорией ликвидация частной собственности на землю ведет к ликвидации абсолютной земельной ренты. Остается только та рента, которая определяется качествами самой земли, или, вернее сказать, приложением человеческого труда на участках разного качества. Незачем пояснять, что дифференциальная рента не является каким-либо неподвижным свойством земельных участков, а изменяется вместе с методами эксплуатации земли. Эти краткие напоминания необходимы нам для того, чтобы вскрыть всю плачевность сталинской экскурсии в область теории национализации земли. Сталин начинает с того, что поправляет и углубляет Энгельса. Это с ним уже не в первый раз. В 1926 году Сталин разъяснил нам, что Энгельсу, как и Марксу, неизвестен был азбучный закон неравномерности капиталистического развития и что именно поэтому оба они отвергали теорию социализма в отдельной стране, которую в противовес им защищал Г. Фольмар, теоретический предтеча Сталина.

К вопросу о национализации земли, вернее, к недостаточному пониманию стариком Энгельсом этой проблемы, Сталин подходит с внешней стороны несколько осторожнее. Но по существу – с той же развязностью. Он приводит из работы Энгельса о крестьянском вопросе известные слова о том, что мы отнюдь не будем насиловать волю мелкого крестьянина, наоборот, будем всячески содействовать ему, «…чтобы облегчить ему переход к товариществу», т. е. к коллективному земледелию.

«Мы постараемся предоставить ему возможно больше времени подумать об этом на своем клочке».

Эти превосходные слова, известные каждому грамотному марксисту, дают ясную и простую формулу отношения диктатуры пролетариата к крестьянству.

Стоя перед необходимостью оправдать сплошную коллективизацию в пожарном порядке, Сталин подчеркивает чрезвычайную, даже «с первого взгляда преувеличенную осмотрительность Энгельса» по отношению к переводу мелких крестьян на путь социалистического сельского хозяйства. Чем руководствовался Энгельс в этой своей «преувеличенной» осмотрительности? Сталин отвечает на это так:

> «Очевидно, что он исходил из наличия частной собственности на землю, из того факта, что у крестьянина имеется „свой клочок“ земли, с которым ему, крестьянину, трудно будет расстаться… Таково крестьянство в капиталистических странах, где существует частная собственность на землю. Понятно, что тут (?) нужна большая осмотрительность. Можно ли сказать, что у нас в СССР имеется такое же положение? Нет, нельзя этого сказать. Нельзя, так как у нас нет частной собственности на землю, приковывающей крестьянина к его индивидуальному хозяйству».

Таково рассуждение Сталина. Можно ли сказать, что в этом рассуждении есть хоть крупица смысла? Нет, этого сказать нельзя. Энгельсу, оказывается, нужна была «осмотрительность» потому, что в буржуазных странах существует частная собственность на

землю. А Сталину никакой осмотрительности не нужно, потому что у нас установлена национализация земли. Но разве в буржуазной России не существовало частной собственности на землю наряду с более архаической общинной собственностью? Ведь национализацию земли мы не застали в готовом виде, а ввели ее после завоевания власти. Энгельс же говорит о той политике, которую пролетарская партия будет проводить именно после завоевания власти. Какой же смысл имеет сталинское снисходительное объяснение нерешительности Энгельса: старику-де приходилось действовать в буржуазных странах, где существует частная собственность на землю, тогда как мы вот догадались частную собственность отменить. Но ведь Энгельс рекомендует осмотрительность именно после завоевания власти пролетариатом, следовательно, после отмены частной собственности на средства производства.

Противопоставляя советскую крестьянскую политику советам Энгельса, Сталин самым нелепым образом запутывает вопрос. Энгельс обещал дать мелкому крестьянину время подумать на своем участке, прежде чем тот решится вступить в коллектив. На этот переходный период мужицкого «раздумья» рабочее государство должно, по Энгельсу, ограждать мелкого земледельца от ростовщика, скупщика и проч., т. е. ограничивать эксплуататорские тенденции кулака. Именно этот двоякий характер и имела, при всех своих колебаниях, советская политика по отношению к главной, т. е. не эксплуататорской массе крестьянства. Несмотря на статистическую трескотню, коллективистское движение делает сейчас, на тринадцатом году после завоевания власти, в сущности, только самые первые свои шаги. Подавляющей массе крестьян диктатура пролетариата уже предоставила, таким образом, двенадцать лет на размышление. Вряд ли Энгельс имел в виду такой большой срок, и вряд ли такой срок понадобился бы в передовых государствах Запада, где при высокой индустрии пролетариату несравненно легче показать крестьянам на деле все преимущества коллективной обработки земли. Если у нас только через двенадцать лет после завоевания власти пролетариатом начинается широкое, но пока еще очень примитивное по содержанию и очень неустойчивое движение в сторону коллективизации, то это объясняется как раз нашей бедностью и отсталостью, несмотря на то что у нас осуществлена национализация земли, о которой будто бы Энгельс не догадывался или которой будто бы западный пролетариат не сможет провести после завоевания власти. Из противопоставления России и Запада, а заодно Сталина и Энгельса, так и прет идеализация национальной отсталости.

Но Сталин на этом не останавливается. Экономическую несуразицу он немедленно же дополняет теоретической.

«Почему, – спрашивает он своих злополучных слушателей, – удается так легко (!!) демонстрировать у нас, в условиях национализации земли, превосходство (колхозов) перед мелким крестьянским хозяйством? Вот где великое революционное значение советских аграрных законов, уничтоживших абсолютную ренту… и установивших национализацию земли».

И Сталин самодовольно и в то же время укоризненно спрашивает:

«Почему же этот новый (?!) аргумент не используется в достаточной мере нашими теоретиками-аграрниками в их борьбе против всяких и всех буржуазных теорий?»

Тут-то Сталин и ссылается – аграрникам-марксистам рекомендуется не переглядываться, не сморкаться смущенно и тем более не прятать голову под стол, – на третий том «Капитала» и на теорию земельной ренты Маркса.

Унеси ты мое горе!

На какие высоты взобрался теоретик, прежде чем… плюхнуться в лужу со своим «новым аргументом»…

По Сталину выходит, что западного крестьянина прикрепляет к земле не что иное, как «абсолютная рента». А так как мы эту гадину «уничтожили», то тем самым исчезла та каторжная «власть земли» над крестьянином, которую у нас с такой силой показал Глеб Успенский, а во Франции – Бальзак и Золя.

Прежде всего установим, что абсолютная рента у нас отнюдь не уничтожена, а только огосударствлена, что совсем не одно и то же. Ньюмарк оценивал народное богатство России к 1914 году в 140 миллиардов золотых рублей, включая сюда прежде всего цену всей земли, т. е. капитализированную ренту всей страны. Если мы сейчас захотим определить удельный вес

народного богатства Советского Союза в богатстве всего человечества, то мы, разумеется, включим и капитализированную ренту, как дифференциальную, так и абсолютную.

Все экономические критерии, в том числе и абсолютная рента, сводятся к человеческому труду. В условиях рыночного хозяйства рента определяет то количество продуктов, которое может быть изъято владельцем земли из продуктов приложенного к ней труда. Владельцем земли является в СССР государство, тем самым оно является носителем земельной ренты. О действительной ликвидации абсолютной ренты возможно будет говорить лишь при социализации всей земли всей нашей планеты, т. е. при победе международной революции. В национальных же границах, не в обиду Сталину будь сказано, не только нельзя социализм построить, но и даже абсолютную ренту уничтожить.

Этот интересный теоретический вопрос имеет практическое значение. Земельная рента находит свое выражение на мировом рынке в цене сельскохозяйственных продуктов. Поскольку советское правительство является экспортером этих последних – а при интенсификации сельского хозяйства земледельческий экспорт должен сильно расти, – постольку советское государство, вооруженное монополией внешней торговли, выступает на мировом рынке как собственник той земли, продукты которой оно экспроприирует, и, следовательно, в цене этих продуктов советское государство реализует сосредоточенную им в своих руках земельную ренту. Если б техника нашего сельского хозяйства была не ниже капиталистической, а заодно и техника нашей внешней торговли, то именно у нас, в СССР, абсолютная рента выступила бы в наиболее ясном и концентрированном виде. Этот момент должен получить в дальнейшем крупнейшее значение при плановом руководстве сельским хозяйством и экспортом. Если сейчас Сталин хвастает тем, что мы будто бы «уничтожили» абсолютную ренту, вместо того чтоб ее реализовать на мировом рынке, то временное право на такую похвальбу ему дано нынешней слабостью нашего сельскохозяйственного экспорта и нерациональным характером внешней торговли, в которой тонет бесследно не только абсолютная рента, но и многое другое. Эта сторона дела, не имеющая непосредственно отношения к коллективизации крестьянского хозяйства, показывает нам, однако, еще на одном примере, что идеализация хозяйственной изолированности и хозяйственной отсталости является одной из основных черт нашего национал-социалистического философа.

Вернемся к вопросу о коллективизации. По Сталину выходит, что парцелльного крестьянина на Западе привязывает к земельному клочку ядро абсолютной ренты. Над этим «новым аргументом» посмеется каждая крестьянская курица. Абсолютная рента есть чисто капиталистическая категория. Парцелльное крестьянское хозяйство только разве при эпизодических условиях исключительно выгодной рыночной конъюнктуры, как это было, например, в начале войны, может, так сказать, вкусить абсолютной ренты. Экономическая диктатура финансового капитала над раздробленной деревней находит на рынке свое выражение во вне-эквивалентном обмене. Крестьянство вообще не выходит из режима ножниц во всем мире. В ценах на хлеб и вообще на продукты сельского хозяйства подавляющая масса мелкого крестьянства не реализует сплошь да рядом даже и заработной платы, не только что ренты.

Но если абсолютная рента, которую Сталин так победоносно «уничтожил», решительно ничего не говорит ни уму, ни сердцу мелкого крестьянина, то дифференциальная рента, которую Сталин великодушно пощадил, имеет как раз для западного крестьянина большое значение. Парцелльный крестьянин держится за свой участок тем крепче, чем больше он или его отец потратил сил и средств на повышение его плодородия. Это относится, впрочем, не только к Западу, но и к Востоку, например, к Китаю, с его районами интенсивной грядковой культуры. Известные элементы мелкособственнического консерватизма заложены тут, следовательно, не в абстрактной категории абсолютной ренты, а в материальных условиях более высокой парцелльной культуры. Если русские крестьяне сравнительно легко отказываются от связи с определенным участком, то вовсе не потому, что сталинский «новый аргумент» освободил их от абсолютной ренты, а по той же самой причине, по которой у нас и до Октябрьской революции происходили периодические земельные переделы. Наши «народники» идеализировали эти переделы как таковые. Между тем они были возможны лишь благодаря экстенсивному хозяйству, трехполью, жалкой обработке земли, т. е. опять-таки по

причине идеализируемой Сталиным отсталости.

Будет ли на Западе победоносному пролетариату труднее, чем у нас, преодолеть крестьянский консерватизм, вытекающий из более высокой культуры мелкого хозяйства? Ни в коем случае. Ибо там, благодаря несравненно более высокому состоянию индустрии и общей культуры, пролетарское государство сможет гораздо легче дать крестьянину при переходе к коллективной обработке явную и реальную компенсацию за утраченную им «дифференциальную ренту» со своего клочка. Не может быть никакого сомнения в том, что через двенадцать лет после завоевания власти коллективизация сельского хозяйства будет в Германии, Англии или Америке стоять неизмеримо выше и прочнее, чем у нас сейчас.

Разве же не курьез, что свой «новый аргумент» в пользу сплошной коллективизации Сталин открыл через двенадцать лет после того, как национализация была произведена? Почему же он, несмотря на наличность национализации, в течение 1923–1928 годов столь упорно ставил ставку на мощного индивидуального товаропроизводителя, а не на колхозы? Ясно: национализация земли есть необходимое условие для социалистического земледелия, но совершенно недостаточное. С узкоэкономической точки зрения, т. е. с той, с какой берется этот вопрос Сталиным, национализация земли является как раз фактором третьестепенного значения, ибо стоимость инвентаря, необходимого для рационального крупного хозяйства, во много раз превосходит абсолютную ренту.

Незачем говорить, что национализация земли есть необходимая и важнейшая политическая и правовая предпосылка социалистического переустройства сельского хозяйства. Но непосредственное экономическое значение национализации в каждый момент определяется действием факторов материально-производственного характера. Это достаточно ясно обнаруживается на вопросе о мужицком балансе Октябрьской революции. Государство, как собственник земли, сосредоточило в своих руках право на земельную ренту. Взыскивает ли оно ее с нынешнего рынка в ценах на хлеб, лес и пр.? Увы, пока еще нет. Взыскивает ли оно ее с крестьянина? При многообразии экономических счетов между государством и крестьянином на этот вопрос не так просто ответить. Можно сказать – и это отнюдь не будет парадоксом – что ножницы сельскохозяйственных и промышленных цен заключают в себе в скрытой форме земельную ренту. При сосредоточенности земли, промышленности и транспорта в руках государства вопрос о земельной ренте имеет для мужика, так сказать, бухгалтерское, а не экономическое значение. Но мужик бухгалтерской техникой как раз занимается мало. Он подводит своим отношениям с городом и государством оптовый баланс.

Правильнее было бы подойти к тому же вопросу с другого конца. Благодаря национализации земли, фабрик и заводов, ликвидации внешней задолженности и плановому хозяйству, рабочее государство получило возможность достигнуть в короткий срок высоких темпов промышленного развития. На этом пути, несомненно, создается одна из важнейших предпосылок коллективизации. Но это предпосылка не юридическая, а материально-производственная: она выражается в определенном числе плугов, сноповязалок, комбайнов, тракторов, селекционных станций, агрономов и пр., и пр. Именно из этих реальных величин и должен исходить план коллективизации. Тогда и план будет реальный. Но нельзя к реальным плодам национализации присоединять каждый раз самое национализацию в качестве какого-то неразменного фонда, из которого можно покрывать издержки «сплошных» бюрократических авантюр. Это все равно, как если б кто-нибудь, положив капитал в банк, хотел одновременно пользоваться и капиталом и процентами с него.

Таков вывод в порядке общем. В порядке индивидуальном вывод может быть сформулирован проще: Ерема, Ерема, Сидел бы ты дома, – вместо того, чтобы пускаться в дальнее теоретическое плавание.

III. Формула Маркса и отвага невежества

Между первым и третьим томами «Капитала» есть второй. Наш теоретик считает своим долгом учинить административное насилие также и над вторым томом. Сталину надо спешно прикрыть от критики нынешнюю форсированную коллективистскую политику. Так как необходимых доводов нет в материальных условиях хозяйства, то он ищет их в авторитетных

книгах, причем фатально попадает каждый раз не на ту страницу.

Преимущества крупного хозяйства над мелким, в том числе и в земледелии, доказаны всем капиталистическим опытом. Возможные преимущества крупного коллективного хозяйства над раздробленным мелким установлены еще до Маркса социалистами-утопистами, и в основе своей их доводы остаются незыблемыми. В этой области утописты были великими реалистами. Их утопизм начинался с вопроса об исторических путях коллективизации. Здесь направление указала Марксова теория классовой борьбы в связи с его критикой капиталистической экономики.

«Капитал» дает анализ и синтез процессов капиталистического хозяйства. Второй том подвергает рассмотрению имманентную механику роста капиталистического хозяйства. Алгебраические формулы этого тома показывают, как из одной и той же творческой протоплазмы – абстрактного человеческого труда – кристаллизуются средства производства в виде постоянного капитала, заработная плата – в виде переменного капитала и прибавочная ценность, которая превращается затем в источник образования дополнительного постоянного капитала и дополнительного переменного капитала. Это позволяет, в свою очередь, получить большое количество прибавочной ценности. Такова спираль расширенного производства в самом общем и абстрактном его виде.

Чтоб показать, каким образом разные материальные элементы хозяйственного процесса, товары находят друг друга внутри этого нерегулируемого целого, точнее сказать, каким образом постоянный и переменный капитал достигают необходимого равновесия в разных отраслях промышленности при общем росте производства, Маркс расчленяет процесс расширенного производства на две взаимно обусловленные части: с одной стороны, все предприятия, выделывающие средства производства, с другой – предприятия, производящие предметы потребления. Предприятия первой категории должны обеспечить машинами, сырьем и вспомогательными материалами как себя самих, так и все предприятия второй категории. В свою очередь, предприятия второй категории должны покрыть как свою собственную потребность, так и потребность предприятий первой категории в предметах потребления. Маркс вскрывает общую механику достижения этой пропорциональности, которая образует основу динамического равновесия при капитализме[61]. Вопрос о сельском хозяйстве в его взаимоотношении с промышленностью лежит таким образом в совершенно другой плоскости. Сталин, по-видимому, просто смешал производство предметов потребления с сельским хозяйством. Между тем у Маркса предприятия капиталистического сельского хозяйства (только капиталистического), производящие сырье, попадут автоматически в первую категорию; предприятия, производящие предметы потребления, останутся во второй категории, – и там, и здесь вперемежку с фабрично-заводскими предприятиями. Поскольку земледельческое производство имеет особенности, противопоставляющие его промышленности в целом, рассмотрение этих особенностей начинается в третьем томе.

Расширенное воспроизводство совершается в действительности не только за счет прибавочной ценности, производимой рабочими самой промышленности и капиталистического земледелия, но и путем притока свежих средств извне: из докапиталистической деревни, отсталых стран, колоний и пр. Получение прибавочной ценности из деревни и колоний мыслимо опять-таки либо в форме неэквивалентного обмена, либо принудительного изъятия (главным образом путем налогов), либо, наконец, в кредитной форме (сберегательные кассы, займы и пр.). Исторически все эти формы эксплуатации сочетаются друг с другом в разных пропорциях и играют не меньшую роль, чем выжимание прибавочной ценности в «чистом» виде; углубление капиталистической эксплуатации идет всегда рядом с ее расширением. Но интересующие нас формулы Маркса строго расчленяют живой процесс экономического развития, очищая капиталистическое воспроизводство от всех докапиталистических элементов и переходных форм, которые его сопровождают и питают и за счет которых оно расширяется.

---

[61] Торгово-промышленные кризисы, входящие в механику капиталистического равновесия, игнорируются формулами второго тома, задача которых в том, чтобы показать, как – при кризисах или без кризисов и несмотря на кризисы – равновесие все же достигается.

Формулы Маркса конструируют химически чистый капитализм, который никогда не существовал и нигде не существует сейчас. Именно поэтому они вскрывают основные тенденции всякого капитализма, но именно капитализма, и только капитализма.

Для всякого человека, имеющего представление о том, что такое «Капитал», совершенно очевидно, что ни в первом, ни во втором, ни в третьем томах нельзя найти ответа на вопрос о том, как, когда и каким темпом диктатура пролетариата может производить коллективизацию крестьянского хозяйства. Все эти вопросы, как и десятки других, ни в одной книге не разрешены и не могли быть разрешены по самому своему существу.[62]

В сущности, Сталин ничем не отличается от того купца, который в простейшей формуле Маркса Д – Т – Д (деньги – товар – деньги) стал бы искать указаний, когда ему и что купить и продать, чтобы получить наибольший барыш. Сталин попросту смешивает теоретическое обобщение с практической рецептурой, не говоря о том, что само теоретическое обобщение относится у Маркса к совершенно другому вопросу.

Для чего же, собственно, понадобилась Сталину апелляция к явно непонятым им формулам расширенного воспроизводства? Объяснения на этот счет самого Сталина настолько неподражаемы, что мы вынуждены привести их дословно:

> «Марксистская теория воспроизводства учит, что современное (?) общество не может развиваться, не накопляя из года в год, а накоплять невозможно без расширенного воспроизводства из года в год. Это ясно и понятно».

Яснее не может быть. Но этому учит вовсе не марксистская теория, ибо это есть общее достояние буржуазной политической экономики, ее квинтэссенция. «Накопление» как условие развития «современного общества» – это и есть та великая идея, которую вульгарная политическая экономия очистила от элементов трудовой теории ценности, уже заложенных в классической политической экономии. Та теория, которую Сталин высокопарно предлагает «извлечь из сокровищницы марксизма», есть общее место, объединяющее не только Адама Смита с Бастиа, но и этого последнего с американским президентом Гувером. «Современное общество» – не капиталистическое, а «современное», – взято для того, чтоб формулы Маркса распространить и на «современное» социалистическое общество. «Это ясно и понятно». Сталин тут же продолжает:

> «Наша крупная централизованная социалистическая промышленность развивается по марксистской теории расширенного воспроизводства (!), ибо (!!) она растет ежегодно в своем объеме, имеет свои накопления и двигается вперед семимильными шагами».

Промышленность развивается по марксистской теории – бессмертная формула! – совершенно так же, как овес диалектически растет по Гегелю. Для бюрократа теория есть формула администрации. Но ближайшая суть дела все же не в этом. «Марксистская теория воспроизводства» относится к капиталистическому способу производства. У Сталина же речь идет о советской промышленности, которую он считает социалистической без всяких ограничений. Таким образом, по Сталину, «социалистическая промышленность» развивается по теории капиталистического воспроизводства. Мы видим, как неосторожно Сталин запустил руку в «сокровищницу марксизма». Если два хозяйственных процесса – анархический и

---

[62] В первые годы после Октября нам не раз приходилось возражать против наивных попыток искать у Маркса ответ на те вопросы, которых он и ставить не мог. Ленин неизменно поддерживал меня в этом. Вот два примера, случайно оказавшихся застенографированными. «Мы не сомневались, – говорил Ленин, – что нам придется, по выражению тов. Троцкого, экспериментировать – делать опыты. Мы брались за дело, за которое никто в мире в такой широте еще не брался». (18 марта 1919 г.)

И затем, через несколько месяцев:

«Тов. Троцкий был вполне прав, говоря, что это не написано ни в книгах, которые мы считаем для себя руководящими, не вытекает ни из какого социалистического мировоззрения, не определено ничьим опытом, а должно быть определено нашим собственным опытом». (8 декабря 1919 г.)

плановый – покрываются одной и той же теорией воспроизводства, построенной на закономерностях анархического производства, то этим сводится к нулю плановое, т. е. социалистическое начало. Однако, и это еще только цветочки; ягодки – впереди.

Лучшей жемчужиной, которую Сталин извлек из сокровищницы, является подчеркнутое нами выше маленькое словечко «ибо»: социалистическая промышленность развивается по теории капиталистической промышленности, «ибо она растет ежегодно в своем объеме, имеет свои накопления и двигается вперед семимильми шагами».

Бедная теория! Злополучная сокровищница! Горемычный Маркс! Значит, Марксова теория создана специально для обоснования необходимости ежегодных и притом семимильных шагов? А как же быть с теми периодами, когда капиталистическая промышленность развивается «черепашьим шагом»? На эти случаи теория Маркса, очевидно, отменяется. Но ведь все капиталистическое производство расширяется циклически, через подъемы и кризисы; значит, оно не только движется вперед семимильными или иными шагами, но и топчется на месте и отступает назад. Выходит, что Марксова схема не годится для капиталистического развития, для объяснения которого она создана, но зато вполне отвечает природе «семимильно» шествующей социалистической промышленности. Разве же это не чудеса? Не ограничившись вразумлением Энгельса насчет национализации земли, а занявшись заодно и коренным исправлением Маркса, Сталин, во всяком случае, шествует… семимильными шагами. При этом формулы «Капитала» трещат под подковами, как грецкие орехи.

Но зачем же все-таки Сталину все это понадобилось? – спросит озадаченный читатель. Увы! Мы не можем перепрыгивать через ступени, тем более, что и так еле поспеваем за нашим теоретиком. Немножко терпенья, и все обнаружится.

Непосредственно после разобранного только что места Сталин продолжает:

> «Но наша крупная промышленность не исчерпывает народного хозяйства. Наоборот, в нашем народном хозяйстве все еще преобладает мелкое крестьянское хозяйство. Можно ли сказать, что наше мелкокрестьянское хозяйство развивается по принципу (!) расширенного воспроизводства? Нет, нельзя этого сказать. Наше мелкокрестьянское хозяйство…не всегда имеет возможность осуществлять даже простое воспроизводство. Можно ли двигать дальше ускоренным темпом нашу социализированную индустрию, имея такую сельскохозяйственную базу?… Нет, нельзя».

Дальше следует вывод: необходима сплошная коллективизация.

Это место еще лучше предыдущего. Из-под усыпляющей банальности изложения то и дело взрываются петарды осмелевшего невежества. Развивается ли крестьянское, т. е. простое товарное хозяйство по законам капиталистического хозяйства? Нет, – отвечает с ужасом наш теоретик. Ясно: деревня не живет по Марксу. Надо это дело исправить. Сталин делает в своем докладе попытки опровергнуть мелкобуржуазные теории об устойчивости крестьянского хозяйства. А между тем, запутавшись в сетях марксовых формул, он дает этим теориям наиболее обобщенное выражение. В самом деле, теория расширенного воспроизводства, по мысли Маркса, объемлет капиталистическое хозяйство в целом: не только промышленность, но и сельское хозяйство, – только в чистом виде, т. е. без докапиталистических пережитков. Но Сталин, оставляя почему-то в стороне ремесло и кустарные промыслы, ставит вопрос:

«Можно ли сказать, что наше мелкокрестьянское хозяйство развивается по принципу (!) расширенного воспроизводства? – Нет, – отвечает он, – нельзя этого сказать».

Другими словами, Сталин в наиболее обобщенном виде повторяет утверждения буржуазных экономистов насчет того, будто сельское хозяйство развивается не «по принципу» Марксовой теории капиталистического производства. Не лучше ли после этого умолкнуть?… Ведь молчали же аграрники-марксисты, слушая это постыдное издевательство над учением Маркса. А между тем самый мягкий ответ должен был бы звучать так: сойди немедленно с кафедры и не смей рассуждать о вопросах, в которых ничего не смыслишь!

Но мы не последуем примеру аграрников-марксистов и не умолкнем. Невежество вооруженного властью так же опасно, как безумие вооруженного бритвой.

Формулы второго тома Маркса представляют собою не директивные «принципы» социалистического строительства, а объективные обобщения капиталистических процессов. Эти формулы, абстрагируясь от особенностей земледелия, не только не противоречат его развитию, но полностью охватывают его, как капиталистическое земледелие.

Единственное, что можно сказать о сельском хозяйстве в рамках формул 2-го тома, – это то, что последние предполагают наличие достаточного количества сельскохозяйственного сырья и сельскохозяйственных продуктов потребления для обеспечения расширенного воспроизводства. Но каково должно быть соотношение между сельским хозяйством и промышленностью? Как в Англии? Или как в Америке? Оба эти типа одинаково укладываются в рамки Марксовых формул. Англия ввозит предметы потребления и сырья. Америка вывозит. Тут нет никакого противоречия с формулами расширенного воспроизводства, которые вовсе не ограничены национальными рамками, не приурочены ни к национальному капитализму, ни, тем более, к социализму в отдельной стране.

Если бы люди пришли к синтетическому питанию и к синтетическим видам сырья, сельское хозяйство совсем сошло бы на нет, заменившись новыми отраслями химической промышленности. Что сталось бы при этом с формулами расширенного производства? Они сохранили бы всю свою силу, поскольку оставались бы капиталистические формы производства и распределения.

Сельское хозяйство буржуазной России, при огромном преобладании крестьянства, не только покрывало потребности растущей промышленности, но и создавало возможность большого экспорта.

Эти процессы сопровождались укреплением кулацких верхов и ослаблением крестьянских низов, их растущей пролетаризацией. Таким образом, несмотря на все свои особенности, сельское хозяйство на капиталистических основах развивалось в рамках тех самых формул, которыми Маркс охватывает капиталистическое хозяйство в целом – и только его.

Сталин хочет прийти к тому выводу, что нельзя «базировать… социалистическое строительство на двух разных основах: на основе самой крупной и объединенной социалистической промышленности и на основе самого раздробленного и отсталого мелкотоварного крестьянского хозяйства».

На самом деле он доказывает нечто прямо противоположное. Если формулы расширенного воспроизводства одинаково применимы и к капиталистическому, и к социалистическому хозяйствам – к «современному обществу» вообще, – то совершенно непонятно, почему нельзя продолжать дальнейшее развитие хозяйства на тех самых основах противоречия между городом и деревней, на которых капитализм достиг неизмеримо более высокого уровня? В Америке гигантские тресты промышленности развиваются и сегодня еще бок о бок с фермерским режимом в сельском хозяйстве. Фермерское хозяйство создало базу американской индустрии. Именно на американский тип, к слову сказать, ориентировались открыто до вчерашнего дня наши бюрократы со Сталиным во главе: крепкий фермер внизу, централизованная промышленность наверху.

Идеальная эквивалентность обмена есть основная предпосылка абстрактных формул 2-го тома. Между тем, плановое хозяйство переходного периода, хотя и опирается на закон ценности, но на каждом шагу нарушает его и строит взаимоотношения между разными отраслями хозяйства и, прежде всего, между промышленностью и земледелием, на неэквивалентном обмене. Решающим рычагом принудительного накопления и планового распределения является государственный бюджет. При дальнейшем поступательном развитии эта роль его должна расти. Кредитное финансирование регулирует взаимоотношения между принудительным накоплением бюджета и процессами рынка, поскольку они сохраняют силу. Не только бюджетное, но и плановое или полуплановое кредитное финансирование, обеспечивающее в СССР расширение воспроизводства, ни в каком случае не могут быть подведены под формулы 2-го тома, вся сила которых состоит в том, что они ничего не хотят знать ни о бюджете, ни о планах, ни о таможенных пошлинах и всяких вообще формах государственного планомерного воздействия, выводя необходимые закономерности из игры слепых сил рынка, дисциплинируемых законом ценности. Стоит «освободить» внутренний советский рынок и отменить монополию внешней торговли, как обмен между городом и

деревней станет несравненно более эквивалентным, накопление в деревне, – разумеется, кулацкое, фермерско-капиталистическое накопление – пойдет своим чередом, и скоро обнаружится, что формулы Маркса охватывают и земледелие. На этом пути Россия в короткий срок превратится в колонию, на которую будет опираться индустриальное развитие других стран.

Для обоснования все той же сплошной коллективизации школа Сталина (есть и такая) ввела в обиход голые сравнения темпов развития промышленности и сельского хозяйства. Грубее всего эту операцию производит, по обыкновению, Молотов. В феврале 1929 года Молотов говорил на Московской губернской конференции партии:

> «Сельское хозяйство за последние годы явно отставало в темпе развития от индустрии… за последние три года промышленная продукция увеличилась по своей ценности больше чем на 50%, а продукция сельского хозяйства – всего на каких-нибудь 7%».

Сопоставление этих двух темпов является экономической безграмотностью. То, что называют крестьянским хозяйством, заключает в себе, по существу, все отрасли хозяйства. Развитие промышленности всегда и во всех странах совершалось за счет уменьшения удельного веса сельского хозяйства. Достаточно напомнить, что продукция металлургии в Соединенных Штатах почти равна продукции фермерского хозяйства, тогда как у нас она в 18 раз меньше сельскохозяйственной продукции. Это показывает, что, несмотря на высокие темпы последних лет, наша промышленность не вышла еще из периода детства. Чтобы преодолеть противоположность города и деревни, созданную буржуазным развитием, советская промышленность должна предварительно обогнать деревню в несравненно большей степени, чем это было в буржуазной России. Нынешний разрыв между государственной промышленностью и крестьянским хозяйством вырос не из того, что промышленность слишком обогнала сельское хозяйство, – авангардное положение промышленности является всемирно-историческим фактом и необходимым условием прогресса, – а из того, что наша промышленность слишком слаба, т. е. слишком мало ушла вперед, чтоб иметь возможность поднять сельское хозяйство до необходимого уровня. Целью является, конечно, преодоление противоречия между городом и деревней. Но пути и методы этого преодоления не имеют ничего общего с уравнением темпов сельского хозяйства и промышленности. Механизация сельского хозяйства и индустриализация ряда его отраслей будут сопровождаться, наоборот, уменьшением удельного веса сельского хозяйства как такового. Темп доступной нам механизации определяется производственной мощью промышленности. Решающим для коллективизации является не то, что металлургия за последние годы поднялась на десятки процентов, а то, что на душу населения у нас все еще приходится ничтожное количество металла. Рост коллективизации лишь постольку равнозначен с ростом самого сельского хозяйства, поскольку первый опирается на технический переворот в земледельческом производстве. Но темп такого переворота ограничивается нынешним удельным весом промышленности. С материальными ресурсами последней, отнюдь не с ее отвлеченным статистическим темпом, и должен быть сообразован темп коллективизации.

В интересах теоретической ясности к сказанному нужно прибавить, что устранение противоречия между городом и деревней, т. е. поднятие сельскохозяйственного производства на научно-индустриальный уровень, будет означать не торжество формул Маркса в земледелии, как воображает Сталин, а, наоборот, прекращение их торжества в индустрии. Ибо социалистическое расширенное воспроизводство отнюдь не будет совершаться по формулам «Капитала», пружиной которых является погоня за прибылью. Но все это слишком сложно для Сталина и Молотова.

Повторим в заключение этой главы, что коллективизация есть практическая задача преодоления капитализма, а не теоретическая задача его расширения. Поэтому формулы Маркса не подходят здесь ни с какой стороны. Практические возможности коллективизации определяются наличием производственно-технических ресурсов для крупного земледелия и степенью готовности крестьянства перейти от индивидуального хозяйства к коллективному. В

последнем счете эта субъективная готовность определяется теми же материально-производственными факторами: привлечь крестьянина на сторону социализма может только выгодность коллективного хозяйства, опирающегося на высокую технику. Сталин же хочет предъявить крестьянину вместо трактора формулы 2-го тома. Но крестьянин честен и не любит рассуждать о том, чего не понимает.

Почему Сталин победил оппозицию?

Вопросы, поставленные в письме тов. Зеллера, представляют не только исторический, но и актуальный интерес. На них приходится нередко наталкиваться и в политической литературе, и в частных беседах, притом в самой разнообразной, чаще всего личной формулировке:

«Как и почему вы потеряли власть?»

«Каким образом Сталин захватил в свои руки аппарат?»

«В чем сила Сталина?»

Вопрос о внутренних законах революции и контрреволюции ставится сплошь да рядом чисто индивидуалистически, как если б дело шло о шахматной партии или о каком-либо спортивном состязании, а не о глубоких конфликтах и сдвигах социального характера. Многочисленные лжемарксисты ничуть не отличаются в этом отношении от вульгарных демократов, которые применяют к великим народным движениям критерии парламентских кулуаров.

Всякий, сколько-нибудь знакомый с историей, знает, что каждая революция вызывала после себя контрреволюцию, которая, правда, никогда не отбрасывала общество полностью назад, к исходному пункту, в области экономики, но всегда отнимала у народа значительную, иногда львиную долю его политических завоеваний. Жертвой первой же реакционной волны являлся, по общему правилу, тот слой революционеров, который стоял во главе масс в первый, наступательный, «героический» период революции. Уже это общее историческое наблюдение должно навести нас на мысль, что дело идет не просто о ловкости, хитрости, уменье двух или нескольких лиц, а о причинах несравненно более глубокого порядка.

Марксисты, в отличие от поверхностных фаталистов (типа Леона Блюма, Поля Фора и др.), отнюдь не отрицают роль личности, ее инициативы и смелости в социальной борьбе. Но, в отличие от идеалистов, марксисты знают, что сознание в последнем счете подчинено бытию. Роль руководства в революции огромна. Без правильного руководства пролетариат победить не может. Но и самое лучшее руководство не способно вызвать революцию, когда для нее нет объективных условий. К числу важнейших достоинств пролетарского руководства надо отнести способность различать, когда можно наступать и когда необходимо отступать. Эта способность составляла главную силу Ленина.[63]

Успех или неуспех борьбы левой оппозиции против бюрократии, разумеется, зависел в той или другой степени от качеств руководства обоих борющихся лагерей. Но прежде чем говорить об этих качествах, надо ясно понять характер самих борющихся лагерей; ибо самый лучший руководитель одного лагеря может оказаться совершенно негодным в другом из лагерей, и наоборот. Столь обычный (и столь наивный) вопрос:

– Почему Троцкий не использовал своевременно военный аппарат против Сталина? – ярче всего свидетельствует о нежелании или о неумении продумать общие исторические причины победы советской бюрократии над революционным авангардом пролетариата. Об этих причинах я писал не раз в ряде своих работ, начиная с автобиографии. Попробую резюмировать важнейшие выводы в немногих строках.

---

63 У сталинцев дело обстоит как раз наоборот: во время экономического оживления и относительного политического равновесия они провозглашали «завоеванные улицы», «баррикады», «советы повсюду» («третий период»), теперь же, когда Франция проходит через глубочайший социальный и политический кризис, они бросаются на шею радикалам, т. е. насквозь гнилой буржуазной партии. Давно сказано, что эти господа имеют привычку на свадьбе петь похоронные псалмы, а на похоронах – гимны Гименею.

Не нынешняя бюрократия обеспечила победу Октябрьской революции, а рабочие и крестьянские массы под большевистским руководством. Бюрократия стала расти лишь после окончательной победы, пополняя свои ряды не только революционными рабочими, но и представителями других классов (бывшими царскими чиновниками, офицерами, буржуазными интеллигентами и проч.). Если взять старшее поколение нынешней бюрократии, то подавляющее большинство его стояло во время Октябрьской революции в лагере буржуазии (взять для примера хотя бы советских послов: Потемкин, Майский, Трояновский, Суриц, Хинчук и проч.). Те из нынешних бюрократов, которые в октябрьские дни находились в лагере большевиков, не играли в большинстве своем сколько-нибудь значительной роли ни в подготовке и проведении переворота, ни в первые годы после него. Это относится прежде всего к самому Сталину. Что касается молодых бюрократов, то они подобраны и воспитаны старшими, чаще всего из собственных сынков. «Вождем» этого нового дореволюционного слоя и стал Сталин.

История профессионального движения во всех странах есть не только история стачек и вообще массовых движений, но и история формирования профсоюзной бюрократии. Достаточно известно, в какую огромную консервативную силу успела вырасти эта бюрократия и с каким безошибочным чутьем она подбирает для себя и соответственно воспитывает своих «гениальных» вождей: Гомперс, Грин, Легин, Лейпарт, Жуо, Ситрин и др. Если Жуо пока что с успехом отстаивает свои позиции против атак слева, то не потому, что он великий стратег (хотя он, несомненно, выше своих бюрократических коллег: недаром же он занимает первое место в их среде), а потому, что весь его аппарат каждый день и каждый час упорно борется за свое существование, коллективно подбирает наилучшие методы борьбы, думает за Жуо и внушает ему необходимые решения. Но это вовсе не значит, что Жуо несокрушим. При резком изменении обстановки – в сторону революции или фашизма – весь профсоюзный аппарат сразу потеряет свою самоуверенность, его хитрые маневры окажутся бессильными, и сам Жуо будет производить не внушительное, а жалкое впечатление. Вспомним хотя бы, какими презренными ничтожествами оказались могущественные и спесивые вожди германских профессиональных союзов – и в 1918 году, когда против их воли разразилась революция, и в 1932 году, когда наступал Гитлер.

Из этих примеров видны источники силы и слабости бюрократии. Она вырастает из движения масс в первый героический период борьбы. Но, поднявшись над массами и разрешив затем свой собственный «социальный вопрос» (обеспеченное существование, влияние, почет и пр.), бюрократия все более стремится удерживать массы в неподвижности. К чему рисковать? Ведь у нее есть что терять. Наивысший расцвет влияния и благополучия реформистской бюрократии приходится на эпохи капиталистического преуспеяния и относительной пассивности трудящихся масс. Но когда эта пассивность нарушена справа или слева, великолепию бюрократии приходит конец. Ее ум и хитрость превращаются в глупость и бессилие. Природа «вождей» отвечает природе того класса (или слоя), который они ведут, и объективной обстановке, через которую этот класс (или слой) проходит.

Советская бюрократия неизмеримо могущественнее реформистской бюрократии всех капиталистических стран, вместе взятых, ибо у нее в руках государственная власть и все связанные с этим выгоды и привилегии. Правда, советская бюрократия выросла на почве победоносной пролетарской революции. Но было бы величайшей наивностью идеализировать по этой причине самое бюрократию. В бедной стране, – а СССР и сейчас еще очень бедная страна, где отдельная комната, достаточная пища и одежда все еще доступны лишь небольшому меньшинству населения, – в такой стране миллионы бюрократов, больших и малых, стремятся прежде всего разрешить свой собственный «социальный вопрос», т. е. обеспечить собственное благополучие. Отсюда величайший эгоизм и консерватизм бюрократии, ее страх перед недовольством масс, ее ненависть к критике, ее бешеная настойчивость в удушении всякой свободной мысли, наконец, ее лицемерно-религиозное преклонение перед «вождем», который воплощает и охраняет ее неограниченное владычество и ее привилегии. Все это вместе и составляет содержание борьбы против «троцкизма».

Совершенно неоспорим и полон значения тот факт, что советская бюрократия становилась тем могущественнее, чем более тяжкие удары падали на мировой рабочий класс.

Поражения революционных движений в Европе и в Азии постепенно подорвали веру советских рабочих в международного союзника. Внутри страны царила все время острая нужда. Наиболее смелые и самоотверженные представители рабочего класса либо успели погибнуть в гражданской войне, либо поднялись несколькими ступенями выше и, в большинстве своем, ассимилировались в рядах бюрократии, утратив революционный дух. Уставшая от страшного напряжения революционных годов, утратившая перспективу, отравленная горечью ряда разочарований широкая масса впала в пассивность. Такого рода реакция наблюдалась, как уже сказано, после всякой революции. Неизмеримое историческое преимущество Октябрьской революции как пролетарской состоит в том, что усталостью и разочарованием масс воспользовался не классовый враг в лице буржуазии и дворянства, а верхний слой самого рабочего класса и связанные с ним промежуточные группы, влившиеся в советскую бюрократию.

Подлинные пролетарские революционеры в СССР силу свою черпали не столько в аппарате, сколько в активности революционных масс. В частности, Красную Армию создавали не «аппаратчики» (в самые критические годы аппарат был еще очень слаб), а кадры героических рабочих, которые под руководством большевиков сплачивали вокруг себя молодых крестьян и вели их в бой. Упадок революционного движения, усталость, поражения в Европе и Азии, разочарование в рабочих массах должны были неизбежно и непосредственно ослабить позиции революционных интернационалистов и, наоборот, усилить позиции национально-консервативной бюрократии. Открывается новая глава в революции. Вожди предшествующего периода попадают в оппозицию. Наоборот, консервативные политики аппарата, игравшие в революции второстепенную роль, выдвигаются торжествующей бюрократией на передний план.

Что касается военного аппарата, то он был частью всего бюрократического аппарата и по своим качествам не отличался от него. Достаточно сказать, что в годы гражданской войны Красная Армия поглотила десятки тысяч бывших царских офицеров. 13 марта 1919 года Ленин говорил на митинге в Петрограде:

> «Когда мне недавно тов. Троцкий сообщил, что у нас в военном ведомстве число офицеров составляет несколько десятков тысяч, тогда я получил конкретное представление, в чем заключается секрет использования нашего врага: как заставить строить коммунизм тех, кто являлся его противниками, строить коммунизм из кирпичей, которые подобраны капиталистами против нас! Других кирпичей нам не надо!» (Ленин В. И. Сочинения. 1935 г. Т. 24. С. 65–66.)

Эти офицерские и чиновничьи кадры выполняли в первые годы свою работу под непосредственным давлением и надзором передовых рабочих. В огне жестокой борьбы не могло быть и речи о привилегированном положении офицерства: самое это слово исчезло из словаря. Но после одержанных побед и перехода на мирное положение как раз военный аппарат стремился стать наиболее влиятельной и привилегированной частью всего бюрократического аппарата. Опереться на офицерство для захвата власти мог бы только тот, кто готов был идти навстречу кастовым вожделениям офицерства, т. е. обеспечить ему высокое положение, ввести чины, ордена; словом, сразу и одним ударом сделать то, что сталинская бюрократия делала постепенно в течение последующих 10–12 лет. Нет никакого сомнения, что произвести военный переворот против фракции Зиновьева, Каменева, Сталина и проч. не составляло бы в те дни никакого труда и даже не стоило бы пролития крови; но результатом такого переворота явился бы ускоренный темп развития той самой бюрократизации и бонапартизма, против которых левая оппозиция выступила на борьбу.

Задача большевиков-ленинцев по самому существу своему состояла не в том, чтобы опереться на военную бюрократию против партийной, а в том, чтобы опереться на пролетарский авангард, и через него – на народные массы, и обуздать бюрократию в целом, очистить ее от чуждых элементов, обеспечить над нею бдительный контроль трудящихся и перевести ее политику на рельсы революционного интернационализма. Но так как за годы гражданской войны, голода и эпидемий живой источник массовой революционной силы иссяк,

а бюрократия страшно выросла в числе и в наглости, то пролетарские революционеры оказались слабейшей стороной. Под знаменем большевиков-ленинцев собрались, правда, десятки тысяч лучших революционных борцов, в том числе и военных. Передовые рабочие относились к оппозиции с симпатией. Но симпатия эта оставалась пассивной: веры в то, что при помощи борьбы можно серьезно изменить положение, у масс уже не было. Между тем бюрократия твердила:

«Оппозиция хочет международной революции и собирается втянуть нас в революционную войну. Довольно нам потрясений и бедствий. Мы заслужили право отдохнуть. Да и не надо нам больше никаких „перманентных революций“. Мы сами у себя создадим социалистическое общество. Рабочие и крестьяне, положитесь на нас, ваших вождей!»

Эта национально-консервативная агитация, сопровождавшаяся, к слову сказать, бешеной, подчас совершенно реакционной клеветой против интернационалистов, тесно сплачивала бюрократию, и военную и штатскую, и находила несомненный отклик у отсталых и усталых рабочих и крестьянских масс. Так большевистский авангард оказался изолированным и по частям разбит. В этом весь секрет победы термидорианской бюрократии.

Разговоры о каких-то необыкновенных тактических или организационных качествах Сталина представляют собою миф, сознательно созданный бюрократией СССР и Коминтерна и подхваченный левыми буржуазными интеллигентами, которые, несмотря на свой индивидуализм, охотно склоняются перед успехом. Эти господа не узнали и не признали Ленина, когда тот, травимый международной сволочью, готовил революцию. Зато они «признали» Сталина, когда такое признание не приносит ничего, кроме удовольствия, а подчас и прямой выгоды.

Инициатива борьбы против левой оппозиции принадлежала собственно не Сталину, а Зиновьеву. Сталин сперва колебался и выжидал. Было бы ошибкой думать, что Сталин с самого начала наметил какой-либо стратегический план. Он нащупывал почву. Несомненно, что революционная марксистская опека тяготила его. Он фактически искал более простой, более национальной, более «надежной» политики. Успех, который на него обрушился, был неожиданностью прежде всего для него самого. Это был успех нового правящего слоя, революционной аристократии, которая стремилась освободиться от контроля масс и которой нужен был крепкий и надежный третейский судья в ее внутренних делах. Сталин, второстепенная фигура пролетарской революции, обнаружил себя как бесспорный вождь термидорианской бюрократии, как первый в ее среде – не более того.[64]

Итальянский фашистский или полуфашистский писатель Малапарте выпустил книжку «Техника государственного переворота», в которой он развивает ту мысль, что «революционная тактика Троцкого» в противоположность стратегии Ленина может обеспечить победу в любой стране и при любых условиях. Трудно придумать более нелепую теорию! Между тем те мудрецы, которые задним числом обвиняют нас в том, что мы, вследствие нерешительности, упустили власть, становятся по существу дела на точку зрения Малапарте: они думают, что есть какие-то особые технические «секреты», при помощи которых можно завоевать или удержать революционную власть, независимо от действия величайших объективных факторов – побед или поражений революции на Западе и на Востоке, подъема или упадка массового движения в стране и пр. Власть не есть приз, который достается более ловкому. Власть есть отношения между людьми, в последнем счете – между классами. Правильное руководство, как уже сказано, является важным рычагом успехов. Но это вовсе не значит, что руководство может обеспечить победу при всяких условиях. Решают в конце концов борьба классов и те внутренние сдвиги, которые происходят внутри борющихся масс.

Но на вопрос о том, как сложился бы ход борьбы, если б Ленин остался жив, нельзя, конечно, ответить с математической точностью. Что Ленин был непримиримым противником жадной консервативной бюрократии и политики Сталина, все более связывавшего с нею свою

---

[64] Говорить о Сталине как о марксистском «теоретике» могут лишь прямые лакеи. Его книга «Вопросы ленинизма» представляет собой эклектическую компиляцию, полную ученических ошибок. Но национальная бюрократия побеждала марксистскую оппозицию своим социальным весом, а вовсе не «теорией».

судьбу, видно с неоспоримостью из целого ряда писем, статей и предложений Ленина за последний период его жизни, в частности, из его «Завещания», в котором он рекомендовал снять Сталина с поста генерального секретаря; наконец, из его последнего письма, в котором он порывал со Сталиным «все личные и товарищеские отношения». В период между двумя приступами болезни Ленин предложил мне создать с ним вместе фракцию для борьбы против бюрократии и ее главного штаба – Оргбюро ЦК, где руководил Сталин. К XII съезду партии Ленин, по его собственному выражению, готовил «бомбу» против Сталина. Обо всем этом рассказано – на основании точных и бесспорных документов – в моей автобиографии и в отдельной работе «Завещание Ленина». Подготовительные меры Ленина показывают, что он считал предстоящую борьбу очень трудной; не потому, конечно, что он боялся Сталина лично как противника (об этом смешно и говорить), а потому, что за спиною Сталина ясно различал сплетение кровных интересов могущественного слоя правящей бюрократии. Уже при жизни Ленина Сталин вел против него подкоп, осторожно распространяя через своих агентов слух, что Ленин – умственный инвалид, не разбирается в положении и проч.; словом, пускал в оборот ту самую легенду, которая стала ныне неофициальной версией Коминтерна для объяснения резкой враждебности между Лениным и Сталиным за последние год-полтора жизни Ленина. На самом деле все те статьи и письма, которые Ленин продиктовал уже в качестве больного, представляют, пожалуй, самые зрелые продукты его мысли. Проницательности этого «инвалида» хватило бы с избытком на дюжину Сталиных.

Можно с уверенностью сказать, что, если бы Ленин прожил дольше, напор бюрократического всемогущества совершался бы, – по крайней мере в первые годы, – более медленно. Но уже в 1926 году Крупская говорила в кругу левых оппозиционеров:

«Если бы Ильич был жив, он, наверное, уже сидел бы в тюрьме».

Опасения и тревожные предвидения Ленина были тогда еще свежи в ее памяти, и она вовсе не делала себе иллюзий насчет личного всемогущества Ленина, понимая, с его собственных слов, зависимость самого лучшего рулевого от попутных или встречных ветров и течений.

* * *

Значит, победа Сталина была неотвратима? Значит, борьба левой оппозиции (большевиков-ленинцев) была безнадежна? Такая постановка вопроса абстрактна, схематична, фаталистична. Ход борьбы показал, несомненно, что одержать полную победу в СССР, т. е. завоевать власть и выжечь язву бюрократизма, большевики-ленинцы не смогли бы и не смогут без поддержки мировой революции. Но это вовсе не значит, что их борьба прошла бесследно. Без смелой критики оппозиции и без страха бюрократии перед оппозицией курс Сталина – Бухарина на кулака неизбежно привел бы к возрождению капитализма. Под кнутом оппо-зиции бюрократия оказывалась вынужденной делать важные заимствования из нашей платформы. Спасти советский режим от процессов перерождения и от безобразий личного режима ленинцы не смогли. Но они спасли его от полного крушения, преградив дорогу капиталистической реставрации. Прогрессивные реформы бюрократии явились побочным продуктом революционной борьбы оппозиции. Это для нас слишком недостаточно. Но это – кое-что.

На арене мирового рабочего движения, от которого советская бюрократия зависит лишь косвенно, дело обстояло еще более неизмеримо неблагоприятно, чем в СССР. Через посредство Коминтерна сталинизм стал худшим тормозом мировой революции. Без Сталина не было бы Гитлера. Сейчас во Франции сталинизм через политику прострации, которая называется политикой «народного фронта», подготовляет новое поражение пролетариата. Но и здесь борьба левой оппозиции отнюдь не осталась бесплодной. Во всем мире растут и множатся кадры подлинных пролетарских революционеров, настоящих большевиков, которые примкнули не к советской бюрократии, чтоб пользоваться ее авторитетом и ее кассой, а к программе Ленина и к знамени Октябрьской революции. Под поистине чудовищными, небывалыми еще в истории преследованиями соединенных сил империализма, реформизма и сталинизма большевики-ленинцы растут, крепнут и все более завоевывают доверие передовых рабочих. Безошибочным симптомом происшедшего перелома является, например, великолепная

эволюция парижской социалистической молодежи. Мировая революция пойдет под знаменем IV Интернационала. Первые же ее успехи не оставят камня на камне от всемогущества сталинской клики, ее легенд, ее клевет и ее дутых репутаций. Советская Республика, как и мировой пролетарский авангард, окончательно освободятся от бюрократического спрута. Историческое крушение сталинизма предопределено, и оно явится заслуженной карой за его бесчисленные преступления перед мировым рабочим классом. Другой мести мы не хотим и не ждем!

12 ноября 1935 г.

Статья Сталина о мировой революции и нынешний процесс

В феврале вся мировая печать уделяла немало внимания статье Сталина, посвященной вопросу о зависимости Советского Союза от поддержки международного пролетариата. Статья истолковывалась как отказ Сталина от мирного сотрудничества с западными демократиями во имя международной революции. Печать Геббельса провозгласила:

«Сталин сбросил маску. Сталин показал, что не отличается от Троцкого по своим целям», и т. д.

Та же мысль развивалась и в более критических изданиях демократических стран. Нужно ли сейчас опровергать это толкование? Факты весят больше, чем слова. Если б Сталин собирался вернуться на путь революции, он не истреблял бы и не деморализовал бы революционеров. В конце концов Муссолини прав, когда говорит в «Джорнаде д'Италиа», что никто до сих пор не наносил идее коммунизма (пролетарской революции) таких ударов и не истреблял коммунистов с таким ожесточением, как Сталин.

Статья от 12 февраля, если рассматривать ее, как это ни трудно, в чисто теоретической плоскости, представляет простое повторение тех формул, которые Сталин ввел впервые в употребление осенью 1924 года, когда порвал с традицией большевизма: внутри СССР «мы» установили социализм, поскольку ликвидировали национальную буржуазию и организовали сотрудничество пролетариата с крестьянством; но СССР окружен буржуазными государствами, которые угрожают интервенцией и восстановлением капитализма; надо поэтому укреплять оборону и заботиться о поддержке мирового пролетариата. Сталин никогда не отказывался от этих абстрактных формул. Он лишь давал им постепенно новое истолкование. В 1924 году «помощь» западного пролетариата понималась еще иногда как международная революция. В 1938 году она стала означать политическое и военное сотрудничество Коминтерна с теми буржуазными правительствами, которые могут оказать прямую или косвенную поддержку СССР в случае войны. Правда, эта формула предполагает, с другой стороны, революционную политику так называемых «коммунистических партий» в Германии или в Японии. Но как раз в этих странах значение Коминтерна близко к нулю.

Тем не менее не случайно Сталин опубликовал свой «манифест» 12 февраля.

Сама статья, как и вызванный ею резонанс, составляли весьма существенный элемент в подготовке нынешнего процесса. Возобновляя после перерыва в год судебный поход против остатков старого поколения большевиков, Сталин, естественно, стремился вызвать у рабочих СССР, как и всего мира, впечатление, что он действует не в интересах собственной клики, а в интересах международной революции. Отсюда сознательная двусмысленность некоторых выражений статьи: не пугая консервативной буржуазии, они должны были успокоить революционных рабочих.

Совершенно ложно, таким образом, утверждение, как будто Сталин в этой статье сбросил маску. На самом деле он временно надел полуреволюционную маску. Международная политика полностью подчинена для Сталина внутренней. Внутренняя политика означает для него, прежде всего, борьбу за самосохранение. Политические проблемы подчинены, таким образом, полицейским. Только в этой области мысль Сталина работает непрерывно и неутомимо.

Тайно подготовляя в 1936 году массовую чистку, Сталин лансировал идею новой конституции, «самой демократической в мире». Поистине не было недостатка в славословиях по поводу столь счастливого поворота в политике Кремля! Если бы издать сейчас сборник статей, написанных патентованными друзьями Москвы по поводу «самой демократической

конституции», то многим из авторов не осталось бы ничего иного, как сгореть от стыда. Шумиха вокруг конституции преследовала одновременно несколько целей; но главной из них, безраздельно господствовавшей над другими, являлась обработка общественного мнения перед процессом Зиновьева – Каменева.

1 марта 1936 года Сталин дал пресловутое интервью Ховард-Скрипсу. Один маленький пункт этой беседы прошел тогда совершенно незамеченным: будущие демократические свободы, говорил Сталин, предназначены для всех, но террористам не будет пощады. Ту же зловещую оговорку сделал Молотов в интервью, данном директору «Тан» Шастенэ. «Нынешнее положение, – говорил глава правительства, – делает все более и более ненужными некоторые суровые административные меры, применявшиеся раньше. Однако, – прибавлял Молотов вслед за Сталиным, – правительство обязано (se doit)[65] оставаться сильным против террористов…». («Тан», 24 марта 1936 года)

«Террористов»? Но после эпизодического убийства Кирова при содействии ГПУ 1 декабря 1934 года никаких террористических актов не было. «Террористические» планы? Но о троцкистских «центрах» тогда еще никто ничего не подозревал. ГПУ узнало об этих «центрах» и их «планах» только из покаяний. Между тем, Зиновьев, Каменев и другие начали каяться в своих мнимых преступлениях только в июле 1936 года; Лев Седов тогда же доказал это на основании официальных материалов в своей «Красной Книге» (Париж, 1936 год).

Таким образом, в названных выше интервью Сталин и Молотов упоминали о террористах в порядке «предвидения», т. е. инквизиционной подготовки будущих покаяний. Разглагольствования о демократических свободах и гарантиях представляли лишь пустую оболочку. Ядром являлась чуть заметная ссылка на анонимных «террористов». Эту ссылку расшифровали вскоре расстрелы нескольких тысяч человек.

Параллельно с рекламной подготовкой «сталинской конституции» шла в Кремле полоса банкетов, в которых члены правительства обнимались с представителями рабочей и колхозной аристократии («стахановцы»). На банкетах провозглашалось, что для СССР наступила наконец эпоха «счастливой жизни». Сталин был окончательно утвержден в звании «отца народов», который любит человека и нежно заботится о нем. Каждый день советская печать публиковала фотографии, где Сталин изображался в кругу' счастливых людей, нередко со смеющимся ребенком на руках или на коленях. Да будет мне позволено сослаться на то, что при виде этих идиллических фотографий я не раз говорил друзьям:

– Очевидно, готовится что-то страшное.

Замысел режиссера состоял в том, чтоб дать мировому общественному мнению картину страны, которая после суровых лет борьбы и лишений вступает наконец на путь «самой демократической» конституции, созданной «отцом народов», который любит людей, особенно детей… и на этом радующем глаз фоне представить внезапно дьявольские фигуры троцкистов, которые саботируют хозяйство, организовывают голод, отравляют рабочих, покушаются на «отца народов» и предают счастливую страну на растерзание фашистским насильникам.

Опираясь на тоталитарный аппарат и неограниченные материальные средства, Сталин замыслил единственный в своем роде план: изнасиловать совесть мира, и с одобрения всего человечества навсегда расправиться со всякой оппозицией против кремлевской клики. Когда эта мысль высказывалась в 1935–1936 годах в порядке предупреждения, слишком многие объясняли ее «ненавистью Троцкого к Сталину». Личная ненависть в вопросах и отношениях исторического масштаба – вообще ничтожное и презренное чувство. Кроме того, ненависть слепа. А в политике, как и в личной жизни, нет ничего страшнее слепоты. Чем труднее обстановка, тем обязательнее следовать совету старика Спинозы: «Не плакать, не смеяться, а понимать».

В течение подготовки нынешнего процесса «самая демократическая конституция» успела обнаружить себя как бюрократический фарс, как провинциальный плагиат у Геббельса. Либеральные и демократические круги на Западе начали уставать быть обманываемыми. Недоверие к советской бюрократии, которое, к несчастью, нередко совпадает с охлаждением к

---

[65] Чувствует свою обязанность *(франц.)*.

СССР, стало охватывать все более широкие слои. С другой стороны, острая тревога стала проникать в рабочие организации. В практической политике Коминтерн стоит вправо от II Интернационала. В Испании Коммунистическая партия методами ГПУ душит левое крыло рабочего класса. Во Франции коммунисты стали, по выражению «Тан», представителями «ярмарочного шовинизма». То же наблюдается, более или менее, в Соединенных Штатах и в ряде других стран. Традиционная политика сотрудничества классов, на борьбе с которой возник III Интернационал, стала теперь в сгущенном виде официальной политикой сталинизма, причем на защиту этой политики призваны кровавые репрессии ГПУ. Статьи и речи призваны лишь служить для маскировки этого факта. Вот почему в уста подсудимых вкладываются театральные монологи о том, какими они, троцкисты, были реакционерами, контрреволюционерами, фашистами, врагами рабочих масс в течение двадцати лет, и как, наконец, в тюрьме ГПУ они поняли спасительный характер политики Сталина. С другой стороны, самому Сталину накануне новой кровавой гекатомбы понадобилось сказать рабочему классу:

> «…Если я вынужден уничтожать старое поколение большевиков, то исключительно в интересах социализма. Я истребляю ленинцев на основе доктрины Ленина».

Таков действительный смысл статьи от 12 февраля. Другого смысла она не имеет. Перед нами сокращенное повторение маневра с «демократической» конституцией. Первый шантаж (надо называть вещи их именами) был рассчитан, главным образом, на буржуазные демократические круги Запада. Новейший шантаж имел в виду преимущественно рабочих. Консервативные государственные люди Европы и Америки могут, во всяком случае, не тревожиться. Для революционной политики нужна революционная партия. У Сталина ее нет. Большевистская партия убита. Коминтерн вконец деморализован. Муссолини по-своему прав: никто не наносил еще идее пролетарской революции таких ударов, как автор статьи 12 февраля.

Койоакан
9 марта 1938 г.

Сталин – интендант Гитлера

Двадцать лет пружина германского империализма оставалась свернутой. Когда она стала разворачиваться, дипломатические канцелярии растерялись. Вторым после Мюнхена этапом этой растерянности были долгие и бесплодные переговоры Лондона и Парижа с Москвой. Автор этих строк имеет право сослаться на непрерывный ряд собственных заявлений в мировой печати, начиная с 1933 года, на ту тему, что основной задачей внешней политики Сталина является достижение соглашения с Гитлером. Но наш скромный голос оставался неубедительным для «вершителей судеб». Сталин разыгрывал грубую комедию «борьбы за демократию»; и этой комедии верили, по крайней мере, наполовину. Почти до самых последних дней Авгур, официозный лондонский корреспондент «Нью-Йорк Таймс», продолжал уверять, что соглашение с Москвой будет достигнуто. Как свирепо поучителен тот факт, что германо-советский договор ратифицирован сталинским парламентом как раз в тот день, когда Германия вторглась в пределы Польши!

Общие причины войны заложены в непримиримых противоречиях мирового империализма. Однако, непосредственным толчком к открытию военных действий явилось заключение советско-германского пакта. В течение предшествовавших месяцев Геббельс, Форстер и другие германские политики настойчиво повторяли, что фюрер назначит скоро «день» для решительных действий. Сейчас совершенно очевидно, что речь шла о дне, когда Молотов поставит свою подпись под германо-советским пактом. Этого факта уже не вычеркнет из истории никакая сила!

Дело совсем не в том, что Кремль чувствует себя ближе к тоталитарным государствам, чем к демократическим. Не этим определяется выбор курса в международных делах. Консервативный парламентарий Чемберлен при всем своем отвращении к советскому режиму

изо всех сил стремился добиться союза со Сталиным. Союз не осуществился, потому что Сталин боится Гитлера. И боится не случайно. Армия обезглавлена. Это не фраза, а трагический факт. Ворошилов есть фикция. Его авторитет искусственно создан тоталитарной агитацией. На головокружительной высоте он остался тем, чем был всегда: ограниченным провинциалом без кругозора, без образования, без военных способностей и даже без способностей администратора. В «очищенном» командном составе не осталось ни одного имени, на котором армия могла бы остановиться с доверием. Кремль боится армии и боится Гитлера. Сталину нужен мир – любой ценою.

Прежде чем гогенцоллернская Германия пала под ударами мировой коалиции, она нанесла смертельный удар царскому режиму, причем западные союзники подталкивали русскую либеральную буржуазию и даже поддерживали планы дворцового переворота. Не повторится ли в преобразованном виде этот исторический эпизод? – спрашивали себя с тревогой обитатели Кремля. Они не сомневаются, что коалиция из Франции, Великобритании, Советского Союза, Польши, Румынии при несомненной в дальнейшем поддержке Соединенных Штатов в конце концов сломила бы Германию и ее союзников. Но прежде чем свалиться в пропасть, Гитлер мог бы нанести СССР такое поражение, которое кремлевской олигархии стоило бы головы. Если б советская олигархия была способна к самопожертвованию или хотя бы самоограничению в военных интересах СССР, она не обезглавила бы и не деморализовала бы армию.

Всякого рода просоветские простаки считают само собой разумеющимся, что Кремль стремится к низвержению Гитлера. Низвержение Гитлера немыслимо без революции. Победа революции в Германии подняла бы на огромную высоту самочувствие народных масс в СССР и сделала бы невозможным дальнейшее существование московской тирании. Кремль предпочитает статус-кво со включением Гитлера в качестве союзника.

Застигнутые пактом врасплох профессиональные адвокаты Кремля пытаются теперь доказать, что наши старые прогнозы имели в виду наступательный военный союз между Москвою и Берлином, тогда как на деле заключено лишь пацифистское соглашение о «взаимном ненападении». Жалкие софизмы! О наступательном военном союзе в прямом смысле этого слова мы никогда не говорили. Наоборот, мы всегда исходили из того, что международная политика Кремля определяется интересами самосохранения новой аристократии, ее страхом перед народом, ее неспособностью вести войну. Любая международная комбинация имеет для советской бюрократии цену постольку, поскольку освобождает ее от необходимости прибегать к силе вооруженных рабочих и крестьян. И тем не менее германо-советский пакт является в полном смысле слова военным союзом, ибо служит целям наступательной империалистической войны.

В прошлой войне Германия потерпела поражение прежде всего вследствие недостатка сырья и продовольствия. В этой войне Гитлер уверенно рассчитывает на сырье СССР. Заключению политического пакта не случайно предшествовало заключение торгового договора. Москва далека от мысли денонсировать его. Наоборот, в своей вчерашней речи перед Верховным Советом Молотов сослался прежде всего на исключительные экономические выгоды дружбы с Гитлером. Соглашение о взаимном ненападении, т. е. о пассивном отношении СССР к германской агрессии, дополняется, таким образом, договором об экономическом сотрудничестве в интересах агрессии. Пакт обеспечивает Гитлеру возможность пользоваться советским сырьем подобно тому, как Италия в своем ненападении на Абиссинию пользовалась советской нефтью. Военные эксперты Англии и Франции только на днях изучали в Москве карту Балтийского моря с точки зрения военных операций между СССР и Германией. А в это самое время германские и советские эксперты обсуждали меры обеспечения балтийских морских путей для непрерывных торговых сношений во время войны. Оккупация Польши должна в дальнейшем обеспечить непосредственную территориальную связь с Советским Союзом и дальнейшее развитие экономических отношений. Такова суть пакта. В «Майн Кампф» Гитлер говорит, что союз между двумя государствами, не имеющий своей целью вести войну, «бессмыслен и бесплоден». Германо-советский пакт не бессмыслен и не бесплоден: это военный союз со строгим разделением ролей – Гитлер ведет военные операции, Сталин выступает в качестве интенданта. И есть еще люди, которые всерьез утверждают, что целью

нынешнего Кремля является международная революция!

При Чичерине, как министре иностранных дел ленинского правительства, советская внешняя политика действительно имела своей задачей международное торжество социализма, стремясь попутно использовать противоречия между великими державами в целях безопасности Советской Республики. При Литвинове программа мировой революции уступила место заботе о статус-кво при помощи системы «коллективной безопасности». Но когда эта идея «коллективной безопасности» приблизилась к своему частичному осуществлению, Кремль испугался тех военных обязательств, которые из нее вытекают. Литвинова сменил Молотов, который не связан ничем, кроме обнаженных интересов правящей касты. Политика Чичерина, т. е., по существу, политика Ленина, давно уже объявлена политикой романтизма. Политика Литвинова считалась некоторое время политикой реализма. Политика Сталина – Молотова есть политика обнаженного цинизма.

«На едином фронте миролюбивых государств, действительно противостоящих агрессии, Советскому Союзу не может не принадлежать место в передовых рядах», – говорил Молотов в Верховном Совете три месяца тому назад. Какой зловещей иронией звучат теперь эти слова! Советский Союз занял свое место в заднем ряду тех государств, которые он до последних дней не уставал клеймить в качестве агрессоров.

Непосредственные выгоды, которые кремлевское правительство получает от союза с Гитлером, имеют вполне осязательный характер. СССР остается в стороне от войны. Гитлер снимает в порядке дня кампанию в пользу «Великой Украины». Япония оказывается изолированной. Одновременно с отсрочкой военной опасности на западной границе можно, следовательно, ждать ослабления давления на восточную границу, может быть, даже заключения соглашения с Японией. Весьма вероятно к тому же, что в обмен за Польшу Гитлер предоставил Москве свободу действий в отношении балтийских лимитрофов. Как ни велики, однако, эти «выгоды», они имеют в лучшем случае конъюнктурный характер, и их единственной гарантией является подпись Риббентропа под «клочком бумаги». Между тем война поставила в порядке дня вопросы жизни и смерти народов, государств, режимов, правящих классов. Германия разрешает свою программу мирового господства по этапам. При помощи Англии она вооружилась, несмотря на сопротивление Франции. При помощи Польши она изолировала Чехословакию. При помощи Советского Союза она хочет не только закабалить Польшу, но и разгромить старые колониальные империи. Если б Германии удалось при помощи Кремля выйти из нынешней войны победительницей, это означало бы смертельную опасность для Советского Союза. Напомним, что вскоре после Мюнхенского соглашения секретарь Коминтерна Димитров огласил (несомненно, по поручению Сталина) точный календарь будущих завоевательных операций Гитлера. Оккупация Польши приходится в этом плане на осень 1939 года. Дальше следуют: Югославия, Румыния, Болгария, Франция, Бельгия… Наконец, осенью 1941 года Германия должна открыть наступление против Советского Союза. В основу этого разоблачения положены, несомненно, данные, добытые советской разведкой. Схему никак нельзя, разумеется, понимать буквально: ход событий вносит изменения во все плановые расчеты. Однако первое звено плана, оккупация Польши осенью 1939 года, подтверждается в эти дни. Весьма вероятно, что и намеченный в плане двухлетний промежуток между разгромом Польши и походом против Советского Союза окажется весьма близким к действительности. В Кремле не могут не понимать этого. Недаром там десятки раз провозглашали: «Мир неразделен». Если, тем не менее, Сталин оказывается интендантом Гитлера, то это значит, что правящая каста уже не способна думать о завтрашнем дне. Ее формула есть формула всех гибнущих режимов: «После нас хоть потоп».

Пытаться сейчас предсказать ход войны и отдельных ее участков, в том числе и тех, которые еще питаются сегодня иллюзорной надеждой остаться в стороне от мировой катастрофы, было бы тщетной задачей. Никому не дано обозреть эту гигантскую арену и бесконечно сложную свалку материальных и моральных сил. Только сама война решает судьбу войны. Одно из величайших отличий нынешней войны от прошлой – это радио. Только сейчас я отдал себе в этом полный отчет, слушая здесь, в Койоакане, в предместье мексиканской столицы, речи о берлинском рейхстаге и скупые пока еще сообщения Лондона и Парижа. Благодаря радио народы сейчас в гораздо меньшей степени, чем в прошлую войну, будут

зависеть от тоталитарной информации собственных правительств и гораздо скорее будут заражаться настроениями других стран. В этой области Кремль уже успел потерпеть большое поражение. Коминтерн, важнейшее орудие Кремля для воздействия на общественное мнение других стран, явился на самом деле первой жертвой германо-советского пакта. Судьба Польши еще не решена. Но Коминтерн уже труп. Его покидают с одного конца патриоты, с другого – интернационалисты. Завтра мы услышим, несомненно, по радио голоса вчерашних коммунистических вождей, которые, в интересах своих правительств, будут на всех языках цивилизованного мира, и в том числе на русском языке, разоблачать измену Кремля.

Распад Коминтерна нанесет неисцелимый удар авторитету правящей касты в сознании народных масс самого Советского Союза. Так политика цинизма, которая должна была, по замыслу, укрепить позиции сталинской олигархии, на самом деле приблизит час ее крушения.

Война сметет многое и многих. Хитростями, уловками, подлогами, изменами никому не удастся уклониться от ее грозного Суда. Однако наша статья была бы в корне ложно понята, если, бы она натолкнула на тот вывод, будто в Советском Союзе сметено будет все то новое, что внесла в жизнь человечества Октябрьская революция. Автор глубоко убежден в противном. Новые формы хозяйства, освободившись от невыносимых оков бюрократии, не только выдержат огненное испытание, но и послужат основой новой культуры, которая, будем надеяться, навсегда покончит с войной.

Койоакан,
2 сентября, 2 ч.

Капитуляция Сталина

Первые сообщения о речи Сталина на происходящем ныне в Москве съезде так называемой Коммунистической партии Советского Союза показывают, что Сталин поторопился извлечь для себя уроки из испанских событий в смысле дальнейшего поворота в сторону реакции. В Испании Сталин потерпел менее непосредственное, но не менее глубокое поражение, чем Азанья и Негрин. Дело идет при этом о чем-то неизмеримо большем, чем чисто военное поражение или даже проигранная война. Вся политика испанских «республиканцев» определялась Москвой. Те отношения, какие установились у республиканского правительства с рабочими и крестьянами, представляли только перевод на язык войны тех отношений, какие установились между кремлевской олигархией и народами Советского Союза. Методы управления Азаньи – Негрина были концентрированными методами московского ГПУ. Основная тенденция политики состояла в замене народа бюрократией, а бюрократии – политической полицией. Благодаря условиям войны тенденции московского бонапартизма не только получили в Испании крайнее выражение, но и подверглись очень быстрой проверке. В этом важность испанских событий с точки зрения международной, и прежде всего советской. Сталин не способен воевать; а когда он оказывается вынужден воевать, он не способен дать ничего, кроме поражений.

В речи на съезде Сталин открыто порывает с идеей «союза демократий для отпора фашистским агрессорам». Теперь провокаторами международной войны оказываются не Муссолини и Гитлер, а две основные демократии Европы: Великобритания и Франция, которые, по словам оратора, хотят втравить в вооруженный конфликт Германию и СССР, под предлогом покушения Германии на Украину. Фашизм? – Он тут ни при чем. О покушении Гитлера на Украину, по словам Сталина, нет и речи, и для военного конфликта с Гитлером нет ни малейшего основания. Отказ от политики «союза демократий» дополняется немедленно униженным пресмыкательством перед Гитлером и усердной чисткой его сапог. Таков Сталин!

В Чехословакии капитуляция «демократии» перед фашизмом нашла свое персонифицированное выражение в смене правительства. В СССР, благодаря неоценимым преимуществам тоталитарного режима, Сталин является своим собственным Бенешем и своим собственным генералом Сировым. Он меняет принципы своей политики именно для того, чтобы не сменили его самого. Бонапартистская клика хочет жить и господствовать, а все остальное есть для нее вопрос «техники».

Политические методы Сталина ничем, по существу, не отличаются от методов Гитлера.

Но в сфере международной политики разница результатов бьет в глаза. Гитлер за короткое время вернул Саарскую область, опрокинул Версальский договор, захватил Австрию и судетских немцев, подчинил своему господству Чехословакию и своему влиянию – ряд других второстепенных и третьестепенных государств. За те же годы Сталин не знал на международной арене ничего, кроме поражений и унижений (Китай, Чехословакия, Испания). Искать объяснения этой разницы в личных качествах Гитлера и Сталина было бы слишком поверхностно. Гитлер, несомненно, проницательнее и смелее Сталина. Однако решает не это. Решают общие социальные условия обеих стран.

Сейчас в поверхностных радикальных кругах вошло в моду валить в одну кучу социальные режимы Германии и СССР. Это никуда не годится. В Германии, несмотря на все государственные «регулирования», существует режим частной собственности на средства производства. В Советском Союзе промышленность национализирована, а сельское хозяйство коллективизировано. Мы знаем все социальные уродства, которые бюрократия взрастила на территории Октябрьской революции. Но факт планового хозяйства на основе огосударствления и коллективизации средств производства остается. Это огосударствленное хозяйство имеет свои собственные законы, которые все меньше мирятся с деспотизмом, невежеством и воровством сталинской бюрократии.

Монополистский капитализм во всем мире, и особенно в Германии, находится в безвыходном кризисе. Сам фашизм есть выражение этого кризиса. Но в рамках монополистского капитализма режим Гитлера есть для Германии единственно возможный режим. Разгадка успехов Гитлера в том, что своим полицейским режимом он дает крайнее выражение тенденциям империализма. Наоборот, режим Сталина вступил в непримиримое противоречие с тенденциями советского общества. Разумеется, успехи Гитлера непрочны, зыбки, ограничены возможностями умирающего буржуазного общества. Гитлер скоро приблизится (если уже не приблизился) к апогею, чтобы скатиться затем вниз. Но этот момент еще не наступил. Гитлер еще эксплуатирует динамическую силу империализма, борющегося за свое существование. Наоборот, противоречия между бонапартистским режимом Сталина и потребностями хозяйства и культуры достигли невыносимого напряжения. Борьба Кремля за самосохранение лишь углубляет и обостряет противоречия, ведя к непрерывной гражданской войне и к вытекающим отсюда поражениям на международной арене.

Что представляет собою речь Сталина? Звено в цепи сложившейся новой политики, опирающейся на уже достигнутые первые соглашения с Гитлером, или же только пробный шар, одностороннее предложение руки и сердца?

Весьма вероятно, что действительность подходит ближе ко второму варианту, чем к первому. Победитель Гитлер отнюдь не спешит закреплять свои дружбы и вражды. Наоборот, он очень заинтересован в том, чтобы Советский Союз и западные демократии подбрасывали друг другу обвинения в «провокации войны». Своим напором Гитлер, во всяком случае, уже кое-чего достиг: Сталин, вчера еще «Александр Невский» западных демократий, сегодня обращает свои взоры к Берлину и униженно кается в совершенных ошибках.

Какой урок! За последние три года Сталин объявил всех соратников Ленина агентами Гитлера. Он истребил цвет командного состава, расстрелял, сместил, сослал около 30 000 офицеров, – все по тому же обвинению: все это – агенты Гитлера или союзников Гитлера. Разрушив партию и обезглавив армию, Сталин открыто ставит ныне свою кандидатуру на роль… главного агента Гитлера. Предоставим плутам из Коминтерна лгать и изворачиваться, как умеют. Факты настолько ясны и убедительны, что обмануть общественное мнение международного рабочего класса шарлатанскими фразами больше никому не удастся. Прежде чем падет Сталин, Коминтерн распадется на куски. И то и другое – не за горами.

11 марта 1939 г.

Двойная звезда: Гитлер – Сталин

Когда Гитлер молниеносно вторгается в Польшу с Запада, Сталин осторожно, крадучись, вступает в Польшу с Востока. Когда Гитлер, задушив 23 миллиона поляков, предлагает прекратить «бесполезную» войну, Сталин, через свою дипломатию и свой Коминтерн,

восхваляет преимущества мира. Когда Сталин занимает стратегические позиции в Прибалтике, Гитлер услужливо вывозит оттуда своих немцев. Когда Сталин наступает на Финляндию, печать Гитлера – единственная в мире – выражает Кремлю свою полную солидарность. Орбиты Гитлера и Сталина связаны какой-то внутренней связью. Какой именно? И надолго ли?

Двойные звезды бывают «оптические», т. е. мнимые, и «физические», т. е. составляющие действительную пару, причем одна вращается около другой. Представляют ли Гитлер и Сталин на сегодняшнем багровом небосклоне мировой политики действительную или мнимую двойную звезду? И если действительную, то кто вокруг кого вращается?

Сам Гитлер сдержанно говорит о прочном «реалистическом» пакте. Сталин предпочитает молча сосать трубку. Политики и журналисты враждебного лагеря с целью перессорить друзей изображают Сталина главной звездой, а Гитлера – спутником. Попробуем разобраться в этом непростом вопросе, не забывая, однако, что орбиты мировой политики не поддаются такому точному определению, как орбиты небесных тел.

Возникнув гораздо позже западных соседей, капиталистическая Германия создала самую передовую и динамическую индустрию на континенте Европы, но зато оказалась обделенной при первоначальном разделе мира. «Мы его переделим заново», – провозгласили германские империалисты в 1914 году. Они ошиблись. Аристократия мира объединилась против них и одержала победу. Ныне Гитлер хочет повторить эксперимент 1914 года в более грандиозном масштабе. Он не может не хотеть этого: взрывчатый германский капитализм задыхается в старых границах. И тем не менее задача Гитлера неразрешима. Если бы он даже одержал военную победу, передел мира в пользу Германии не удастся. Германия пришла слишком поздно. Капитализму тесно во всех странах. Колонии не хотят быть колониями. Новая мировая война даст новый грандиозный толчок движению независимости угнетенных народов. Германия пришла слишком поздно.

Гитлер меняет свои «дружбы», свои оценки наций и государств, нарушает договоры и обязательства, обманывает врагов и друзей, – но все это диктуется единством цели: новым переделом мира.

«Германия в настоящее время не мировая держава, – говорит Гитлер в своей книге, – но Германия будет мировой державой или ее не будет вовсе».

Превратить объединенную Германию в базу для господства над Европой; превратить объединенную Европу в базу для борьбы за мировое господство, следовательно, за оттеснение, ослабление, унижение Америки, – эта задача Гитлера остается неизменной. Ею он оправдывает тоталитарный режим, который стальным обручем сдавил классовые противоречия внутри немецкой нации.

СССР характеризуется прямо противоположными чертами. Царская Россия оставила после себя отсталость и нищету. Миссия советского режима состоит не в том, чтоб найти новые пространства для производительных сил, а в том, чтобы создать производительные силы для старых пространств. Хозяйственные задачи СССР не требуют расширения границ. Состояние производительных сил не допускает большой войны. Наступательная сила СССР невелика. Оборонительная сила по-прежнему в его пространствах.

Со времени последних «успехов» Кремля стало модой сравнивать нынешнюю московскую политику со старой политикой Великобритании, которая, сохраняя по возможности нейтралитет, поддерживала равновесие в Европе и в то же время крепко держала ключ от этого равновесия в своих руках. На основании этой аналогии Кремль стал на сторону Германии как более слабой стороны, чтобы в случае слишком больших успехов Германии перекинуться на сторону противного лагеря. Здесь все опрокинуто на голову. Старая политика Лондона была возможна благодаря огромному экономическому перевесу Великобритании над всеми странами Европы. Советский Союз, наоборот, является в экономическом смысле самой слабой из великих держав. В марте этого года Сталин после ряда лет неслыханного официального хвастовства впервые заговорил на съезде партии о сравнительной производительности труда в СССР и на Западе. Целью его экскурсии в область мировой статистики было объяснить ту нищету, в которой все еще живут народы СССР. Чтобы догнать в отношении чугуна Германию по расчету на душу населения, СССР должен был бы производить не 15 миллионов тонн в год, как ныне, а 45 миллионов; чтобы догнать Соединенные Штаты,

надо было бы довести ежегодную выплавку до 60 миллионов, т. е. повысить в четыре раза. Так же, и даже еще менее благоприятно, обстоит дело со всеми остальными отраслями хозяйства. Сталин выразил, правда, надежду на то, что Советский Союз догонит передовые капиталистические страны в ближайшие 10–15 лет. Срок, разумеется, гадательный! Но до истечения этого срока участие СССР в большой войне означало бы, во всяком случае, борьбу с неравным оружием.

Моральный фактор, не менее важный, чем материальный, резко изменился за последние годы к худшему. Тенденция к социальному равенству, возвещенная революцией, растоптана и поругана. Надежды масс обмануты. В СССР есть 12–15 миллионов привилегированного населения, которое сосредотачивает в своих руках около половины национального дохода и называет этот режим «социализмом». Но кроме того, в стране есть около 160 миллионов, которые задушены бюрократией и не выходят из тисков нужды.

Отношение к войне у Гитлера и Сталина в известном смысле прямо противоположное. Тоталитарный режим Гитлера вырос из страха имущих классов Германии перед социалистической революцией. Гитлер получил мандат от собственников какою угодно ценою спасти их собственность от угрозы большевизма и открыть им выход на мировую арену. Тоталитарный режим Сталина вырос из страха новой касты революционных выскочек перед задушенным ею революционным народом. Война опасна для обоих. Но Гитлер не может разрешить своей исторической миссии иными путями. Победоносная наступательная война должна обеспечить экономическое будущее германского капитализма и вместе с тем национал-социалистический режим.

Иное дело Сталин. Он не может вести наступательной войны с надеждой на успех. К тому же она не нужна ему. В случае вовлечения СССР в мировую войну с ее неисчислимыми жертвами и лишениями все обиды и насилия, вся ложь официальной системы вызовут неизбежно глубокую реакцию со стороны народа, который совершил в этом столетии три революции. Никто не знает этого лучше, чем Сталин. Основная идея его внешней политики – избежать большой войны.

К изумлению дипломатических рутинеров и пацифистских ротозеев Сталин оказался в союзе с Гитлером по той простой причине, что опасность большой войны могла идти только со стороны Гитлера и что, по оценке Кремля, Германия сильнее своих нынешних противников. Длительные московские совещания с военными делегациями Англии и Франции послужили не только прикрытием переговоров с Гитлером, но и прямой военной разведкой. Московский штаб убедился, очевидно, что союзники плохо подготовлены к большой войне. Насквозь милитаризованная Германия есть страшный враг. Купить ее благожелательность можно только путем содействия ее планам. Этим и определилось решение Сталина.

Союз с Гитлером не только отодвигал непосредственную опасность вовлечения СССР в большую войну, но и открывал возможность получить непосредственные стратегические выгоды. В то время как на Дальнем Востоке Сталин, уклоняясь от войны, в течение ряда лет отступал и отступал, на западной границе обстоятельства сложились так, что он мог убегать от войны – вперед, т. е. не сдавать старые позиции, а захватывать новые. Печать союзников изображает дело так, будто Гитлер оказался пленником Сталина, и подчеркивает громадность выгод, которые получила Москва за счет Германии: половина Польши (на самом деле, по числу населения – около трети), плюс господство над восточным побережьем Балтийского моря, плюс открытая дорога на Балканы и пр. Выгоды, полученные Москвой, несомненно, значительны. Но окончательный счет еще не подведен. Гитлер начал борьбу мирового масштаба. Из этой борьбы Германия выйдет либо хозяином Европы и всех ее колоний, либо раздавленной. Обеспечить свою восточную границу накануне такой войны являлось для Гитлера вопросом жизни и смерти. Он заплатил за это Кремлю частями бывшей царской империи. Неужели это дорогая плата?

Разговоры о том, будто Сталин «обманул» Гитлера своим вторжением в Польшу и своим нажимом на балтийские страны, совершенно вздорны. Вероятнее всего, именно Гитлер навел Сталина на мысль завладеть Восточной Польшей и наложить руку на Прибалтику. Так как национал-социализм вырос на проповеди войны против Советского Союза, то Сталин не мог, конечно, поверить Гитлеру на честное слово. Переговоры велись в «реалистических» тонах.

«Ты боишься меня? – говорил Гитлер Сталину. – Ты хочешь гарантий? Возьми их сам».

И Сталин взял.

Изображать дело так, будто новая западная граница СССР навсегда преграждает Гитлеру путь на Восток, значит, нарушать все пропорции. Гитлер разрешает свою задачу по этапам. Сейчас в порядке дня стоит разрушение Великобританской империи. Ради этой цели можно кое-чем поступиться. Путь на Восток предполагает новую большую войну между Германией и СССР. Когда очередь дойдет до нее, то вопрос о том, на какой черте начнется столкновение, будет иметь второстепенное значение.

Наступление на Финляндию находится как будто в противоречии со страхом Сталина перед войной. На самом деле это не так. Кроме планов есть логика положения. Уклоняясь от войны, Сталин пошел на союз с Гитлером. Чтоб застраховать себя от Гитлера, он захватил ряд опорных баз на балтийском побережье. Однако сопротивление Финляндии угрожало свести все стратегические выгоды к нулю и даже превратить их в свою противоположность. Кто, в самом деле, станет считаться с Москвой, если с ней не считается Гельсингфорс? Сказав «А», Сталин вынужден сказать «Б». Потом могут последовать другие буквы алфавита. Если Сталин хочет уклониться от войны, то это не значит, что война пощадит Сталина.

Берлин явно подталкивал Москву против Финляндии. Каждый новый шаг Москвы на Запад делает более близким вовлечение Советского Союза в войну. Если б эта цель оказалась достигнутой, мировое положение значительно изменилось бы. Ареной войны стал бы Ближний и Средний Восток. Ребром встал бы вопрос об Индии. Гитлер вздохнул бы с облегчением и, в случае неблагоприятного поворота событий, получил бы возможность заключения мира за счет Советского Союза. В Москве, несомненно, со скрежетом зубовным читали дружественные статьи германской печати по поводу наступления Красной Армии на Финляндию. Но зубовный скрежет не есть фактор политики. Пакт остается в полной силе. И Сталин остается сателлитом Гитлера.

Непосредственные выгоды пакта для Москвы несомненны. Пока Германия связана на Западном фронте, Советский Союз чувствует себя гораздо более свободным на Дальнем Востоке. Это не значит, что он предпримет здесь наступательные операции. Правда, японская олигархия еще менее, чем московская, способна на большую войну. Но у Москвы, которая вынуждена стоять лицом к Западу, не может быть сейчас ни малейшего побуждения углубляться в Азию. В свою очередь, Япония вынуждена считаться с тем, что может получить со стороны СССР серьезный и даже сокрушительный отпор. В этих условиях Токио должен предпочесть программу своих морских кругов, т. е. наступление не на Запад, а на Юг, в сторону Филиппин, голландской Индии, Борнео, французского Индо-Китая, британской Бирмы… Соглашение между Москвой и Токио на этой почве симметрично дополнило бы пакт между Москвой и Берлином. Вопрос о том, какое положение создалось бы при этом для Соединенных Штатов, не входит в рассмотрение настоящей статьи.

Ссылаясь на недостаток сырья в СССР, мировая печать не устает твердить о незначительности той экономической помощи, которую Сталин может оказать Гитлеру. Дело совсем не решается так просто. Недостаток сырья в СССР имеет относительный, а не абсолютный характер; бюрократия намечает слишком высокие темпы промышленного развития и не умеет соблюдать пропорции между разными частями хозяйства. Если снизить на один-два года темпы роста известных отраслей промышленности с 15 до 10%, до 5% или оставить промышленность на прошлогоднем уровне, то сразу окажутся значительные излишки сырья. Абсолютная морская блокада германской внешней торговли должна, с другой стороны, направить значительный поток германских товаров в Россию, в обмен на советское сырье.

Не нужно также забывать, что СССР скопил и продолжает скапливать огромные запасы сырья и продовольствия для задач обороны. Известная часть этих запасов представляет потенциальный резерв Германии. Москва может, наконец, дать Гитлеру золото, которое, несмотря на все автаркические усилия, остается одним из главных нервов войны. Наконец, дружественный «нейтралитет» Москвы чрезвычайно облегчает Германии пользоваться ресурсами Прибалтики, Скандинавии и Балкан.

«Совместно с Советской Россией, – не без основания писал „Volkischer Beobachter“, орган Гитлера, 2 ноября, – мы господствуем над источниками сырья и продовольствия всего

Востока». За несколько месяцев до заключения пакта между Москвой и Берлином в Лондоне оценивали значение экономической помощи, которую СССР может оказать Германии, гораздо более трезво, чем сейчас. Официозное исследование Королевского института внешних сношений, посвященное «Политическим и стратегическим интересам Соединенного Королевства» (предисловие помечено мартом 1939 г.), говорит по поводу советско-германского сближения:

«Опасность для Великобритании подобной комбинации может быть чрезвычайно большой». «Приходится спросить, – продолжает коллективный автор, – в какой мере Великобритания могла бы надеяться достигнуть решительной победы в борьбе с Германией, если бы восточная граница Германии не была бы блокирована с суши?»

Эта оценка заслуживает большого внимания. Не будет преувеличением сказать, что союз с СССР уменьшает для Германии тяжесть блокады не менее как на 25%, а, может быть, и значительно более.

К материальной поддержке надо прибавить – если это слово здесь уместно – моральную. До конца августа Коминтерн требовал освобождения Австрии, Чехословакии, Албании, Абиссинии и совершенно молчал о британских колониях. Сейчас Коминтерн молчит о Чехии, поддерживает раздел Польши, но зато требует освобождения Индии.

Московская «Правда» нападает на удушение свобод в Канаде, но молчит о кровавых расправах Гитлера над чехами и гангстерских пытках над польскими евреями. Все это значит, что Кремль очень высоко оценивает силу Германии.

И Кремль не ошибается. Германия оказалась, правда, неспособной обрушить на Францию и Великобританию «молниеносную» войну; но ни один серьезный человек и не верил в такую возможность. Однако величайшим легкомыслием отличается та международная пропаганда, которая торопится изображать Гитлера как загнанного в тупик маньяка. До этого еще очень далеко. Динамическая индустрия, технический гений, дух дисциплины – все это налицо; чудовищная военная машина Германии еще себя покажет. Дело идет о судьбе страны и режима. Польское правительство и чехословацкое полуправительство находятся сейчас во Франции. Кто знает, не придется ли французскому правительству вместе с бельгийским, голландским, польским и чехословацким искать убежища в Великобритании?… Я ни на минуту не верю, как уже сказано, в осуществление замыслов Гитлера относительно pax germanica[66] и мирового господства. Новые государства, и не только европейские, встанут на его пути. Германский империализм пришел слишком поздно. Его милитаристические беснования закончатся величайшей катастрофой. Но прежде чем пробьет его час, многое и многие будут сметены в Европе. Сталин не хочет быть в их числе. Он больше всего остерегается поэтому оторваться от Гитлера слишком рано.

Пресса союзников жадно ловит симптомы «охлаждения» между новыми друзьями и со дня на день предсказывает их разрыв. Нельзя, конечно, отрицать, что Молотов чувствует себя не очень счастливым в объятиях Риббентропа. В течение целого ряда лет всякая внутренняя оппозиция в СССР клеймилась, преследовалась и уничтожалась в качестве агентуры наци. После завершения этой работы Сталин вступает в тесный союз с Гитлером. В стране есть миллионы людей, связанных с расстрелянными и заключенными в концентрационные лагеря за мнимую связь с наци, – и эти миллионы являются ныне осторожными, но крайне действительными агитаторами против Сталина. К этому надо прибавить секретные жалобы Коминтерна: иностранным агентам Кремля приходится нелегко. Сталин, несомненно, пытается оставить открытой и другую возможность. Литвинов был показан неожиданно на трибуне Мавзолея Ленина 7 ноября; в юбилейном шествии несли портреты секретаря Коминтерна Димитрова и вождя немецких коммунистов Тельмана. Все это относится, однако, к декоративной стороне политики, а не к ее существу. Литвинов, как и демонстративные портреты, нужны были прежде всего для успокоения советских рабочих и Коминтерна. Лишь косвенно Сталин дает этим понять союзникам, что, при известных условиях, он может пересесть на другого коня. Но только фантазеры могут думать, что поворот внешней политики

---

[66] Германский мир (договор) *(лат.).*

Кремля стоит в порядке дня. Пока Гитлер силен, – а он очень силен, – Сталин останется его сателлитом.

Все это, может быть, и верно, – скажет внимательный читатель, – но где же у вас революция? Неужели Кремль не считается с ее возможностью, вероятностью, неизбежностью? И неужели расчет на революцию не отражается на внешней политике Сталина? Замечание законно. В Москве меньше всего сомневаются в том, что большая война способна вызвать революцию. Но война не начинается с революции, а заканчивается ею. Прежде чем разразилась революция в Германии (1918 г.), немецкая армия успела нанести смертельные удары царизму. Так и нынешняя война может опрокинуть кремлевскую бюрократию задолго до того, как революция начнется в какой-либо из капиталистических стран. Наша оценка внешней политики Кремля сохраняет поэтому свою силу независимо от перспективы революции.

Однако чтоб правильно ориентироваться в дальнейших маневрах Москвы и эволюции ее отношений с Берлином, необходимо ответить на вопрос: хочет ли Кремль использовать войну для развития международной революции, и если хочет, то как именно? 9 ноября Сталин счел необходимым в крайне резкой форме опровергнуть сообщение о том, будто он считает, что «война должна продолжаться как можно дольше, дабы участники ее полностью истощились».

На этот раз Сталин сказал правду. Он не хочет затяжной войны по двум причинам: во-первых, она неизбежно вовлекла бы в свой водоворот СССР; во-вторых, она столь же неизбежно вызвала бы европейскую революцию. Кремль вполне основательно страшится одного и другого.

«…Внутреннее развитие России, – говорит уже цитированное исследование лондонского Королевского института, – направляется к образованию „буржуазии“ директоров и чиновников, которые обладают достаточными привилегиями, чтобы быть в высшей степени довольными статус-кво… В различных чистках можно усмотреть прием, при помощи которого искореняются все те, которые желают изменить нынешнее положение дел. Такое истолкование придает вес тому взгляду, что революционный период в России закончился и что отныне правители будут стремиться лишь сохранить те выгоды, которые революция доставила им».

Это очень хорошо сказано! Свыше двух лет тому назад я писал на страницах этого журнала:

> «Гитлер борется против франко-русского союза не из принципиальной вражды к коммунизму (ни один серьезный человек не верит более в революционную роль Сталина!), а потому, что хочет иметь руки свободными для соглашения с Москвой против Парижа…»

Тогда эти слова истолковывались как продукт предвзятости. События принесли проверку.

В Москве отдают себе ясный отчет в том, что война больших масштабов откроет эру политических и социальных потрясений. Если б там могли серьезно надеяться овладеть революционным движением и подчинить его себе, разумеется, Сталин пошел бы ему навстречу. Но он знает, что революция есть антитеза бюрократии и что она беспощадно обращается с привилегированными консервативными аппаратами. Какое жалкое крушение потерпела бюрократическая опека Кремля в китайской революции 1925–1927 годов и в испанской революции 1931–1939 годов! На волнах новой революции должна неизбежно подняться новая международная организация, которая отбросит назад Коминтерн и нанесет смертельный удар авторитету советской бюрократии на ее национальных позициях в СССР.

Сталинская фракция поднялась к власти в борьбе с так называемым «троцкизмом». Под знаком борьбы с «троцкизмом» прошли затем все чистки, все театральные процессы и все расстрелы. То, что в Москве называют «троцкизмом», выражает, по существу, страх новой олигархии перед массами. Это наименование, очень условное само по себе, уже успело приобрести международный характер. Я вынужден привести здесь три свежих примера, ибо они очень симптоматичны для тех политических процессов, которые подготовляет война, и вместе с тем наглядно вскрывают источник страхов Кремля перед революцией.

В еженедельном приложении к парижской газете «Пари-Суар» от 31 августа 1939 года передается диалог между французским послом Кулондром и Гитлером 25 августа в момент

разрыва дипломатических отношений. Гитлер брызжет слюной и хвастает пактом, который он заключил со Сталиным: «реалистический пакт».

– Но, – возражает Кулондр, – Сталин обнаружил великое двуличие. Действительным победителем (в случае войны) будет Троцкий. Подумали ли вы об этом?

– Я знаю, – отвечает фюрер. – Но почему же Франция и Англия дали Польше полную свободу действий?

И т. д., и т. п. Личное имя имеет здесь, разумеется, условный характер. Но не случайно и демократический дипломат, и тоталитарный диктатор для обозначения революции употребляют имя лица, которое Кремль считает своим врагом No 1. Оба собеседника солидарны в том, что революция пройдет под враждебным Кремлю знаменем.

Бывший берлинский корреспондент французского официоза «Temps», пишущий ныне из Копенгагена, сообщает в корреспонденции от 24 сентября, что, пользуясь темнотой улиц нынешнего Берлина, революционные элементы расклеили в рабочем квартале такие плакаты: «Долой Гитлера и Сталина! Да здравствует Троцкий!» Так наиболее смелые рабочие Берлина выражают свое отношение к пакту. А революцией будут руководить [совершенно другие люди]. Хорошо, что Сталину не приходится держать Москву в темноте. В противном случае улицы советской столицы тоже покрылись бы не менее многозначительными плакатами.

Накануне годовщины чешской независимости 28 октября протектор барон Нейрат и чешское правительство опубликовали суровые предупреждения по адресу зачинщиков манифестации:

> «Рабочая агитация в Праге, особенно в связи с угрозой стачки, официально заклеймлена как дело троцкистских коммунистов». (N. Y. Times, 28 октября.)

Я совсем не склонен преувеличивать роль «троцкистов» в пражских манифестациях. Однако самый факт официального преувеличения их роли объясняет, почему хозяева Кремля боятся революции не менее, чем Кулондр, Гитлер и барон Нейрат.

Но разве советизация Западной Украины и Белоруссии (Восточной Польши), как и нынешний приступ к советизации Финляндии, не являются актами социальной революции? И да и нет. Больше нет, чем да. После того как Красная Армия занимает новую территорию, московская бюрократия устанавливает в ней тот режим, который обеспечивает ее господство. Населению разрешено только одобрять проведенные реформы посредством тоталитарного плебисцита. Такого рода переворот осуществим только на завоеванной территории, с немногочисленным и достаточно отсталым населением. Новый глава «советского правительства» Финляндии Отто Куусинен – не вождь революционных масс, а старый чиновник Сталина, один из секретарей Коминтерна с тугой мыслью и гибкой спиной. Такую «революцию» Кремль, конечно, приемлет. Такой «революции» Гитлер не боится.

Руководящий аппарат Коминтерна, состоящий сплошь из Куусиненов и Броудеров, т. е. чиновников-карьеристов, совершенно не пригоден для руководства революционным движением масс. Зато он полезен для прикрытия пакта с Гитлером революционной фразой, т. е. для обмана рабочих в СССР и за границей. А в дальнейшем он может пригодиться как орудие шантажа против империалистических демократий.

Поразительно, как мало поняты уроки испанских событий! Обороняясь от Гитлера и Муссолини, которые стремились использовать гражданскую войну в Испании для создания блока четырех держав против большевизма, Сталин поставил себе задачей доказать Лондону и Парижу, что он способен оградить Испанию и Европу от пролетарской революции с гораздо большим успехом, чем Франко и его покровители. Никто с такой беспощадностью не подавлял социалистическое движение в Испании, как Сталин, в те дни выступавший как архангел чистой демократии. Все было пущено в ход: и бешеная кампания лжи и подлогов, и судебные фальсификации в духе московских процессов, и систематические убийства революционных вождей. Борьба против захвата крестьянами и рабочими земель и фабрик велась под видом борьбы против «троцкизма».

Гражданская война в Испании заслуживает величайшего внимания, ибо она во многих отношениях явилась репи-тицией будущей мировой войны. Во всяком случае, Сталин вполне

готов повторить свой испанский опыт в мировом масштабе с надеждой на лучший успех, – именно купить благорасположение будущих победителей, доказав им делом, что никто лучше его не способен справиться с красным призраком, который для удобства терминологии будет снова назван «троцкизмом».

В течение пяти лет Кремль руководил кампанией в пользу союза демократий, чтобы в последний час как можно выгоднее продать Гитлеру свою любовь к «коллективной безопасности» и миру. Чиновники Коминтерна получили команду: «Налево кругом!» – и немедленно извлекли из архивов старые формулы социалистической революции. Новый «революционный» зигзаг будет, надо думать, короче «демократического», потому что атмосфера войны чрезвычайно ускоряет темпы событий. Но основной тактический метод Сталина тот же: он превращает Коминтерн в революционную угрозу по отношению к противникам, чтобы в решительную минуту обменять его на выгодную дипломатическую комбинацию. Опасаться сопротивления со стороны Броудеров нет основания: эти тигры хорошо дрессированы, боятся бича и привыкли в положенный час получать свою порцию мяса.

Через покорных корреспондентов Сталин пускает слухи, что в случае, если Италия или Япония присоединятся к Англии и Франции, Россия вступит в войну на стороне Гитлера, причем будет одновременно стремиться к советизации Германии. (См, например, N.Y. Times, 12 ноября.) Поразительное признание! Цепями своих «завоеваний» Кремль уже сейчас настолько привязан к колеснице германского империализма, что возможные будущие враги Гитлера автоматически оказываются врагами Сталина. Свое вероятное участие в войне на стороне Третьего рейха Сталин заранее прикрывает обещанием стремиться к «советизации» Германии. По образцу Галиции? Но для этого необходимо предварительно занять Германию Красной Армией. Через восстание германских рабочих? Но если у Кремля есть такая возможность, зачем тогда ждать вступления в войну Италии или Японии? Цель инспирированной корреспонденции слишком ясна: запугать, с одной стороны, Италию и Японию, с другой – Англию и Францию, чтоб таким путем уклониться от войны.

– Не доводите меня до крайности, – угрожает Сталин. – Иначе я наделаю страшных дел.

Здесь, по крайней мере, 95% блефа и, может быть, 5% туманной надежды на то, что в случае смертельной опасности спасение принесет революция.

Мысль о советизации Германии под указку кремлевской дипломатии так же абсурдна, как и надежда Чемберлена на реставрацию в Германии мирной консервативной монархии. Недопустимо недооценивать военную мощь Германии, как и силу сопротивления режиму наци! Сломить германскую армию сможет только новая мировая коалиция посредством войны невиданных масштабов. Низвергнуть тоталитарный режим сможет лишь могущественный напор немецких рабочих. Они совершат революцию не для того, конечно, чтобы заменять Гитлера Гогенцоллерном или Сталиным. Победа народных масс над тиранией наци будет одним из величайших потрясений мировой истории и сразу изменит лицо Европы. Волна возбуждения, надежды, энтузиазма не остановится перед герметическими границами СССР. Советские народные массы ненавидят жадную и жестокую правящую касту. Их ненависть сдерживается мыслью: нас подстерегает империализм. Революция на Западе отнимет у кремлевской олигархии единственное право на политическое существование. Если Сталин переживет своего союзника Гитлера, то ненадолго. Двойная звезда сойдет с небосклона.

Койоакан,
4 декабря 1939 года

Сталин после финляндского опыта

Когда фракция Сталина еще только подготовляла исключение «троцкистов» из партии, Сталин, в свойственной ему форме инсинуации, спрашивал:

– Неужели оппозиция против победы СССР в грядущих боях против империализма?

На заседании Пленума ЦК в августе 1927 года я ответил на это, согласно секретному стенографическому отчету:

«В сущности, Сталин имеет в виду другой вопрос, который не решается высказать, именно: неужели оппозиция думает, что руководство Сталина не в состоянии обеспечить

победу СССР? Да, думает!»

– А партия где? – прервал меня с места Молотов, которого Сталин в интимных беседах называл «деревянным».

– Партию вы задушили, – последовал ответ. Свою речь я закончил словами:

«За социалистическое отечество? – Да! За сталинский курс? – Нет!»

И сейчас, как тринадцать лет тому назад, я полностью стою за защиту СССР. От британского правящего класса я не только географически, но и политически отстою на несколько тысяч миль дальше, чем, например, Бернард Шоу, неутомимый паладин Кремля. Французское правительство арестовывает моих единомышленников. Но все это нимало не побуждает меня защищать внешнюю политику Кремля. Наоборот: я считаю, что главным источником опасностей для СССР в нынешней международной обстановке являются Сталин и возглавляемая им олигархия. Борьба против них перед лицом мирового общественного мнения неразрывно связана для меня с защитой СССР.

Сталин кажется человеком большого роста, потому что он стоит на вершине гигантской бюрократической пирамиды и отбрасывает от себя длинную тень. На самом деле это человек среднего роста. При посредственных интеллектуальных качествах с большим перевесом хитрости над умом он наделен, однако, ненасытным честолюбием, исключительным упорством и завистливой мстительностью. Сталин никогда не заглядывал далеко вперед, никогда и ни в чем не проявлял большой инициативы: он выжидал и маневрировал. Его власть почти что была навязана ему сочетанием исторических обстоятельств; он лишь сорвал созревший плод. Жадность к господству, страх перед массами, беспощадность к слабому противнику, готовность согнуться вдвое перед сильным врагом – эти свои черты новая бюрократия нашла в Сталине в наиболее законченном выражении, и она провозгласила его своим императором.

Ко времени смерти Ленина в 1924 году бюрократия уже была, в сущности, всемогущей, хотя сама еще не успела отдать себе в этом отчета. В качестве «генерального секретаря» бюрократии Сталин был уже в те дни диктатором, но сам еще не знал этого полностью. Меньше всего знала об этом страна. Единственный пример в мировой истории: Сталин успел сосредоточить в своих руках диктаторскую власть, прежде чем один процент населения узнал его имя! Сталин – не личность, а персонификация бюрократии.

В борьбе с оппозицией, отражавшей недовольство масс, Сталин осознал постепенно свою миссию как защитника власти и привилегии новой правящей касты. Он сразу почувствовал себя тверже и увереннее. По своим субъективным тенденциям Сталин является ныне, несомненно, самым консервативным политиком Европы. Он хотел бы, чтобы история, обеспечив господство московской олигархии, не портила своей работы и приостановила свое течение.

Свою несокрушимую верность бюрократии, т. е. самому себе, Сталин обнаружил с эпической свирепостью во время знаменитых чисток. Смысл их не был понят своевременно. Старые большевики старались охранять традицию партии. Советские дипломаты пытались по-своему считаться с международным общественным мнением. Красные полководцы отстаивали интересы армии. Все три группы попали в противоречие с тоталитарными интересами кремлевской клики и были поголовно истреблены. Представим на минуту, что вражеской воздушной флотилии удалось пробиться через все заграждения и уничтожить бомбами здание министерства иностранных дел и военного – как раз в тот момент, когда там заседал цвет дипломатии и командного состава. Какая катастрофа! Какое потрясение внес бы в жизнь страны подобный адский удар! Сталин с успехом выполнил эту операцию без помощи иностранных бомбовозов: он собрал со всех концов мира советских дипломатов, со всех концов СССР – советских военачальников, запер их в подвалы ГПУ и всадил им всем по пуле в затылок. И это накануне новой великой войны!

Литвинов физически уцелел, но политически ненадолго пережил своих бывших политических сотрудников. В ликвидации Литвинова помимо политического мотива – согнуться вдвое перед Гитлером – был, несомненно, личный мотив. Литвинов не был самостоятельной политической фигурой. Но он слишком мозолил глаза Сталину одним тем, что говорил на четырех языках, знал жизнь европейских столиц и во время докладов в Политбюро раздражал невежественных бюрократов ссылками на недоступные им источники. Все ухватились за счастливый повод, чтоб избавиться от слишком просвещенного министра.

Сталин вздохнул с облегчением, почувствовав себя наконец головою ныне всех своих сотрудников. Но как раз тут начались новые затруднения. Беда в том, что Сталин лишен самостоятельности в вопросах большого масштаба: при громадных резервах воли ему не хватает способности обобщения, творческого воображения, наконец, фактических знаний. Идейно он всегда жил за счет других: долгие годы – за счет Ленина, причем неизменно попадал в противоречие с ним, как только оказывался изолирован от него; со времени болезни Ленина Сталин заимствовал идеи у своих временных союзников Зиновьева и Каменева, которых затем подвел под пули ГПУ. В течение нескольких лет он пользовался затем для своих практических комбинаций обобщениями Бухарина. Расправившись с Бухариным, Вениамином партии, он решил, что в обобщающих идеях надобности больше нет; к этому времени бюрократия СССР и аппарат Коминтерна были доведены до состояния самой унизительной и постыдной покорности.

Однако период относительной устойчивости международных отношений пришел к концу. Начались грозные конвульсии. Близорукий эмпирик, человек аппарата, провинциал до мозга костей, не знающий ни одного иностранного языка, не читающий никакой печати, кроме той, которая ежедневно преподносит ему его собственные портреты, Сталин оказался застигнут врасплох. Большие события ему не по плечу. Темпы нынешней эпохи слишком лихорадочны для его медлительного и неповоротливого ума. Ни у Молотова, ни у Ворошилова он не мог заимствовать новые идеи. Также и не у растерянных вождей западных демократий. Единственный политик, который мог импонировать Сталину в этих условиях, был Гитлер. Ecce homo[67]! У Гитлера есть все, что есть у Сталина: презрение к народу, свобода от принципов, честолюбивая воля, тоталитарный аппарат. Но у Гитлера есть и то, чего у Сталина нет: воображение, способность экзальтировать массы, дух дерзания. Под прикрытием Гитлера Сталин попытался применять методы Гитлера во внешней политике. Сперва казалось, что все идет гладко: Польша, Эстония, Латвия, Литва. Но с Финляндией вышла осечка, и совсем не случайно. Финляндская осечка открывает в биографии Сталина главу упадка.

В дни вторжения Красной Армии в Польшу советская печать открыла внезапно великие стратегические таланты Сталина, будто бы обнаруженные им уже во время гражданской войны, и сразу провозгласила его сверх-Наполеоном. Во время переговоров с балтийскими делегациями та же печать изображала его величайшим из дипломатов. Она обещала впереди ряд чудес, осуществляемых без пролития крови, силою одних лишь гениальных комбинаций. Вышло не так. Не сумев оценить традицию долгой борьбы финского народа за независимость, Сталин полагал, что сломит правительство Гельсингфорса одним дипломатическим нажимом. Он грубо просчитался. Вместо того чтобы вовремя пересмотреть свой план, он стал угрожать. По его приказу «Правда» давала обещание покончить с Финляндией в несколько дней. В окружающей его атмосфере византийского раболепства Сталин сам стал жертвой своих угроз: они не подействовали на финнов, но вынудили его самого к немедленным действиям. Так началась постыдная война – без необходимости, без ясной перспективы, без моральной и материальной подготовки, в такой момент, когда сам календарь, казалось, предостерегал против авантюры.

Замечательный штрих: Сталин даже не подумал, по примеру своего вдохновителя Гитлера, выехать на фронт. Кремлевский комбинатор слишком осторожен, чтобы рисковать своей фальшивой репутацией стратега. К тому же, лицом к лицу с массами ему нечего сказать. Нельзя даже представить себе эту серую фигуру с неподвижным лицом, с желтоватыми белками глаз, со слабым и невыразительным гортанным голосом перед лицом солдатских масс, в окопах или на походе. Сверх-Наполеон осторожно остался в Кремле, окруженный телефонами и секретарями.

В течение двух с половиной месяцев Красная Армия не знала ничего, кроме неудач, страданий и унижений: ничто не было предвидено, даже климат. Второе наступление развивалось медленно и стоило больших жертв. Отсутствие обещанной «молниеносной» победы над слабым противником было уже само по себе поражением. Оправдать хоть до

---

[67] Вот человек! *(лат.)*

некоторой степени ошибки, неудачи и потери, примирить хоть задним числом народы СССР с безрассудным вторжением в Финляндию можно было только одним путем, именно – завоевав сочувствие хотя бы части финляндских крестьян и рабочих путем социального переворота. Сталин понимал это и открыто провозгласил низвержение финляндской буржуазии своей целью: для этого и был извлечен из канцелярии Коминтерна злополучный Куусинен. Но Сталин испугался вмешательства Англии и Франции, недовольства Гитлера, затяжной войны и – отступил. Трагическая авантюра заключилась бастардным миром: «диктатом» по форме, гнилым компромиссом по существу.

При помощи советско-финляндской войны Гитлер скомпрометировал Сталина и теснее привязал его к своей колеснице. При помощи мирного договора он обеспечил за собой дальнейшее получение скандинавского сырья. СССР получил, правда, на северо-западе стратегические выгоды, но какой ценой?… Престиж Красной Армии подорван. Доверие трудящихся масс и угнетенных народов всего мира утеряно. В результате международное положение СССР не укрепилось, а стало слабее. Сталин лично вышел из всей этой операции полностью разбитым. Общее чувство в стране, несомненно, таково: не нужно было начинать недостойной войны, а раз она была начата, нужно было довести ее до конца, т. е. до советизации Финляндии. Сталин обещал это, но не исполнил. Значит, он ничего не предвидел: ни сопротивления финнов, ни морозов, ни опасности со стороны союзников. Наряду с дипломатом и стратегом поражение потерпел «вождь мирового социализма» и «освободитель финского народа». Авторитету диктатора нанесен непоправимый удар. Гипноз тоталитарной пропаганды будет все больше терять силу.

Правда, временно Сталин может получить поддержку извне: для этого нужно было бы, чтобы союзники вступили в войну с СССР. Такая война поставила бы перед народами СССР вопрос не о судьбе сталинской диктатуры, а о судьбе страны. Защита от иностранной интервенции неизбежно укрепила бы позиции бюрократии. В оборонительной войне Красная Армия действовала бы, несомненно, успешнее, чем в наступательной. В порядке самообороны Кремль оказался бы даже способен на революционные меры. Но и в этом случае дело шло бы только об отсрочке. Несостоятельность сталинской диктатуры слишком обнаружилась за последние 15 недель. Не нужно думать, что народы, сдавленные тоталитарным обручем, теряют способность наблюдать и рассуждать. Они делают свои выводы медленнее, но тем тверже и глубже. Апогей Сталина позади. Впереди немало тяжелых испытаний. Сейчас, когда вся планета выбита из равновесия, Сталину не удастся спасти неустойчивое равновесие тоталитарной бюрократии.

Койоакан,
13 марта 1940 года

Приложения

Письмо Сталина Ермаковскому

т…

Очень извиняюсь за поздний ответ. Я был два месяца в отпуску, вернулся вчера в Москву и лишь сегодня успел ознакомиться с вашей запиской. Впрочем, лучше поздно, чем никогда.

Отрицательный ответ Энгельса на вопрос «Может ли эта революция произойти в одной какой-нибудь стране?» – целиком отражает эпоху доимпериалистическую, когда не было еще условий для неравномерного, скачкообразного развития капиталистических стран, когда не было, стало быть, данных для победы пролетарской революции в одной стране (возможность победы в одной стране вытекает, как известно, из закона о неравномерном развитии капиталистических стран при империализме). Закон о неравномерном развитии капиталистических стран и связанное с ним положение о возможности победы пролетарской революции в одной стране были выдвинуты и могли быть выдвинуты Лениным лишь в период империализма. Этим объясняется, между прочим, что ленинизм есть марксизм эпохи империализма, что он представляет дальнейшее развитие марксизма, сложившегося в эпоху доимпериалистическую. Энгельс при всей своей гениальности не мог заметить того, чего не

было еще в период домонополистического капитализма, в 40-х годах прошлого столетия, когда он писал свои «принципа коммунизма»[68], и что народилось лишь впоследствии, в период монополистического капитализма.

С другой стороны, Ленин как гениальный марксист не мог не заметить того, что уже народилось после смерти Энгельса в период империализма. Различие между Лениным и Энгельсом есть различие двух исторических периодов, отделяющих их друг от друга. Не может быть и речи о том, что «теория Троцкого тождественна с учением Энгельса». Энгельс имел основание дать отрицательный ответ на 19-й вопрос в период домонополистического капитализма, в 40-х годах прошлого столетия, когда о законе неравномерного развития капиталистических стран не могло быть и речи; Троцкий же, наоборот, не имеет никакого основания повторять в 20-м столетии старый ответ Энгельса, взятый из пройденной уже эпохи, и механически прикладывать его к новой империалистической эпохе, когда закон неравномерного развития стал фактом общеизвестным. Энгельс строит свой ответ на анализе современного ему домонополистического капитализма, Троцкий же не анализирует, отвлекается от современной эпохи; забывает, что живет не в 40-х годах прошлого столетия, а в 20-м столетии в эпоху империализма, и хитроумно приставляет нос Ивана Ивановича 40-х годов 19-го столетия к подбородку Иван Никифоровича начала 20-го столетия, полагая, видимо, что можно таким образом перехитрить историю. Не думаю, чтобы эти два диаметрально противоположных метода могли дать основание для разговора о «тождестве теории Троцкого с учением Энгельса».

С ком. приветом –

И. Сталин

15 сентября 1925 года[69]

P. S. Хорошо иметь в виду, что это письмо не предназначено для публикации. Прошу сообщить о получении письма.

И. С.

Заявление по личному вопросу[70]

1. Попытка т. Сталина вторично использовать мое письмо Чхеидзе[71], написанное в 1913 году, характеризует т. Сталина целиком. Письмо это было написано в один из моментов острой фракционной борьбы. В этой борьбе Ленин был прав на сто процентов. Самая борьба давно отошла в прошлое. Письмо, написанное 13 лет назад, звучит сейчас для меня самого так же дико, как и для всякого другого члена нашей партии. Рыться в мусорном ящике старой фракционной борьбы можно только для того, чтобы ошарашить молодых членов партии, не знающих прошлого, т. е. исключительно для кляуз и интриг. Именно такого рода нелояльность Сталина имел в виду Ленин, когда настаивал на снятии его с поста генерального секретаря. В так называемом «Завещании» Владимир Ильич сказал обо мне партии то, что счел нужным сказать, обозревая все прошлое в его совокупности, в том числе и прошлую фракционную борьбу, и стараясь помочь партии в ее будущей работе. Т. Сталин пытался в своей речи решить за Ленина, каков был бы отзыв Ленина сейчас, в условиях нынешней борьбы. Попытка в корне неправильная, ибо если бы Ленин был с нами, то т. Сталин не оставался бы генеральным секретарем и не мог бы, пользуясь аппаратом партии, ломать ее политический курс и

---

[68] Так в оригинале. – *Прим. ред. – сост.*

[69] За исключением постскриптума опубликовано в Собрании сочинений Сталина. – *Прим. ред. – сост*

[70] Июль 1926 года. – *Прим. ред. – сост.*

[71] В перехваченном царской полицией письме к известному меньшевику Николаю Чхеидзе Троцкий самым резким образом отзывался о большевиках и обвинял Ленина в том, что он, мол, эксплуатирует самые отсталые слои русского рабочего движения.

дезорганизовывать сложившиеся при Ленине руководящие кадры. Тогда не было бы и нынешней борьбы.

2. Т. Сталин называет меня ревизионистом ленинизма. Он думает, что ленинизм состоит в пережевывании давно сданного в архив и никому не нужного спора о перманентной революции. Ленинизм – живое учение. Оно выражается в анализе нашего хозяйства, классовых отношений, путей международной революции, развития Англии и пр. Во всех этих областях т. Сталин проводит действительную ревизию ленинизма изо дня в день, по основным вопросам нашего развития.

3. Несомненно, что в «Уроках Октября» я связывал оппортунистические сдвиги политики с именами т. т. Зиновьева и Каменева. Как свидетельствует опыт идейной борьбы внутри ЦК, это было грубой ошибкой. Объяснение этой ошибки кроется в том, что я не имел возможности следить за идейной борьбой внутри семерки[72] и вовремя установить, что оппортунистические сдвиги вызывались группой, возглавляемой т. Сталиным, против т. т. Зиновьева и Каменева.

4. Я выступал против Истмена, когда он из вопроса о «Завещании» сделал международную сенсацию, направленную против партии[73]. Но это не меняет того факта, что само «Завещание» благодаря тому, что оно не было доведено до сведения партии в точном виде, цитировалось на собраниях по памяти с искажениями, невольными или злостными. В частности, то место, где Ленин, имея в виду мое прошлое, говорит о моем «небольшевизме», т. Сталин и др. пытались не раз истолковать так, будто Ленин называет меня небольшевиком. Остается спросить, как это Ленин мог требовать, чтобы члену Политбюро, небольшевику, не напоминать об его небольшевизме? Здесь клевета на меня превращается в клевету на Ленина.

5. На остальные инсинуации лишен возможности ответить за неимением места.

По личному вопросу

На заседании Пленума 13 апреля тов. Сталин позволил себе сказать, что мое упоминание его слов о том, что постройка Днепростроя равносильна покупке мужиком граммофона, представляет собой «неправду». Вот что буквально сказал тов. Сталин на апрельском Пленуме 1926 года:

> «Речь идет… о том, чтобы поставить Днепрострой на свои собственные средства. А средства требуются тут большие, несколько сот миллионов. Как бы нам не попасть в положение того мужика, который, накопив лишнюю копейку, вместо того, чтобы починить плуг и обновить хозяйство, купил граммофон и… прогорел (смех)… Можем ли мы не считаться с решением съезда о том, что наши промышленные планы должны сообразовываться с нашими ресурсами? А между тем тов. Троцкий явно не считается с этим решением съезда». (Стенограмма Пленума, с. 110.)

Тов. Сталин делает попытку объяснить изменение своей позиции в этом вопросе[74] тем,

---

[72] Семерка – партийный руководящий орган, состоявший из членов Политбюро и направленный в первую очередь против Троцкого. На заседаниях семерки при закрытых дверях решались в 1923–1925 годах все серьезные вопросы партийной и государственной жизни, расставлялись кадры и т. д.

[73] Речь идет о публикации М. Истменом текстов ленинских писем, известных под названием «Завещание Ленина». Как следует из переписки Макса Истмена и Троцкого, имевшей место в 1931 году, уже после высылки Троцкого из СССР текст «Завещания Ленина» был вывезен на Запад Х. Раковским и передан Истмену для публикации (см., в частности, ответное письмо Л. Троцкого М. Истмену от 21 мая 1931 г., хранящееся в коллекции Троцкого – Истмена в Индианском университете.) -*Прим. ред. – сост.*

[74] Впоследствии прихлебатели Сталина просто-напросто объявили его родоначальником идеи построения Днепровской станции, хотя первые ее макеты и чертежи были вы полнены еще в 1910-е годы. Но вот что пишет Троцкий в своих мемуарах «Моя жизнь»: «В качестве начальника Электротехнического управления я посещал строящиеся электростанции и совершил, в частности, поездку на Днепр, где производились широкие подготовительные работы для будущей гидростанции. […] Я глубоко заинтересовался днепровским предприятием и с хозяйственной точки зрения, и с технической. Чтоб застраховать гидростанцию от просчетов, я организовал

что в 1926 году речь шла о расходовании 500 миллионов в течение 5 лет, а теперь – лишь о расходовании 130 миллионов. Но даже если бы дело было так, в моих словах не было никакой «неправды». Однако и относительно сумм тов. Сталин вносит ныне совершенную путаницу, которая показывает, что он и сейчас не имеет о вопросе понятия, как не имел его в прошлом году. Расходы по Днепрострою исчислялись год тому назад в 110-120-130 миллионов, а никак не в несколько сот миллионов. С того времени исчисления, несомненно, уточнены, но не выходят из рамок тех же цифр. Что касается тех новых предприятий, которые должны явиться потребителями энергии Днепровской станции, то стоимость их очень грубо намечалась в 200–300 миллионов рублей. Однако эти предприятия строятся не для Днепростроя. Они нужны сами по себе. Днепрострой строится для этих необходимых заводов. Стоимость их сейчас, вероятно, определена точнее, но, по существу дела, разница не может быть большой. Совершенно вздорным поэтому является утверждение, будто на Пленуме прошлого года речь шла о полумиллиарде, а не о 110–130 миллионах, как ныне. И тогда и теперь речь идет о суммах одного и того же порядка.

Вряд ли нужно квалифицировать те черты т. Сталина, которые позволяют ему так легко швыряться словом «неправда».

14 апреля 1927 года

О Брандлере

Сталин заявил: в 1923 году Троцкий поддерживал Брандлера. Что я поддерживал в 1923 году, это видно из письма тогдашнего Политбюро. Сам Сталин был правым брандлерианцем.

Тов. Сталин однажды уже вводил в заблуждение итальянскую делегацию, сообщая ей ложные сведения о моем отношении к немецкому ЦК в 1923 году. Я тогда же разъяснил этот вопрос в письме, копию которого отправил тов. Сталину.

Какова же была позиция самого Сталина?…

Таким образом, тов. Сталин, не знающий немецкой обстановки, вряд ли когда-либо серьезно изучавший немецкие условия, не имеющий возможности следить за немецкой печатью, руководствовался только своим выжидательным инстинктом, который меньше всего годится в больших делах. В ноябре, когда обстановка круто изменилась и когда я внес в Политбюро предложение отозвать русских товарищей из Германии, Сталин сказал:

– Опять спешите. Раньше вы считали, что революция близка, а теперь думаете, что оказия уже пропала. Еще рано отзывать.

Но мы решили все же отозвать. Тов. Сталин не понял, когда революция надвинулась, и не заметил, когда она повернулась спиной. В оценке больших событий тов. Сталин всегда обнаруживал полную беспомощность, так как никакая осторожность, никакая хитрость не могут заменить теоретической подготовки, широкого политического охвата и творческого воображения, т. е, тех качеств, которых Сталин лишен совершенно.

2 августа 1927 года

Бухарин

Бухарин о перманентной революции

американскую экспертизу, дополненную впоследствии немецкой. Свою новую работу я пытался связывать не только с текущими задачами хозяйства, но и с основными проблемами социализма. В борьбе против тупоумного национального подхода к хозяйственным вопросам („независимость“ путем самодовлеющей изолированности) я выдвинул проблему разработки системы сравнительных коэффициентов нашего хозяйства и мирового… По самому существу своему проблема сравнительных коэффициентов, вытекающая из признания господства мировых производительных сил над национальными, означала поход против реакционной теории социализма в одной стране».

В начале 1918 года в брошюре, посвященной Октябрьской революции, Бухарин писал:

> «Падение империалистского режима было подготовлено всей предыдущей историей революции. Но это падение и победа пролетариата, поддержанного деревенской беднотой, победа, раскрывшая сразу необъятные горизонты во всем мире, не есть еще начало органической эпохи… Перед российским пролетариатом становится так резко, как никогда, проблема международной революции. Вся совокупность отношений, сложившихся в Европе, ведет к этому неизбежному концу. Так, перманентная революция в России переходит в европейскую революцию пролетариата». (Бухарин. «От крушения царизма до падения буржуазии», с. 78.– Курсив наш.)

Брошюра заканчивалась словами:

> «В пороховой погреб старой окровавленной Европы брошен факел русской социалистической революции. Она не умерла. Она живет. Она ширится. И она сольется неизбежно с великим победоносным восстанием мирового пролетариата». (С. 144).

Как далек был Бухарин тогда от теории социализма в отдельной стране!

Всем известно, что Бухарин был главным и, в сущности, единственным теоретиком всей кампании против троцкизма, резюмировавшейся в борьбе против теории перманентной революции. Но раньше, когда лава революционного переворота еще не успела остыть, Бухарин, как видим, не нашел для характеристики революции иного определения, кроме того, против которого он через несколько лет должен был беспощадно бороться.

Брошюра Бухарина вышла в издательстве Центрального Комитета партии – «Прибой». Не только никто не объявлял эту брошюру еретической, наоборот, все видели в ней официальное и бесспорное выражение взглядов Центрального Комитета партии. В таком виде брошюра переиздавалась много раз в течение ближайших лет и вместе с другой брошюрой, посвященной февральской революции, под общим названием «От крушения царизма до падения буржуазии», была переведена на немецкий, французский, английский и др. языки.

В 1923 году брошюра была – по-видимому, в последний раз – издана харьковским партийным издательством «Пролетарий», которое в предисловии выражало свою уверенность в том, что книжка «представит огромный интерес» не только для новых членов партии, молодежи и пр., но и для «старой большевистской гвардии подпольного периода нашей партии».

Что Бухарин в своих воззрениях не очень стоек, достаточно известно. Но дело идет не о Бухарине. Если поверить легенде, созданной впервые осенью 1924 года, что между ленинским пониманием революции и теорией перманентной революции Троцкого была непроходимая пропасть и что старое поколение партии воспиталось на понимании непримиримости этих двух теорий, то каким образом Бухарин мог в начале 1918 года совершенно безнаказанно проповедовать эту теорию, называя ее по имени: теорией перманентной революции? Почему никто, решительно никто во всей партии не выступил против Бухарина? Как и почему выпускало эту брошюру издательство Центрального Комитета? Как и почему молчал Ленин? Как и почему Коминтерн издавал брошюру Бухарина в защиту перманентной революции на многочисленных иностранных языках? Как и почему брошюра Бухарина продержалась на положении партийного учебника почти до смерти Ленина? Как и почему в Харькове, в будущем центре сталинского изуверства[75], брошюра Бухарина переиздавалась еще в 1923 году и пламенно рекомендовалась как партийной молодежи, так и старой большевистской гвардии?

---

[75] В середине 20-х годов в Харькове (в то время столице Советской Украины) особенно яростно проходили гонения на тамошних многочисленных сторонников Троцкого. Судя по воспоминаниям Льва Копелева, в Харькове уже в 1927 году началась волна арестов. Оппозиционеров (сторонников Троцкого и Зиновьева), как правило, высылали из города. Кроме того, харьковское партийное издательство публиковало многочисленные сборники статей против оппозиции и распространяло их по всему Советскому Союзу.

Брошюра Бухарина отличается от дальнейших его писаний и от всей вообще новейшей сталинской историографии в характеристике не только революции, но и ее деятелей. Вот, например, что говорится на с. 131 харьковского издания:

> «Фокусом политической жизни становится… не жалкий Совет Республики, а грядущий съезд российской революции. В центре этой мобилизационной работы стоял Петербургский Совет, который демонстративно выбрал своим председателем Троцкого, самого блестящего трибуна пролетарского восстания…»

Дальше, на с. 138:

> «25 октября Троцкий, блестящий и мужественный трибун восстания, неутомимый и пламенный проповедник революции, от имени Военно-революционного комитета объявил в Петербургском Совете под громовые аплодисменты собравшихся о том, что „Временное правительство больше не существует“. И, как живое доказательство факта, на трибуне появляется встречаемый бурной овацией Ленин, освобожденный из подполья новой революцией».

В 1923–1924 годах развернулось наводнение так называемой дискуссии против троцкизма. Оно разрушило многое из того, что возведено было Октябрьской революцией, затопило газеты, библиотеки, читальни и под илом и мусором своим похоронило бесчисленное количество документов, относящихся к величайшей эпохе в развитии партии и революции. Теперь эти документы приходится извлекать по частям, чтобы восстановить то, что было.

Кляузы Бухарина и отношение Ленина

Я не буду отвлекаться здесь на другие более мелкие россказни, особенно со стороны т. Бухарина. Ленин уже указывал, что кляуза составляет в минуты затруднения главное бухаринское орудие[76]. А сейчас у него не минута затруднений, а долгие месяцы и годы. Разворачиваясь в обратном направлении – слева направо, – Бухарин все время находится в состоянии тревоги, которая есть результат нечистой теоретической совести. Кляуза играет тут у Бухарина такую же роль, какую у иных алкоголь. Таков источник сплетен задним числом насчет моего намерения в 20-м или в 21-м году выйти из партии. Если бы у меня такое намерение было, если бы оно могло быть у меня, то я бы, вероятно, поделился им с товарищами другого склада, другого закала, чем Бухарин, т. е. с людьми, сделанными не из мягкого воска, из которого каждый может лепить все, что ему заблагорассудится. Только в связи с новой кляузой Бухарина я узнал, что Бухарин одно время в своей роли исторического шептуна пытался даже Владимира Ильича испугать моим «намерением» выйти из партии. Обо всем этом я узнаю только теперь. Кляузничество Бухарина бросает ретроспективный свет на кое-какие старые эпизоды. Во всяком случае, это кляузничество не изменило отношения Ленина ко мне. Это сказалось особенно ярко в последний период его жизни.

Так он не задумался написать мне предложение выступить против политики ЦК, когда ЦК, по инициативе т. Сокольникова, вынес неправильное постановление о монополии внешней торговли.

Владимир Ильич обратился ко мне со своими письмами и записками по национальному вопросу, когда счел необходимым поднять против общей и национальной политики т. Сталина решительную борьбу на XII съезде партии.

В своем последнем разговоре со мною – я об этом рассказал ЦКК – Владимир Ильич прямо предлагал «блок» (его подлинное выражение) против бюрократизма и против Оргбюро ЦК. Наконец, наиболее законченным выражением его отношения ко мне, как и к другим товарищам, является его завещание, где взвешено и обдумано каждое слово. Теперь делаются

---

[76] Нам не удалось найти такую цитату у Ленина.

презренные попытки внушить мысль, что Ленин писал свое завещание с уже затемненным разумом, как в сеньорен-конвенте XII съезда Сталин решился сказать вслух, что национальные письма Ленина написаны больным Лениным под влиянием «бабья». К счастью, Ленин оставил достаточные доказательства состояния своей мысли в тот период, когда он писал завещание. Ведь в тот же примерно период написана его статья о Рабкрине «Лучше меньше, да лучше», о национальной политике, о кооперации и пр. На совещании тогдашнего Политбюро с консилиумом врачей я, по поручению Политбюро, поставил консилиуму вопрос о возможном влиянии болезни на умственное творчество Ленина и в полном согласии со всеми остальными товарищами сказал врачам, что последние полученные нами работы Ленина – прежде всего его «Лучше меньше, да лучше» – дают картину исключительного могущества и исключительной высоты его творческой мысли. Завещание было написано примерно в тот же период.

Есть у меня еще один документ, характеризующий отношение Ленина ко мне, – я его оглашу:

> 29 января 1924 г.
>
> Дорогой Лев Давыдович! Я пишу, чтобы рассказать Вам, что приблизительно за месяц до смерти, просматривая Вашу книжку, Владимир Ильич остановился на том месте, где Вы даете характеристику Маркса и Ленина, и просил меня перечесть ему это место, слушал очень внимательно, потом еще раз просматривал сам.
>
> И еще вот что хочу сказать: то отношение, которое сложилось у В. И. к Вам тогда, когда Вы приехали к нам в Лондон из Сибири, не изменилось у него до самой смерти.
>
> Я желаю Вам, Лев Давыдович, сил и здоровья и крепко обнимаю.
>
> Н. Крупская

Если прибавить к этому документ от июля 1919 года, тот чистый бланк[77], внизу которого Ленин заранее подписался под моими будущими ответственными решениями в труднейшей обстановке гражданской войны, то я могу совершенно спокойно подвести итог отношения Ленина ко мне. Были годы борьбы. Были и трения при совместной работе. Но ни старая борьба, ни неизбежные трения, ни кляузы шептунов не омрачили отношения Ленина ко мне. Он выразил это отношение – с плюсами и с минусами – в своем завещании. Этого не сотрет уже никакая сила.

[Осень 1927 года]

Бухарин

Чтобы проверить, не преувеличили ли мы опасности и не переоценили ли сползания, возьмем все тот же свежий вопрос о хлебозаготовках. В нем как нельзя лучше пересекаются все вопросы внутренней политики.

9 декабря 1926 года, обосновывая впервые наш социал-демократический уклон, Бухарин говорил на VII пленуме ИККИ:

> «Что было сильнейшим аргументом нашей оппозиции против ЦК партии (я имею в виду осень 1925 года)? Тогда они говорили: противоречия растут неимоверно, а ЦК

---

[77] Троцкий передал это письмо, написанное на официальном бланке красными чернилами, в Истпарт – Комиссию по собиранию и изучению материалов по истории Октябрьской революции и истории Коммунистической партии – в 1926 году. Документ этот он предварительно скопировал, заверил и неоднократно зачитывал на Пленуме ЦК и заседаниях ЦКК ВКП (б).

Председатель Совета Народных Комиссаров Москва, Кремль

…июля 1919 г.

Товарищи!

Зная строгий характер распоряжений тов. Троцкого, я настолько убежден, в абсолютной степени убежден, в правильности, целесообразности и необходимости для пользы дела даваемого тов. Троцким распоряжения, что поддерживаю это распоряжение всецело.

В. Ульянов (Ленин)

> партии не в состоянии этого понять. Они говорили: кулаки, в руках которых сосредоточены чуть ли не все излишки хлеба, организовали против нас „хлебную стачку“. Вот почему так плохо поступает хлеб. Все это слыхали… Затем те же товарищи выступали впоследствии и говорили: кулак еще усилился, опасность возросла еще более. Товарищи, если бы и первое и второе утверждения были бы правильны, у нас в этом году была бы еще более сильная „кулацкая стачка“ против пролетариата. В действительности же… цифра заготовок уже увеличилась на 25% против прошлогодней цифры, что есть несомненный успех в экономической области. А по словам оппозиции, все должно было бы быть наоборот. Оппозиция клевещет, что мы помогаем росту кулачества, что мы все время идем на уступки, что мы помогаем кулачеству организовать хлебную стачку, а действительные результаты свидетельствуют об обратном». (Стен. отчет, т. 2, с. 118.)

Вот именно: об обратном. Пальцем в небо. Наш злополучный теоретик по всем без исключения вопросам свидетельствует «об обратном». И это не его вина, то есть не только его вина: политика сползания вообще не терпит теоретического обобщения. А так как Бухарин не может без этого зелья жить, то ему и приходится возглашать на всех похоронах: носить вам и не переносить.

[Весна 1928 года]

Из незаконченного заявления[78]

Товарищ Бухарин меня уличил в том, что я привел две строки из Марсельезы, назвав ее по оплошности Интернационалом. Что верно, то верно. В силу привилегии моно-польности т. Бухарин имеет возможность пользоваться чужими невыправленными стенограммами, полемизировать даже по поводу обмолвок[79]. Т. Бухарин обратился даже к психоанализу. Все несчастие т. Бухарина в том, что он при помощи ухищрений, софистики и схоластики ищет то, чего нет, изо всех сил пытаясь не видеть того, что есть. Но факты сильнее нас с Бухариным. Т. Бухарин вынужден будет повернуться к ним лицом. В своей ленинградской речи, недавно напечатанной, т. Бухарин писал о том, что к нам подкатываются настроения, которые он назвал черносотенными.

> «Если в нашей среде сомнительное „право гражданства“ получает то, что в начале революции мы называли бы черносотенством, то по этому надо ударить покрепче».

Нельзя ли применить психоанализ, а еще лучше марксистский анализ, для выяснения причин этого явления?

9 февраля 1927 года

Буря в стакане воды

В письме к Энгельсу в 1859 году Маркс писал, что пролетарская революция на Европейском континенте без революции в Великобритании была бы бурей в стакане воды. Конечно, Европейский континент довольно большой стакан, и выражение Маркса звучит как преувеличение. На эту тему было написано в наши дни немало глубокомысленных диссертаций. Но так как Маркс не рисковал, что Энгельс обвинит его в скептицизме или маловерии, то он не побоялся употребить это образно преувеличенное выражение для

---

[78] Видимо, не закончено. (Написано рукою Троцкого.) – *Прим. ред. – сост.*

[79] В процессе борьбы с оппозицией Сталин и Бухарин старались затруднить возможность Троцкого, Зиновьева и Каменева, а также других лидеров оппозиции вести полемику. Им просто перестали давать стенограммы различных заседаний, сами же вожди «генеральной линии» получали даже неправленные стенограммы, которые и старались соответственно использовать.

выражения той мысли, что социалистическое общество можно построить, только обобществив производительные силы наиболее высоко развитой страны. В этом именно смысле приведена была цитата из Марксова письма на VII, расширенном исполкоме Коминтерна. Цитата немедленно же подверглась жестокому обстрелу не менее полудюжины ораторов. Разъясняли, что цитата устарела, что сейчас смешно уподоблять континентальную революцию буре в стакане воды и прочее, и тому подобное. Теперь вообще все легче объявляют «устарелыми» те или другие взгляды Энгельса, Маркса или Ленина, не отделяя при этом метода от конкретных злободневных выводов. Конечно, значение Англии сейчас не то, какое было в середине прошлого столетия. Мы не дожидались поучений Бухарина, чтоб понять это. Но ведь приуроченная к тогдашнему положению Англии мысль Маркса сама по себе шире! Она состоит в том, что независимо от того, в каком порядке будет разворачиваться революция, нельзя построить действительно социалистическое общество в отсталых странах, прежде чем передовые не совершат пролетарского переворота. Удельный вес разных капиталистических стран изменился, но основная мысль Маркса, выраженная в письме к Энгельсу, сохранила всю свою силу.

Бешеный бег русской революции, непрерывная смена величайших исторических картин, полная трагизма борьба тернационал, в то же время поставила судьбу каждой от предательски объявляемого вне закона под торжествующий гогот совокупной canaille bourgeoise[80] – все это говорит об одном: окончательная победа русской революции немыслима без победы революции международной.

Ни одна из прежних революций не находилась в такой связи с событиями в других странах. Мировая война, которая разбила экономические связи и довела государственные антагонизмы до максимума, которая привела к краху II Интернационала, в то же время поставила судьбу каждой отдельной страны в наитеснейшую зависимость от судьбы других стран.

Победа социализма – единственный выход для истерзанного и окровавленного мира. Но прочная победа российского социалистического пролетариата невозможна без пролетарской революции в Европе.

Не так давно мы это понимали. Понимал это и Бухарин. В «Коммунистическом Интернационале» за 1919 год Бухарин следующим образом рассуждал о перспективах и возможностях социалистического строительства:

> «Маркс писал когда-то о Франции 48–50 годов: Задача социалистического переворота „не разрешается во Франции, она здесь только ставится на очередь. Она не может быть разрешена внутри национальных границ… Разрешение этой великой задачи станет возможным лишь тогда, когда мировая война поставит пролетариат во главе народа, господствующего над всемирным рынком, во главе Англии“».

«Mutatis mutandis, – говорит Бухарин, – это верно и для сегодняшнего дня».

«Mutatis mutandis» значит по-латыни: измени то, что надо изменить в рассуждении Маркса, и оно сохранит всю свою силу для сегодняшнего дня. Бухарин сам очень много издевался над запоздалыми будто бы цитатами из Маркса. Может, у него отпадет охота издеваться, когда он прочитает эту цитату из него самого.

Конечно, марксистское мышление состоит в анализе фактов, а не в нанизывании цитат. Но против реакционных новшеств старые цитаты весьма полезны. Это понимал Бухарин в 1919 году, когда цитировал Маркса, давая его мысли правильное истолкование. Почему же, собственно, эта мысль устарела для 1927 года, что, собственно, изменилось с того времени?

Бухарину, однако, доводилось высказываться в Марксовой, то есть в интернациональном духе о строительстве социализма и после 1919 года. Мы уже цитировали программу комсомола, написанную при руководящем участии Бухарина и утвержденную затем Политбюро при участии Ленина. Вот что говорится в параграфе 4 программы комсомола:

---

[80] Буржуазная сволочь *(франц.)*.

> «В СССР государственная власть уже находится в руках рабочего класса. В течение трехлетней героической борьбы против мирового капитала он отстоял и укрепил свою советскую власть. Россия, хотя и обладает огромными естественными богатствами, все же является отсталой в промышленном отношении страной, в которой преобладает мелкобуржуазное население. Она может прийти к социализму лишь через мировую пролетарскую революцию, в эпоху развития которой мы вступили».

Этих слов не перетолкуешь. Правда, т. Шацкин пытался заверить Коминтерн, что это его, Шацкина, грех и что Бухарин не имеет к этому никакого отношения. Откуда же, однако, сам Шацкин набрался в 1921 году таких еретических мыслей и как это он решился изложить их, не спросившись старших, и как это старшие ему позволили, и кто этому поверит, что в нашей партии программа комсомола формулировалась Шацкиным как последней инстанцией? И как же эта еретическая программа невозбранно руководила воспитанием комсомола, и как же это никто не замечал контрабанды т. Шацкина? И как же он сам на себя не донес в ЦКК как на троцкиста, прежде чем параграф 3 не был оглашен с трибуны Коминтерна? Вот к каким не комсомольским, а ребяческим уловкам приходится прибегать, чтобы подправить и подчистить свой собственный вчерашний день. В программе комсомола нашло лишь свое выражение то, что Маркс писал в 1859 году, что Ленин говорил и писал сотни раз, особенно за время с 1917 до 1923 года, то, что Бухарин писал в цитированной нами выше статье 1919 года, то, что Сталин писал в 1925 году. В эпоху, когда господствовали устные предания, можно было еще с известным успехом поправлять вчерашний день. Но в наше время – развития письменности и ротационных машин – это дело безнадежное.

27 марта 1927 года

О Бухарине, о «Правде», об их борьбе с оппозицией (Почему мы пишем речи?)

Бухаринская борьба с оппозицией ужасно напоминает стрельбу перепуганного насмерть солдата: глаза зажмурит, винтовку ворочает над головой, патроны расстреливает в бешеном количестве, а процент попадания близок к нулю. Такая бешеная трескотня сперва оглушает и может даже испугать необстрелянного человека, не знающего, что стре-ляет, зажмурив глаза, до смерти перепуганный Бухарин.

Несмотря на то что стрельба не попадает в цель, ее нельзя, однако, назвать безвредной. Она разлагает идейные ткани партии. Этой полемической трескотне не верят ни те, против кого она направлена, ни те, кто ее направляет. Вретские-брехецкие[81] до крайности понизили цену теоретического аргумента. Так называемая идейная борьба «Правды» воспринимается всеми лишь как неизбежное зло, как необходимое литературное дополнение аппаратной механики. Равнение идет не на Бухарина, а на Янсона.[82]

[Осень 1927 года]

Из черновиков незаконченной Троцким биографии Сталина

---

[81] Вретские-брехетские-произвольно составленное выражение из фамилий двух любимых учеников Бухарина – Стецкого и Марецкого. Во время полемики сторонников «генеральной линии» с оппозиционерами во второй половине 20-х годов последние, в частности Троцкий и Каменев, не раз называли всю школу Бухарина «стецкие-марецкие».

[82] Янсон – вернее, Ян Янсонс (Браун) (1872–1937) – участник рабочего движения в Прибалтике, впоследствии его историограф. Наряду с работой в различных наркоматах вел дисциплинарные дела оппозиционеров. Видимо поэтому-то Троцкому Янсонс представлялся типичным сталинским бюрократом. Погиб в годы произвола. Реабилитирован.

В характере Бухарина было нечто детское, и это делало его, по выражению Ленина, любимцем партии. Он нередко и весьма задорно полемизировал против Ленина, который отвечал строго, но благожелательно. Острота полемики никогда не нарушала их дружеских отношений. Мягкий, как воск, по выражению того же Ленина, Бухарин был влюблен в Ленина и привязан к нему, как ребенок к матери.

Вспоминается следующий эпизод. Когда Англия круто переменила свою политику по отношению к Советам, перейдя от интервенции к предложению заключения торгового договора, и мы на заседании Политбюро получили об этом по телефону сообщение из комиссариата иностранных дел, все, помню, были охвачены одной мыслью: это серьезный поворот; буржуазия начинает понимать, что при помощи налетов на наше побережье свалить советскую власть не удастся. В Политбюро создалось приподнятое настроение, которое выражалось, однако, крайне сдержанно отдельными полушутливыми замечаниями и больше всего, пожалуй, паузой в работе. Неожиданно раздался голос Бухарина: «Вот так штука! События на голову станут». Он посмотрел на меня. «Становитесь, пожалуйста», – ответил я шутя. Бухарин побежал с места, подбежал к кожаному дивану, уперся руками и поднял вверх ноги. Простояв так минуту-две, он с торжеством вернулся в нормальное положение. Мы посмеялись, и Ленин возобновил заседание Политбюро. Таков был Бухарин и в теории, и в политике. Он при всех своих исключительных способностях нередко становился ногами вверх. Его областью была теория и публицистика. В этих областях на него, однако, нельзя было полагаться до конца. В области организаторской его никто вообще не принимал в расчет, и он сам не имел в этой сфере никаких претензий.

Несколько позже Бухарин говорил про Сталина: «Он с ума сошел. Он думает, что он все может, что он один все удержит, что все другие только мешают».

[1939?]

Три письма Троцкого Бухарину

I К вопросу о «самокритике» Совершенно лично

Николай Иванович!

Я Вам благодарен за записку, так как она дает возможность – после большого перерыва – обменяться мнениями по самым острым вопросам партийной жизни. А так как волей судеб и партсъезда мы работаем с Вами в одном и том же Политбюро, то добросовестная попытка такого товарищеского объяснения, во всяком случае, не может принести вреда.

Каменев попрекнул Вас на заседании тем, что раньше Вы были против мер чрезвычайного аппаратного нажима в отношении «оппозиции» (очевидно, он намекал на 23-24-е годы), а теперь поддерживаете самые крутые меры в отношении Ленинграда. Я сказал, в сущности, про себя: «Вошел во вкус». Придравшись к этому замечанию, Вы пишете: «Вы думаете, что я „вошел во вкус“, а меня от этого „вкуса“ трясет с ног до головы». Я вовсе не хотел сказать своим случайно вырвавшимся замечанием, что Вы находите удовольствие в крайних мерах аппаратной репрессии. Мысль моя была скорее та, что Вы сжились с этими мерами, привыкли к ним и не склонны замечать, какое впечатление и влияние они производят за пределами руководящих элементов аппарата.

Вы обвиняете меня в Вашей записочке в том, что я «из-за формальных соображений демократии» не хочу видеть действительного положения вещей. В чем же Вы сами видите действительное положение вещей? Вы пишете: «1) ленинградский „аппарат“ насандален до мозга костей; верхушка спаяна всем, вплоть до быта, сидит 8 лет бессменно; 2) унтер-офицерский состав подобран великолепно; разубедить всех их (верхушку) нельзя – это утопия; 3) спекуляция, главная, идет на то, что отнимут экономические привилегии рабочих (кредиты, фабрики и заводы и так далее), бессовестная демагогия». Отсюда Вы делаете тот вывод, что «нужно разубеждать снизу, уничтожая сопротивление сверху».

Совсем не для того, чтобы с Вами полемизировать или припоминать прошлое, – ни к чему, – а для того, чтобы подойти к существу вопроса, я должен все же сказать, что Вы даете наиболее резкую, яркую и острую формулировку противопоставления партаппарата партийной

массе. Ваше построение таково: плотно спаянная или крепко «насандаленная», как Вы выражаетесь, верхушка; великолепно подобранный сверху унтер-офицерский состав – и обманываемая и развращаемая демагогией этого аппарата партийная, а за ней и беспартийная рабочая масса. Разумеется, в ча-стной записочке можно выразиться крепче, чем в статье. Но даже и с этой поправкой получается картина прямо-таки убийственная. Всякий вдумчивый партиец должен спросить себя: а если бы не вышло конфликта между Зиновьевым и большинством ЦК, тогда ленинградская руководящая верхушка продолжала бы и девятый и десятый год поддерживать тот режим, который она создавала в течение восьми лет? «Действительное положение вещей» совсем не в том, в чем Вы его видите, а в том, что недопустимость ленинградского режима вскрылась только потому, что возник конфликт в московских верхах, а вовсе не потому, что ленинградские низы заявили протест, выразили недовольство и прочее. Неужели же Вам это не бросается в глаза? Если Ленинградом, то есть наиболее культурным пролетарским центром, правит «насандаленная» верхушка, «спаянная бытом» и подбирающая унтер-офицерский состав, то как же так партийная организация этого не замечает? Неужели же не находится в ленинградской организации живых, добросовестных, энергичных партийцев, чтобы поднять голос протеста и завоевать на свою сторону большинство организации, – даже если бы протест их не нашел отклика в ЦК? Ведь дело идет не о Чите и не о Херсоне (хотя и там, конечно, можно бы было и должно ждать, что большевистская партийная организация не потерпит в течение годов безобразий в своей верхушке). Дело идет о Ленинграде, где сосредоточен несомненно наиболее пролетарски квалифицированный авангард нашей партии. Неужели же Вы не видите, что именно в этом, а не в чем другом, состоит «действительное положение вещей»? И вот, когда вдумаешься, как следует быть, в это положение вещей, то говоришь себе: Ленинград вовсе не какой-либо особый мир; в Ленинграде только более ярко и уродливо нашли себе выражение те отрицательные черты, какие свойственны партии в целом. Неужели это не ясно?

Вам кажется, будто я «из-за формальных соображений демократии» не вижу ленинградской реальности. Ошибаетесь. Я никогда не объявлял демократию «священной», – как один из моих прежних друзей…

Может быть, Вы припомните, что года два тому назад я на частном совещании Политбюро у меня на квартире сказал, что ленинградская партийная масса замордована больше, чем где бы то ни было. Выражение это (признаюсь, очень крепкое) я употребил в тесном кругу, как Вы употребляете в Вашей личной записочке слова: «бессовестная демагогия». [Это, правда, не помешало тому, что слова насчет замордованной ленинградским партаппаратом партийной массы гуляли по собраниям и печати. Но это уж статья особая и – надеюсь – не прецедент…] Значит, я видел действительное положение вещей? Но, в отличие от некоторых товарищей, видел его и полтора, и два, и три года тому назад. Я тогда же, на этом же заседании, сказал, что в Ленинграде все обстоит великолепно (на 100%) – за пять минут до того, как становится очень плохо. Это возможно только при архиаппаратном режиме. Как же Вы говорите, что я не видел истинного положения вещей? Правда, я не считал, что Ленинград отделен от всей остальной страны какой-то непроницаемой переборкой. Теория о «больном Ленинграде» и «здоровой стране», бывшая в большом почете при Керенском, не моя теория. Я говорил и сейчас говорю, что в ленинградском партийном режиме черты аппаратного бюрократизма, свойственные всей партии, доведены до наиболее крайнего выражения. Должен, однако, прибавить, что за эти два с половиной года (с осени 1923 года) аппаратно-бюрократические тенденции чрезвычайно усилились не только в Ленинграде, но и во всей партии в целом.

Подумайте на минуту над таким фактом: Москва и Ленинград, два главных пролетарских центра, выносят единовременно и притом единогласно (подумайте: единогласно!) на своих губпартконференциях две резолюции, направленные друг против друга. И подумайте еще над тем, что наша официальная партийная мысль, представленная печатью, совершенно не останавливается на этом поистине потрясающем факте. Как это могло произойти? Какие под этим скрываются социальные тенденции? Мыслимое ли дело, чтобы в партии Ленина, при таком исключительно крупном столкновении тенденций, не сделана была попытка определить их социальную, то есть классовую природу? Я говорю не о «настроениях» Сокольникова, или

Каменева, или Зиновьева, а о том факте, что два основных пролетарских центра, без которых нет Советского Союза, оказались «единогласно» противопоставлены друг другу. Как? Почему? Каким образом? Каковы те особые (?) социальные (?!) условия Ленинграда и Москвы, которые позволили такое радикальное и «единогласное» противопоставление? Никто их не ищет, никто себя об этом не спрашивает. Чем же это объясняется? Да просто тем, что все молчаливо говорят себе: стопроцентное противопоставление Ленинграда и Москвы есть дело аппарата. – Вот в этом-то, Николай Иванович, и состоит «истинное положение вещей». И я его считаю в высшей степени тревожным. Поймите, поймите это!!

Вы намекаете на связь ленинградской верхушки «через быт» и думаете, что я, в своем «формализме», этого не вижу. А между тем, всего несколько дней тому назад один товарищ случайно напомнил мне разговор, который у нас был с ним более двух лет тому назад. Я развивал тогда примерно такой ход мыслей: при чрезвычайно аппаратном характере ленинградского режима, при аппаратном высокомерии правящей верхушки неизбежно развитие особой системы «круговой поруки» на верхах организации, что должно, в свою очередь, столь же неизбежно вести к весьма отрицательным последствиям в отношении малоустойчивых элементов партаппарата и госаппарата. Так, например, я считал крайне опасной особого рода «страховку» военных, хозяйственных и иных работников через партаппарат. Своей «верностью» секретарю губкома они приобретали право нарушать общегосударственные распоряжения или декреты в области своей работы. В области «быта» они жили уверенностью, что никакие их «недочеты» по этой части не будут поставлены им в счет, – если они пребудут верны секретарю губкома. Более того, они не сомневались, что всякий, кто попытается выдвинуть против них какие-либо возражения морального или делового характера, окажется зачисленным в оппозицию со всеми вытекающими отсюда последствиями. Таким образом, Вы круто ошибаетесь, когда думаете, что я «из-за формальных соображений демократии» не замечаю реальности и, в частности, реальности «бытовой». Только я не дожидался конфликта Зиновьева с большинством ЦК, чтобы увидеть эту непривлекательную реальность и опасные тенденции ее дальнейшего развития.

Но и по линии «бытовой» Ленинград не стоит особняком. В истекшем году мы имели, с одной стороны, читинскую историю, с другой – херсонскую. Разумеется, мы с Вами прекрасно понимаем, что читинские и херсонские мерзости именно крайностями своими представляют исключения. Но это исключения симптоматические. Могло ли бы твориться в Чите то, что там творилось, если бы там не было у верхушки особой замкнутой взаимной страховки на основе независимости от низов? Читали ли Вы расследование комиссии Шлихтера[83] в Херсонщине? Документ в высшей степени поучительный – не только для характеристики ряда работников Херсонщины, но и для характеристики известных сторон партийного режима в целом. На вопрос о том, каким образом все местные коммунисты, знавшие о преступлениях ответственных работников, молчали в течение, кажется, двух-трех лет, Шлихтер получил в ответ: «А попробуй сказать, – лишишься места, вылетишь в деревню и прочее, и прочее». Я цитирую, разумеется, по памяти, но смысл именно такой. И Шлихтер по этому поводу восклицает: «Как! До сих пор только оппозиционеры говорили нам, что их за те или другие мнения будто бы (?!) снимают с мест, выбрасывают в деревню и прочее, и прочее. А теперь мы слышим от членов партии, что они не протестуют против преступных действий руководящих товарищей из страха быть смещенными, выброшенными в деревню, исключенными из партии и прочее». Цитирую опять-таки по памяти. Должен по совести сказать, что патетическое восклицание Шлихтера (не на митинге, а в докладе Центральному Комитету!) поразило меня не меньше, чем те факты, которые он обследовал в Херсонщине. Само собою разумеется, что система аппаратного террора не может остановиться только на так называемых идейных уклонах, реальных или вымышленных, а неизбежно должна распространиться на всю вообще жизнь и деятельность организации. Если рядовые коммунисты боятся высказать то или другое

---

[83] Шлихтер Александр Григорьевич (1868–1940) – один из самых известных большевиков-подпольщиков. После Октябрьской революции нарком земледелия. С 1921 года на дипломатической работе. В 1926–1937 годах кандидат в члены Политбюро КП(б)У.

мнение, расходящееся или грозящее разойтись с мнением секретаря бюро, губкома, райкома, укома и прочее, то эти же рядовые коммунисты будут еще более бояться поднимать свой голос против недопустимых и даже преступных действий руководящих работников. Одно тесно вытекает из другого. Тем более что подмоченный в моральном отношении работник, отстаивая свой пост, или свою власть, или свое влияние, неизбежно подводит всякое указание на свою «подмоченность» под тог или другой очередной уклон. В такого рода явлениях бюрократизм находит свое наиболее вопиющее выражение. Но когда Шлихтер – не на митинге, не в дискуссии, а в секретном докладе своему ЦК – возмущается тем, что, с одной стороны, оппозиционеры утверждают, будто бы (будто бы!) их снимают с постов и в виде наказания отправляют в деревню, а с другой стороны, рядовые коммунисты ссылаются на режим механической расправы в оправдание своего молчания перед лицом совершаемых преступлений; когда Шлихтер приводит эти ссылки и объяснения и высокоофициозно возмущается по поводу них, даже не пытаясь задуматься о причинах, то есть о «действительном положении вещей», то он, официальный расследователь, дает, пожалуй, наиболее вопиющее выражение бюрократической слепоты.

Вы осуждаете сегодня ленинградский режим, преувеличивая при этом его аппаратность, то есть изображая дело так, будто между верхушкой и массами нет ровно никакой идейной связи. Здесь Вы впадаете в ошибку, прямо противоположную той, в какую впадали, когда политически и организационно шли за Ленинградом, – а это было совсем недавно. Исходя из этой ошибки, Вы хотите вышибить клин клином, чтобы в борьбе против ленинградских «аппаратчиков»… еще туже подвинтить все гайки аппарата. Ведь в резолюции 5 декабря 23 года[84] мы вместе с Вами писали, что бюрократические тенденции в партийном аппарате неизбежно порождают, в качестве реакции, фракционные группировки. А с того времени мы имели достаточно случаев убедиться, что аппаратная борьба с фракционными группировками усугубляет бюрократические тенденции в аппарате. Чисто аппаратная, ни перед какими организационными и идейными средствами не останавливающаяся борьба против прежних «оппозиций» привела к тому, что все решения партийными организациями принимаются не иначе, как единогласно. Вы сами неоднократно в «Правде» прославляли это единогласие, выдавая его, вслед за Зиновьевым, за идейное единодушие. Но вот оказалось, что Ленинград «единогласно» противопоставил себя Москве, и Вы объявляете это результатом преступной демагогии насандаленного ленинградского аппарата. Нет, дело глубже. Вы имеете перед собою законченную диалектику аппаратного начала: единогласие вдруг превращается в свою противоположность. Теперь Вы открываете совершенно такую же, по старым типографским стереотипам, борьбу против новой оппозиции. Идейный круг руководящей партийной верхушки сжимается еще больше. Идейный авторитет неизбежно понижается. Отсюда вытекает потребность в усугублении аппаратного режима. Эта потребность втянула и Вас. Год или два тому назад Вы, по словам Каменева, «возражали». А сейчас Вы берете на себя инициативу, хотя Вас, по собственным Вашим словам, и трясет при этом с ног до головы. Позволяю себе сказать, что Вы лично являетесь в данном случае достаточно чутким и точным прибором для измерения степени бюрократизации партийного режима в течение последних двух-трех лет.

Я знаю, что некоторые товарищи, возможно, и Вы в том числе, проводили до недавнего времени такого рода план: давать рабочим ячейкам возможность критиковать заводские, цеховые и районные дела, обрушиваясь в то же время со всей решительностью на всякую «оппозицию», идущую из верхних рядов партии. Таким путем предполагалось сохранить аппаратный режим в целом, найдя для него более широкую базу. Но этот опыт совершенно не удался. Методы и приемы аппаратного режима неизбежно идут сверху вниз. Если всякая критика ЦК и даже критика внутри ЦК приравнивается при всех условиях к фракционной борьбе за власть, со всеми вытекающими отсюда последствиями, то ЛК неизбежно будет

---

[84] В постановлении Пленума ЦК, одним из авторов которого являлся Троцкий, указывалось в самом решительном тоне о необходимости демократизации внутрипартийной жизни. Эта резолюция во многом вынужденная уступка Троцкому и авторам известного «письма 46-ти». Резолюция от 5 декабря 1923 года так и не была претворена в жизнь. В дальнейшем даже ссылки на нее были запрещены.

проводить такую же политику по отношению к тем, кто критикует его в области его полномочий. Под ЛК имеются районы и уезды. Дальше пойдут кусты и коллективы. Объем организации не меняет основных тенденций. Критиковать красного директора, если он пользуется поддержкой секретаря ячейки, для членов заводского коллектива то же самое, что для члена ЦК, секретаря губкома или делегата на съезде критиковать ЦК. Каждая критика, если она касается жизненных вопросов, непременно кого-нибудь затрагивает, и критикующий непременно подводится под «уклон», под «склоку» или попросту под личное опорочивание. Вот почему во всех резолюциях о партийной и профсоюзной демократии приходится снова и снова начинать со слов: «Но несмотря на все резолюции, постановления и преподававшиеся указания, на местах и прочее, и прочее». На самом же деле, на местах делается лишь то, что делается наверху. Аппаратным подавлением аппаратного ленинградского режима Вы придете лишь к созданию в Ленинграде режима еще худшего.

В этом нельзя сомневаться ни на одну минуту. Ведь не случайно в Ленинграде зажим был крепче, чем в других местах. В деревенских губерниях, с рассеянными и малокультурными ячейками, роль секретарского аппарата будет, уже в силу объективных условий, чрезвычайно велика. И с этим приходится считаться, как с неизбежным – и в нечрезмерных все же пределах – прогрессивным фактом. Иное дело в Ленинграде, с его высоким культурно-политическим уровнем рабочих. Здесь аппаратный режим может поддерживать себя только путем усугубленного подвинчивания – с одной стороны, и демагогией – с другой. Громя аппаратом аппарат, прежде чем партийные массы Ленинграда, да и вся партия что бы то ни было поняли, Вы вынуждены эту работу дополнять контрдемагогией, которая чрезвычайно похожа на демагогию.

Я взял только тот вопрос, который Вы поставили в Вашей записке. Но сквозь вопрос о партийном режиме просвечивают большие социальные вопросы. Подробно останавливаться на них в этом и без того чересчур длинном письме я не могу, да и времени совсем нет. Но хочу надеяться, что Вы меня поймете с немногих слов.

Когда в 1923 году возникла оппозиция в Москве (без содействия местного аппарата, наоборот, при его противодействии), то центральный и местный аппарат ударили Москву по черепу под лозунгом: «Никшни! Ты не признаешь крестьянства». Сейчас Вы таким же аппаратным путем бьете по черепу ленинградскую организацию и кричите: «Молчи! Ты не признаешь середняка». Таким образом Вы в двух основных центрах пролетарской диктатуры терроризируете сознание лучших пролетарских элементов, отучая их выражать вслух не только свои мысли, правильные или неправильные, но и свою тревогу по общим вопросам революции и социализма. А в деревне элементы демократии несомненно усиливаются и укрепляются. Разве Вы не видите всех вырастающих отсюда опасностей?

Еще раз: я затронул только одну сторону гигантского вопроса о дальнейших судьбах нашей партии и революции. Я лично благодарен Вам за то, что Ваша записочка дала мне повод высказать Вам эти мысли. Для чего? С какой целью? А я, видите ли, думаю, что возможен – и необходим и обязателен – переход от нынешнего партийного режима к более здоровому – без потрясений, без новых дискуссий, без борьбы за власть, без «троек», «четверок» и «девяток» – путем нормальной и полнокровной работы всех парторганизаций, начиная с самого верху, с Политбюро. Вот для чего, Николай Иванович, я написал это длинное письмо. Я вполне готов к продолжению нашего объяснения, которое – я хотел бы надеяться – не затруднит, а хоть отчасти облегчит путь к действительно коллективной работе в Политбюро и в ЦК, без чего не будет коллективной работы и во всех нижестоящих партийных организациях. Само собою разумеется, что это письмо ни в каком случае и ни в малейшей степени не есть официальный партийный документ, а частное, личное мое письмо к Вам и ответ на Вашу записку. Написано оно на машинке только потому, что продиктовано товарищу-стенографу, безусловная партийность и выдержка которого стоят вне всякого сомнения.

Привет! Ваш

Л. Троцкий

9 января 1926 года

II

Лично

Николай Иванович!

Пишу это письмо от руки (хотя и отвык), так как совестно диктовать стенографистке то, о чем хочу написать.[85]

Вы, конечно, знаете, что по линии Угланова против меня ведется в Москве полузакулисная борьба со всяческими выходками и намеками, которые я не хочу тут должным образом характеризовать.

Путем всяких махинаций – сплошь да рядом недостойных, роняющих организацию – мне не дают выступать на рабочих собраниях. В то же время по рабочим ячейкам систематически пускается слух о том, что я читаю «для буржуазии», а перед рабочими выступать не хочу.

Теперь слушайте, что вырастает на этой почве, – и опять-таки совсем не случайно. Дальше цитирую дословно письмо рабочего-партийца.

> «У нас в ячейке ставится вопрос о том, почему Вы устраиваете платные доклады. Цены билетов на эти доклады очень высоки, рабочие не могут пойти на это. Следовательно, туда ходит только одна буржуазия. Секретарь нашей ячейки объясняет нам в беседах, что за эти доклады вы берете в свою пользу плату, проценты. Он нам говорит, что за каждую свою статью и подпись Вы также берете плату, что у Вас семья большая и, дескать, не хватает на жизнь. Неужели члену Политбюро нужно продавать свою подпись?»

и прочее, и прочее.

Вы спросите: не вздор ли? Нет, к горю нашему, не вздор. Я проверил. Сперва хотели написать такое письмо в ЦКК (или ЦК.) несколько членов ячейки, но потом отказались со словами: «Выгонят с завода, а мы семейные…» Таким образом, у рабочего-партийца создался страх, что если он попытается проверить гнуснейшую клевету про члена Политбюро, то его, члена партии, за обращение в партийном порядке могут прогнать с завода. И знаете: если б он спросил меня, я не мог бы сказать по совести, что этого не будет.

Тот же секретарь той же ячейки говорил – и опять совсем не случайно, – «в Политбюро бузят жиды». И опять – никто не решился об этом никуда сказать – по той же самой открыто формулируемой причине: выгонят с завода.

Еще штришок. Автор письма, которое я выше цитировал, – рабочий-еврей. Он тоже не решился написать о «жидах, агитирующих против ленинизма». Мотив такой: «Если другие, нееврей, молчат, то мне неловко…» И этот рабочий, написавший мне запрос, – правда ли, что я продаю буржуазии свои речи и свою подпись? – теперь тоже ждет с часу на час, что его выгонят с завода. Это факт. А другой факт – тот, что и я не уверен, что этого не случится. Не сейчас, так через месяц; предлогов хватит. И все в ячейке знают, что «так было, так будет» – и втягивают голову в плечи.

Другими словами: члены Коммунистической партии боятся донести партийным органам о черносотенной агитации, считая, что их, а не черносотенца выгонят.

Вы скажете: преувеличение! И я хотел бы думать, что так. Так вот я Вам предлагаю: давайте поедем вместе в ячейку и проверим. Думаю, что нас с Вами – двух членов Политбюро – связывает все же кое-что, вполне достаточное для того, чтобы попытаться спокойно и добросовестно проверить: верно ли, возможно ли, что в нашей партии, в Москве, в рабочей ячейке, безнаказанно ведется гнусная клеветническая, с одной стороны, антисемитская – с другой, пропаганда[86], а честные рабочие боятся справиться, или проверить, или попытаться

---

[85] Текст письма представляет собой машинописную копию. Вероятно, Троцкий написал письмо от руки, а затем сделал с него Машинописную копию. Может быть, и наоборот – Троцкий сначала составил машинописный текст, а затем уже переписал письмо от руки и послал Бухарину. – *Прим. ред. – сост.*

[86] Наличие данной ситуации признал и Бухарин, но он относил вспышку антисемитизма в Советском Союзе в середине 20-х годов исключительно к «язвам» старого режима.

опровергнуть глупости, – чтоб не выгнали с семьями на улицу.

Конечно, Вы можете отослать меня к «инстанциям». Но это значило бы только: замкнуть порочный круг.

Я хочу надеяться, что Вы этого не сделаете, и именно этой надеждой продиктовано настоящее мое письмо.

Ваш

Л. Троцкий

4 марта 1926 года

III

Николай Иванович, хотя из вчерашнего заседания Политбюро мне стало совершенно ясно, что в Политбюро окончательно определилась линия на дальнейший зажим, со всеми вытекающими отсюда последствиями для партии, но я не хочу отказаться еще от одной попытки объяснения, тем более что Вы сами мне предложили переговорить о создавшемся положении. Сегодня я целый день – до 7 часов вечера – буду ждать Вашего звонка. После 7 часов у меня Главконцесском.[87]

Л. Троцкий

19 марта 1926 года

Луначарский

За последние десятилетия политические события развели нас в разные лагери, так что за судьбой Луначарского я мог следить только по газетам. Но были годы, когда нас связывали тесные политические связи и когда личные отношения, не отличаясь интимностью, носили очень дружественный характер.

Луначарский был на четыре-пять лет моложе Ленина и почти на столько же старше меня. Незначительная сама по себе разница в возрасте означала, однако, принадлежность к двум революционным поколениям. Войдя в политическую жизнь гимназистом в Киеве, Луначарский стоял еще под влиянием последних раскатов террористической борьбы народовольцев против царизма. Для моих более тесных современников борьба народовольцев была уже только преданием.

Со школьной скамьи Луначарский поражал разносторонней талантливостью. Он писал, разумеется, стихи, легко схватывал философские идеи, прекрасно читал на студенческих вечеринках, был незаурядным оратором, и на его писательской палитре не было недостатка в красках. Двадцатилетним юношей он способен был читать доклады о Ницше, сражаться по поводу категорического императива, защищать теорию ценности Маркса и сопоставлять Софокла с Шекспиром. Его исключительная даровитость органически сочеталась в нем с расточительным дилетантизмом дворянской интеллигенции, который наивысшее свое публицистическое выражение нашел некогда в лице Александра Герцена.

С революцией и социализмом Луначарский был связан в течение сорока лет, т. е. всей своей сознательной жизни. Он прошел через тюрьмы, ссылку, эмиграцию, оставаясь неизменно марксистом. За эти долгие годы тысячи и тысячи его прежних соратников из того же круга дворянской и буржуазной интеллигенции перекочевали в лагерь украинского национализма, буржуазного либерализма или монархической реакции. Идеи революции не были для Луначарского увлечением молодости: они вошли к нему в нервы и кровеносные сосуды. Это первое, что надо сказать над его свежей могилой.

---

[87] Смещенный со всех своих военных постов, Троцкий возглавлял в это время Главный концессионный комитет, а также являлся начальником электротехнического управления и председателем Научно-технического управления промышленности. Кроме того, он иногда присутствовал на совещаниях руководителей ВСНХ.

Было бы, однако, неправильным представлять себе Луначарского человеком упорной воли и сурового закала, борцом, не оглядывающимся по сторонам. Нет. Его стойкость была очень – многим из нас казалось, слишком – эластична. Дилетантизм сидел не только в его интеллекте, но и в его характере. Как оратор и писатель он легко отклонялся в сторону. Художественный образ нередко отвлекал его далеко прочь от развития основной мысли. Но и как политик он легко оглядывался направо и налево. Луначарский был слишком восприимчив ко всем и всяким философским и политическим новинкам, чтобы не увлекаться и не играть ими.

Несомненно, что дилетантская щедрость натуры ослабила в нем голос внутренней критики. Его речи чаще всего бывали импровизациями и, как всегда в таких случаях, не были свободны ни от длиннот, ни от банальностей. Он писал или диктовал с чрезвычайной свободой и почти не выправлял своих рукописей. Ему не хватало духовной концентрации и внутренней цензуры, чтоб создать более устойчивые и бесспорные ценности. Таланта и знаний у него для этого было вполне достаточно.

Но как ни отклонялся Луначарский в сторону, он возвращался каждый раз к своей основной мысли не только в отдельных статьях и речах, но и во всей своей политической деятельности. Его разнообразные, иногда неожиданные качания имели ограниченную амплитуду: они никогда не выходили за черту революции и социализма.

Уже в 1904 году, через год примерно после раскола русской социал-демократии на большевиков и меньшевиков, Луначарский, прибыв в эмиграцию прямо из ссылки, примкнул к большевикам. Ленин, только что перед тем порвавший со своими учителями (Плеханов, Аксельрод, Засулич) и со своими ближайшими единомышленниками (Мартов, Потресов), стоял в те дни очень одиноко. Ему дозарезу нужен был сотрудник для экстенсивной работы, на которую Ленин не любил и не умел расходовать себя. Луначарский явился для него истинным подарком судьбы. Едва сойдя со ступенек вагона, он ворвался в шумную жизнь русской эмиграции в Швейцарии, во Франции, во всей Европе: читал доклады, выступал оппонентом, полемизировал в печати, вел кружки, шутил, острил, пел фальшивым голосом, пленял старых и молодых разносторонней образованностью и милой сговорчивостью в личных отношениях.

Мягкая покладистость была немаловажной чертой в нравственном облике этого человека. Он был чужд как мелкого тщеславия, так и более глубокой заботы: отстоять от врагов и друзей то, что он сам признал как истину. Всю свою жизнь Луначарский поддавался влиянию людей, нередко менее знающих и талантливых, чем он, но более крепкого склада. К большевизму он пришел через своего старшего друга Богданова. Молодой ученый – естественник, врач, философ, экономист-Богданов (по действительной фамилии Малиновский) заранее заверил Ленина[88], что его младший товарищ Луначарский по прибытии за границу непременно последует его примеру и примкнет к большевикам. Предсказание подтвердилось полностью. Но тот же Богданов после разгрома революции 1905 года перетянул Луначарского от большевиков к маленькой ультранепримиримой группе, которая сочетала сектантское «непризнание» победоносной контрреволюции с абстрактной проповедью «пролетарской культуры», изготовляемой лабораторным путем.

В черные годы реакции (1908–1912), когда широкие круги интеллигенции повально впадали в мистику, Луначарский вместе с Горьким, с которым его связывала тесная дружба, отдал дань мистическим исканиям. Не порывая с марксизмом, он стал изображать социалистический идеал как новую форму религии и всерьез занялся поисками нового ритуала. Саркастический Плеханов наименовал его «блаженным Анатолием». Кличка прилипла надолго! Ленин не менее беспощадно бичевал бывшего и будущего соратника. Хоть и смягчаясь постепенно, вражда длилась до 1917 года, когда Луначарский, не без сопротивления и не без

---

[88] Как вспоминает Николай Валентинов (Вольский): «Около Ленина, твердо решившего организовать свою партию, не было ни одного крупного литератора, даже правильнее сказать, кроме Воровского, вообще не было людей пишущих. Богданов, объявивший себя большевиком, был для него сущей находкой, и за него он ухватился. Богданов обещал привлечь денежные средства в кассу большевизма, завязать сношения с Горьким, привлечь на сторону Ленина вступающего в литературу бойкого писателя и хорошего оратора Луначарского (женатого на сестре Богданова)…» (Валентинов Н. Встречи с Лениным. М., 1990. С. 322).

крепкого давления извне, на этот раз с моей стороны, снова примкнул к большевикам. Наступил период неутомимой агитаторской работы, который стал периодом политической кульминации Луначарского. Недостатка в импрессионистских скачках не было и теперь. Так, он чуть-чуть не порвал с партией[89] в самый критический момент, в ноябре 1917 года, когда из Москвы пришел слух, будто большевистская артиллерия разрушила церковь Василия Блаженного. Такого вандализма знаток и ценитель искусства не хотел простить! К счастью, Луначарский, как мы знаем, был отходчив и сговорчив, да к тому же и церковь Василия Блаженного нисколько не пострадала в дни московского переворота.

В качестве народного комиссара по просвещению Луначарский был незаменим в сношениях со старыми университетскими и вообще педагогическими кругами, которые убежденно ждали от «невежественных узурпаторов» полной ликвидации наук и искусств. Луначарский с увлечением и без труда показал этому замкнутому миру, что большевики не только уважают культуру, но и не чужды знакомства с ней. Не одному жрецу кафедры пришлось в те дни, широко разинув рот, глядеть на этого вандала, который читал на полдюжине новых языков и на двух древних и мимоходом, неожиданно обнаруживал столь разностороннюю эрудицию, что ее без труда хватило бы на добрый десяток профессоров. В повороте дипломированной и патентованной интеллигенции в сторону советской власти Луначарскому принадлежит немалая заслуга. Но как непосредственный организатор учебного дела он оказался безнадежно слаб. После первых злополучных попыток, в которых дилетантская фантазия переплеталась с административной беспомощностью, Луначарский и сам перестал претендовать на практическое руководство[90]. Центральный комитет снабжал его помощниками, которые под прикрытием личного авторитета народного комиссара твердо держали вожжи в руках.

Тем больше у Луначарского оставалось возможности отдавать свои досуги искусству. Министр революции был не только ценителем и знатоком театра, но и плодовитым драматургом. Его пьесы раскрывают все разнообразие его познаний и интересов, поразительную легкость проникновения в историю и культуру разных стран и эпох, наконец, незаурядную способность к сочетанию выдумки и заимствования. Но и не более того. Печати подлинного художественного гения на них нет.

В 1923 году Луначарский выпустил томик «Силуэты», посвященный характеристике вождей революции. Книжка появилась на свет крайне несвоевременно: достаточно сказать, что имя Сталина в ней даже не называлось. Уже в следующем году «Силуэты» были изъяты из оборота, и сам Луначарский чувствовал себя полуопальным. Но и тут его не покинула его счастливая черта: покладистость. Он очень скоро примирился с переворотом в руководящем личном составе, во всяком случае, полностью подчинился новым хозяевам положения[91]. И тем не менее он до конца оставался в их рядах инородной фигурой. Луначарский слишком хорошо

---

[89] В ноябре 1917 года «правый большевик» Луначарский был согласен принять участие в коалиционном социалистическом кабинете, без Ленина и Троцкого. Согласно тогдашней логике Луначарского, раз большевики почти дословно повторили в своем Декрете о земле крестьянский наказ, проникнутый эсеровским духом, то они обязаны и власть поделить с эсерами. «В настоящий момент мы должны прежде всего завладеть всем аппаратом. Это значит действовать по линии меньшего сопротивления, а не брать в штыки каждую станцию. Иначе мы ничего не сможем сделать. […] Надо завладеть первой ступенью, чтобы потом идти дальше», – считал Луначарский. Отсюда в первую очередь (и лишь отчасти из-за обстрела Кремля) его противоречия с радикальным крылом партии. Долгое время скрывалось официальной историографией Октября, что на заседании ЦК от 1 (14) ноября 1917 года Ленин предложил исключить Луначарского из партии. Однако большинство присутствующих не согласилось с этой крутой мерой.

[90] Аппарат Наркомпроса действительно был очень недоволен своим наркомом как организатором. «Центральный комитет союза работников просвещения нарядил делегацию ко мне и к Ленину с ходатайством о том, чтоб я взял на себя дополнительно Комиссариат народного просвещения, подобно тому, как я в течение года руководил Комиссариатом путей сообщения», – пишет Троцкий в своей книге «Моя жизнь».

[91] По своей природной склонности к компромиссу Луначарский одним из первых употребил выражение «сталинизм» и объявил Сталина крупнейшим философом эпохи.

знал прошлое революции и партии, сохранил слишком разносторонние интересы, был, наконец, слишком образован, чтобы не составлять неуместного пятна в бюрократических рядах. Снятый с поста народного комиссара, на котором он, впрочем, успел до конца выполнить свою историческую миссию, Луначарский оставался почти не у дел вплоть до назначения его послом в Испанию. Но нового поста он занять уже не успел: смерть застигла его в Ментоне. Не только друг, но и честный противник не откажет в уважении его тени.

1 января 1934 года

Приложения

Из речи Луначарского в Большом Театре 21 января 1926 г.

Допустите на минуту, что у нас явился бы какой-нибудь человек, который бы приобрел популярность, который бы имел вес в стране, который бы захотел сорвать нашу гегемонию, он мог бы идти двумя путями. Первый путь – он мог бы стать во главе новых капиталистических элементов, он мог бы постараться опереться на нэпмана, на верхушки наших спецов, на растущее кулачество и на всякие разрозненные симпатии обывателя, на все недовольные элементы, которые бы хотели, чтобы Россия сделалась капиталистической. Они все могли бы вокруг него собраться. Трудно допустить, чтобы мы такому человеку дали просуществовать до завтрашнего дня. Если бы мы увидели, что такой человек растет, мы бы его ногтем. Поэтому выражал опасение Владимир Ильич, что такой человек может появиться в нашей Коммунистической партии. Конечно, он не может прийти и прямо бухнуть, что я хочу стать во главе капиталистических элементов, но он, может быть не совсем ясно сознавая, куда он идет, может все-таки вести такую линию, чтобы приобрести их симпатии, чтобы гнуть в их сторону. И постепенно, может быть, если в рядах нашей партии нашлись бы склоняющиеся к мелкобуржуазным элементам, он начнет собирать свою паству. Не думайте, пожалуйста, что я здесь намекаю на Л. Д. Троцкого, но я должен сказать, что тов. Троцкий вовсе этого не думал и он даже может быть дальше от этого, чем кто бы то ни было другой из нас. Но они-то этого хотели, и когда Троцкий оказался в оппозиции и говорил вовсе не такие вещи, они уже радовались и хотели на бархатной подушке нести Троцкому корону: пожалуйста, Лев 1-й, проводи эту линию против Коммунистической партии, мы тебя поддержим. Вот что хотели рявкнуть приветственной осанной хором все неокапиталисты и остатки старых капиталистов России. Троцкий, может быть, и не заметил этих симпатий и не поинтересовался этим, но нам было видно, что ему симпатизируют и его любят. А когда Л. Д. Троцкий занял нормальную позицию и пренебрег авантюрой, они его перестали любить и сказали: коммунист, как и все другие. Конечно, товарищи, нечего и говорить, что этот уклон, который можно назвать крестьянским, мелкобуржуазным, что этот уклон, который может выразиться на первых порах, скажем, в недооценке опасности кулачества, что он опасен. Но скажите, подкованы мы или не подкованы, чтобы встретить эту опасность единым фронтом? Вполне, товарищи. Мы так хорошо слышим на это правое ухо, что, можно сказать, слышим, как трава растет. Мы так хорошо знаем, что есть опасность демократического вырождения, что массу крестьян можно в эту сторону перетянуть. Мы так определенно всю нашу политику ведем на то, чтобы это дело сорвать и чтобы на буксире за нашим красным пароходом гегемоном вести деревенскую баржу, что мы всякий сучок, всякую задоринку заметим, всякого Богушевского[92], которому – далеко кулику до Петрова дня.

---

[92] Имя экономиста и партийного публициста Богушевского приобрело в середине 20-х годов нарицательное значение. Николай Валентинов (Вольский) вспоминает: «Он имел неосторожность написать в „Большевике“ статью, в которой доказывал, что деревенский кулак „не общественный слой, даже не группа, даже не кучка, а вымирающие уже единицы“. Статья, не лишенная аргументов и, между прочим, весьма правильных указаний, что в советской печати нет ясного определения, кого считать кулаком, вызвала припадок бешенства у Сталина: как сметь отрицать существование такого врага, как кулак! […] Открывая собою знаменитую галерею кающихся, Богушевский униженно, почти слезно, просил прощения за написанную им статью…» (Валентинов Н. (Вольский). Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина. Stanford. 1971. С. 246).

Письмо Луначарского Троцкому

Секретно
Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика
Народный Комиссар по просвещению
3 марта 1926 г.
Москва, Сретенский бульвар, 6, кв. 4. Телефон 40-61
Л. Д. Троцкому
Дорогой Лев Давыдович!

Вчера на моем выступлении в общегородском собрании работниц т. Угланов ошарашил меня известием, что Вы остались крайне недовольны моей первой речью после возвращения из-за границы на общегородском собрании, посвященном годовщине смерти Владимира Ильича. Он сказал мне, будто Вы протестовали против той части этой речи, в которой упоминалось о Вас. Меня это озадачило и огорчило. Я отнюдь не желаю, чтобы у Вас возникло впечатление, будто я отношусь к числу Ваших врагов. Я таким не был никогда, я всегда относился и всегда отношусь с глубоким уважением к Вашей личности как к человеческой, так и политической. В ту пору, когда у Вас возникли острые разногласия с партией, я, отнюдь не являясь Вашим партизаном, совершенно воздержался от всяких выступлений, считая, что Вам и так достается через меру и что на Вас все навалились. Когда вслед за Ильичем я считал необходимым бороться с развиваемыми Вами в свое время идеями о профессиональном движении, я делал это, как могут констатировать это те, кто меня слышал, с величайшим тактом и осторожностью по отношению к Вам[93]; так же поступаю я и теперь. Может быть, Вам рассказали то, что я сказал о Вас, при этом безбожно переврав, но я допускаю, что Вы могли слушать мою речь по радио, как многие слышали ее, но я могу Вас уверить, что Вы неправильно ее истолковали. Я не имею стенограммы, но я с совершенной точностью могу припомнить то, что я о Вас говорил. Я сказал, «что каждое разногласие в партии, как утверждал это Владимир Ильич, опасно, потому что чревато последствиями, каких совсем не предвидит начинающий эти разногласия». Я указал на то, что у нас есть правые и левые группировки, еще совершенно не оформившиеся, но социологически возможные и ждущие оформляющих начал, – это растущие буржуазные элементы, с одной стороны, и, с другой стороны, – наш собственный пыл, т. е. недостаточно сознательные, естественно горящие нетерпением и в значительной мере отсталые слои самого рабочего класса.

Установив это положение, которое, я надеюсь, Вы оспаривать не стали бы, я сказал:

> «Когда Лев Давыдович Троцкий оказался в борьбе с центральным течением партии, когда он был обвинен в правом уклоне, большие массы обывателей создали себе иллюзию, что в нем элементы, стоящие правее партии, могут обрести своего вождя. Они готовы были поднять его на щит, они готовы были поднести ему чуть не корону на бархатной подушке и провозгласить его Львом 1-м, но у тов. Троцкого и в мыслях не было вступать в борьбу с партией. Тогда наступило разочарование, обывательские круги махнули на него рукой и с горечью заявили, что Троцкий такой же коммунист, как и другие».

В этом месте моя речь была прервана громом аплодисментов. Нужно быть совсем глупым человеком, чтобы не понять, что эти аплодисменты относились не ко мне, а к Вам. Что этими аплодисментами вся аудитория битком набитого Большого театра выражала свою радость и одобрение Вашему поведению и хохотала над этим глупым разочарованием мещанства.

Что могли бы Вы отрицать в этой моей тираде? Неужели вы не знаете, что во время Вашего столкновения с партией в широких обывательских кругах надеялись, что Вы

---

[93] Письма Луначарского к Ленину во время его агитационной поездки по губерниям Центральной России в связи с профсоюзной дискуссией, опубликованные в специальном томе серии «Литературное наследство» (Ленин и Луначарский), свидетельствуют об обратном.

произведете раскол? Неужели Вы не знаете, что Вам самым парадоксальным образом сочувствовали (главным образом в этих кругах, конечно) как возможному разрушителю всемогущества коммунистов, и неужели Вы не знаете, что наступило глубокое разочарование, что к Вам совершенно приложимы почтенные слова: «Такой же коммунист, как и другие». Ничего другого я о Вас в моей речи не говорил. То, что я сказал в вышеприведенных словах, конечно, остро, но никак не может счесться за направленное против Вас. Равным образом и та часть моей речи, которая была посвящена т. т. Зиновьеву и Каменеву, была средактирована остро, но в то же время в высшей степени по-товарищески. Я тысячу раз оговаривался и подчеркивал, что вовсе не обвиняю их в каком-нибудь сознательном уклоне в сторону демагогии, но вижу во всей совокупности их позиции, так сказать, намек на такой уклон и понимаю поэтому тревогу партии. Ибо сейчас тот или другой деятель и, может быть сам того не понимая, может чрезвычайно легко оказаться организатором несомненно существующего в одной части пролетариата, которая живет сумеречным сознанием, глубокого недовольства медленностью и извилистостью нашего пути. Я никогда не уклонялся от того, чтобы сказать, что я думаю, но вместе с тем я чрезвычайно высоко ценю всех вождей партии, являюсь всегда сторонником всяческого их примирения, а не разжигания и раздувания разногласий, которые возникают в руководящей среде.

Пишу Вам это письмо, чтобы избегнуть недоразумений, и льщу себя надеждой, что Вы поймете его как надо и не будете приписывать мне намерений, которых у меня не было и быть не могло.

С коммунистическим приветом

А. Луначарский (подпись)

Письмо Луначарскому

Анатолий Васильевич!

Я обещал Вам в первом своем ответе доказать совершенную ложность изложения Вами моих взглядов на крестьянство и его взаимоотношения с пролетариатом. За последние годы вышло, правда, немало дрянных книжонок, фальсифицирующих прошлое и вводящих в прямое заблуждение молодняк там и сям надерганными цитатами, без связи, без перспективы. Но ведь не по этим же книжонкам Вы учились! Как же могло случиться, что Вы распространяете столь искаженное и перекошенное представление о моих взглядах на крестьянство?

Вы останавливались в Большом театре в годовщину смерти Ленина на дискуссии о профсоюзах. Я мог бы спросить: почему, собственно? Почему Вы не начали с предоктябрьской и послеоктябрьской дискуссии[94]. Выдвигать искусственно одни моменты в партийной истории и умалчивать о других, более крупных и значительных, значит, по-моему, вводить в заблуждение слушателей. Почему, например, Вы не упомянули ни словом о той борьбе, которая велась в партии вокруг вопроса о построении централизованного государственного аппарата и централизованной регулярной армии? Дискуссия по этому вопросу была никак не менее важна для судеб революции, чем споры во время Брест-Литовска или эпизодические расхождения по вопросу о профсоюзах. Но партийный молодняк не знает об этом ни слова. А Вы считаете Вашим долгом пропагандиста говорить о профсоюзной дискуссии, умалчивая о предоктябрьской и обо всех других.

Правильно ли Вы, однако, оцениваете смысл самой профсоюзной дискуссии? По-моему, – ни в малейшей степени. Вопрос ведь тогда шел вовсе не о профсоюзах, а о том, как вырваться из хозяйственного тупика. Продразверстка свела крестьянское хозяйство к половинному уровню и гнала его все ниже. Промышленность ничего не давала мужику. Из-под союза рабочих и крестьян выдернута была ходом революции элементарнейшая экономическая предпосылка. На почве продразверстки и городского пайка хозяйственного выхода не было, а значит, не было и выхода политического. На этой основе каждый вопрос неизбежно заводил в тупик. Между тем вопрос о профсоюзах ставился ведь именно на этой же безнадежной, вконец

[94] Намек на позицию самого Луначарского, выступившего против Ленина и Троцкого во время этих дискуссий.

исчерпавшей себя основе. Теперь, когда мы достаточно далеко отошли от того момента, следовало бы, казалось, вставить тогдашнюю дискуссию в правильную экономическую и политическую перспективу. Ведь тот самый (VIII) съезд Советов, с которого пошла дискуссия о профсоюзах, не только не отменил продразверстки, но установил посевкомы, т. е. довел военный коммунизм в отношении деревни до самого крайнего выражения. В резолюции «десятки»[95] говорилось (как и в моей) о необходимости сращивания профсоюзов с государственным аппаратом, – но лишь более медленным темпом. Поскольку хозяйство оставалось на продразверстке и пайке, профсоюзы были, по существу, мертвым учреждением, и под именем профсоюзов мы говорили о рабочем классе. При грозном недовольстве масс профсоюзы могли тогда либо противопоставить себя государству и окончательно затормозить хозяйственную машину, либо впрячься вместе с хозяйственными органами в одну и ту же безнадежно увязавшую телегу военного коммунизма. Я настаивал на этом последнем. Владимир Ильич отвечал:

– Массы не выдержат.

Правильно ли это было? Правильно. Но массы не могли выдержать также и растущую разруху, а вместе с ней и безнадежность. На X съезде под непосредственным влиянием Кронштадта мы под руководством Ленина повернули от продразверстки к продналогу и свободе торговли. Между тем резолюция о профсоюзах оставалась старая: в ней говорилось еще о сращивании, только более медленным темпом. Уже через несколько месяцев понадобилась новая резолюция о профсоюзах. Новая резолюция, написанная Владимиром Ильичем, становилась уже целиком на почву нэпа, оттягивала союзы от «сращивания», требовала от них большей самостоятельности по отношению к рабоче-крестьянскому государству и пр. Эту резолюцию мы приняли единогласно. Она отвечала новым хозяйственным планам, а эти новые пути выводили страну из безнадежности и тупика. Дискуссия о профсоюзах началась с введения посевкомов, а закончилась переходом на нэп. Если мудрствовать задним числом, то можно сказать, что посевкомы были высшим выражением «недооценки» крестьянства, непонимания условий и методов его хозяйства и, наконец, его психологии. Между тем в дискуссии о профсоюзах никто против посевкомов не возражал, вводились они совсем не по моей инициативе, не вызывая протеста ни с чьей стороны. Как же можно игнорировать такие гигантские факты и ограничиваться дискуссионными воспоминаниями, тогдашними взаимными полемическими обвинениями и случайными цитатами, отражавшими политику и психологию хозяйственного тупика! Как можно забывать, что резолюция «десятки», победившая на съезде, была через несколько месяцев отменена! Почему? Потому что изменены были методы хозяйствования. Конечно, во время всякой дискуссии преувеличения неизбежны. Каждая сторона стремится довести точку зрения другой стороны до абсурда. Спорящие далеко не всегда отдают себе отчет в исторических перспективах спора. Больше всего это относится к профсоюзной дискуссии. Весь спор велся в тисках экономической безвыходности. Партию лихорадило, потому что невозможно было поддерживать дальше советский режим на базе военного коммунизма. Как же можно теперь, несколько лет спустя, ограничиться банальными фразами насчет того, что лозунг сращивания профсоюзов (конечно, для той эпохи совершенно безнадежный) вытекал из «недооценки крестьянства»! Ну, а сохранение продразверстки, а создание посевкомов – вытекали ли они из правильной оценки крестьянства? Можно ли допускать такую бюрократизацию мысли, когда она живые социальные процессы подменяет готовыми, коротенькими штампами!

Со времени написанной Лениным новой резолюции о профсоюзах, отменившей промежуточную и эпизодическую резолюцию X съезда, в профсоюзной области никаких разногласий больше не было. Их не было, по сути дела, и до дискуссии. Лучше всего это видно, пожалуй, из того, что Владимир Ильич незадолго до дискуссии чрезвычайно горячо настаивал на том, чтобы я стал во главе профсоюзов. Дискуссия о профсоюзах не была дискуссией о

---

[95] То есть в известной резолюции так называемой «платформы десяти», сформулированной Рудзутаком и переработанной Лениным.

профсоюзах. Партия искала выхода из хозяйственного тупика. К концу дискуссии этот выход был указан Ильичем. И замечательно, что при этом все забыли о профсоюзах, т. е. забыли привести резолюцию о профсоюзах в соответствие с новым экономическим путем, намеченным после Кронштадта. Вот почему эту резолюцию пришлось через несколько месяцев переписывать заново. А Вы все это игнорируете.

Вы рассказываете молодым слушателям о том, будто Троцкий в эпоху профдискуссии считал, что крестьянин не пойдет с рабочим по пути к социализму. Откуда Вы это взяли? Вот как Вы излагали мои взгляды на этот счет в Большом театре:

> «Пока рабочий класс помогает крестьянину отнимать землю у помещика, он будет с ним, а когда он уже получит эту землю, то он скажет рабочему, ты коммунист и мне не по пути с тобой, – и получится разрыв и гражданская война между крестьянством и пролетариатом, а пролетариата мало, и, если его не выручит соседний европейский пролетариат, то крестьянин пролетария задушит. Приблизительно так в это время думал Троцкий. Но Владимир Ильич думал иначе, он говорил: это неверно, это неправда».

Как же думал Владимир Ильич? А вот как:

> «Если мы установим такого рода экономическую торговую смычку, если окажется, что мы умеем не только воевать, но умеем и торговать, то крестьянин надолго, на десятки лет окажет нам полное доверие».

Выходит ведь, что я был против торговой смычки, возражал против новой экономической политики, отрицал ее как путь к социализму? Где? Когда? Нехорошо у Вас выходит, Анатолий Васильевич. Во время дискуссии о профсоюзах не мог еще Ильич говорить о торговой смычке. А когда заговорил, никакой дискуссии не было. Неряшливо у Вас выходит. Нельзя в такой неряшливости воспитывать молодняк.

Не знаешь, поистине, как и возражать Вам. Для этого, в сущности, надо было переписать здесь все мои речи и статьи, а вернее, вообще все содержание моей работы.

После смерти Свердлова Владимир Ильич намечал сперва кандидатуру Каменева в председатели ВЦИКа. Идея «рабоче-крестьянского» председателя была выдвинута мною и Владимиром Ильичем одобрена. Мною же была выдвинута кандидатура Калинина. Рекомендуя ВЦИКу эту кандидатуру, я назвал будущего председателя всероссийским старостой[96]. Все это мелочи, которые в других условиях не заслуживали бы упоминания, но, согласитесь, что эти мелочи достаточно ярко характеризуют направление мысли. Во всяком случае, они более убедительны, чем поучения задним числом.

В эпоху военного коммунизма слухи о моих будто бы разногласиях с Лениным по крестьянскому вопросу распускали только белогвардейцы. Они осложняли этот вопрос «национальным» моментом. В 1919 году я написал письмо к крестьянам-середнякам о полной моей солидарности с Лениным насчет крестьянской, т. е., по существу, середняцкой политики партии. Ленин, со своей стороны, опубликовал письмо, в котором полностью и целиком солидаризировался со мной. Тут не было и тени дипломатии. Задним числом кое-кто пытался, правда, представить дело так, будто эта солидаризация имела лишь внешние политические цели и прикрывала внутренние разногласия. Это ложь с начала до конца. Владимир Ильич читал мое

---

[96] Троцкий выразил это следующими словами: «Крестьянину, ввиду всей его психологии, политика советской власти, политика Коммунистической партии должна быть предъявлена не только в виде общих перспектив, но и в персональном виде. Вот мы и предъявим ему нашу политику персонально. Мы покажем крестьянству пролетария – крестьянина, который стоит на большой политической высоте, который охватывает политическую и государственную жизнь в целом и в то же время уходит корнями своими в самую глубину крестьянства, покажем его и скажем: „Вот кто ныне поставлен ВЦИК на первое место“. Мы призовем сюда товарища Калинина и скажем ему: „В прежние годы, когда ты возвращался из города в деревню, ты там бывал сельским старостой, а теперь изволь у нас быть на первом месте, первым советским Всероссийским старостой“.» (Известия ВЦИК. 1919. 1 апреля).

письмо к середнякам, а я – его письмо до напечатания. О каких бы то ни было разногласиях или хотя бы малейших оттенках не было и речи. Никто этих оттенков и сейчас не назовет.

Во время войны с Польшей я читал ряд докладов на тему: «Пролетариат и крестьянство в революции и в советско-польской войне». У меня под руками имеется случайно конспект этих докладов. Я приведу из него несколько десятков строк:

> «Мы вовсе не требуем, как говорят меньшевики, чтобы крестьянин отказался от всех своих интересов и усвоил себе прямо противоположную точку зрения. Нет, мы толкаем его к тому, чтобы он понял свои исторические интересы в новой обстановке, в какую его поставили революция и пролетариат… Может ли крестьянин понять условия новой эпохи и свои задачи в ней? Меньшевики начисто отрицают это. Наши заявления и действия, направленные на привлечение крестьянства к социалистической революции, оцениваются меньшевиками как утопизм, как отказ от марксизма и пр. На самом деле такого рода взгляд на крестьянство как на неподвижный замкнутый в себе класс не имеет ничего общего с марксизмом. Крестьянство есть продукт определенных условий и меняется вместе с ними. Педагогика фактов есть самая могущественная педагогика. А таких факторов, событий и ударов судьбы, какие развиваются теперь, никогда не бывало в истории. Задача коммунистической агитации в деревне состоит именно в том, чтобы использовать уроки событий и провести их в сознание крестьянина».

Где же тут мысль, что крестьянство повернет против пролетариата? А таких цитат я мог бы привести десятки. Говорилось это и писалось в начале 1919 года, в разгар военного коммунизма, в разгар надежд на быстрое развитие европейской революции.

У Вас выходит, Анатолий Васильевич, будто я чуть ли не отрицал новую экономическую политику, – верите ли Вы этому сами? – так что Вам приходится теперь, в 1926 году, разъяснять мне со сцены Большого театра, что основная цель введения новой экономической политики состояла в торговой смычке промышленности с крестьянским хозяйством. Позвольте привести Вам то, что я говорил на эту тему на общем собрании членов партии Сокольнического района 10 ноября 1921 года:

> «Рабочее государство стремится путем кооперации овладеть крестьянским рынком. Начинается новая борьба из-за крестьянина. Вся революция, в сущности, была борьбой из-за крестьянина. Кто поведет за собой крестьянина, тот настоящий хозяин революции. Возьмите нашу борьбу с меньшевиками, эсерами. Она к чему сводилась? К тому, что рабочий класс руками коммунистов показал крестьянам, что только он может прекратить войну с немцами, что только он, рабочий коммунист, может действительно отнять землю у помещика и передать ее крестьянам. Из-за этого велась борьба. В борьбе с эсерами и меньшевиками большевик победил, и крестьяне это строго разбирают».

И далее:

> «А что он (крестьянин) скажет теперь? Какой ситец будет дешевле, тот он и купит. И в зависимости от того, какой он ситец купит, такой и будет поворот. Будет наш ситец лучше и доступнее, он купит ситец государственный, и победит строй социалистический. А если будет лучшим ситец капиталиста, – крестьянин купит ситец частнокапиталистический, и тогда пойдет на слом социалистическая республика, и утвердится у нас капитализм».

Право же, совестно приводить все это. Но Вы должны же согласиться, что в 1926 году Вы в своем докладе ничего не прибавляете на эту тему к тому, что я сказал в 1921 году. Это не в упрек Вам. Но зачем же запутывать вопрос? Зачем сеять невыносимую смуту в ушах слушателей?!.

Опасаюсь, что тут Вы скажете: а как же с прокламацией «Без царя, а правительство рабочее»? Этот довод является для многих последним прибежищем. Но, насколько я помню,

прокламация «Без царя, а правительство рабочее» написана была весной 1905 года. Право же, Анатолий Васильевич, неправильно требовать от кого бы то ни было, чтобы он знал и понимал в 1905 году то, чему мы, под руководством Владимира Ильича, научились в 1917-м, 1918-м и последующих годах. Прошлое можно и должно цитировать, если это помогает понять настоящее. Выдергивать же цитаты из далекого прошлого для того, чтобы затемнять и искажать сегодняшний день, это уж никуда не годится. Но и это не все. Прокламации «Без царя, а правительство рабочее» я никогда не писал. Вы удивлены? Я знаю, что десятки невежественных книжонок и шпаргалок приписывают мне прокламацию под этим заглавием, которое, к слову сказать, может быть правильно понято только в связи с содержанием самой прокламации. Но суть-то в том, что я такой прокламации не только никогда не писал, но, насколько вспоминаю, никогда и не читал. Знаю, что такая прокламация написана была Парвусом в начале 1905 года за границей и издана редакцией «Искры». Я жил в то время нелегально в России. Прокламация Парвуса в России никогда не издавалась и не распространялась. Сам я в то время писал в России немало прокламаций, в том числе и для бакинской типографии ЦК большевиков. Две большие прокламации к крестьянам были написаны мною и вышли за подписью Центрального Комитета большевиков (в эпоху примерно Третьего съезда). В эпоху Петербургского Совета работали мы с большевиками в полной солидарности и совместно проводили «крестьянскую» политику (братание с Крестьянским союзом и пр.). Никаких разногласий на этой почве не было. В начале 1906 года я написал из тюрьмы брошюру «Наша тактика в борьбе за Учредительное собрание». Брошюра была напечатана Владимиром Ильичем в издательстве «Новая волна». С начала до конца брошюра эта развивает ту мысль, что революция наша уперлась в вопрос о взаимоотношении пролетариата и крестьянства. Через Кнунянца Ленин очень одобрял эту брошюру. Упомянутые две прокламации к крестьянам, как и названная только что брошюра, вместе со многими другими документами, напечатаны в недавно появившемся втором томе моих сочинений («Наша первая революция»). А прокламацию «Без царя» Вы там не найдете – по той простой причине, что я ее не писал.

Я ни в малейшей мере не хочу этим сказать, что в 1905 году не делал ошибок. Ошибок этих было немало. Основной моей ошибкой было то, что я не вошел в большевистскую партию с раскола 1903 года. У меня нет и не может быть никакого интереса уменьшать ошибки, вытекавшие из того, что я в известные периоды враждебно противопоставлял себя большевикам и даже сближался на этой почве с меньшевиками. В одном из ближайших томов я опубликую все относящиеся к этому вопросу документы и постараюсь дать им то освещение, какого они заслуживают в свете исторической ретроспекции. Никто не может переделывать свой путь задним числом. Но это, во всяком случае, тот путь, который привел меня к большевизму. Выдергивать искусственно отдельные эпизоды этого пути можно для того разве, чтобы ошарашить, а не для того, чтобы объяснить и научить. Но уж если выдергивать эпизоды, то, по крайней мере, добросовестно, хотя бы с формальной стороны, т. е. не путать дат, не приписывать мне чужих цитат и не поучать меня премудрости, которую я сам излагал гораздо раньше и ничуть не хуже.

Письмо мое, как видите, очень затянулось, а я мог бы еще многое сказать по поводу Вашего доклада в Большом театре. Ограничусь сказанным и пожелаю Вам всего хорошего.

14 апреля 1926 года

Л. Троцкий

(подпись)

P. S. Может быть, ответите, А. В.?

Зиновьев и Каменев

Сталинцы принимают меры к исключению Зиновьева, Каменева и др.

Проволочный и беспроволочный телеграф разнес по всему миру весть о том, что Зиновьев и Каменев исключены из партии, с ними вместе еще свыше двух десятков большевиков. Согласно официальному сообщению, исключенные стремились будто бы к восстановлению капитализма в Советском Союзе. Политический вес новой репрессии внушителен сам по себе. Симптоматическое значение ее огромно.

Зиновьев и Каменев в течение ряда лет были ближайшими учениками и сотрудниками Ленина. Лучше, чем кто бы то ни было, Ленин знал их слабые черты; но он умел использовать их сильные стороны. В своем «Завещании», столь осторожном по тону, где одинаково смягчены и похвалы и порицания, чтоб не слишком укреплять одних и ослаблять других, Ленин счел необходимым напомнить партии о том, что октябрьское поведение Зиновьева и Каменева было «не случайно». Дальнейшие события слишком ярко подтвердили эти слова. Не случайна была, однако, и та роль, которую Зиновьев и Каменев играли в ленинской партии. И нынешнее их исключение напоминает об их старой и не случайной роли.

Зиновьев и Каменев были членами Политбюро, которое в эпоху Ленина непосредственно руководило судьбами партии и революции. Зиновьев был председателем Коммунистического Интернационала. Наряду с Рыковым и Цюрупой, Каменев в последний период жизни Ленина был его заместителем, по должности председателя Совета Народных Комиссаров. После смерти Ленина Каменев председательствовал в Политбюро и в Совете Труда и Обороны, высшем хозяйственном органе страны.

В 1923 году Зиновьев и Каменев открыли кампанию против Троцкого. В начале борьбы они очень слабо отдавали себе отчет в ее последствиях, что не свидетельствует, конечно, об их политической дальнозоркости. Зиновьев прежде всего агитатор, исключительный по таланту, но почти только агитатор. Каменев – «умный политик», по определению Ленина, но без большой воли и слишком легко приспосабливающийся к интеллигентной, культурно-мещанской и бюрократической среде.

Роль Сталина в этой борьбе имела более органический характер. Дух мелкобуржуазной провинции, отсутствие теоретической подготовки, незнакомство с Европой, узость горизонта, – вот что характеризовало Сталина, несмотря на его большевизм. Его враждебность «троцкизму» имела гораздо более глубокие корни, чем у Зиновьева и Каменева, и давно искала политического выражения. Неспособный сам к теоретическим обобщениям, Сталин подталкивал по очереди Зиновьева, Каменева, Бухарина и подбирал из их речей и статей то, что ему казалось наиболее подходящим для его целей.

Борьба большинства Политбюро против Троцкого, начавшись в значительной мере как личный заговор, уже очень скоро развернула свое политическое содержание. Оно не было ни простым, ни однородным. Левая оппозиция включала в себя вокруг авторитетного большевистского ядра многих организаторов октябрьского переворота, боевиков гражданской войны, значительный слой марксистов из учащейся молодежи. Но за этим авангардом тянулся на первых порах хвост всяких вообще недовольных, неприспособленных, вплоть до обиженных карьеристов. Только тяжкий ход дальнейшей борьбы постепенно освободил оппозицию от ее случайных и непрошеных попутчиков.

Под знаменем «тройки» Зиновьев – Каменев – Сталин объединились многие «старые большевики», особенно те, которых Ленин предлагал еще в апреле 1917 года сдать в архив; но и многие серьезные подпольщики, крепкие организаторы партии, искренне поверившие, что надвигается опасность смены ленинизма троцкизмом. Чем дальше, однако, тем более сплошной стеной поднималась против «перманентной революции» растущая и крепнущая советская бюрократия. Она-то и обеспечила впоследствии перевес Сталина над Зиновьевым и Каменевым.

Борьба внутри «тройки», начавшись в значительной мере тоже как личная борьба, – политика делается людьми и через людей, и ничто человеческое ей не чуждо, – скоро, в свою очередь, развернула свое принципиальное содержание. Председатель Петроградского Совета Зиновьев, председатель Московского Совета Каменев стремились опираться на рабочих двух столиц. Главная опора Сталина была в провинции и в аппарате: в отсталой провинции аппарат приобрел всемогущество раньше, чем в столицах. Председатель Коминтерна Зиновьев дорожил своей международной позицией. Сталин с презрением поглядывал на коммунистические партии Запада Для своей национальной ограниченности он нашел в 1924 году формулу: социализм в

отдельной стране. Зиновьев и Каменев противопоставляли ему свои сомнения и возражения. Но Сталину достаточно оказалось опереться на те силы, которые были «тройкой» мобилизованы против «троцкизма», чтоб автоматически одолеть Зиновьева и Каменева.

Прошлое Зиновьева и Каменева, годы их совместной работы с Лениным, интернациональная школа эмиграции – все это должно было враждебно противопоставить их той волне самобытности, которая угрожала, в последнем счете, смыть Октябрьскую революцию. Результат новой борьбы на верхах получился для многих совершенно изумительный: два наиболее неистовых вдохновителя травли против «троцкизма» оказались в лагере «троцкистов».

Чтобы облегчить блок, левая оппозиция – против предупреждений и возражений автора этих строк – смягчила отдельные формулировки платформы и временно воздержалась от официальных ответов на наиболее острые теоретические вопросы. Вряд ли это было правильно. Но левой оппозиции 1923 года не пришлось все же идти на уступки по существу. Мы оставались верны себе. Зиновьев и Каменев пришли к нам. Незачем говорить, в какой мере переход вчерашних заклятых врагов на сторону оппозиции 1923 года укрепил уверенность наших рядов в собственной исторической правоте.

Однако Зиновьев и Каменев и на этот раз не предвидели всех политических последствий своего шага. Если в 1923 году они надеялись посредством нескольких агитационных кампаний и организационных маневров освободить партию от «гегемонии Троцкого», оставив все остальное по-старому, то теперь им казалось, что в союзе с оппозицией 1923 года они быстро совладают с аппаратом и восстановят как свои личные позиции, так и ленинский партийный курс.

Они снова ошиблись. Личные антагонизмы и группировки в партии стали уже полностью орудиями безличных социальных сил, слоев и классов. В реакции против октябрьского переворота была своя внутренняя закономерность, и через ее тяжелый ритм нельзя было просто перескочить путем комбинаций и маневров.

Обостряясь изо дня в день, борьба между оппозиционным блоком и бюрократией подошла к последним граням. Дело шло уже не о дискуссии, хотя бы и под кнутом, а о разрыве с официальным советским аппаратом, т. е. о перспективе тяжелой борьбы на ряд лет с большими опасностями и неопределенным исходом.

Зиновьев и Каменев отшатнулись. Как в 1917 году, накануне Октября, они испугались разрыва с мелкобуржуазной демократией, так десять лет спустя они испугались разрыва с советской бюрократией. И это было тем более «не случайно», что советская бюрократия на три четверти состояла из тех самых элементов, которые в 1917 году пугали большевиков неизбежным провалом октябрьской «авантюры».

Капитуляцию Зиновьева и Каменева перед XV съездом, в момент организационного разгрома большевиков-ленинцев, левая оппозиция воспринимала как чудовищное вероломство. Таким оно и было, по существу. И однако же в этой капитуляции была своя закономерность, не только психологическая, но и политическая. В ряде основных вопросов марксизма (пролетариат и крестьянство, «демократическая диктатура», перманентная революция) Зиновьев и Каменев стояли между сталинской бюрократией и левой оппозицией. Теоретическая бесформенность, как всегда, неотвратимо мстила за себя на практике.

При всем своем агитаторском радикализме Зиновьев всегда останавливался перед действительными выводами из политических формул. Борясь против сталинской политики в Китае, Зиновьев до конца противился разрыву компартии с Гоминданом. Обличая союз Сталина с Переселем и Ситриным[97], Зиновьев останавливался в нерешительности перед разрывом англо-русского комитета. Примкнув к борьбе против термидорианских тенденций, он заранее давал самому себе обет: ни в коем случае не доводить до исключения из партии. В этой половинчатости было заложено ее неизбежное крушение. «Все, кроме исключения из партии», означало: бороться против сталинизма в тех пределах, в которых разрешит Сталин.

---

[97] Речь идет об участии советских профсоюзов в англо-русском комитете, чему Троцкий и его сторонники с самого начала противились.

После капитуляции Зиновьев и Каменев делали решительно все, чтоб вернуть себе доверие верхов и снова ассимилироваться в официальной среде. Зиновьев примирился с теорией социализма в отдельной стране, снова разоблачал «троцкизм» и даже пытался кадить фимиам Сталину лично. Ничто не помогало. Капитулянты терпели, молчали, ждали. Но до пятилетнего юбилея собственной капитуляции все-таки не дотянули: они оказались замешаны в «заговоре», исключены из партии, может быть, высланы или сосланы.

Поразительно: Зиновьев и Каменев пострадали не за свое дело и не под своим знаменем. Основной список исключенных по приговору 9 октября состоит из заведомо правых, т. е. сторонников Рыкова – Бухарина – Томского. Значит ли это, что левый центризм объединился с правым центризмом против бюрократического стержня? Не будем спешить с заключениями.

Наиболее видными именами списка после Зиновьева и Каменева являются Угланов и Рютин, два больших члена ЦК. Угланов в качестве генерального секретаря Московского комитета, Рютин в качестве заведующего Агитпропом руководили в столице борьбой против левой оппозиции[98], очищая все углы и закоулки от «троцкизма». Особенно неистово травили они в 1926–1927 годах Зиновьева и Каменева как «изменников» правящей фракции. Когда Угланов и Рютин в результате сталинского зигзага влево оказались главными практическими организаторами правой оппозиции, все официальные статьи и речи против них строились по одной и той же схеме: «…крупнейших заслуг Угланова и Рютина в борьбе с троцкизмом никто не может отрицать; но платформа у них все же кулацкая, буржуазно-либеральная».

Сталинцы притворялись, будто не видят, что из-за этой именно платформы и велась борьба. Принципиальные позиции тогда, как и теперь, были только у левых и правых. Сталинцы политически жили подачками тех и других.

Уже в 1928 году Угланов и Рютин стали заявлять, что в вопросе о партийном режиме левая оппозиция оказалась права, – признание тем более поучительное, что никто не мог похвалиться такими успехами в насаждении сталинского режима, как Угланов и Рютин. «Солидарность» в вопросе о партийной демократии не могла, однако, смягчить сердца левой оппозиции по отношению к правым. Партийная демократия– не абстрактный идеал; меньше всего она предназначена к тому, чтобы служить прикрытием для термидорианских тенденций. Между тем в лагере правых Угланов и Рютин, по крайней мере в те годы, представляли наиболее яркое термидорианское крыло.

В числе участников заговора постановление ЦКК называет и других заведомых правых, как Слепков и Марецкий, красные профессора бухаринской школы, руководители комсомола и «Правды», вдохновители многих программных резолюций ЦК, авторы бесчисленных статей и брошюр против «троцкизма».

В постскрипционном списке значатся Пташный и Горелов с указанием на их прежнюю принадлежность к «троцкистской оппозиции». Идет ли речь действительно о двух малоизвестных левых капитулянтах, примкнувших впоследствии к правым, или же мы имеем перед собою подделку с целью обмана партии, – судить об этом у нас нет возможности. Не исключено первое, но весьма вероятно и второе.

В перечне участников нет главных вождей правой оппозиции. Телеграммы буржуазных газет сообщали, что Бухарин «…окончательно восстановил свое партийное положение» и намечен будто бы в Наркомпросы[99] вместо Бубнова, который переходит в ГПУ; Рыков-де тоже снова в милости, выступал с речами по радио и пр. Тот факт, что в списке «заговорщиков» нет ни Рыкова, ни Бухарина, ни Томского, действительно делает вероятным какие-либо временные бюрократические поблажки в пользу бывших лидеров правой оппозиции. О восстановлении их

---

[98] Многочисленные документы, в том числе заявления в Политбюро старых членов партии о разгоне с помощью мордобоя альтернативной демонстрации 7 ноября 1927 года, подтверждают правоту слов Троцкого.

[99] На самом деле положение Бухарина в конце 1932 года было весьма лабильным. Оно несколько восстановилось лишь в январе 1933 года, когда Бухарин, очередной раз покаявшись, выступил на заседании ЦК и ЦКК с грубейшими нападками на «антипартийную группу» Смирнова, Эйсмонта и Толмачева и вновь отрекся от своей «школы».

старых позиций в партии не может, однако, быть и речи.

Группа в целом обвиняется в покушении на создание «буржуазной кулацкой организации по восстановлению в СССР капитализма, и, в частности, кулачества».

Поразительная формулировка! Организация по восстановлению «капитализма и, в частности, кулачества». Эта «частность» выдает целое или, по крайней мере, намекает на него. Что некоторые из исключенных, как Слепков и Марецкий, в период борьбы с «троцкизмом» развивали вслед за своим учителем Бухариным идею «врастания кулака в социализм»[100], совершенно бесспорно. В какую сторону сдвинулись они с того времени, – нам неизвестно. Но весьма возможно, что сегодняшняя их вина состоит не столько в том, что они хотят «восстановить» кулака, сколько в том, что они не признают побед Сталина в области «ликвидации кулачества как класса».

В каком отношении к программе «восстановления капитализма» стоят, однако, Зиновьев и Каменев? Об их участии в преступлении советская пресса сообщает:

> «Зная о распространявшихся контрреволюционных документах, они вместо немедленного разоблачения кулацкой агентуры предпочли обсуждать этот (?) документ и выступить тем самым прямыми сообщниками антипартийной контрреволюционной группы».

Итак, Зиновьев и Каменев «предпочли обсуждать» документ вместо «немедленного разоблачения». Обвинители не решаются даже утверждать, что Зиновьев и Каменев вообще не собирались «разоблачать». Нет, их преступление в том, что они «предпочли обсуждать», прежде чем «разоблачать». Где, как и с кем они обсуждали? Если б это происходило на тайном заседании правой организации, обвинители не упустили бы об этом сообщить. Очевидно, Зиновьев и Каменев «предпочли обсуждать» между четырех глаз. Заявили ли они, в результате обсуждения, о своем сочувствии платформе правых? Если б в деле имелся намек на такое сочувствие, мы бы о нем узнали из постановления. Умолчание свидетельствует об обратном: Зиновьев и Каменев, очевидно, подвергали платформу критике вместо того, чтоб позвонить к Ягоде[101]. Но так как они все же не позвонили, то «Правда» приписывает им такое соображение: «Враг моего врага – мой друг».

Грубая натяжка обвинения в отношении Зиновьева – Каменева позволяет уверенно сделать вывод, что удар направлялся именно против них. Не потому, что они проявляли за последнее время какую-либо политическую активность. Мы об этом ничего не знаем, и, что важнее, об этом, как явствует из приговора, ничего не знает ЦКК. Но объективное политическое положение ухудшилось настолько, что Сталин не может более терпеть в составе партии легальных кандидатов в вожди той или другой оппозиционной группы.

Сталинская бюрократия, конечно, давно понимала, что отвергнутые ею Зиновьев и Каменев весьма «интересуются» оппозиционными течениями в партии и читают всякие документы, не предназначенные для Ягоды. В 1928 году Каменев вел даже секретные переговоры с Бухариным насчет возможного блока. Протоколы этих переговоров были тогда же опубликованы левой оппозицией[102]. Сталинцы не решились, однако, исключать Зиновьева

---

[100] Троцкий утрирует позицию, занятую Александром Слепковым и Дмитрием Марецким в середине 20-х годов.

[101] Главное обвинение Зиновьева и Каменева, из-за которого они в 1932 году попали в политизолятор, а затем в очередную ссылку, – это недоносительство. Познакомившись с антисталинскими взглядами группы Рютина – Каюрова – Слепкова, Зиновьев и Каменев не только не побежали в органы с доносом, но, напротив, видимо, готовы были примкнуть к этой группе, разделяя основные положения «рютинской платформы».

[102] Это сделали молодые оппозиционеры из так называемой московской группы, ненавидевшие Бухарина за его конкретное участие в гонениях на Троцкого, а Каменева и Зиновьева – за «капитуляцию». Заглавие листовки: «К партийным конференциям. Партию с завязанными глазами ведут к новой катастрофе!» Предисловие к ней написал Александр Воронский.

и Каменева[103]. Они не хотели компрометировать себя новыми скандальными репрессиями без крайней нужды. Начиналась полоса хозяйственных успехов, отчасти действительных, отчасти мнимых. Зиновьев и Каменев казались непосредственно не опасны.

Сейчас положение изменилось в корне. Правда, газетные статьи, объясняющие исключение, гласят: так как мы экономически чрезвычайно окрепли; так как партия стала совершенно монолитной, то мы не можем терпеть «ни малейшего примиренчества». В этом объяснении белые нитки, однако, слишком уж грубо торчат наружу. Необходимость исключения Зиновьева и Каменева по явно фиктивному поводу свидетельствует, наоборот, о чрезвычайном ослаблении Сталина и его фракции. Зиновьева и Каменева понадобилось спешно ликвидировать не потому, что изменилось их поведение, а потому, что изменилась обстановка. Группа Рютина, независимо от ее действительной работы, притянута в данном случае лишь для сервировки[104]. В предвиденье того, что они могут быть вскорости призваны к ответу, сталинцы «принимают меры».

* * *

В общем нельзя отрицать того, что судебная комбинация из правых, вдохновлявших политику Сталина в 1923–1928 годах, из двух действительных или мнимых бывших «троцкистов» и из Зиновьева и Каменева, виновных в знании и недонесении, – вполне достойный продукт политического творчества Сталина, Ярославского и Ягоды. Классическая амальгама термидорианского типа! Цель комбинации состоит в том, чтобы спутать карты, дезориентировать партию, увеличить идейную смуту и тем помешать рабочим разобраться и найти дорогу. Дополнительная задача состоит в том, чтоб политически унизить Зиновьева и Каменева, бывших вождей левой оппозиции, исключаемых ныне за «дружбу» с правой оппозицией.

Сам собою возникает вопрос: каким образом старые большевики, умные люди и опытные политики, дали возможность противнику нанести себе такой удар? Как могли они, отказавшись от собственной платформы ради того, чтоб остаться в партии, вылететь в конце концов из партии за мнимую связь с чужой платформой? Приходится ответить: и этот результат пришел не случайно. Зиновьев и Каменев пытались хитрить с историей. Конечно, они руководствовались в первую очередь заботами о Советском Союзе, об единстве партии, а вовсе не о собственном благополучии. Но свои задачи они ставили не в плоскости революции, русской и мировой, а в гораздо более низменной плоскости советской бюрократии.

В крайне тяжелые для них часы накануне капитуляции они заклинали нас, своих тогдашних союзников, «пойти навстречу партии». Мы отвечали, что вполне идем навстречу партии, но в другом, более высоком смысле, чем нужно Сталину и Ярославскому.

– Но ведь это раскол? Но ведь это угроза гражданской войны и падения советской власти?

Мы отвечали:

– Не встречая нашего сопротивления, политика Сталина неизбежно обрекла бы советскую власть на гибель.

Эта идея и выражена в нашей платформе. Побеждают принципы. Капитуляция не побеждает. Мы сделаем все для того, чтобы борьба за принципы велась с учетом всей

---

[103] Троцкого подвела память. Ко времени переговоров с Бухариным Зиновьев и Каменев более полугода были исключены из партии.

[104] Остается лишь гадать, что означает эта фраза. По конспиративным каналам Троцкий осенью 1932 года (еще до публикации комментируемой статьи) получил через Берлин довольно точные сведения о ведущей роли Рютина в активизации антисталинского конспиративного подполья. Пожелал ли Троцкий «приподнять» роль бывших лидеров «объединенной» оппозиции в борьбе против режима? Или, наоборот, как это следует из его переписки со Львом Седовым, боялся усиления «правых» (куда он относил и Рютина) в случае поражения Сталина и поэтому не захотел слишком «повеличать» эту группу? Одно лишь ясно, после первых сведений об активизации антисталинского подполья у Троцкого на короткое время появились иллюзии о возможности падения «термидорианского строя», как он обычно выражался о сталинской системе.

обстановки, внутренней и внешней. Предвидеть все варианты развития, однако, нельзя. Играть же в прятки с революцией, хитрить с классами, дипломатничать с историей – нелепо и преступно. В таких сложных и ответственных положениях надо руководствоваться правилом, которое французы прекрасно выразили в словах: «Fais ce que doit, advienne que pourra!» («Делай, что должно, и пусть будет, что будет!»)

Зиновьев и Каменев пали жертвой несоблюдения этого правила.

* * *

Если оставить в стороне совершенно деморализованную часть капитулянтов типа Радека и Пятакова, которые в качестве журналистов или чиновников будут служить всякой победоносной фракции (под тем предлогом, что они служат социализму), то капитулянты, взятые как политическая группа, представляют собою умеренных внутрипартийных «либералов», которые в известный момент зарвались слишком влево (или вправо), а затем пошли на соглашение с правящей бюрократией. Сегодняшний день характеризуется, однако, тем, что соглашение, казавшееся окончательным, начало трещать и взрываться, притом в крайне острой форме. Огромное симптоматическое значение исключения Зиновьева, Каменева, Угланова и других вытекает из того, что в новых столкновениях на верхах отражаются глубокие сдвиги в массах.

Какие политические предпосылки обусловили полосу капитуляций 1929–1930 годов? Бюрократический поворот руля налево; успехи индустриализации; быстрый рост коллективизации. Пятилетний план захватил рабочие массы. Открылась большая перспектива. Рабочие мирились с потерей политической самостоятельности в ожидании близких и решающих социалистических успехов. Крестьянская беднота ждала от колхозов перемены своей судьбы. Жизненный уровень крестьянских низов повысился, правда, в значительной мере за счет основных фондов сельского хозяйства. Таковы экономические предпосылки и политическая атмосфера эпидемии капитуляций.

Нарастание экономических диспропорций, ухудшение положения масс, рост недовольства как рабочих, так и крестьян, разброд в самом аппарате-таковы предпосылки оживления всех и всяких видов оппозиции. Острота противоречий и напряженность тревоги в партии все более толкают умеренных, осторожных, всегда готовых к компромиссу партийных «либералов» на путь протеста. Загнанная в тупик бюрократия немедленно же отвечает репрессиями, в значительной мере превентивными.

Открытого голоса левой оппозиции мы пока не слышим. Немудрено: те самые буржуазные газеты, которые рассказывают о готовящихся будто бы милостях Рыкову и Бухарину, сообщают одновременно о «новых массовых арестах среди троцкистов». Левая оппозиция в СССР подвергалась в течение пяти лет таким страшным полицейским преследованиям, кадры ее поставлены в такие исключительные условия, что ей неизмеримо труднее, чем легальным «либералам», сформулировать открыто свою позицию и организованно вмешаться в развертывающиеся события. История буржуазных революций напоминает нам, кстати, что в борьбе с абсолютизмом либералы, пользуясь своими легальными преимуществами, всегда первыми выступали от имени «народа»; только борьба между либеральной буржуазией и бюрократией прокладывала дорогу мелкобуржуазной демократии и пролетариату. Разумеется, дело здесь идет лишь об исторической аналогии; но нам думается все же, что она кое-что объясняет.

Резолюция сентябрьского Пленума ЦК совсем не ко времени и не к месту хвалится:

> «Разгромив контрреволюционный троцкизм, разоблачив антиленинскую кулацкую сущность правых оппортунистов, партия… добилась к настоящему времени решающих успехов…»

Уже ближайшее будущее, надо думать, обнаружит, что левая и правая оппозиция не только не разгромлены и не уничтожены, но что, наоборот, политически только они и существуют. Именно официальная политика последних 3– 4 лет подготовила условия для

нового подъема правотерми-дорианских тенденций. Стремление сталинцев валить левых и правых в одну кучу облегчается до некоторой степени тем, что и левые и правые для данного периода говорят об отступлении. Это неизбежно: необходимость упорядочения отступления от линии авантюристского заскока стала сейчас жизненной задачей пролетарского государства. Сами центристские бюрократы не мечтают ни о чем другом, как о том, чтоб отступить, по возможности, в порядке и не потерять окончательно лица. Но они не могут не сознавать, что отступление в обстановке продовольственной и всякой нужды может им слишком дорого обойтись. Они отступают поэтому крадучись и обвиняя в отступательных тенденциях оппозицию.

Реальная политическая опасность состоит в том, что правые, фракция перманентного отступления, получили возможность заявить: мы всегда этого требовали. Сумерки, в которых живет партия, не дают рабочим быстро разобраться в диалектике хозяйственного процесса и правильно оценить ограниченную временную, конъюнктурную «правоту» правых при ложности их основной позиции.

Тем важнее ясная, самостоятельная, далеко заглядывающая вперед политика большевиков-ленинцев. Внимательно следить за всеми процессами в стране и партии. Правильно оценивать отдельные группировки по их идеям и по их социальным связям. Не пугаться отдельных тактических совпадений с правыми. Не забывать из-за тактических совпадений противоположности стратегических линий.

Политическая дифференциация в советском пролетариате будет совершаться по линии вопросов: как отступать? до какой черты отступать? когда и как переходить в новое наступление? каким темпом наступать?

Как ни важны эти вопросы сами по себе, но их одних недостаточно. Мы не делаем политику в отдельной стране. Судьба Советского Союза будет решаться в неразрывной связи с мировым развитием. Необходимо снова поставить перед русскими рабочими проблемы мирового коммунизма и полном объеме.

Только самостоятельное выступление левой оппозиции и объединение под ее знаменем основного пролетарского ядра могут возродить партию, рабочее государство и Коммунистический Интернационал.

Принкипо,
19 октября 1932 года

Приложение

Недописанный некролог на смерть Зиновьева[105]

Зиновьев умер 50 лет. Он страдал сердечной болезнью. Но смерть его последовала, несомненно, в результате последнего удара – исключения из партии.

Зиновьев вел против левой оппозиции в первый период ее существования в 1923–1926 годах непримиримую борьбу. Он несет, несомненно, значительную долю ответственности за бюрократическое перерождение Коминтерна. В течение двух следующих лет (1926–1928) Зиновьев стоял в первых рядах левой оппозиции, чтобы затем капитулировать перед сталинской бюрократией.

Он отступил перед репрессиями, испугавшись раскола партии и гражданской войны. Капитуляция Зиновьева и его ближайших единомышленников в критический момент вызвала, несомненно, чувство враждебности со стороны левой оппозиции. Смерть Зиновьева не может, разумеется, изменить нашей оценки его ошибок. Но она побуждает нас оценить эти ошибки в

---

105 В конце ноября 1932 года западным информационным агентствам было сообщено о внезапной смерти Зиновьева. Кто передал это сообщение – точно не ясно, но 29 ноября агентство «Интернэшнл Ньюс сервис» сообщило об этом телеграммой Троцкому и попросило его написать по поводу смерти Зиновьева заметку. Статью эту Троцкий начал писать в Копенгагене, но вскоре до него дошли новые сведения о том, что Зиновьев жив, поэтому статья осталась незаконченной. – *Прим. ред. – сост.*

связи со всей его многолетней революционной работой.

Зиновьев играл исключительную роль в развитии большевистской партии. В течение двенадцати лет эмиграции он был ближайшим сотрудником и помощником Ленина, бессменным членом ЦК, председателем Петроградского Совета, затем Коминтерна. Зиновьев мог занимать эти посты только благодаря своей долгой революционной работе, своей преданности пролетариату и выдающимся способностям.

Слабые стороны Зиновьева обнаруживались и в прошлом, при Ленине (Октябрь)…

[конец ноября 1932 года]

Красин

Леонида Борисовича я встретил впервые ранней весною 1905 года в Киеве. Вспоминается какой-то двор, на этом дворе – тающий снег, ручейки текут меж камней. Высокий, красивый человек, еще совсем молодой, идет по двору в пальто или даже в шубе с барашковым воротником – погода очень резко сломилась. Кто нас свел? Кто-либо из киевлян. Это было вскоре после 9 января и бомбы Каляева. Я жил нелегально, по дням, сперва у какого-то молодого адвоката, который очень боялся, затем у профессора Тихвинского, преподавателя техникума. Потом меня в качестве будто бы больного перевели в глазную клинику, где мне делали глазные ванны (без надобности, а лишь для соблюдения декорума) и где меня навещал заведующий клиникой, профессор, тщательно запирал дверь и спрашивал:

– Папиросы есть?

– Есть, профессор.

– Quantum satis?

– Quantum satis.[106]

В этой клинике я крадучись писал для Красина прокламации, – крадучись, ибо мне, ввиду моей будто бы глазной болезни, запрещалось читать и писать. Что помельче, то издавалось в Киеве, где была неплохая техника, а более обширную прокламацию к крестьянам по поводу 9 января и дальнейших событий Красин переправлял в легальную типографию в Баку. Тогда и партия, как и революция, была еще очень молода, и в людях и в делах их бросались в глаза неопытность и недоделанность. Конечно, и Красин не был свободен от той же печати. Но было в нем что-то уверенное, отчетливое, «административное». Он уже был инженером с известным стажем, служил, и служил хорошо, т. е. его ценили; круг знакомств и связей у него был неизмеримо шире и разнообразнее, чем у каждого из молодых тогдашних революционеров – рабочие кварталы, инженерские квартиры, морозовские хоромы и их литераторское окружение, – везде у Красина были свои знакомства и связи. Он все это комбинировал и сочетал. Мы условились встретиться в Петербурге. Явки и связи я получил от Красина. Первая и главная явка была в Константиновское артиллерийское училище к старшему врачу Александру Александровичу Литкенс и его жене Вере Гавриловне Аристовой. Были еще инженерские явки, которых не упомню. Тогда шло бурное строительство интеллигентских союзов, их объединение в союз союзов. Организации эти были, по существу, политические, радикальные и поэтому стояли в большинстве своем «левее» кадетской партии. В состав союзов входило большое количество социал-демократов, большевиков и меньшевиков, причем дифференциация по этой линии в те времена за пределами чисто нелегальной организации была совсем не отчетливая, тем более что обнаружилась большая тяга к «восстановлению» единства. Сам Красин был в то время большевиком-примиренцем. Это еще больше сблизило нас ввиду тогдашней моей позиции. Много было бесед и споров и об единстве и о тактике вообще. Встречались мы на квартире Литкенсов, а позже – в семье будущей жены Красина, где я от Литкенсов, где оставаться было больше небезопасно, переселился на другую, данную мне тем

---

[106] – Сколько хочется? – Вдоволь, (*лат.)*

же Красиным квартиру.

Теоретиком в широком смысле Красин не был. Но это был очень образованный и проницательный, а, главное, очень умный человек, с широкими идейными интересами.

В Петербурге был тогда большевистский комитет и меньшевистская группа. В смысле организационной силы они вряд ли многим отличались друг от друга. Весною 1905 года социал-демократы еще не способны были самостоятельно вызвать движение масс и играли крупную роль постольку, поскольку находили свое место в каждой новой волне движения. После 9 января, после истории с комиссией Шидловского, – полный провал первомайского праздника. Красин стоял за объединительный съезд, поддерживал связи и с П. К., и с меньшевистской группой. Он тогда много разъезжал по делам подготовлявшегося съезда и в Петербурге всплывал на несколько дней. Мы каждый раз встречались с ним. Помню споры о тактике по отношению к интеллигентским союзам. Вскоре возник вопрос о том, как идти в Учредительное собрание; вопрос о Временном правительстве и о нашем к нему отношении. Тем временем образовалось бюро Комитета большинства. В качестве примиренца Красин попал к этому бюро в положение противника. Меньшевистская группа, наоборот, поддерживала с ним связи. Между тем политически Красин был ближе к большевистским организациям. Это создало для него нелегкое положение. Он держался в значительной мере на самостоятельных связях. Среди этих связей помню молодого технолога Б. Н. Смирнова и жену его, – у них как-то под руками была своя небольшая и независимая от обеих организаций типография. Они выпустили для Красина немало воззваний, заявлений и пр. Несколько таких воззваний было написано мною.

Интеллигентскую депутацию во главе с Горьким, ходившую к Витте, как известно, арестовали, видя в ней некий зародыш Временного правительства. Название это попало в печать, – не помню уж в какой связи. Депутацию довольно скоро освободили. Но вопрос о революционном правительстве стал как-то ближе сознанию левых интеллигентских кругов. В партии начались по этому поводу тактические и теоретические разговоры. Спорили и мы с Красиным. Он предложил мне формулировать свою точку зрения письменно, что я охотно выполнил. Необходимость выдвинуть лозунг Временного революционного правительства Красин признавал вполне. Но вопрос о том, можем ли мы, социал-демократы, захватить это правительство в свои руки, он отстранял. В предложенных мною «тезисах» был об этом прямой пункт. Компромисс был достигнут на устранении из тезисов этого вопроса как неактуального. В таком виде тезисы были напечатаны в подпольной типографии Смирновых. Все попытки разыскать хоть один экземпляр этих тезисов и других изданий «смирновской» типографии не привели ни к чему. Я об этом говорил с Красиным в последние годы. У него, по его словам, был полный комплект нелегальных изданий того времени. Но у него этот комплект отобрали при аресте, кажется, в конце 1905 года. Питерская охранка, как известно, подверглась разгрому и сожжению, так что никаких концов доискаться не удалось. Особенно настойчивы были попытки некоторых товарищей разыскать упомянутые выше тезисы о Временном правительстве. На одном из заседаний Политбюро, уже в 1925 году, я написал об этом Красину записку. Он ответил мне запиской же через стол:

> «1. К сожалению, полного комплекта Бак. изданий нет, если только они не лежат где-либо в неразобранных архивах. Надо бы искать в архиве Питерской охранки, ибо в 1905 году при обыске у меня (в декабре 1905 года или в начале зимы 1906 года) был отобран один переплетенный экземпляр всех изданий, подаренный мне наборщиками, когда типография переходила на легальное положение).
>
> 2. „Документ“, вероятно, тоже пропал. Я думаю, что его текст частично вошел в резолюцию III съезда о Временном революционном правительстве.
>
> 3. Борис Николаевич Смирнов и его жена сейчас в берлинском торгпредстве».

Объединительный съезд не осуществился по вине меньшевиков. Красин за границей примкнул к большевистскому съезду и выступал на нем с защитой своей поправки о Временном правительстве.

«Политический переворот может быть прочен лишь тогда, когда он произведен силой вооруженного народа. С этой точки зрения Временное правительство является неизбежным. Его главная задача – это воспользоваться всем грандиозным правительственным аппаратом. Временное правительство означает для нас закрепление приобретений революции, вооружение народа, раздачу с этой целью оружия из арсеналов, осуществление некоторых требований нашей программы-минимум, например, введение 8-часового рабочего дня. Оно означает для нас упорную борьбу против реакции. Поскольку мы, с.-д., являемся революционерами, постольку для нас обязательна поддержка Временного правительства, пока оно остается временным. Если мы и не примем участия во Временном правительстве, мы организуем силы пролетариата и будем давить на него, влиять на его решения; будем влиять на каждый шаг с целью осуществления основных требований нашей программы-минимум, которые пролетариат и предъявит Временному правительству.

В нашей среде не существует разногласий по вопросу о том, что предстоящий переворот будет только политический. Результатом его будет только усиление влияния буржуазии, и в жизни Временного правительства будет наконец такой момент, когда революция пойдет на убыль, когда сила буржуазии заставит ее попытаться отнять у пролетариата его завоевания. Пролетариат уже теперь добился многих улучшений, сохранение которых требует от него новых усилий. И вот, когда пролетариат будет истощен страшными жертвами, буржуазия воспользуется случаем, чтобы отнять у него завоеванные права. В такой момент наши представители должны будут, конечно, уйти из Временного правительства, чтобы не обагрить своих рук кровью пролетариата. Наша задача – в строгом контроле пролетариата над Временным правительством и даже над Учредительным собранием. Мы уже теперь должны прививать пролетариату скептицизм и подозрительность, учить его, что даже по отношению к Учредительному собранию он должен проявлять то недоверие, которое он теперь питает к либералам.

При попытке конкретно разъяснить пролетариату ход революции, мы неизбежно наталкиваемся на вопрос о Временном правительстве. Возможно, что мы в нем будем участвовать, возможно, что и нет. Вопрос не в этом, а в том, чтобы организоваться и иметь возможность давить изнутри или извне на Временное правительство, добиваясь осуществления требований пролетариата.

Что касается резолюции т. Ленина, то я вижу ее недостаток именно в том, что она не подчеркивает вопроса о Временном правительстве с этой стороны и недостаточно ярко указывает связь между Временным правительством и вооруженным восстанием. В действительности Временное правительство выдвигается народным восстанием как орган последнего, и оно представляет собою реальную силу лишь постольку, поскольку реальна сила восставшего народа и связь между последним и Временным правительством.

Я нахожу далее неправильно выраженным в резолюции мнение, будто Временное революционное правительство появляется лишь после окончательной победы вооруженного восстания и падения самодержавия. Нет, оно возникает именно в процессе восстания и принимает самое живое участие в его ведении, обеспечивая своим организующим воздействием его победу. Думать, будто для с.-д. станет возможно участие во Временном революционном правительстве с того момента, когда самодержавие уже окончательно пало – наивно: когда каштаны вынуты из огня другими, никому и в голову не придет разделить их с нами.

Если без нашего участия образуется Временное правительство достаточно сильное, чтобы окончательно сломить самодержавие, то, конечно, оно не будет нуждаться в нашем содействии и, состоя из представителей враждебных пролетариату групп и классов, сделает все зависящее от него, чтобы не допустить с.-д. к участию во Временном правительстве. Далее, в рабочих кругах надо распространять не столько убеждение в необходимости Временного правительства, сколько при агитации конкретизировать наиболее вероятный ход революции, указывая на то, в каком отношении пролетариат заинтересован в вопросе о Временном правительстве.

Самый вопрос об участии или неучастии с.-д. во Временном правительстве, т. е. о том, возможно оно или нет и стоит ли участвовать в нем, если это участие возможно – должен быть решен и может быть решен только на основании конкретных данных в зависимости от условий времени и места. Это должно быть выражено и в резолюции.

Остальные мои поправки – стилистического характера». (Доклад т. Красина на III съезде по вопросу о Временном правительстве. – III съезд партии, с. 53–54.)

Ленин отнесся к этой постановке вопроса с полным и даже чрезвычайным сочувствием. Вот что он сказал:

«В общем и целом я разделяю мнение т. Зимина (Красин. – Ю. Ф.). Естественно, что я, как литератор, обратил внимание на литературную постановку вопроса. Важность цели борьбы указана т. Зиминым очень правильно, и я всецело присоединяюсь к нему. Нельзя бороться, не рассчитывая занять пункт, за который борешься…» (Ленин В. И. Сочинения. 1935.Т. 7. С. 275.)

Большая часть красинской поправки вошла в резолюцию III съезда.

После возвращения Красина у нас с ним был довольно острый разговор о неудаче объединительной попытки. Я обвинял Красина в капитуляции. Красин доказывал, что, поскольку меньшевики не соглашались идти на общий съезд, не желая оставаться в меньшинстве, для него другого выхода не было. Расстались мы на этот раз холодно. Но размолвка длилась недолго. События революции слишком уж быстро нагромождались одно на другое. Предательство Николая Доброскока («Золотые очки») заставило меня спешно выехать в Финляндию, где я прожил несколько недель в семье будущей жены Красина. Леонид Борисович приезжал туда. Речь шла о Булыгинской думе и об ее бойкоте. На этом, как и на других тактических вопросах, мы с ним сходились совершенно. Я читал ему свое открытое письмо Милюкову, посвященное бойкоту Думы, и другие документы того времени. Осенью волны 1905 года поднимались все выше и выше. Петербургский Совет, Московское восстание, арест, Сибирь, эмиграция.

Красин, кажется, был у меня в Вене в 1907 году. В первый период контрреволюции Красин примкнул к группе так называемых отзовистов. Помнится, Мешковский (тоже покойный) объяснял мне наездом в Вене, что Красин и по философским вопросам примыкает к руководителю отзовистской группы Богданову.

Думаю, однако, что не электроны соединяли Красина с группой Богданова. В основе этого недолговечного, впрочем, блока была политика. Красин был человеком непосредственного действия и непосредственных результатов. Непримиримо-революционная и в то же время выжидательно-подготовительная политика была ему не по натуре. В 1905 году Красин помимо первостепенного участия в общей работе партии руководил непосредственно наиболее ударными и боевыми частями: боевыми дружинами, приобретением оружия, заготовлением взрывчатых веществ и пр. Несмотря на разностороннее образование и широкий кругозор, Красин был – в политике и в жизни – прежде всего реализатором, т. е. человеком непосредственных достижений. В этом была его сила. Но в этом же была его ахиллесова пята. Он не хотел ни за что мириться с тем фактом, что революция пошла под уклон. Долгие годы кропотливого собирания сил, политической вышколки, теоретической проработки опыта – нет, к этому в нем не было призвания. Вот почему, прежде чем отойти в сторону от партии, Красин примкнул к «левой» группировке – в надежде на то, что на этом пути удастся еще, может быть, удержать, закрепить и поднять сползающую вниз революцию. Эмпириомонизм Богданова-через электроны – Красин брал уже, так сказать, в придачу к попытке левореволюционного нажима на ход событий. Из попытки этой ничего не вышло и выйти не могло. Красин почувствовал это, несомненно, одним из первых. Тогда он отошел в сторону.[107]

В революционере непосредственных достижений проснулся первоклассный инженер.

---

[107] Биографическая канва жизни Красина показана Троцким с большими пробелами. Натянутые отношения с Лениным и его последователями усилились у Красина в 1909 году. Через два года Красин практически устранился от партийной деятельности, однако в 1912 году вместе с известным террористом Камо (Тер-Петросяном), разрабатывая план крупной денежной экспроприации на Коджорском шоссе, он на короткое время вновь активизировался. Есть также сведения о (не очень тесных, впрочем) контактах Красина с подпольными рабочими группами в Петрограде в последние месяцы царизма.

Насколько знаю, Красин уже и до 1905 года был по этой линии на хорошем счету. Но на первом месте, далеко впереди производства и техники, стояла для него революционная борьба. Когда же революция не оправдала надежд, на первое место выдвинулись электротехника и промышленность вообще. Красин и здесь показал себя как выдающийся реализатор, как человек исключительных достижений. Несомненно, что крупнейшие успехи его инженерной деятельности давали ему в этот период то личное удовлетворение, какое в предшествующие годы доставляла революционная борьба.

Время меж двумя революциями прошло для Красина, как и для многих других участников 1905 года, в стороне от партии. Старые личные связи у него, конечно, сохранялись, но партийные – вряд ли. Во всяком случае, я об этом периоде ничего сказать не могу. В войну Красин, как и все отошедшие от партии представители поколения 1905 года, вошел патриотом. Вместе со всей радикальной интеллигенцией он вошел в Февральскую революцию. И этот период жизни Красина мне совершенно неизвестен. К ленинской позиции он относился враждебно. Об этом я мог уж лично судить по разговорам с ним или, вернее, по переговорам еще в конце 1917 года. Не знаю, имел ли Красин между февралем и октябрем какое-либо отношение к «Новой жизни» Горького[108]. По настроениям она, вероятно, была ему довольно близка. Октябрьский переворот он встретил с враждебным недоумением, как авантюру, заранее обреченную на провал. Он не верил в способность партии справиться с разрухой. К методам коммунизма относился и позже с ироническим недоверием, называя их «универсальным запором». Уже в первый короткий петроградский период нашей советской истории сделана была попытка притянуть Красина. Владимир Ильич очень высоко ценил технические, организаторские и административные качества Красина и стремился привлечь его к работе, отстранив вопрос о политических разногласиях. Красин не поддавался сразу.[109]

– Упирается, – рассказывал Владимир Ильич, – а министерская башка…

Это выражение он повторял в отношении Красина не раз: «министерская башка». Возможно, что выражение это пришло ему в первый раз в голову, когда встал вопрос об овладении Министерством торговли и промышленностью. Это было еще в период сплошного саботажа технической интеллигенции. Владимиру Ильичу пришла в голову такая мысль: временно поставить во главе Комиссариата промышленности и торговли какого-либо авторитетного беспартийного инженера с деловым именем, которое могло бы импонировать спецам, и с революционным прошлым, которое примиряло бы с ним рабочих. Владимир Ильич выдвигал кандидатуру Красина, но сомневался, согласится ли он, и потому искал и другие подходящие кандидатуры. Я назвал Серебровского как инженера, связанного в прошлом с революционным движением и занимавшего в 1917 году ответственные административные посты. О Серебровском Владимир Ильич не знал ничего. Обе кандидатуры мы решили прежде всего проверить через ЦК металлистов. Вот какое письмо я написал тогда по этому поводу.[110]

---

[108] Весь 1917 год Леонид Красин занимал гораздо более непримиримые позиции к большевикам, нежели его близкий приятель Максим Горький. Вот что Красин писал своей жене Любови 11 июля 1917 года после неудавшейся попытки большевиков взять власть в свои руки: «Ну большевики-таки заварили кашу, или, вернее, пожалуй, заварили не столько они, сколько агенты германского штаба и, может быть, кое-кто из „черной сотни“. „Правда“ же и иже с ней дали свою форму и сами оказались на другой день после выступления в классически глупом положении».

[109] Исключительно хозяйственной работой Красин стал заниматься с августа 1918 года.

[110] Ниже мы приводим полный текст этого письма:

т. Шляпникову

Дорогой товарищ!

Нам необходим министр торговли и промышленности. Очень желателен был бы серьезный и опытный техник, инженер, который пользовался в прошлом доверием рабочих и который мог бы работать в нужном направлении под общим контролем Совета

Нар[одных] Комиссаров. Не могут ли рабочие (фабр[ично-] заводские комитеты, профессиональные союзы) выдвинуть такую кандидатуру? Как вы относитесь, в частности, к кандидатурам Л. Б. Красина или Серебровского.

Дайте ответ немедленно и примите меры немедленно же к намечению подходящих кандидатур, которые были бы вполне приемлемы для рабочих по своему прошлому.

ЦК металлистов не принял предложения, и дело закончилось назначением т. Шляпникова наркомом торговли и промышленности.

Около этого времени я дважды участвовал в переговорах Владимира Ильича с Красиным; второй раз беседа проходила при участии покойного Гуковского, которого тогда также стремились привлечь к работе[111]. Красин явно стоял на распутье. Из старой межреволюционной колеи он уже был выбит окончательно. Новая работа уже, по-видимому, дразнила его своими гигантскими возможностями. Пробуждавшаяся революционная активность боролась в нем со скептицизмом. Красин отбивался от ленинских атак, преувеличенно хмурил брови и пускал в ход самые ядовитые свои словечки, так что Владимир Ильич среди серьезной и напористой аргументации вдруг останавливался, вскидывал в мою сторону глазом, как бы говоря: «Каков?!» – и весело хохотал над злым и метким словечком противника. Так впоследствии Ленин неоднократно цитировал красинский «универсальный запор».

Но Красин сопротивлялся недолго. Человек непосредственных достижений, он не мог устоять перед «искушениями» большой работы, открывшейся для его большой силы. На каждом шагу он встречал тех, с кем работал рука об руку в эпоху первой революции. В период брест-литовских переговоров Красин уже полностью с нами. Поездка его в Брест сама по себе была в глазах немцев аргументом в пользу большевиков, ибо Красина в германских левых кругах знали[112]. В пестрой нашей делегации Красин был яркой фигурой и за нашими «табльдотами» выделялся яркой беседой, метким словом, великолепной красинской шуткой.

Дальнейшая его работа протекала на глазах у всех, и о ней можно рассказать в свете документов и крупных политических дат. В гражданскую войну Красин ушел с головой. В качестве чрезвычайного уполномоченного по снабжению Красной Армии он принимал участие в заседаниях Реввоенсовета и в Серпухове и в Москве. В эти годы он вместе со своей партией растворился в гражданской войне.[113]

В кое-каких статьях, посвященных Красину после его смерти, настоящего Красина узнать нельзя. Прежде всего считается как бы требованием хорошего партийного тона выкинуть из

Ваш ТроцкийTrotsky Papers 1917–1922 Edited and annotated by Jan M. Meijer London The Haque Paris 1964 I. 2.

[111] Намек на то, что Исидор Гуковский, будущий нарком финансов и советский дипломат, в 1910-е годы считался меньшевиком-ликвидатором (в частности, он возглавлял дисциплинарную комиссию, исключившую Сталина из партии в Баку). Из-за этого своего прошлого Гуковский в 1918 году поначалу противился – как и Красин – входить в однородное большевистское правительство, но затем внял уговорам Ленина и занял пост наркома финансов.

[112] Роль Красина в брест-литовских переговорах показана в этой части воспоминаний абсолютно неточно, со множеством натяжек. Вот что писал сам Красин своей жене Любови 28 декабря 1917 года: «Переговоры с немцами дошли до такой стадии, на которой необходимо формулировать если не самый торговый и таможенный договор, то, по крайней мере, предварительные условия его. У народных комиссаров, разумеется, нет людей, понимающих что-либо в этой области, и вот они обратились ко мне, прося помочь им при этой части переговоров в качестве эксперта-консультанта. Мне, уже отклонявшему многократно предложения войти к ним в работу, трудно было отклонить в данном случае, когда требовались лишь мои специальные знания и когда оставлять этих политиков и литературоведов одних значило бы, может быть, допустить ошибки и промахи, могущие больно отразиться и на русской промышленности, и на русских рабочих и крестьянах».

[113] На самом деле вплоть до 1920 года Красин продолжал смотреть на деятельность Ленина и Троцкого со значительной долею скепсиса. Свидетельство тому, между прочим, письмо Красина жене от 25 августа 1918 года: «Самое скверное– это война с чехословаками и разрыв с Антантой. […] Чичерин соперничал в глупости своей политики с глупостями Троцкого, который сперва разогнал, расстроил и оттолкнул от себя офицерство, а затем задумал вести на внутреннем фронте войну. […] Победа чехословаков или Антанты будет означать как новую гражданскую войну, так и образование нового германо-антантского фронта на живом теле России. Много в этом виноваты глупость политики Ленина и Троцкого, но я немало виню и себя, так как определенно вижу, – войди я раньше в работу, много ошибок можно было бы предупредить. Того же мнения Горький, тоже проповедующий сейчас поддержку большевиков, несмотря на закрытие „Новой жизни“ и недавно у него из озорства произведенный обыск».

биографии Красина те годы, когда он стоял вне партии, в стороне от революции, посвящая все свои силы технике и производственной организации капиталистических предприятий. Худо ли это было или хорошо, но этой большой главы из жизни Красина вычеркнуть нельзя, – уже хотя бы потому, что Красин не мог бы, вернувшись в партию, внести в нее свои исключительные технические познания и административно-хозяйственные навыки, если бы в прошлом не посвятил значительный период своей жизни организации капиталистических предприятий. У нас и в отношении покойника все больше входит в систему трафарет; своеобразная и отнюдь не привлекательная иконография: замолчать одно, преувеличить другое, подрисовать третье, – чтобы дать возможность умершему революционеру предстать с надлежащим формуляром на страницах партийной печати. Революционной партии такие приемы совершенно не к лицу. Так бюрократизированное христианство писало свои жития святых, устраняя из их биографий все, что связывало их с действительной жизнью. Красин слишком большой человек и слишком большой революционер, чтобы нуждаться после смерти в чьей-либо снисходительной скидке. Если профессор-анатом, преданный своей науке, завещает предать свой труп студентам для исследования, то каждый серьезный революционер может и должен претендовать на то, чтобы его биография, поскольку ею будут заниматься после его смерти, передана была молодым поколениям без фальши и без прикрас, как, разумеется, и без клеветы. В биографии Красина личное воплощение нашел большой период в развитии революционной России. Воспитательная задача совсем не в том, чтобы изображать больших покойников сплошными партийными праведничками, кое-где подмалевывая, а кое-где и прямо подделывая. Задача в том, чтобы сблизить новое поколение с нашим свежим прошлым не только через общие исторические схемы, а и через живые образы. Красин ведь совсем не исключение, а только лучший, наиболее даровитый представитель очень широкой группы интеллигентов-большевиков первого призыва, которых привлекла в большевизм его революционная ударность, которые рассчитывали на непосредственные достижения, а затем, после эпохи первых двух Дум, все больше и больше отходили от революции, находя применение своим силам в разных областях хозяйственной, культурной, литературной работы легальной третьеиюньской России. Эти элементы, представляющие собою определенную историческую формацию, играют и сейчас крупную роль. Среди них не найти, однако, никого, равного Красину по общему размаху личности, по блеску дарований. Уважение к памяти Красина, с одной стороны, к истории партии – с другой требуют, чтобы в партийном билете Красина не делалось задним числом подчисток и поправок в духе казенного благочиния. Пусть Красин войдет в историю партии таким, каким жил и боролся.

17 декабря 1926 года

Томский

Томский (его действительная фамилия была Ефремов) был, несомненно, самым выдающимся рабочим, которого выдвинула большевистская партия, а пожалуй, и русская революция в целом. Маленького роста, худощавый, с морщинистым лицом, он казался хилым и тщедушным. На самом деле годы каторжных работ и всяких других испытаний обнаружили в нем огромную силу физического и нравственного сопротивления. В течение ряда лет он стоял во главе советских профессиональных союзов, знал массу и умел говорить с ней на ее языке. Приспособление к отсталым слоям рабочих приводило его время от времени в столкновение с руководством партии, в частности, с Лениным. Томский тут обнаруживал каждый раз самостоятельность и упорство. Партия поправляла его. Ворча и огрызаясь, он подчинялся. Почти на всем протяжении нашего сотрудничества, то есть с мая 1917 года, Томский был моим противником. Отношения наши в первый период нередко обострялись до враждебности. Во всяком случае, я к Томскому всегда относился с уважением, ценя в нем характер и едкий, саркастический ум. Причиной наших расхождений были оппортунистические тенденции Томского, которые, хоть и в неравной степени, характерны для всех деятелей профессионального движения. Немудрено: в отличие от партии, им приходится иметь дело не с авангардом только, а с более широкими отсталыми слоями. В борьбе против левой оппозиции Томский в течение пяти с лишним лет шел рука об руку со Сталиным. Но и в этот период они

представляли две глубоко различные социальные тенденции: Сталин – бюрократию рабочей аристократии, Томский – широкие массы трудящихся, хотя и не их авангард. После того, как Томский помог Сталину разгромить революционный авангард, бюрократия разгромила профессиональные союзы и политически ликвидировала Томского. Он был снят со своего традиционного поста, который обеспечивал ему большой авторитет и неоспоримое политическое влияние. Назначенный на пост начальника государственного издательства,

Томский стал тенью самого себя. Как и другим членам правой оппозиции (Рыков, Бухарин), Томскому не раз приходилось «каяться». Он выполнял этот обряд с большим достоинством, чем другие. Правящая клика не ошибалась, когда в нотах покаяния слышала сдержанную ненависть. В государственном издательстве Томский был со всех сторон окружен тщательно подобранными врагами. Не только его помощники, но и его личные секретари были, несомненно, агентами ГПУ. Во время так называемых чисток партии ячейка государственного издательства, по инструкции сверху, периодически подвергала Томского политическому выслушиванию и выстукиванию. Этот крепкий и гордый пролетарий пережил немало горьких и унизительных часов. Но спасения ему не было: как инородное тело он должен был быть в конце концов низвергнут бонапартистской бюрократией. Подсудимые процесса шестнадцати назвали имя Томского рядом с именами Рыкова и Бухарина, как лиц, причастных к террору. Прежде чем дело дошло до судебного следствия, ячейка государственного издательства взяла Томского в оборот. Всякого рода карьеристы, старые и молодые проходимцы, присоединившиеся к революции после того, как она стала платить хорошее жалованье, задавали Томскому наглые и оскорбительные вопросы, не давали ему передышки, требуя новых и новых признаний, покаяний и доносов. Пытка продолжалась несколько часов. Ее продолжение было перенесено на новое заседание. В промежутке между этими двумя заседаниями Томский пустил себе пулю в лоб. Успел ли он написать предсмертное письмо? Я не допускаю мысли, что он сошел со сцены без попытки объяснения. Где это письмо? Дойдет ли оно до нас? Не перехвачено ли оно ГПУ? На эти вопросы у меня нет ответа. За девять лет до того, А. А. Иоффе, известный советский дипломат, мой старый друг, также покончил с собой, не выдержав двойного натиска болезни и бюрократии. Оставленное им предсмертное письмо было перехвачено ГПУ. Но в те дни оппозиция в одной Москве насчитывала тысячи авторитетных и смелых борцов. Нам удалось вырвать из рук ГПУ если не письмо Иоффе, то, по крайней мере, копию его. Сейчас в Москве никто не посмеет поставить вопрос о предсмертном письме Томского… Его самоубийство спасло Рыкова и Бухарина. Прокурор поспешил заявить, что для привлечения их к ответственности нет данных. В этом случае официально было признано, что покаяния подсудимых заключали в себе ложный донос. Но если Зиновьев мог, по требованию ГПУ, возвести ложные обвинения на Рыкова, Бухарина и Томского – своих старых друзей и соратников, то чего стоят вообще все его признания.

[Осень 1936 года]

Приложения

Из речи Томского на Путиловском заводе 20 января 1926 г.

Какие были разногласия и как они нарастали, с чего они начались? Я на этом остановлюсь, но не буду слишком глубоко входить в историю. Они начались после того, как мы плечо с плечом дрались против Троцкого. Троцкий был побежден идейно, он был разбит. Сущность его идей была ясна для всей партии. После этого встал вопрос об организационных выводах. Вы знаете, какую страстность вносят в вопрос об организационных выводах, но мы, большевики, знаем, что резолюция может руководить массой только через людей. Поэтому для проведения той или иной резолюции или идеи требуются соответствующие люди в соответствующей расстановке. Из каждого политического спора вытекают определенные организационные выводы. Этому нас учил Ильич. Каковы должны были быть по отношению к Троцкому организационные выводы и о чем шел спор? В Ленинграде наши товарищи слишком круто хотели завернуть винт. Говорили, что Троцкий должен быть удален из ЦК, а порой проговаривались, что он должен быть выгнан из партии. Мы говорили, что организационные

выводы нужно сделать так, чтобы у беспартийной крестьянской, рабочей массы не создалось такого впечатления, что только для того, чтобы придавить к земле, у нас был принципиальный спор и разногласия. Конечно, после спора Троцкий не мог оставаться председателем РВС. Мы это знали. Надо ли было выгонять его из партии? Большинство считало, что не нужно, а меньшинство рассматривало это как мягкотелость и жалость к Троцкому. Нас в этом упрекали. Но большинство – это большинство, и проголосованное решение надо проводить в жизнь. Были различные споры по этому вопросу. Последний спор свелся к тому, чтобы вывести Троцкого немедленно из Политбюро или до съезда не трогать его в партийном отношении. Вот как шел спор. Большинство решило не трогать Троцкого, оставить его в Политбюро.

Оглянемся назад на этот спор. Правы мы или не правы? Правы. Ибо это шел спор не только о том, что делать с Троцким. Это шел спор о том, как должно руководящее большинство руководить партией, с какими методами оно должно подходить к оппозиции, в том числе и к теперешней, будущей. Вот о чем спор шел. Нужно ли человека за его ошибку отсечь, постараться его рядом толчков вышибить из партии, отрезать; поступить ли по-евангельски: рука твоя загноилась – отруби ее; или иначе: ошибки не замазывать, ошибки вскрывать, ошибки разъяснять, идейной пощады не давать. А работников, особенно выдающихся, которых у нас мало, нужно для партии беречь. И этот спор сказался в речи Сталина на Московской конференции. Он был выражен в том, что Сталин сказал: «У нас в упряжке бегут семь лошадей. Одна вдруг брыкаться, лягаться начала… Стоит ли ее выпрячь, или нужно ее постегать, а заставить запряжкой бежать?» Это была правильная, картинно выраженная мысль, потому если каждой лошадке, которая забрыкается, переламывать хребет, то в конце концов поедешь не на лошадке, а на одном дышле. А на нем далеко не уедешь (смех). Вот как вопрос стоял.

В вопросе о разногласиях с Троцким мы считаем (я думаю, теперь можно задним числом и всем согласиться), что правы были мы, большинство. Никакой бы особенно роковой ошибки со стороны меньшинства не было бы, если бы не стали эту ошибку возводить в квадрат. В ответ на это из Ленинграда посыпались летучие словечки. То мимоходом руководитель той или иной ленинградской организации об-ронится словечком вроде того, что необходима решительная борьба не только с троцкизмом, но и с полутроцкизмом, то другой. Нас это заинтересовало – где же полутроцкисты? (Троцкизм – понятно.) На это отвечали: возможно, что такой существует. Что касается полутроцкизма, то мы сказали: если не можете указать, где он, – не пускайте летучих слов. Для чего вам это нужно? Мы понимаем многое с намеков и понимаем, что в данном случае стали, обидевшись, что остались по вопросу о Троцком в меньшинстве, подводить стали здесь идейный фундамент. И другие летучие словечки, вроде того, что мы – стопроцентные большевики. Мы на это отвечаем: бросьте все словечки о стопроцентных большевиках. Был один стопроцентный большевик, да и тот умер, а остальные – так, около ста да поблизости, не дошли, так 84, 92, 96 процентов (аплодисменты).

Из речи Глебова-Авилова[114] на Путиловском заводе 20 января 1926 г.

Товарищи, тов. Томский и многие другие, которых мне приходится слушать в последнее время на наших заводах, прежде всего начинают с того, будто ленинградцы больше всего настаивали на том, чтобы выжить Троцкого из партии. Я заверяю, что это было не так. Я могу сказать только одно, что не могу говорить о всем том, что имело место в Москве, не могу сказать, но вместе с этим напомню все же, что было где-то, тов. Томский, единогласное решение о том (еще примерно в январе месяце), чтобы Троцкого в ЦК не вводить. В этом направлении держать курс партии. Единогласное, товарищи, решение. Это первое. Второе, в октябре месяце то же самое единогласное решение о том, чтобы Троцкого не вводить в Политбюро. Многие из нас, и я в том числе, слуга ваш покорный (голоса с мест: «Довольно,

---

114 Глебов-Авилов Николай Павлович (1887–1942? – дата, приведенная в советских энциклопедиях, явно неправильная).– Один из самых талантливых хозяйственных деятелей, нарком почт и телеграфов в первом Советском правительстве. С 1928 года начальник строительства, директор завода «Ростсельмаш». Короткое время входил в ленинградскую, а затем «объединенную» оппозицию. Расстрелян. Реабилитирован.

долой!»), сам, между прочим, вносил поправку такого содержания, чтобы пункт, который был в свое время принят съездом, целиком и полностью к Троцкому не применять.

Из заключительного слова Томского на Путиловском заводе 20 января 1926 г.

Теперь о Троцком. Тов. Глебов говорил, что мы постановили Троцкого вывести из ЦК и постановили не пускать его в Политбюро, а вот теперь… и так далее. Ну, а выводы? А как же он теперь остался в Политбюро? Ну, а нам уже бог простит, ведь мы закаленные полутроцкисты, а вы, товарищи Глебов, Зиновьев, Каменев, Евдокимов, ведь вы голосовали разве против введения Троцкого в Политбюро? Вы голосовали за. Я вам больше скажу. После постановления съезда о смене редактора в «Ленинградской правде» Политбюро должно было привести его в исполнение. Такие вопросы у нас решаются опросным листом, вкруговую. Подписались: четыре– за, три – против. Кто же эти трое? – Каменев, Зиновьев и Троцкий. Предъявили требование созвать экстренное заседание во время съезда. А там против большинства кто голосовал: Каменев, Зиновьев, Евдокимов, ленинградские троцкисты, Пятаков, Раковский и так далее.

Как же это так? Начали с «распни его», а кончили рука об руку. Здесь дают записочку, почему Троцкий вошел в Политбюро? Вы спрашиваете, а мы знаем почему? Мы говорили, что не надо отсекать и шли на уступки. Давайте в будущем линию возьмем единодушно. Давайте. А теперь вы голосовали за него. Каким образом это у вас получилось, когда говорят, почему Троцкий молчит. Как относится Троцкий к оппозиции. Спросим Троцкого, как он относится, а может быть, Глебов-Авилов это знает? А я не знаю.

Енукидзе

За стенами Кремля

Даже для людей, которые хорошо знают действующих лиц и обстановку, последние события в Кремле представляются непостижимыми. Особенно ярко я это почувствовал при вести о том, что расстрелян Енукидзе, бывший бессменный секретарь Центрального Исполнительного Комитета Советов. Не то, чтоб Енукидзе был выдающейся фигурой, совсем нет. Сообщение некоторых газет о том, будто он был «другом Ленина» и «одним из тесного кружка, который правил Россией», неверны. Ленин хорошо относился к Енукидзе, но не лучше, чем к десяткам других. Енукидзе был политически второстепенной фигурой, без личных амбиций, с постоянной способностью приспособляться к обстановке. Но именно поэтому он являлся наименее подходящим кандидатом на расстрел. Газетная травля против Енукидзе совершенно неожиданно началась вскоре после процесса Зиновьева – Каменева в 1935 году. Его обвиняли в связи с врагами народа и в бытовом разложении. Что значит «связь с врагами народа?» Весьма вероятно, что Енукидзе, человек доброй души, пытался прийти на помощь семьям расстрелянных большевиков. «Бытовое разложение» означает: стремление к личному комфорту, преувеличенные расходы, женщины и пр. И в этом могла быть доля истины. Но далеко все же зашли дела в Кремле, очень далеко, если пришлось расстрелять Енукидзе. Мне кажется поэтому, что простой рассказ о судьбе этого человека позволит читателю лучше понять то, что творится за стенами Кремля.

* * *

Авель Енукидзе – грузин, из Тифлиса, как и Сталин. Библейский Авель был моложе Каина. Енукидзе, наоборот, был старше Сталина на два года. В момент расстрела ему было около 60 лет. Уже в молодости Енукидзе принадлежал к большевикам, которые составляли тогда еще фракцию единой социал-демократической партии наряду с меньшевиками. На

Кавказе была в первые годы столетия оборудована отличная подпольная типография, сыгравшая немалую роль в подготовке первой революции (1905 г.). В организации этой типографии принимали деятельное участие братья Енукидзе: Авель, или «Рыжий», и Семен, или «Черный». Финансировал типографию Леонид Красин, будущий знаменитый советский администратор и дипломат, а в те годы молодой даровитый инженер, умевший, не без содействия молодого писателя Максима Горького, добывать на революцию деньги у либеральных миллионеров вроде Саввы Морозова. С тех времен у Красина сохранились с Енукидзе дружеские отношения: они называли друг друга по имени и были на «ты». Из уст Красина я слышал впервые библейское имя Авеля.

В тяжелый период между первой революцией и второй Енукидзе, как и большинство так называемых «старых большевиков», отходил от партии, надолго ли – не знаю. Красин успел за те годы стать выдающимся промышленным дельцом. Енукидзе капиталов не нажил. В начале войны он снова попал в ссылку, откуда уже в 1916 году был призван на военную службу вместе с другими сорокалетними. Революция вернула его в Петербург. Я встретил его впервые летом 1917 года в солдатской секции Петербургского Совета. Революция встряхнула многих бывших большевиков, но они с недоумением и недружелюбием относились к ленинской программе захвата власти. Енукидзе не составлял исключения, но держался более осторожно и выжидательно, чем другие. Оратором он не был, но русским языком владел хорошо и, в случае нужды, мог сказать речь с меньшим акцентом, чем большинство грузин, включая Сталина. Лично Енукидзе производил очень приятное впечатление – мягкостью характера, отсутствием личных претензий, тактичностью. К этому надо прибавить еще крайнюю застенчивость: по малейшему поводу веснушчатое лицо Авеля заливалось горячей краской.

Что делал Енукидзе в дни октябрьского переворота? Не знаю. Возможно, что выжидал. Во всяком случае, он не был по другую сторону баррикады, как г. г. Трояновский, Майский, Суриц – нынешние послы[115] – и сотни других сановников. После установления советского режима Енукидзе сразу попал в состав президиума ЦИКа и в секретари его. Весьма вероятно, что произошло это по инициативе первого председателя ЦИКа Свердлова, который, несмотря на молодые годы, понимал людей и умел ставить каждого на нужное место. Сам Свердлов пытался придать президиуму политическое значение, и на этой почве у него возникали даже трения с Советом Народных Комиссаров, отчасти и с Политбюро. После смерти Свердлова, в начале 1919 года, председателем был избран, по моей инициативе, М. И. Калинин, который удержался на этом посту – подвиг немаленький – до сегодняшнего дня. Секретарем оставался все время Енукидзе. Эти две фигуры – Михаил Иванович и Авель Сафронович – и воплощали собою высшее советское учреждение в глазах населения. Извне создавалось впечатление, что Енукидзе держит в своих руках добрую долю власти. Но это был оптический обман. Основная законодательная и административная работа шла через Совет Народных Комиссаров под руководством Ленина. Принципиальные вопросы, разногласия и конфликты разрешались в Политбюро, которое с самого начала играло роль сверхправительства. В первые три года, когда все силы были направлены на гражданскую войну, огромная власть ходом вещей сосредоточилась в руках военного ведомства. Президиум ЦИКа в этой системе занимал не очень определенное и, во всяком случае, не самостоятельное место. Но было бы неправильно отрицать за ним всякое значение. Тогда еще никто не боялся ни жаловаться, ни критиковать, ни требовать. Эти три важные функции: требования, критика и жалоба – направлялись главным образом через ЦИК. При обсуждении вопросов в Политбюро Ленин не раз поворачивался с дружелюбной иронией в сторону Калинина:

– Ну, а что скажет по этому поводу глава государства?

Калинин не скоро научился узнавать себя под этим высоким псевдонимом. Бывший

---

[115] Нападки на ведущих советских дипломатов – постоянный лейтмотив статей Троцкого конца 30-х годов. Послы Советского Союза в Вашингтоне (Трояновский), в Париже (Суриц) и в Лондоне (Майский) в своих многочисленных интервью поливали Троцкого грязью, называли его «контрреволюционером» и «прихлебателем фашистов». Отвечая им, Троцкий не упускал случая упомянуть, что все они во время Октябрьской революции и в годы гражданской войны находились «по ту сторону баррикад».

тверской крестьянин и петербургский рабочий, он держал себя на своем неожиданно высоком посту достаточно скромно и, во всяком случае, осторожно. Лишь постепенно советская пресса утвердила его имя и авторитет в глазах страны. Правда, правящий слой долго не брал Калинина всерьез, не берет, в сущности, и сейчас. Но крестьянские массы постепенно привыкли к той мысли, что «хлопотать» надо через Михаила Ивановича. Дело, впрочем, не ограничивалось крестьянами. Бывшие царские адмиралы, сенаторы, профессора, врачи, адвокаты, артисты и, не в последнем счете, артистки добивались приема у «главы государства». У всех было о чем хлопотать: о сыновьях и дочерях, о реквизированных домах, о дровах для музея, о хирургических инструментах, даже о выписке из-за границы необходимых для сцены косметических материалов. С крестьянами Калинин нашел необходимый язык без затруднений. Перед буржуазной интеллигенцией он в первые годы робел. Здесь ему особенно необходима была помощь более образованного и светского Енукидзе. К тому же Калинин часто бывал в разъездах, так что на московских приемах председателя заменял секретарь. Работали они дружно. Оба по характеру были оппортунисты, оба всегда искали линию наименьшего сопротивления и потому хорошо приспособились друг к другу. Ради своей высокой должности Калинин был включен в ЦК партии и даже в число кандидатов в Политбюро. Благодаря широкому охвату своих встреч и бесед, он вносил на заседаниях немало ценных житейских наблюдений. Его предложения, правда, принимались редко. Но его соображения выслушивались не без внимания и так или иначе принимались в расчет. Енукидзе не входил в ЦК, как не входил, например, и Красин. Те «старые большевики», которые в период реакции порывали с партией, допускались в те годы на советские посты, но не партийные. К тому же у Енукидзе, как сказано, не было никаких политических претензий. Руководству партии он доверял полностью и с закрытыми глазами. Он был глубоко предан Ленину, с оттенком обожания, и – это необходимо сказать для понимания дальнейшего – сильно привязался ко мне. В тех случаях, когда мы политически расходились с Лениным, Енукидзе глубоко страдал. Таких, к слову сказать, было немало.

Не играя политической роли, Енукидзе занял, однако, крупное место если не в жизни страны, то в жизни правящих верхов. Дело в том, что в его руках сосредоточено было заведование хозяйством ЦИКа: из кремлевского кооператива продукты отпускались не иначе, как по запискам Енукидзе. Значение этого обстоятельства мне уяснилось только позже, и притом по косвенным признакам. Три года я провел на фронтах. За это время начал постепенно складываться новый быт советской бюрократии. Неправда, будто в те годы в Кремле утопали в роскоши, как утверждала белая печать. Жили на самом деле очень скромно. Однако различия и привилегии уже отлагались и автоматически накоплялись. Енукидзе, так сказать, по должности стоял в центре этих процессов. В числе многих других Орджоникидзе, который был тогда первой фигурой на Кавказе, заботился о том, чтобы Енукидзе имел в своем кооперативе необходимое количество земных плодов. Когда Орджоникидзе переехал в Москву, его обязанности легли на Орахелашвили, в котором все видели надежного ставленника Сталина. Председатель грузинского Совнаркома Буду Мдивани посылал в Кремль кахетинское вино. Из Абхазии Нестор Лакоба отправлял ящики с мандаринами. Все три: Орахелашвили, Мдивани и Лакоба – отметим мимоходом, значатся ныне в списке расстрелянных… В 1919 году я случайно узнал, что на складе у Енукидзе имеется вино, и предложил запретить.

– Слишком будет строго, – шутя сказал Ленин.

Я пробовал настаивать:

– Доползет слух до фронта, что в Кремле пируют, – опасаюсь дурных последствий.

Третьим при беседе был Сталин.

– Как же мы, кавказцы, – запротестовал он, – можем без вина?

Вот видите, – подхватил Ленин, – вы к вину не привыкли, а грузинам будет обидно.

– Ничего не поделаешь, – отвечал я, – раз у вас нравы достигли здесь такой степени размягчения…

Думаю, что этот маленький диалог в шутливых тонах характеризует все-таки тогдашние нравы: бутылка вина считалась роскошью.

С введением так называемой «новой экономической политики» (нэп) нравы правящего слоя стали меняться более быстрым темпом. В самой бюрократии шло расслоение.

Меньшинство жило у власти немногим лучше, чем в годы эмиграции, и не замечало этого. Когда Енукидзе предлагал Ленину какие-нибудь усовершенствования в условиях его личной жизни, Ленин отделывался одной и той же фразой:

– Нет, в старых туфлях приятнее…

С разных концов страны ему посылали всякого рода местные изделия со свежим еще советским гербом.

– Опять какую-то игрушку прислали, – жаловался Ленин. – Надо запретить! И чего только смотрит глава государства? – говорил он, сурово хмуря брови в сторону Калинина.

Глава государства научился уже отшучиваться:

– А зачем же вы приобрели такую популярность?

В конце концов «игрушки» отсылались в детский дом или в музей…

Не меняла привычного хода жизни моя семья в Кавалерском корпусе Кремля. Бухарин оставался по-прежнему старым студентом. Скромно жил в Ленинграде Зиновьев. Зато быстро приспосабливался к новым нравам Каменев, в котором рядом с революционером всегда жил маленький сибарит. Еще быстрее плыл по течению Луначарский, народный комиссар просвещения. Вряд ли Сталин значительно изменил условия своей жизни после Октября. Но он в тот период почти совсем не входил в поле моего зрения. Да и другие мало присматривались к нему. Только позже, когда он выдвинулся на первое место, мне рассказывали, что в порядке развлечения он, кроме бутылки вина, любит еще на даче резать баранов и стрелять ворон через форточку. Поручиться за достоверность этих рассказов не могу. Во всяком случае, в устройстве своего личного быта Сталин в тот период весьма зависел от Енукидзе, который относился к земляку не только без «обожания», но и без симпатии, главным образом, из-за его грубости и капризности, т. е. тех черт, которые Ленин счел нужным отметить в своем «Завещании». Низший персонал Кремля, очень ценивший в Енукидзе простоту, приветливость и справедливость, наоборот, крайне недоброжелательно относился к Сталину.

Моя жена, в течение 9 лет заведовавшая музеями и историческими памятниками страны, вспоминает два эпизода, в которых Енукидзе и Сталин выступают своими очень характерными чертами. В Кремле, как и во всей Москве, как и во всей стране, шла непрерывная борьба из-за квартир. Сталин хотел переменить свою слишком шумную на более спокойную. Агент ЧК Беленький[116] порекомендовал ему парадные комнаты Кремлевского Дворца. Жена моя воспротивилась: Дворец охранялся на правах музея. Ленин написал жене большое увещевательное письмо: можно из нескольких комнат Дворца унести «музейную» мебель, можно принять особые меры к охране помещения; Сталину необходима квартира, в которой можно спокойно спать; в нынешней его квартире следует поселить молодых, которые способны спать и под пушечные выстрелы, и пр., и пр. Но хранительница музеев не сдалась на эти доводы. На ее сторону встал Енукидзе. Ленин назначил комиссию для проверки. Комиссия признала, что Дворец не годится для жилья. В конце концов Сталину уступил свою квартиру покладистый и сговорчивый Серебряков, тот самый, которого Сталин расстрелял 17 лет спустя.

Жили в Кремле крайне скученно. Большинство работало вне стен Кремля. Заседания заканчивались во все часы дня и ночи. Автомобили не давали спать. В конце концов через президиум ЦИКа, т. е. через того же Енукидзе, вынесено было постановление: после 11 часов ночи автомобилям останавливаться возле арки, где начинаются жилые корпуса; дальше господа сановники должны продвигаться пешком. Постановление было объявлено всем под личную расписку. Но чей-то автомобиль продолжал нарушать порядок. Разбуженный снова в три часа ночи я дождался у окна возвращения автомобиля и окликнул шофера:

– Разве вы не знаете постановления?

– Знаю, товарищ Троцкий, – ответил шофер. – Но что же мне делать? Товарищ Сталин

---

[116] Речь идет об одном из братьев Беленьких– Григории (одно время секретаре Краснопресненского райкома партии) либо Абраме. Оба они находились одновременно с Лениным в парижской эмиграции, являлись друзьями семьи Ульяновых, а в 20-е годы в разное время отвечали за охрану Ленина. После смерти Ленина братья Беленькие примкнули к возглавляемой Зиновьевым, Каменевым ленинградской оппозиции, а затем вошли в «объединенную» оппозицию. Погибли в годы сталинского произвола. Реабилитированы.

приказал у арки: поезжай!

Понадобилось вмешательство Енукидзе, чтоб заставить Сталина уважать чужой сон. Сталин, надо думать, не забыл своему земляку этого маленького афронта. Более резкий перелом в жизненных условиях бюрократии наступил со времени последней болезни Ленина и начала кампании против «троцкизма». Во всякой политической борьбе большого масштаба можно в конце концов открыть вопрос о бифштексе. Перспективе «перманентной революции» бюрократия противопоставляла перспективу личного благополучия и комфорта. В Кремле и за стенами Кремля шла серия секретных банкетов. Политическая цель их была сплотить против меня «старую гвардию».

Организация банкетов «старой гвардии» ложилась в значительной мере на Енукидзе. Теперь уж не ограничивались скромным кахетинским. С этого времени и начинается, собственно, то «бытовое разложение», которое было поставлено в вину Енукидзе тридцать лет спустя. Самого Авеля вряд ли приглашали на интимные банкеты, где завязывались и скреплялись узлы заговора. Да он и сам не стремился к этому, хотя, вообще говоря, до банкетов был не прочь. Борьба, которая открылась против меня, была ему совсем не по душе, и он проявлял это чем мог.

Енукидзе жил в том же Кавалерском корпусе, что и мы. Старый холостяк, он занимал небольшую квартирку, в которой в старые времена помещался какой-либо второстепенный чиновник. Мы часто встречались с ним в коридоре. Он ходил грузный, постаревший, с виноватым лицом. С моей женой, со мной, с нашими мальчиками он, в отличие от других «посвященных», здоровался с двойной приветливостью. Но политически Енукидзе шел по линии наименьшего сопротивления. Он равнялся по Калинину. А «глава государства» начинал понимать, что сила ныне не в массах, а в бюрократии и что бюрократия – против «перманентной революции», за банкеты, за «счастливую жизнь», за Сталина. Сам Калинин к этому времени успел стать другим человеком. Не то чтоб он очень пополнил свои знания или углубил свои политические взгляды; но он приобрел рутину «государственного человека», выработал особый стиль хитрого простака, перестал робеть перед профессорами, артистами и особенно артистками. Мало посвященный в закулисную сторону жизни Кремля, я узнал о новом образе жизни Калинина с большим запозданием, и притом из совершенно неожиданного источника. В одном из советских юмористических журналов появилась, кажется в 1925 году, карикатура, изображавшая – трудно поверить! – главу государства в очень интимной обстановке[117]. Сходство не оставляло места никаким сомнениям. К тому же в тексте, очень разнузданном по стилю, Калинин назван был инициалами М. И. Я не верил своим глазам.

– Что это такое? – спрашивал я некоторых близких мне людей, в том числе Серебрякова (расстрелян в феврале 1937 года).

– Это Сталин дает последнее предупреждение Калинину.

– Но по какому поводу?

– Конечно, не потому, что оберегает его нравственность. Должно быть, Калинин в чем-то упирается.

Действительно, Калинин, слишком хорошо знавший недавнее прошлое, долго не хотел признать Сталина вождем. Иначе сказать, боялся связывать с ним свою судьбу.

– Этот конь, говорил он в тесном кругу, – завезет когда-нибудь нашу телегу в канаву.

Лишь постепенно, кряхтя и упираясь, он повернулся против меня; затем – против Зиновьева и, наконец, с еще большим сопротивлением – против Рыкова, Бухарина и Томского, с которыми он был теснее всего связан своими умеренными тенденциями. Енукидзе проделывал ту же эволюцию вслед за Калининым, только более в тени, несомненно, с более

---

[117] К 30-м годам, работая над биографией Сталина, Троцкий уже забыл подробности публикации этой карикатуры и обратился в Париж к своей стороннице Леле Эстриной (Далиной) с просьбой разыскать первоисточник. В амстердамской коллекции бумаг Троцкого сохранился (вышедший, судя по его надписи, из недр антисталинской московской оппозиции начала 30-х) рукописный фельетон под заглавием «О том, как наш староста Калиныч отбил Татьяну Бах у Авербаха». На отдельном листке комментарий Троцкого: «К разложению кремлевских верхов. Разыскать карикатуру 20-х годов». Видимо, речь идет о все той же карикатуре на Калинина.

глубокими внутренними переживаниями. По своему характеру, главной чертой которого была мягкая приспособляемость, Енукидзе не мог не оказаться в лагере Термидора. Но он не был карьеристом и еще менее – негодяем. Ему было трудно оторваться от старых традиций и еще труднее повернуться против тех людей, которых он привык уважать. В критические моменты Енукидзе не только не проявлял наступательного энтузиазма, но, наоборот, жаловался, ворчал, упирался. Сталин знал об этом слишком хорошо и не раз делал Енукидзе предостережения. Я знал об этом, так сказать, из первых рук. Хотя и десять лет тому назад система доноса уже отравляла не только политическую жизнь, но и личные отношения, однако тогда еще сохранялись многочисленные оазисы взаимного доверия. Енукидзе был очень дружен с Серебряковым, в свое время видным деятелем левой оппозиции, и нередко изливал перед ним свою душу.

– Чего же он (Сталин) еще хочет? – жаловался Енукидзе. – Я делаю все, чего от меня потребуют, но ему все мало. Он хочет еще вдобавок, чтобы я считал его гением.

Возможно, что Сталин тогда уже занес Енукидзе в список тех, которым полагается отомстить. Но так как список оказался очень длинен, то Авелю пришлось ждать своей очереди несколько лет.

Весною 1925 года мы жили с женой на Кавказе, в Сухуме, под покровительством Нестора Лакобы, общепризнанного главы Абхазской республики. Это был (обо всех приходится говорить «был») совсем миниатюрный человек, притом почти глухой. Несмотря на особый звуковой усилитель, который он носил в кармане, разговаривать с ним было нелегко. Но Нестор знал свою Абхазию, и Абхазия знала Нестора, героя гражданской войны, человека большого мужества, большой твердости и практического ума. Михаил Лакоба, младший брат Нестора, состоял «министром внутренних дел» маленькой республики и в то же время моим верным телохранителем во время отдыхов в Абхазии. Михаил (тоже «был»), молодой, скромный и веселый абхазец, один из тех, в ком нет лукавства. Я никогда не вел с братьями политических бесед. Один только раз Нестор сказал мне:

– Не вижу в нем ничего особенного: ни ума, ни таланта.

Я понял, что он говорит о Сталине, и не поддержал разговора. В ту весну очередная сессия ЦИКа проходила не в Москве, а в Тифлисе, на родине Сталина и Енукидзе. Ходили смутные слухи о борьбе между Сталиным и двумя другими триумвирами – Зиновьевым и Каменевым. Из Тифлиса на самолете неожиданно вылетели на свидание со мной в Сухум член [президиума] ЦИКа Мясников и заместитель начальника ГПУ Могилевский. В рядах бюрократии усиленно шушукались о возможности союза Сталина с Троцким. На самом деле, готовясь к взрыву триумвирата, Сталин хотел напугать Зиновьева и Каменева, которые легко поддавались панике. Однако от неосторожного курения или по другой причине дипломатический самолет загорелся в воздухе, и три его пассажира вместе с летчиком погибли. Через день-два из Тифлиса прилетел другой самолет, доставивший в Сухум двух членов ЦИКа, моих друзей – советского посла во Франции Раковского и народного комиссара почты Смирнова. Оппозиция в то время уже находилась под преследованьем.

– Кто вам дал самолет? – спросил я с удивлением.

– Енукидзе!

– Как же он решился на это?

– Очевидно, не без ведома начальства.

Мои гости рассказали мне, что Енукидзе расцвел, ожидая скорого примирения с оппозицией. Однако ни Раковский, ни Смирнов не имели ко мне политических поручений. Сталин пытался просто, ничем не связывая себя, посеять среди «троцкистов» иллюзии, а среди зиновьевцев – панику. Однако Енукидзе, как и Нестор Лакоба, искренне надеялся на перемену курса, и оба подняли головы. Сталин не забыл им этого. Смирнов был расстрелян по процессу Зиновьева. Нестор Лакоба был расстрелян без суда[118], очевидно, ввиду его отказа давать «чистосердечные» показания. Михаил Лакоба был расстрелян по приговору суда, на котором он

[118] По другим сведениям, Нестор Лакоба был отравлен агентами Берия, торжественно похоронен. Затем сталинские же власти надругались над его прахом.

давал фантастические обвинительные показания против уже расстрелянного брата.

Чтобы крепче связать Енукидзе, Сталин ввел его в Центральную контрольную комиссию, которая призвана была наблюдать за партийной моралью. Предвидел ли Сталин, что Енукидзе сам будет привлечен за нарушение партийной морали? Такие противоречия, во всяком случае, никогда не останавливали его. Достаточно сказать, что старый большевик Рудзутак, арестованный по такому же обвинению, был в течение нескольких лет председателем Центральной контрольной комиссии, т. е. чем-то вроде первосвященника партийной и советской морали. Через систему сообщающихся сосудов я знал в последние годы моей московской жизни, что у Сталина есть особый архив, в котором собраны документы, улики, порочащие слухи против всех без исключения видных советских деятелей. В 1929 году, во время открытого разрыва с правыми членами Политбюро – Бухариным, Рыковым и Томским, – Сталину удалось удержать на своей стороне Калинина и Ворошилова только угрозой порочащих разоблачений. Так, по крайней мере, писали мне друзья в Константинополь.

В ноябре 1928 года ЦКК при участии многочисленных представителей контрольных комиссий Москвы рассматривала вопрос об исключении Зиновьева, Каменева и меня из партии. Приговор был предопределен заранее. В президиуме сидел Енукидзе. Мы не щадили наших судей. Члены комиссии плохо себя чувствовали под обличениями. На бедном Авеле не было лица. Тогда выступил Сахаров[119], один из наиболее доверенных сталинцев, особый тип гангстера, готового на всякую низость. Речь Сахарова состояла из площадных ругательств. Я потребовал, чтобы его остановили. Но члены президиума, слишком хорошо знавшие, кто продиктовал речь, не посмели этого сделать. Я заявил, что в таком собрании мне нечего делать, и покинул зал. Через некоторое время ко мне присоединились Зиновьев и Каменев, которых отдельные члены комиссии попытались было остановить. Несколько минут спустя на квартиру ко мне позвонил Енукидзе и стал уговаривать вернуться на собрание.

– Как же вы терпите хулиганов в высшем учреждении партии?

– Лев Давыдович, – умолял меня Авель, – какое значение имеет Сахаров?

– Большее значение, чем вы, во всяком случае, – ответил я, – ибо он выполняет то, что приказано, а вы только плачетесь.

Енукидзе отвечал что-то бессвязное, из чего видно было, что он надеялся на чудо. Но я на чудо не надеялся.

– Ведь вы же не посмеете вынести порицание Сахарову?

Енукидзе молчал.

– Ведь вы же через пять минут будете голосовать за мое исключение?

В ответ последовал тяжелый вздох. Это было мое последнее объяснение с Авелем. Через несколько недель я был уже в ссылке в Центральной Азии, через год – в эмиграции, в Турции. Енукидзе продолжал оставаться секретарем ЦИКа. Признаться, я об Енукидзе стал забывать. Но Сталин помнил о нем.

Енукидзе был отставлен через несколько месяцев после убийства Кирова, вскоре после первого процесса над Зиновьевым – Каменевым, когда они были приговорены «только» к 10 и 5 годам тюремного заключения как мнимые «моральные» виновники террористического акта. Не может быть сомнения в том, что Енукидзе вместе с десятками других большевиков пытался протестовать против начинавшейся расправы над старой гвардией Ленина. Какую форму имел протест? О, далекую от заговора! Енукидзе убеждал Калинина, звонил по телефону членам Политбюро, может, и самому Сталину. Этого было достаточно. В качестве секретаря ЦИК, одной из центральных фигур Кремля, Енукидзе был совершенно нетерпим в момент, когда Сталин ставил свою ставку на гигантский судебный подлог. Но Енукидзе был все же слишком крупной фигурой, пользовался слишком многочисленными симпатиями и слишком мало походил на заговорщика или шпиона (тогда эти термины сохраняли еще тень смысла и в кремлевском словаре), чтоб его можно было просто расстрелять без разговоров. Сталин решил

---

[119] Троцкому запомнилось почему-то лишь поведение записного грубияна Сахарова. Но и другие видные партийцы, защищавшие в то время «генеральную линию» Сталина против «уклонистов» Троцкого, Зиновьева и Каменева, вели себя так же «по-гангстерски».

действовать в рассрочку. ЦИК Закавказской федерации – по секретному заказу Сталина – обратился в Кремль с ходатайством об «освобождении» Енукидзе от обязанностей секретаря ЦИКа СССР, дабы можно было избрать его председателем высшего советского органа Закавказья. Это ходатайство было удовлетворено в начале марта. Но Енукидзе вряд ли успел доехать до Тифлиса, как газеты уже сообщили о его назначении… начальником кавказских курортов. Это назначение, носившее характер издевательства, – вполне в стиле Сталина – не предвещало ничего хорошего. Действительно ли Енукидзе заведовал в течение дальнейших двух с половиной лет курортами? Скорее всего он просто состоял под надзором ГПУ на Кавказе. Но Енукидзе не сдался. Второй суд над Зиновьевым – Каменевым (август 1936 г.), закончившийся расстрелом всех подсудимых, видимо, ожесточил старого Авеля. Вздор, будто появившееся за границей полуапокрифическое «письмо старого большевика» принадлежало перу Енукидзе[120]. Нет, на такой шаг он и не был способен. Но Авель возмущался, ворчал, может быть, проклинал. Это было слишком опасно. Енукидзе слишком много знал. Надо было действовать решительно. Енукидзе был арестован. Первоначальное обвинение носило смутный характер: слишком широкий образ жизни, непотизм и прочее. Сталин действовал в рассрочку. Но Енукидзе не сдался и тут[121]. Он отказался давать какие-либо «признания», которые позволили бы включить его в число подсудимых процесса Бухарина – Рыкова. Подсудимый без добровольных признаний не подсудимый. Енукидзе был расстрелян без суда – как «предатель и враг народа». Такого конца Авеля Ленин не предвидел, а между тем он умел предвидеть многое.

Судьба Енукидзе тем более поучительна, что сам он был человеком без особых примет, скорее типом, чем личностью. Он пал жертвой своей принадлежности к старым большевикам. В жизни этого поколения был свой героический период: подпольные типографии, схватки с царской полицией, аресты, ссылки. 1905 год был, в сущности, высшей точкой в орбите «старых большевиков», которые в идеях своих не шли дальше демократической революции. К октябрьскому перевороту эти люди, уже потрепанные жизнью и уставшие, примкнули в большинстве своем со сжатым сердцем. Зато тем увереннее они стали устраиваться в советском аппарате. После военной победы над врагами им казалось, что впереди предстоит мирное и беспечальное житие. Но история обманула Авеля Енукидзе. Главные трудности оказались впереди. Чтобы обеспечить миллионам больших и малых чиновников бифштекс, бутылку вина и другие блага жизни, понадобился тоталитарный режим. Вряд ли сам Енукидзе – совсем не теоретик – умел вывести самодержавие Сталина из тяги бюрократии к комфорту. Он был просто одним из орудий Сталина в насаждении новой привилегированной касты. «Бытовое разложение», которое ему лично вменили в вину, составляло на самом деле органический элемент официальной политики. Не за это погиб Енукидзе, а за то, что не сумел идти до конца. Он долго терпел, подчинялся и приспосабливался. Но наступил предел, который он оказался неспособен переступить. Енукидзе не устраивал заговоров и не готовил террористических актов. Он просто поднял поседевшую голову с ужасом и отчаянием. Он вспомнил, может быть, старое пророчество Калинина: Сталин завезет нас всех в канаву. Вспомнил, вероятно,

---

[120] Автором этого письма был Борис Николаевский. Он составил его по рассказам вырвавшихся из Советского Союза партийных оппозиционеров, вставил почти дословно несколько фрагментов из своих разговоров с Николаем Бухариным, но в первую очередь опирался на различные материалы «Социалистического вестника» и «Бюллетеня оппозиции», в частности, о деле Рютина и о борьбе на советском Олимпе.

[121] Троцкий, пока до него не дошло достаточно сведений о работе сталинских мастеров пыточных дел, считал, что если подследственный либо подсудимый дает показания, то это значит – он не обладает достаточной силой воли. Опять-таки о политиках, не выведенных на открытый процесс, Троцкий думал, что они своим мужеством завели следствие в тупик. На самом деле «не пошедших на контакт» со следствием арестованных были считанные единицы, а кого выводить на процесс – подчас зависело от случая либо от «кондиции» подследственного. В даче же показаний играли роль не столько моральный критерий и даже не сила воли, сколько тот факт, как быстро следствие откроет ахиллесову пяту своей жертвы (привязанность к семье, реакцию на определенные лекарства либо гипноз, сильный или слабый болевой потолок). Не стоит также списывать со счета и остатки веры в свои прежние идеалы, из-за чего «разоруживались» не раз перед следствием даже самые сильные в физическом и моральном отношении люди.

предупреждение Ленина: Сталин нелоялен и будет злоупотреблять властью. Енукидзе попробовал остановить руку, занесенную над головами старых большевиков. Этого оказалось достаточно. Начальник ГПУ получил приказание арестовать Енукидзе. Но даже Генрих Ягода, циник и карьерист, подготовивший процесс Зиновьева, испугался этого нового поручения. Тогда Ягоду сменил незнакомец Ежов, ничем не связанный с прошлым. Ежов без труда подвел под маузер всех, на кого пальцем указал Сталин. Енукидзе оказался одним из последних. В его лице старое поколение большевиков сошло со сцены, по крайней мере, без самоунижения.

Койоакан,
8 января 1938 года

Приложение

В Секретариат ЦКК тов. Янсону

Ввиду отсутствия в Москве отвечаю на Ваш запрос по поводу тов. Енукидзе с запозданием.

Речь у меня шла о линии тов. Енукидзе от Февральской революции, точнее, с мая, когда я прибыл из канадского плена, до Октябрьской.

Енукидзе утверждает, что он и в то время был большевиком. Я ему напомнил, что он занимал колеблющуюся, выжидательную позицию – вроде Элиавы или Сурица – и что я раза два говорил ему: «Идите к нам». На это Енукидзе несколько раз возражал:

Никогда я с вами не разговаривал.

И далее:

Я с ним знаком лично никогда не был и никогда не говорил с ним.

Уже эти категорические утверждения вызывают недоумение. В тот период (апрель – август) большевики в составе руководящих советских органов: в ЦИК, в головке рабочей и солдатской секций Петроградского Совета – были наперечет. Со всеми ими я связался в течение первых же недель по приезде из Америки. Каким же это образом вышло, что Енукидзе со мной ни разу не разговаривал и не был знаком? Бывал ли он на заседаниях большевистской фракции? Да или нет?

Кто принадлежал к большевикам и кто не принадлежал – обнаружилось особенно ярко в июльские дни. Президиум ЦИК созвал Пленум ЦИК. Большевистская фракция обсуждала – в отсутствие Ленина, Зиновьева и Каменева – вопрос, какую линию вести на Пленуме. Был ли Енукидзе в то время членом ЦИК, присутствовал ли он на заседании большевистской фракции?

Когда громили большевиков, выступал ли Енукидзе в их защиту? Где был Енукидзе, когда вызванный Керенским с фронта полк вступил в Таврический Дворец, когда нас травили как изменников, агентов Гогенцоллерна, революционных пораженцев и контрреволюционеров? Где был тогда Енукидзе? Участвовал ли он в совещаниях небольшой большевистской группы депутатов, выступал ли в защиту большевиков? Солидаризировался ли где-нибудь и как-нибудь с Лениным, когда его травили как агента Гогенцоллерна?

Когда Ленин и Зиновьев скрывались, когда Каменев был арестован, какие шаги предпринимал Енукидзе для опровержения низкопробной клеветы на них? Выступал ли он по этому поводу в ЦИК? Или на страницах официальных «Известий»? Пусть разыщет и укажет стенограммы своих речей, или свои статьи, или свои заявления.

Приходил ли Енукидзе в большевистский штаб, в редакцию «Правды»? Сотрудничал ли в «Правде» и в других наших изданиях в критический период (май– август)?

Выступал ли на собраниях и митингах с большевистскими речами?

От какой организации прошел Енукидзе в состав ЦИК? По чьему списку? Перед кем отчитывался? Этот вопрос можно и должно проверить по протоколам Первого съезда Советов и ЦИКа.

Кроме того, я оставляю за собою право назвать ряд свидетелей того, что в наиболее критический период (май – август) никто т. Енукидзе в большевистской среде не видал.

3 октября 1927 года

Л. Троцкий

Серебровский

В Комиссию ЦКК ВКП(б)

т. т. А. СОЛЬЦУ, Е. ЯРОСЛАВСКОМУ И М. УЛЬЯНОВОЙ
24 мая 1926 года
Уважаемые товарищи!

Ваш запрос от 28 апреля по поводу тов. Серебровского мною был получен после моего возвращения в Москву. Поэтому имею возможность на него ответить только теперь.

1. Тов. Серебровского я знаю с 1905 года. Он входил тогда в боевую дружину меньшевиков (кажется) и был членом Петербургского Совета. Я знал его как самого смелого боевика и считал его рабочим. Будучи студентом-технологом (кажется), он жил отдельно от семьи, пролетарием, под фамилией Логинова. После ареста Совета в 1905 году я на 12 лет потерял Логинова из виду. Встретился я с ним снова только в начале мая 1917 года, по моем возвращении из канадского плена. Узнав из газет о моем приезде, т. Серебровский прибыл ко мне на квартиру. Я совершенно не узнал в офицере Серебровском бывшего боевика 1905 года. Только в тот раз я узнал, что т. Серебровский был в 1905 году студентом-технологом и что он затем закончил инженерное образование, кажется, в Бельгии. Серебровский просил меня переехать к нему на квартиру немедленно со всей семьей. В объяснение этого нужно сказать, что он ко мне очень тепло относился в 1905 году. Тов. Серебровский привез нас с семьей на один из больших петроградских заводов, где он занимал должность назначенного от военного ведомства директора. Тут же я узнал, что т. Серебровский состоит назначенным от казны членом правления какого-то другого завода.

Мы провели с семьей на квартире Серебровского несколько дней[122]. Должен, однако, сказать, что по мере того, как разговор переходил с воспоминаний о прошлом на текущие вопросы революции, отношения стали портиться; Т. Серебровский и его жена были настроены очень патриотически, говорили о необходимости покончить с немцами и враждебно относились к большевикам. По этой причине мы с женой и покинули квартиру Серебровских.

Из сказанного вытекает ответ на второй вопрос: летом 1917 года т. Серебровский не мог быть членом нашей партии. Не знаю, принадлежал ли он в то время к какой либо другой партии. На меня он производил впечатление делового инженера-патриота, в котором события всколыхнули отголоски 1905 года. Об отношениях между т. т. Серебровским и Шляпниковым я не знаю ничего.

Привлекался ли к работе т. Серебровский в 1917–1918 годы как член нашей партии? В 1917 году это вряд ли могло иметь место. Категорически, однако, я этого утверждать не могу, так как после нескольких дней упомянутого проживания на его квартире я с ним не встречался и об эволюции его не знаю. Помнится, что я принимал участие в привлечении его к работе в качестве инженера-техника, администратора, но это было уже позже – либо во второй половине 1918-го, либо в начале 1919 года. Я не считал тогда Серебровского членом партии, а относился к нему скорее как к способному, энергичному инженеру. О том, что т. Серебровский стал членом партии, я узнал сравнительно позже, по-видимому, от него же самого при одной из деловых встреч, кажется, одновременно с тем, как узнал, что он состоит членом ЦК Азербайджанской компартии. Это меня несколько удивило, так как я считал, что т. Серебровский внутренне порвал с политикой давно.

---

[122] В своих воспоминаниях «Моя жизнь» Троцкий пишет: «Серебровский был патриот. Как обнаружилось позже, он питал злобную ненависть к большевикам и считал Ленина немецким агентом. […] После нашей победы в Октябре я привлек Серебровского к советской работе. Как многие другие, он через советскую службу вошел в партию. Сейчас это член сталинского ЦК партии, одна из опор режима. Если в 1905 году он сходил за пролетария, то теперь несравненно легче сходит за большевика».

Был ли т. Серебровский в 1917 году представителем интересов капиталистов, нашим классовым врагом? К тому, что я сказал в первом пункте, прибавить тут ничего не могу. Т. Серебровский занимал пост директора крупных заводов по назначению от военной администрации. Входил ли он при этом – добровольно или по должности – в ту или другую организацию заводчиков, мне не известно. Каковы были его отношения с рабочими, не знаю. К большевикам он относился враждебно. Неосведомленность моя объясняется тем, что после того, как для меня выяснились его патриотические, антибольшевистские настроения, я, естественно, избегал каких бы то ни было разговоров на политические и вообще общественные темы и поспешил выехать с завода.

В заключение должен прибавить, что я был совершенно поражен, когда увидел имя т. Серебровского в списке членов в кандидаты ЦК.

Л. Троцкий

P. S. После того, как я написал этот ответ, я увидел из списка делегатов XIV съезда партии, что за т. Серебровским зачислен партстаж с 1903 года[123]. С моим представлением о т. Серебровском это совершенно не вяжется. Впрочем, как мне указывали, и у некоторых других делегатов зачислены стажи, не совпадающие с действительным характером прошлой работы. Возможно, что здесь имеют место простые опечатки или редакционные недосмотры.

26 мая 1926 года

В Комиссию ЦКК ВКП(б)

т. т. СОЛЬЦУ, ЯРОСЛАВСКОМУ, М.УЛЬЯНОВОЙ

Уважаемые товарищи!

В дополнение к своему письму от 24-го мая по поводу т. Серебровского имею сообщить нижеследующее обстоятельство, о котором мне на днях напомнил т. Шляпников во время разговора о т. Серебровском.

В 1917 году (а, может быть, в самом начале 1918-го) возник в ЦК (вернее, в среде двух-трех членов его) вопрос о народном комиссаре торговли и промышленности в связи с общим саботажем технической интеллигенции. Владимир Ильич выдвинул такую примерно идею: а что, если бы перетянуть на свою сторону какого-нибудь крупного инженера, который по прошлому своему не внушал бы слишком большой антипатии рабочим и в то же время имел бы авторитет у инженеров? Такого спеца с именем можно было бы назначить народным комиссаром торговли и промышленности без какой-либо серьезной власти под непосредственным наблюдением Совета Народных Комиссаров. Цель такого назначения – смутить саботажников, внести в их ряды раздвоение. Если бы этот спец с именем попытался бы самовольничать, его можно сместить в два счета. Таков приблизительно был ход мыслей Владимира Ильича. Сам он называл в качестве желательного кандидата Л. Б. Красина, который тогда, как известно, не только стоял вне партии, но и отказывался от какой бы то ни было совместной работы. Мы опасались поэтому, что Красин не пойдет, и искали других имен. Вот тогда-то я, должно быть, и назвал в первый раз Владимиру Ильичу Серебровского как инженера с именем и с известным революционным прошлым. По этому поводу, должно быть, были переговоры с т. Шляпниковым.

Руководители Союза металлистов высказались, насколько помню, как против Красина, так и против Серебровского. Отсюда и вытекало, кажется, назначение т. Шляпникова народным комиссаром торговли и промышленности.

В деле этом я дальнейшего участия не принимал. Переговоры с металлистами и проч. вел,

---

[123] Возмущение Троцкого объяснимо в первую очередь тем, что начисление соответственного партийного стажа с середины 20-х годов зависело от Секретариата ЦК и превратилось в орудие сталинской партийной бюрократии. Если, к примеру, во время партийных съездов, проводившихся при жизни Ленина, активным участникам Октябрьской революции (будь они бывшие меньшевики, межрайонцы либо внефракционные социал-демократы) засчитывали их старый партийный стаж, то на XIII съезде Троцкий и его сторонник Карл Радек присутствовали в качестве членов партии лишь с 1917 года. А «старый большевик» Серебровский в отличие от них уходил из рабочего движения на долгие годы.

вероятно, непосредственно Владимир Ильич. Мое участие, как сказано, выразилось в том, что я очень условно и гадательно выдвинул кандидатуру Серебровского как беспартийного крупного спеца, которого хорошо бы перетянуть на ответственную работу, чтобы внести смуту в ряды саботажного инженерства.

Л. Троцкий 23 июня 1926 года

Блюмкин

Дорогой друг![124]

В номере «Последних новостей» от 29 декабря 1929 года имеется нижеследующая телеграмма:

> «БЛЮМКИН РАССТРЕЛЯН».
>
> «Кельн, 28 декабря.
>
> Московский корреспондент „Кельнише цайтунг“ телеграфирует: На днях по ордеру ГПУ арестован небезызвестный Блюмкин, убийца Мирбаха.
>
> Блюмкин был изобличен в поддерживании тайных отношений с Троцким. По приговору коллегии ГПУ Блюмкин расстрелян».

Верно ли это сообщение? Абсолютной уверенности в этом у меня нет. Но целый ряд обстоятельств не только позволяют, но и заставляют думать, что это верно. Чтобы выразиться еще точнее: внутренне я в этом нисколько не сомневаюсь. Не хватает только юридического подтверждения убийства Блюмкина Сталиным.

Вы, конечно, знаете, что Блюмкин довольно скоро после восстания левых эсеров перешел к большевикам, принимал героическое участие в гражданской войне. Затем довольно долго работал в моем военном секретариате. В дальнейшем он работал главным образом по линии ГПУ, но также и по военной и по партийной линии. Он выполнял в разных странах очень ответственные поручения. Преданность его Октябрьской революции и партии была безусловной.

До последнего часа Блюмкин оставался на ответственной советской работе. Как он мог удержаться на ней, будучи оппозиционером? Объясняется это характером его работы: она имела совершенно индивидуальный характер; Блюмкину не приходилось или почти не приходилось иметь дело с партийными ячейками, участвовать в обсуждении партийных вопросов и пр. Это не значит, что он скрывал свои взгляды. Наоборот, и Менжинскому и Триллисеру, бывшему начальнику иностранного отдела ГПУ, Блюмкин говорил, что симпатии его на стороне оппозиции, но что, разумеется, он готов, как и всякий оппозиционер, выполнять свою ответственную работу на службе Октябрьской революции. Менжинский и Триллисер считали Блюмкина незаменимым, и это не было ошибкой. Они оставили его на работе, которую он выполнял, до конца.

Блюмкин действительно разыскал меня в Константинополе. Я уже упомянул выше, что Блюмкин был со мною лично тесно связан работой в моем секретариате. Он подготовлял, в частности, один из моих военных томов (об этом я говорю в предисловии к этому тому). Блюмкин явился ко мне в Константинополе, чтоб узнать, как я оцениваю обстановку, и проверить, правильно ли он поступает, оставаясь на службе правительства, которое высылает, ссылает и заключает в тюрьмы его ближайших единомышленников. Я ответил ему, разумеется, что он поступает совершенно правильно, выполняя свой революционный долг, – не по отношению к сталинскому правительству, узурпировавшему права партии, а по отношению к Октябрьской революции.

Вы, может быть, читали в одной из статей Ярославского ссылку на то, что летом я

---

[124] На копии письма, хранящейся в архиве М. Истмена в Индианском университете, в верхней левой части письма рукою Троцкого написано: «Не для печати, а для использования». – *Прим. ред. – сост.*

беседовал с одним посетителем и предрекал ему будто бы скорую и неизбежную гибель советской власти. Разумеется, презренный сикофант лжет. Но из сопоставления фактов и дат для меня ясно, что речь идет о моей беседе с Блюмкиным. На его вопрос о совместимости его работы с его принадлежностью к оппозиции, я ему в числе прочего сказал, что моя высылка за границу, как и тюремные заключения других товарищей, не меняют нашей основной линии; что в минуту опасности оппозиционеры будут на передовых позициях; что в трудные часы Сталину придется призывать их, как Церетели призывал большевиков против Корнилова. В связи с этим я сказал: «Как бы только не оказалось слишком поздно».

Очевидно, Блюмкин после ареста изложил эту беседу как доказательство подлинных настроений и намерений оппозиции: не нужно ведь забывать, что я выслан по обвинению в подготовке вооруженной борьбы против советской власти! Через Блюмкина я передал в Москву информационное письмо к единомышленникам[125], в основе которого лежали те же взгляды, которые я излагал и в ряде напечатанных статей: репрессии сталинцев против нас еще не означают изменения классовой природы государства, а только подготовляют и облегчают такое изменение; наш путь по-прежнему остается путем реформы, а не революции; непримиримая борьба за свои взгляды должна быть рассчитана на долгий срок.

Позже я получил сообщение, что Блюмкин арестован и что пересланное через него письмо попало в руки Сталина. Мне неизвестно, при каких условиях был арестован Блюмкин. Московские власти знали о том, что он был в Константинополе. Его начальство (Менжинский, Триллисер) знало об его оппозиционных взглядах. В Москву он вернулся по собственной инициативе в интересах той работы, которую выполнял. О дальнейшем я знаю только то, что сказано в приведенной мною выше телеграмме «Кельнише цайтунг».

Значение этого факта не требует пояснений. Вы знаете по знаменитому процессу 1922 года, что даже социалистов-революционеров, организовавших покушения на Ленина, Урицкого, Володарского, меня и других, не подвергли расстрелу. Из левых социалистов-революционеров, к которым в 1918 году принадлежал и Блюмкин, расстрелян был один только Александрович в момент организованного им восстания. Блюмкин, участник этого восстания, стал вскоре членом большевистской партии и активным советским работником. Но, если его не расстреляли в 1918 году за руководящее участие в вооруженном восстании против советской власти, то его расстреляли в 1929 году за то, что он, самоотверженно служа делу Октябрьской революции, расходился, однако, в важнейших вопросах с фракцией Сталина и считал своим долгом распространять взгляды большевиков-ленинцев (оппозиции).

Блюмкин расстрелян, – повторяю, лично я не сомневаюсь в этом факте, – по постановлению ГПУ. Такой факт мог иметь место только потому, что ГПУ стало чисто личным органом Сталина, В годы гражданской войны ЧК совершал суровую работу. Но эта работа велась под контролем партии. Сотни раз из среды партии поднимались протесты, заявления, требования объяснений по поводу тех или других приговоров. Во главе ЧК стоял Дзержинский, человек высокой нравственной силы. Он был подчинен Политбюро, члены которого имели по всем вопросам свое собственное мнение и умели за него постоять. Все это создавало гарантию того, что ЧК является орудием революционной диктатуры. Сейчас партия задушена. О расстреле Блюмкина тысячи, десятки тысяч партийцев будут с ужасом шептаться по углам. Во главе ГПУ стоит Менжинский, не человек, а тень человека[126]. Главную роль в ГПУ играет Ягода, жалкий карьерист, связавший свою судьбу с судьбой Сталина и готовый выполнять, не задумываясь и не рассуждая, любое из его личных распоряжений. Политбюро не существует.

---

[125] Троцкий, излагая ниже в нескольких словах содержание этого письма, видимо, не имел в руках копии. Французский историк Пьер Брюэ нашел эту копию среди гарвардских бумаг Троцкого. Вопреки широко распространенной легенде письмо это было направлено не Радеку. Напротив, в нем содержится критика «капитулянтского» поведения последнего.

[126] Почти теми же словами говорится о председателе коллегии ОГПУ в книге «Моя жизнь»: «Он казался больше тенью какого-то другого человека, неосуществившегося, или неудачным эскизом ненаписанного портрета. Есть такие люди. Иногда только вкрадчивая улыбка и потаенная игра глаз свидетельствовали о том, что этого человека снедает стремление выйти из своей незначительности».

Бухарин уже заявлял, что Сталин держит в своих руках членов так называемого Политбюро при помощи документов, собранных через ГПУ. В этих условиях кровавая расправа над Блюмкиным явилась личным делом Сталина.

Это неслыханное преступление не может пройти бесследно даже в нынешних условиях аппаратного всевластия. Сталин не мог не чувствовать этого заранее, и тот факт, что он при всей своей осторожности решился убить Блюмкина, свидетельствует, как велик страх этого человека перед левой оппозицией. Не может быть никакого сомнения в том, что Блюмкин явился жертвой искупления за то, что за Радеком и другими капитулянтами пошло лишь небольшое меньшинство оппозиции, в то время как за границей оппозиция в ряде стран делает серьезные идейные и организационные успехи.

Расстрелом Блюмкина Сталин хочет сказать международной оппозиции большевиков-ленинцев, что внутри страны у него есть сотни и тысячи заложников, которые будут расплачиваться своими головами за успехи подлинного большевизма на мировой арене. Другими словами, после исключений из партии, лишения работы, обречения семей на голод, заключения в тюрьму, высылок и ссылок Сталин пытается запугать оппозицию последним остающимся в его руках средством: расстрелами.

Можно с уверенностью предсказать, что результаты будут прямо противоположны тем целям, какие Сталин себе ставит. Исторически прогрессивное идейное течение, опирающееся на объективную логику развития, нельзя ни запугать, ни расстрелять. Ясно, однако, что оппозиция не может в расчете на объективный ход вещей пассивно относиться к новой, на этот раз кровавой полосе термидорианских репрессий Сталина. Надо немедленно же открыть международную кампанию, в которой каждый отдельный оппозиционер должен сделать то, что в других бы условиях легло на плечи трех, пяти или десяти человек.

Как я себе представляю ход этой кампании?

Прежде всего надо довести самый факт до сведения всех коммунистов и потребовать от официального руководства партии подтверждения или опровержения этого факта. Чем решительнее, шире, смелее будет поставлен вопрос, чем полнее будет официальное руководство застигнуто врасплох, тем скорее можно будет добиться вскрытия всей подоплеки этого дела. Надо создать такую обстановку, чтоб Париж, Берлин, Вена, Прага, Нью-Йорк требовали объяснения от Москвы.

Что для этого нужно? Прежде всего, мне кажется, выпустить небольшой листок на тему: «Верно ли, что Сталин убил товарища Блюмкина?» В этом листке надо Кашенам, Тельманам и К0 поставить в упор следующие вопросы: знают ли они об этом факте? берут ли на себя ответственность за убийство пролетарского революционера сталинской кликой?

Если не последует на первый запрос никакого ответа, – а так оно, вероятно, и будет, – то надо по горячим следам выпустить второй листок, более наступательного характера, и распространить его в десятках тысяч экземпляров всеми путями и каналами, какие только возможны.

Вполне возможно, что Сталин попытается в случае напора с Запада и тревоги в ВКП пустить какой-нибудь отравленный вариант в духе связи с «врангелевским офицером», подготовки восстания или террористических актов. К такого рода гнусностям надо быть готовыми. Вряд ли, однако, подобные объяснения произведут серьезное впечатление, – как потому, что вообще слишком пахнет приемами бонапартистской полиции, так и, в особенности, потому, что в борьбе с оппозицией Сталин уже израсходовал, в сущности, эти ресурсы. Незачем напоминать, что та принципиальная позиция, на которой стоял Блюмкин вместе со всеми нами, исключала с его стороны какие бы то ни было авантюристские методы борьбы.

Дело Блюмкина должно стать делом Сакко и Ванцетти левой коммунистической оппозиции. Борьба за спасение наших единомышленников в СССР должна вместе с тем стать проверкой рядов оппозиции в странах Запада. Проведя кампанию по-революционному, т. е. с величайшим напряжением сил и с высшим самоотвержением, оппозиция сразу вырастет на целую голову. Это даст нам право сказать, что Блюмкин отдал свою жизнь не даром,

* * *

Каждый оппозиционный центр должен тщательно обсудить ближайшие шаги кампании и подготовить их со всей тщательностью.

Для практического проведения намеченных мер лучше всего, может быть, выбрать в каждом городе полномочную тройку, которой должны быть подчинены все члены оппозиционной организации в деле проведения этой кампании.

Не исключена возможность того, что прежде чем до вас дойдет это письмо, в печати появятся такого рода сообщения о судьбе Блюмкина, которые сделают ненужным дальнейшие «юридические» запросы насчет подтверждения или опровержения. Тогда придется просто констатировать факт и запросить ЦК партии, берет ли он на себя ответственность перед рабочим классом за это преступление.

Вся задача в том, чтобы запрос не превратился в холостой выстрел, т. е. чтобы он не свелся к одноактному выпуску листка. Надо найти способы снова и снова ставить этот вопрос или бросать это обвинение – в упор. Надо проникать на партийные и вообще рабочие собрания. Надо заготовить плакаты, коротенькие (в десять строк) летучие листки и проч., и проч.

Материал, заключающийся в настоящем письме, лучше использовать по частям, пустив все то, что относится к свиданию со мной Блюмкина в Константинополе, не в первом листке, а во втором.

Я доставлю в дальнейшем дополнительные материалы, в частности, пришлю характеристику Блюмкина в форме некролога, когда будут устранены последние, чисто формальные, сомнения насчет постигшей его судьбы.

С оппозиционным приветом

Л. Троцкий 4 января 1930 года.

Приложение

Из письма Л. Троцкого Максу Истмену[127]

4 января 1930 г.

Дорогой друг!

Посылаю Вам при сем письмо, посвященное расстрелу Блюмкина. Письмо это, как видно из его текста, не предназначается для напечатания в полном его виде, а для использования в той устной и печатной агитации, которая совершенно необходима в связи с этим делом (об этом подробно говорится в самом письме).

Я надеюсь на то, что американские друзья проявят в этом вопросе необходимую энергию и поставят Фостеру[128] и другим перед лицом массы вопрос в упор: берет ли он на себя ответственность за убийство Блюмкина. […]

Максим Горький

Горький умер, когда ему уже ничего не оставалось сказать. Это примиряет со смертью замечательного писателя, оставившего крупный след в развитии русской интеллигенции и рабочего класса на протяжении 40 лет.

Горький начал как поэт босяка. Этот первый период был его лучшим периодом как художника. Снизу, из трущоб, Горький принес русской интеллигенции романтический дух дерзания, – отвагу людей, которым нечего терять. Интеллигенция собиралась как раз разбивать

---

[127] Архив М. Истмена в Индианском университете. – *Прим. ред. – сост.*

[128] Фостер Уильям (1881–1961).-В 1929–1944 и в 1945–1957 годы председатель ЦК Компартии США, автор известной в свое время ортодоксальнейшей книги, посвященной истории трех Интернационалов.

цепи царизма. Дерзость нужна была ей самой, и эту дерзость она несла в массы.

Но в событиях революции не нашлось, конечно, места живому босяку, разве что в грабежах и погромах. Пролетариат столкнулся в декабре 1905 года с той радикальной интеллигенцией, которая носила Горького на плечах, как с противником. Горький сделал честное и, в своем роде, героическое усилие – повернуться лицом к пролетариату. «Мать» остается наиболее выдающимся плодом этого поворота. Писатель теперь захватывал неизмеримо шире и копал глубже, чем в первые годы. Однако литературная школа и политическая учеба не заменили великолепной непосредственности начального периода. В босяке, крепко взявшем себя в руки, обнаружилась холодноватая рассудочность. Художник стал сбиваться на дидактизм. В годы реакции Горький раздваивался между рабочим классом, покинувшим открытую арену, и своим старым друго-врагом интеллигенцией с ее новыми религиозными исканиями. Вместе с покойным Луначарским он отдал дань волне мистики. Памятником этой духовной капитуляции осталась слабая повесть «Исповедь».

Глубже всего в этом необыкновенном самоучке сидело преклонение перед культурой: первое, запоздалое приобщение к ней как бы обожгло его на всю жизнь. Горькому не хватало ни подлинной школы мысли, ни исторической интуиции, чтоб установить между собой и культурой должную дистанцию и тем завоевать для себя необходимую свободу критической оценки. В его отношении к культуре всегда оставалось немало фетишизма и идолопоклонства.

К войне Горький подошел прежде всего с чувством страха за культурные ценности человечества. Он был не столько интернационалистом, сколько культурным космополитом, правда, русским до мозга костей. До революционного взгляда на войну он не поднялся, как и до диалектического взгляда на культуру. Но все же он был многими головами выше патриотической интеллигентской братии.

Революцию 1917 года Горький встретил с тревогой, почти как директор музея культуры: «разнузданные» солдаты и «неработающие» рабочие внушали ему прямой ужас. Бурное и хаотическое восстание в июльские дни вызвало в нем только отвращение. Он снова сошелся с левым крылом интеллигенции, которое соглашалось на революцию, но без беспорядка. Октябрьский переворот он встретил в качестве прямого врага, правда, страдательного, а не активного.

Горькому очень трудно было примириться с фактом победоносного переворота: в стране царила разруха, интеллигенция голодала и подвергалась гонениям, культура была (или казалась) в опасности. В те первые годы он выступал, преимущественно, как посредник между советской властью и старой интеллигенцией, как ходатай за нее перед революцией. Ленин, ценивший и любивший Горького, очень опасался, что тот станет жертвой своих связей и своих слабостей, и добился в конце концов его добровольного выезда за границу.

С советским режимом Горький примирился лишь после того, как прекратился «беспорядок» и началось экономическое и культурное восхождение. Он горячо ценил гигантское движение народных масс к просвещению и, в благодарность за это, задним числом благословил октябрьский переворот.

Последний период его жизни был, несомненно, периодом заката. Но и этот закат входит закономерной частью в его жизненную орбиту. Диалектизм его натуры получил теперь широкий простор. Горький неутомимо учил молодых писателей, даже школьников, учил не всегда тому, чему следует, но с искренней настойчивостью и душевной щедростью, которые с избытком искупали его слишком вместительную дружбу с бюрократией. И в этой дружбе наряду с человеческими, слишком человеческими чертами, жила и преобладала все та же забота о технике, науке, искусстве: «просвещенный абсолютизм» хорошо уживается со служением «культуре». Горький верил, что без бюрократии не было бы ни тракторов, ни пятилетних планов, ни, главное, типографских машин и запасов бумаги. Заодно он уж прощал бюрократии плохое качество бумаги и даже нестерпимо византийский характер той литературы, которая именовалась «пролетарской».

Белая эмиграция в большинстве своем относится к Горькому с ненавистью и третирует его не иначе как «изменника». Чему, собственно, изменил Горький, – остается неясным; надо все же думать – идеалам частной собственности. Ненависть к Горькому «бывших людей» бель-этажа – законная и вместе почетная дань этому большому человеку.

В советской печати едва остывшую фигуру Горького стремятся завалить горами неумеренных и фальшивых восхвалений. Его иначе не именуют как «гением» и даже «величайшим гением». Горький наверняка поморщился бы от такого рода преувеличений. Но печать бюрократической посредственности имеет свои критерии: если Сталин с Кагановичем и Микояном возведены заживо в гении, то, разумеется, Максиму Горькому никак нельзя отказать в этом эпитете после смерти. На самом деле Горький войдет в книгу русской литературы как непререкаемо ясный и убедительный пример огромного литературного таланта, которого не коснулось, однако, дуновение гениальности.

Незачем говорить, что покойного писателя изображают сейчас в Москве непреклонным революционером и твердокаменным большевиком. Все это бюрократические враки! К большевизму Горький близко подошел около 1905 года вместе с целым слоем демократических попутчиков. Вместе с ними он отошел от большевиков, не теряя, однако, личных и дружественных связей с ними. Он вступил в партию, видимо, лишь в период советского Термидора. Его вражда к большевикам в период Октябрьской революции и гражданской войны, как и его сближение с термидорианской бюрократией, слишком ясно показывают, что Горький никогда не был революционером. Но он был сателлитом революции, связанным с нею непреодолимым законом тяготения, и всю свою жизнь вокруг нее вращавшимся. Как все сателлиты, он проходил разные «фазы»: солнце революции освещало иногда его лицо, иногда спину. Но во всех своих фазах Горький оставался верен себе, своей собственной, очень богатой, простой и вместе сложной натуре. Мы провожаем его без нот интимности и без преувеличенных похвал, но с уважением и благодарностью: этот большой писатель и большой человек навсегда вошел в историю народа, прокладывающего новые исторические пути.

9 июля 1936 года.

О Демьяне Бедном (Некрологические размышления)

Демьян Бедный в опале. Ближайшие причины ее более или менее безразличны. Говорят, что он восстановил против себя всех молодых литераторов, а равно и старых. Говорят, что он сделал себя невозможным кое-какими личными художествами. Еще говорят, что он пытался подвести мину под Горького и сам взорвался на ней. Вероятно, есть всего понемножку. Объяснения трех порядков не противоречат друг другу, а в равной мере вытекают из природы обстановки и из природы лица.

Лицо, надо прямо сказать, не внушает симпатии, и обстановка вокруг него не ароматная. Тем не менее в той травле, которая теперь ведется против даровитого писателя, мы считаем своим долгом взять Демьяна Бедного под свою защиту. Не потому, конечно, что его травят: такого рода сентиментальность нам чужда. Решает в наших глазах вопрос: кто травит и за что? Хотя мысль наша может показаться на первый взгляд парадоксальной, но мы не боимся ее формулировать со всей возможной определенностью: задушение Демьяна Бедного входит частицей в общую работу бюрократии по ликвидации политических, идейных и художественных традиций октябрьского переворота.

Демьяна Бедного долго величали пролетарским поэтом. Кто-то из авербахов предлагал даже одемьянить советскую литературу. Это должно было означать: придать ей подлинно пролетарский характер. «Поэт-большевик», «диалектик», «ленинец в поэзии». Какой несусветный вздор! На самом деле Демьян Бедный воплощал в Октябрьской революции все, кроме ее пролетарского потока. Только жалкий схематизм, короткомыслие, попугайство эпигонского периода могут объяснить тот поразительный факт, что Демьян Бедный оказался зачислен в поэты пролетариата. Нет, он был попутчиком, первым крупным литературным попутчиком октябрьского переворота. Он давал выражение не рабочему-металлисту, а восставшему мужику и закусившему удила городскому мелкому буржуа. Мы это говорим не против Демьяна Бедного. Мелкобуржуазная стихия составляла грандиозный фон Октября. Без мужицкого красного петуха, без солдатского бунта рабочий не одержал бы победы. Максим Горький представлял в литературе «культурного» мещанина, который испугался

разнузданности стихий, а Демьян, напротив того, плавал в них как рыба в воде или как дельфин солидной комплекции.

Демьян – не поэт, не художник, а стихотворец, агитатор с рифмой, но очень высокого пошиба. Основными формами его стихотворства являются басня и раешник – обе формы чрезвычайно архаические, заведомо мужицкие, ни в какой мере не пролетарские. Выход на революционную арену самых глубоких народных масс, значит, прежде всего, крестьянства, не мог не вынести наружу, на поверхность потока самые старые формы словесного народного творчества. Демьян это почувствовал одним из первых…

Октябрьский переворот пробудил впоследствии к жизни целую литературу мужиковствующих, которая, пытаясь породниться с революцией, щеголяла в то же время архаизмами. Эта нарядная, расписная (Клюев!) литература явно окрашена кулаком. Да и как иначе? Досуг, игра фантазии, а равно и звонкая монета для узорчатого крыльца имелись только у зажиточных крестьян. На народную литературу кулак налагал свою печать с исконных времен.

Литература мужиковствующих консервативна, поскольку консервативен крепкий мужик, даже и вовлеченный в вихрь Октября. Из всех мужиковствующих Демьян Бедный ближе всего стоял к пролетариату, смелее всех принимал революцию, даже в ее чисто пролетарских чертах, которые, по сути дела, претили его нутру. Но оставался все же только попутчиком. Период его расцвета – годы гражданской войны, борьба мужика против монархии, против дворянства, генералитета, попов, да еще банкиров в придачу. В эти годы Демьян стал – не поэтом, и, во всяком случае, не пролетарским поэтом, – но революционным стихотворцем исторического роста. Литературу Демьян Бедный, пожалуй, ни на вершок не подвинул вперед. Но он помогал – при помощи литературы – двигать вперед революцию. А это заслуга покрупнее. Рассказы о том, будто Ленин чрезвычайно высоко ценил художественный талант Демьяна, представляют собою чистейшую легенду. Ленин ценил первоклассного агитатора с рифмой, замечательного мастера народной речи. Но это не мешало Ленину с глазу на глаз говорить о Демьяне:

«…Вульгарен, ах, как вульгарен; и не может без порнографии».

И вульгарность, и порнография окрашены у Демьяна кулацко-мещанской краской.

В основном Демьян израсходовался вместе с гражданской войной. Мужицкая стихия вошла в берега. На первый план выступили вопросы индустриализации, темпов, мировой революции – области, никак не укладывающиеся ни в басню, ни в раешник. Демьян пробовал воспрянуть, и не без некоторого успеха, в момент первой, наиболее органической реакции против левой оппозиции. Суть реакции состояла в том, что непролетарские попутчики Октября – просвещенный кулачок, нэпман, левый интеллигент, спецсменовеховец, чиновник – восстали против пролетарского командования и по-серьезному собрались послать «перманентную» революцию, т. е. международную пролетарскую революцию, ко всем чертям. Этому настроению Демьян дал весьма натуральное, чисто утробное выражение. Не нужно было никакого политического микрофона, чтобы различить в творчестве Демьяна Бедного 1924–1927 годов мелодию истинно русского термидора. Его фельетоны о браке и разводе застряли в памяти как отвратительные образцы бытовой заскорузлой реакции. Его национальные звукоподражания отдавали черносотенством, прямой отрыжкой «Киевлянина». Но эта слишком откровенная реакция явно стесняла и шокировала сталинскую бюрократию, которая в наиболее острый период борьбы с левой оппозицией не стеснялась вполне сознательно пользоваться чисто черносотенными настроениями, но при первой возможности постаралась от них отстраниться. Так попутчик Октября оказался попутчиком чиновничьего пред-термидора. После этого Демьян окончательно вышел в тираж.

По инерции он числился еще влиятельной фигурой. Проныры и пролазы из РАППа, не уловив темпа, кадили ему фимиам. Сам Демьян тоже не уловил темпа. Он считал себя аристократом революции и, хотя спины перед властями не жалел, но не прочь был при случае и положить ноги на стол. Созерцая внушительные подметки и каблуки заслуженного писателя, авербахи говорили хором:

– Надо, ах, как надо одемьянить пролетарскую литературу!

– Что? – поднял голос чиновник с более изощренным нюхом. – Да ведь Демьян чистейший моветон. К нам вот Горький с Капри приехал, и сам Бернард Шоу в гости

собирается. Демьян для чистой публики не подходит. К тому же у него явный уклон: в последнем фельетоне, третий столбец, 12-я строка снизу, в вопросе о колхозной курице. Не освещен также Сталин как теоретик. Нет, Демьян – это вчерашний день!

Нетрудно себе представить, в какое возбуждение пришел привыкший к бюрократическим лаврам поэт, когда почувствовал, что его оттирают. При этом случае он способен был дойти до дерзостей. «За что боролись?!» Ведь Горький по ту сторону баррикады стоял, а когда бой кончился, сел верхом на баррикаду, прослезился и предлагал всеобщую Мировую: без аннексий и контрибуций. А вот он, Демьян Бедный, и в ночь на 25 октября, и во многие другие дни и ночи был неутомимым певцом во стане красных воинов… Верно, все верно, но дело это нисколько не меняет. Амбициозный, строптивый Демьян и в околооктябрьской своей ипостаси, и в слегка черносотенной одинаково больше не нужен. Лакействовать он, правда, готов, но, так сказать, в оптовом масштабе; ловить же каждый циркуляр и мелкий зигзаг, заметать следы вчерашнего дня, сладостно трепетать от красноречия Кагановича, – нет, на это он уже не способен: на такие дела есть безымянские, старшие и младшие. И авербахи получили внезапно полное «просияние своего ума»: не только не надо одемьянивать литературу, но самого Демьяна надо раздемьянить до нитки. Так обернулось колесо и подмяло не очень симпатичную, но, во всяком случае, незаурядную фигуру. Был Демьян Бедный – и не стало Демьяна Бедного. И если мы остановились здесь на печальной его участи, то потому, что ликвидация Демьяна входит, хотя и боком, в бюрократическую ликвидацию чувств и настроений Октября.

Альфа[129]

Материалы запланированной, но не законченной Троцким книги «Мы и они»

Завещание Ленина

Школа чистого психологизма

Послевоенная эпоха ввела в широкий оборот психологическую биографию, которую мастера этого рода нередко совершенно вырывают из общества. Основной пружиной истории оказывается абстракция личности. Деятельность «политического животного», как гениально определил человека Аристотель, разлагается на личные страсти и инстинкты.

Слова об абстрактной личности могут показаться абсурдом. Не являются ли на самом деле абстрактными сверхличные силы истории? И что может быть конкретнее живого человека? Однако мы настаиваем на своем. Если очистить личность, хотя бы и самую гениальную, от содержания, которое вносится в нее средой, нацией, эпохой, классом, кругом, семьей, то останется пустой автомат, психофизический робот, объект естественных, но не социальных и не «гуманитарных» наук.

Причины ухода от истории и общества надо, как всегда, искать в истории и в обществе. Два десятилетия войн, революций и кризисов сильно потрепали суверенную человеческую личность. То, что хочет получить значение на весах современной истории, должно измеряться не менее чем семизначными числами. Обиженная личность ищет реванша. Не зная, как ей справиться с разнуздавшимся обществом, она поворачивается к нему спиною. Неспособная объяснить себя через исторический процесс, она пытается объяснить историю изнутри себя самой. Так индусские философы строили универсальные системы, созерцая собственный пупок.

Влияние Фрейда на новую биографическую школу неоспоримо, но поверхностно. По существу, салонные психологи склоняются к беллетристической безответственности. Они пользуются не столько методом Фрейда, сколько его терминами, и не столько для анализа, сколько для литературного украшения.

В последних своих работах Эмиль Людвиг, наиболее популярный представитель этого

---

[129] Один из псевдонимов Троцкого в журнале «Бюллетень оппозиции». – *Прим. ред. – сост.*

жанра, сделал новый шаг по избранному пути: изучение жизни и деятельности героя он заменил диалогом. За ответами политика на поставленные ему вопросы, за его интонациями и гримасами писатель открывает его действительные побуждения. Беседа превращается почти в исповедь.

По технике своей новый подход Людвига к герою напоминает подход Фрейда к пациенту: дело идет о том, чтоб вывести личность на чистую воду при ее собственном содействии. Но при внешнем сходстве, какая разница по существу! Плодотворность работ Фрейда достигается ценою героического разрыва со всякими условностями. Великий психоаналитик беспощаден. За работой он похож на хирурга, почти на мясника с засученными рукавами. Чего-чего, а дипломатичности в его технике нет и на сотую процента. Фрейда меньше всего заботят престиж пациента, соображения хорошего тона, всякая вообще фальшь и мишура. Именно поэтому он может вести свой диалог не иначе, как с глазу на глаз, без секретарей и стенографов, за дверью, обитой войлоком.

Иное дело Людвиг. Он вступает в беседу с Муссолини или со Сталиным, чтобы представить миру аутентичный портрет их души. Но беседа ведется по заранее согласованной программе. Каждое слово стенографируется. Высокопоставленные пациенты достаточно хорошо понимают, что может служить им на пользу, а что во вред. Писатель достаточно опытен, чтобы различать риторические уловки, и достаточно учтив, чтоб не замечать их. Развертывающийся в этих условиях диалог если и похож на исповедь, то на такую, которая инсценируется для звукового фильма.

Эмиль Людвиг пользуется каждым поводом, чтобы заявить: «Я ничего не понимаю в политике». Это должно означать: я стою выше политики. На самом деле, это лишь форма профессионального нейтралитета или, если сделать позаимствованье у Фрейда, та внутренняя цензура, которая облегчает психологу его политическую функцию. Так дипломаты не вмешиваются во внутреннюю жизнь страны, пред правительством которой они аккредитованы, что, впрочем, не мешает им при случае поддерживать заговоры и финансировать террористические акты.

Один и тот же человек в разных условиях развивает разные стороны своей личности. Сколько Аристотелей пасут свиней и сколько свинопасов носят 'на голове корону! Между тем Людвиг даже противоречия между большевизмом и фашизмом без труда растворяет в индивидуальной психологии. Столь тенденциозный «нейтралитет» не проходит безнаказанно и для самого проницательного психолога. Порвав с социальной обусловленностью человеческого сознанья, он вступает в царство субъективного произвола. «Душа» не имеет трех измерений и потому не способна на сопротивление, которое свойственно всем другим материалам. Писатель теряет вкус к изучению фактов и документов. К чему серые достоверности, когда их можно заменить яркими догадками?

В работе о Сталине, как и в книге о Муссолини, Людвиг остается «вне политики». Это нисколько не мешает его работам являться орудием политики. Чьей? В одном случае – Муссолини, в другом – Сталина и его группы. Природа не терпит пустоты. Если Людвиг не занимается политикой, то это не значит, что политика не занимается Людвигом.

В момент выхода моей Автобиографии[130], около трех лет тому назад, официальный советский историк Покровский, ныне уже покойный, писал: необходимо немедленно ответить на эту книгу, засадить за работу молодых ученых, опровергнуть все, что подлежит опровержению, и пр. Но поразительное дело: никто, решительно никто, не ответил, ничто не было ни разобрано, ни опровергнуто. Нечего было опровергать и некому, оказалось, написать книгу, для которой нашлись бы читатели.

За невозможностью нанести лобовой удар, пришлось прибегнуть к фланговому. Людвиг, конечно, не историк сталинской школы. Он независимый психологический портретист. Но именно через чуждого политике писателя удобнее всего бывает иногда пустить в оборот идеи, для которых не остается иного подкрепления, кроме популярного имени. Мы сейчас увидим, как это выглядит на деле.

---

[130] Троцкий Л. Моя жизнь. Опыт автобиографии. Т. 1–2. Берлин: Гранит, 1930. – *Прим. ред. – сост.*

«Шесть слов»

Ссылаясь на свидетельство Карла Радека, Эмиль Людвиг передает, с его слов, следующий эпизод:

> «После смерти Ленина сидели мы, 19 человек из ЦК, вместе, с напряжением ожидая, что нам скажет из своего гроба вождь, которого мы лишились. Вдова Ленина передала нам его письмо. Сталин оглашал его. Во время оглашения никто не пошевелился. Когда дело дошло до Троцкого, там значилось: „Его не большевистское прошлое не случайность“. На этом месте Троцкий прервал чтение и спросил: „Как там сказано?“ Предложение было повторено. Это были единственные слова, которые прозвучали в этот торжественный час».

Уже в качестве аналитика, а не повествователя, Людвиг делает замечание от себя:

> «Страшный момент, когда сердце Троцкого должно было остановиться: эта фраза из шести слов решила, в сущности, его жизнь».

Как просто, оказывается, найти ключ к историческим загадкам! Патетические строки Людвига раскрыли бы, вероятно, мне самому тайну моей судьбы, если бы… Если бы рассказ Радека – Людвига не был ложен с начала до конца: в мелком и в крупном, в безразличном и значительном.

Начать с того, что Завещание было написано Лениным не за два года до его смерти, как утверждает наш автор, а за год: оно датировано 4 января 1923 года, Ленин умер января 1924 года; политическая жизнь его окончательно оборвалась уже в марте 1923 года. Людвиг утверждает, будто Завещание никогда не было опубликовано полностью. На самом деле оно воспроизводилось десятки раз на всех языках мировой печати. Первое официальное оглашение Завещания в Кремле происходило не в заседании ЦК, как пишет Людвиг, а в Совете старейшин XIII партийного съезда, мая 1924 года. Оглашал Завещание не Сталин, а Каменев, в качестве неизменного в то время председателя центральных партийных учреждений. И, наконец, самое главное: я не прерывал чтения взволнованным восклицанием за отсутствием к этому какого бы то ни было повода: тех слов, которые Людвиг записал под диктовку Радека, в тексте Завещания нет: они представляют чистейший вымысел. Как ни трудно этому поверить, но это так!

Если бы Людвиг не относился слишком пренебрежительно к фактическому фундаменту для своих психологических узоров, он без труда мог бы достать точный текст Завещания, установить необходимые факты и даты и тем избежать плачевных ошибок, которыми, к сожалению, кишит его работа о Кремле и большевиках.

Так называемое Завещание написано в два приема, отделенных промежутком в десять дней: 25 декабря 1922 года и 4 января 1923 года. О документе знали первоначально только два лица: стенографистка М. Володичева, которая его записывала под диктовку, и жена Ленина, Н. Крупская. Пока оставалась тень надежды на выздоровление Ленина, Крупская оставляла документ под замком. После смерти Ленина она, незадолго до XIII съезда, передала Завещание в Секретариат ЦК, с тем чтоб оно через партийный съезд было доведено до сведения партии, для которой предназначалось.

К этому времени партийный аппарат был полуофициально в руках тройки (Зиновьев, Каменев, Сталин), фактически же в руках Сталина. Тройка решительно высказалась против оглашения Завещания на съезде, мотивы понять нетрудно. Крупская настаивала на своем. В этой стадии спор происходил за кулисами. Вопрос был перенесен на собрание старейшин съезда, т. е. руководителей провинциальных делегаций. Здесь о Завещании впервые узнали оппозиционные члены Центрального Комитета, в том числе и я. После того, как было постановлено, чтобы никто не делал записей, Каменев приступил к оглашению текста. Настроение аудитории действительно было в высшей степени напряженным. Но, насколько можно восстановить картину по памяти, я сказал бы, что несравненно больше волновались те,

которым содержание документа уже было известно. Тройка внесла через одного из подставных лиц предложение, заранее согласованное с провинциальными главарями: документ будет оглашен по отдельным делегациям, в закрытых заседаниях; никто не смеет при этом делать записи: на пленуме съезда на Завещание нельзя ссылаться. Со свойственной ей мягкой настойчивостью Крупская доказывала, что это есть прямое нарушение воли Ленина, которому нельзя отказать в праве довести свой последний совет до сведения партии. Но связанные фракционной дисциплиной члены Совета старейшин оставались непреклонны: подавляющим большинством прошло предложение тройки.

Чтоб пояснить смысл тех мистических и мифических «шести слов», которые будто бы решили мою судьбу, нужно напомнить некоторые предшествовавшие и сопутствовавшие обстоятельства. Уже в период острых споров по поводу октябрьского переворота «старые большевики», из числа правых, не раз указывали с раздражением на то, что Троцкий-де раньше не был большевиком; Ленин всегда давал таким голосам отпор: Троцкий давно понял, что объединение с меньшевиками невозможно, говорил он, например, 14 ноября 1917 года, «и с тех пор не было лучшего большевика»[131]. В устах Ленина эти слова кое-что означали.

Два года спустя, объясняя в письме к иностранным коммунистам условия развития большевизма, былые разногласия и расколы, Ленин указывал на то, что «в решительный момент, в момент завоевания власти и создания Советской Республики, большевизм оказался единым, он привлек к себе все лучшее из близких ему течений социалистической мысли»… Более близкого к большевизму течения, чем то, которое я представлял до 1917 года, не существовало ни в России, ни на Западе. Объединение мое с Лениным было предопределено логикой идей и логикой событий. В решительный момент большевизм привлек в свои ряды «все лучшее из близких ему течений» – такова оценка Ленина. У меня нет оснований против нее возражать.

Во время двухмесячной дискуссии по вопросу о профессиональных союзах (зима 1920/21 г.) Сталин и Зиновьев опять пытались пустить в ход ссылку на небольшевистское прошлое Троцкого. В ответ на это менее сдержанные ораторы противного лагеря напоминали Зиновьеву его поведение в период октябрьского переворота. Обдумывая в своей постели со всех сторон, как сложатся в партии отношения без него, Ленин не мог не предвидеть, что Сталин и Зиновьев попытаются использовать мое небольшевистское прошлое для мобилизации старых большевиков против меня. Завещание пытается предупредить попутно и эту опасность. Вот что там говорится непосредственно вслед за характеристикой Сталина и Троцкого:

> «Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он так же мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому».

Указание на то, что октябрьский эпизод «не являлся случайностью», преследует совершенно определенную цель предупредить партию, что в критических условиях Зиновьев и Каменев могут снова обнаружить недостаток выдержки. Это предостережение не стоит, однако, ни в какой связи с упоминанием о Троцком: по отношению к нему рекомендуется лишь не пользоваться его небольшевистским прошлым, как доводом ad hominem[132]. У меня не было, следовательно, никакого повода задавать вопрос, который приписывает мне Радек. Заодно отпадает и догадка Людвига об «остановившемся сердце». Завещание меньше всего ставило себе задачей затруднить мне руководящую работу в партии. Оно, как увидим далее,

---

[131] Ленин сказал это 1(14) ноября 1917 г. на заседании Петроградского комитета большевиков. Подробнее см.: Троцкий Л. Сталинская школа фальсификации. Поправки и дополнения к литературе эпигонов. Берлин: Гранит, 1932. С. 119. Протокол этого заседания опубликован также в журнале «Бюллетень оппозиции», издаваемом под ред. Л. Д. Троцкого с момента высылки Троцкого из СССР (см.: Бюллетень оппозиции. No 7. Ноября – декабрь 1929. С. 31–37). Рукопись хранится в Архиве Троцкого. – *Прим. ред. – сост.*

[132] Применительно к человеку *(лат.).*

преследовало прямо противоположную цель.

«Взаимоотношения Сталина и Троцкого»

Центральное место Завещания, занимающего две написанных на машинке страницы, отведено характеристике взаимоотношений Сталина и Троцкого, «двух выдающихся вождей современного ЦК». Отметив «выдающиеся способности» Троцкого («самый способный человек в настоящем ЦК»), Ленин тут же указывает его отрицательные черты: «чрезмерная самоуверенность» и «чрезмерное увлечение чисто административной стороной дела». Как ни серьезны указанные недостатки сами по себе, они не имеют – замечу мимоходом – никакого отношения к «недооценке крестьянства», ни к «неверию во внутренние силы революции», ни к другим эпигонским измышлениям позднейших годов.

С другой стороны, Ленин пишет:

> «Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью».

Речь идет здесь не о политическом влиянии Сталина, которое в тот период было совсем незначительно, а об административной власти, которую он сосредоточил в своих руках, «сделавшись генсеком». Это очень точная и строго взвешенная формула, мы еще вернемся к ней.

Завещание настаивает на увеличении членов ЦК до 50, даже до 100 человек, дабы своим компактным давлением они могли сдерживать центробежные тенденции в Политбюро. Организационное предложение имеет пока еще видимость нейтральной гарантии против личных конфликтов. Но уже через 10 дней оно кажется Ленину недостаточным, и он приписывает дополнительное предложение, которое и придает всему документу его окончательную физиономию:

> «…я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях[133] отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д.».

В дни, когда диктовалось Завещание, Ленин стремился еще давать своей критической оценке Сталина как можно более сдержанное выражение. В ближайшие недели его тон будет становиться все резче, вплоть до того последнего часа, когда его голос оборвется навсегда. Но и в Завещании сказано достаточно, чтоб мотивировать необходимость смены генерального секретаря: наряду с грубостью и капризностью, Сталину вменяется в вину недостаток лояльности. В этом пункте характеристика превращается в тяжелое обвинение.

Как ясно станет из дальнейшего, Завещание не могло явиться для Сталина неожиданностью. Но это не смягчало удара. После первого ознакомления с документом, в Секретариате, в кругу ближайших сотрудников, Сталин разрешился фразой, которая давала совершенно неприкрытое выражение его действительным чувствам по отношению к автору Завещания. Условия, при которых фраза проникла в более широкие круги, и, главное, неподдельный характер самой реакции являются, в моих глазах, безусловной гарантией достоверности всего эпизода. К сожалению, крылатая фраза не подлежит оглашению в печати.

Заключительное предложение Завещания недвусмысленно показывает, откуда, по Ленину, шла опасность. Сместить Сталина – именно его и только его – значило оторвать его от аппарата, отнять у него возможность нажимать на длинное плечо рычага, лишить его всей той власти, которую он сосредоточил в своих руках по должности.

---

[133] Не забудем, что Завещание продиктовано и не выправлено, отсюда местами стилистические несообразности текста, но мысль совершенно ясна. – *Л. Т.*

Кого же назначить генеральным секретарем? Лицо, которое, имея положительные черты Сталина, было бы, однако, более терпимым, более лояльным, менее капризным. Именно эту фразу Сталин воспринял особенно остро: Ленин явно не считал его незаменимым, раз предлагал поискать более подходящее лицо на тот же пост. Подавая, для формы, в отставку, генеральный секретарь капризно повторял: «Что ж, я действительно груб… Ильич предлагает вам найти другого, который отличался бы от меня только большей вежливостью. Что ж, попробуйте найти». – «Ничего, – отвечал с места голос одного из тогдашних друзей Сталина, – нас грубостью не испугаешь, вся наша партия грубая, пролетарская». Косвенно здесь Ленину приписывалось салонное понимание вежливости. Об обвинении в недостатке лояльности ни Сталин, ни его друзья не упоминали. Не лишено, пожалуй, интереса, что голос поддержки исходил от А. П. Смирнова, тогдашнего народного комиссара земледелия, состоящего ныне под опалой, в качестве правого. Политика не знает благодарности.

Рядом со мною во время оглашения Завещания сидел Радек, тогда еще член ЦК. Легко поддающийся влиянию момента, лишенный внутренней дисциплины, сразу зажженный Завещанием, Радек нагнулся ко мне со словами: «Теперь они не посмеют пойти против вас». Я ответил ему: «Наоборот, теперь им придется идти до конца, и притом как можно скорее». Уже ближайшие дни XIII съезда показали, что моя оценка была более трезвой. Тройке необходимо было предупредить возможное действие Завещания, поставив партию, как можно скорее, перед совершившимся фактом. Уже оглашение документа по земляческим делегациям, куда не пускали «посторонних», превращено было в прямую борьбу против меня. Старейшины делегаций проглатывали при чтении одни слова, напирали на другие и давали комментарии в том смысле, что письмо написано тяжелобольным, под влиянием происков и интриг. Аппарат уже господствовал безраздельно. Один тот факт, что тройка могла решиться попрать волю Ленина, отказав в оглашении письма на съезде, достаточно характеризует состав съезда и его атмосферу. Завещание не приостановило и не смягчило внутреннюю борьбу, наоборот, придало ей катастрофические темпы.

Отношение Ленина к Сталину

Политика настойчива: она умеет заставить служить себе и тех, которые демонстративно поворачиваются к ней спиною. Людвиг пишет: «Сталин страстно следовал за Лениным до его смерти». Если бы эта фраза выражала лишь факт огромного влияния Ленина на его учеников, включая и Сталина, возражать не было бы основания. Но Людвиг хочет сказать нечто большее. Он хочет отметить исключительную близость к учителю именно данного ученика. В качестве особенно ценного свидетельства Людвиг приводит при этом слова самого Сталина: «Я только ученик Ленина, и моя цель быть достойным его учеником». Плохо, если профессиональный психолог некритически оперирует с банальной фразой, условная скромность которой не заключает в себе ни атома интимного содержания. Людвиг становится здесь просто проводником официальной легенды, созданной за самые последние годы. Вряд ли он при этом хоть в отдаленной степени представляет себе те противоречия, в которые его заводит безразличие к фактам. Если Сталин действительно «следовал за Лениным до его смерти», чем объяснить в таком случае, что последним документом, продиктованным Лениным накануне второго удара, было коротенькое письмо Сталину, всего из нескольких строк, о прекращении с ним всяких личных и товарищеских отношений? Единственный в своем роде случай в жизни Ленина, резкий разрыв с одним из близких сотрудников, должен был иметь очень серьезные психологические причины и являлся бы, по меньшей мере, непонятным в отношении ученика, который «страстно» следовал за учителем до конца. Однако, от Людвига мы об этом не слышим ни слова.

Когда письмо Ленина о разрыве со Сталиным стало широко известно на верхах партии уже после распада тройки, Сталин и его ближайшие друзья не нашли другого выхода, кроме все той же версии о невменяемом состоянии Ленина. На самом деле Завещание, как и письмо о разрыве, писалось в те месяцы (декабрь 1922 – начало марта 1923), в течение которых Ленин, в ряде программных статей, дал партии наиболее зрелые плоды своей мысли. Разрыв со Сталиным не упал с ясного неба: он вытекал из долгого ряда предшествующих конфликтов

принципиального и практического характера, и он трагически освещает всю остроту этих конфликтов.

Ленин, несомненно, высоко ценил известные черты Сталина. Твердость характера, цепкость, упорство, даже беспощадность и хитрость, – качества, необходимые в войне, следовательно, и в ее штабе. Но Ленин вовсе не считал, что эти данные, хотя бы и в исключительном масштабе, достаточны для руководства партией и государством. Ленин видел в Сталине революционера, но не политика большого стиля. Значение теории для политической борьбы стояло в глазах Ленина слишком высоко. А Сталина никто не считал теоретиком, и сам он до 1924 г. не изъявлял никогда претензий на это звание. Наоборот, его слабая теоретическая подготовка была слишком известна в тесном кругу. Сталин не знаком с Западом, не знает ни одного иностранного языка. При обсуждении проблем мирового рабочего движения он никогда не привлекался. Сталин не был, наконец, – это менее важно, но не лишено все же значения, – ни писателем, ни оратором в собственном смысле слова. Статьи его, несмотря на всю осторожность автора, кишат не только теоретическими несообразностями и наивностями, но и грубыми погрешностями против русского языка. Ценность Сталина в глазах Ленина почти исчерпывалась областью партийного администрирования и аппаратного маневрирования. Но и здесь Ленин вносил существенные оговорки, чрезвычайно возросшие в последний период.

К идеалистическому морализированию Ленин относился с брезгливостью. Но это совсем не мешало ему быть ригористом революционной морали, т. е. тех правил поведения, которые он считал необходимыми для успеха революции и построения нового общества. В ригоризме Ленина, естественно и свободно вытекавшем из его натуры, не было и капли педантства, ханжества или чопорности. Он слишком хорошо понимал людей и брал их такими, как они есть. Недостатки одних он сочетал с достоинствами, иногда и с недостатками других, не переставая зорко следить за тем, что из этого выходит. Он хорошо знал к тому же, что времена меняются, и мы вместе с ними. Партия из подполья одним взмахом поднялась на вершину власти. Это создавало для каждого из старых революционеров небывало резкую перемену в личном положении и во взаимоотношениях с другими людьми. То, что Ленин открыл у Сталина в этих новых условиях, он осторожно, но внятно отметил в Завещании: недостаток лояльности и склонность злоупотреблять властью. Людвиг прошел мимо этих намеков. Между тем именно в них нужно видеть ключ к отношениям между Лениным и Сталиным в последний период.

Ленин был не только теоретиком и практиком революционной диктатуры, но и зорким стражем ее нравственных основ. Каждый намек на использование власти в личных видах вызывал грозные огоньки в его глазах. «Чем же это лучше буржуазного парламентаризма?» – спрашивал он, чтоб ярче выразить душившее его возмущение, и прибавлял нередко по адресу парламентаризма одно из своих сочных определений. Между тем Сталин, чем дальше, тем шире и тем неразборчивее, пользовался заложенными в революционной диктатуре возможностями для вербовки лично ему обязанных и преданных людей. В качестве генерального секретаря он стал раздатчиком милостей и благ. Здесь заложен был источник неизбежного конфликта. Ленин постепенно утратил к Сталину нравственное доверие. Если понять этот основной факт, то все частные эпизоды последнего периода расположатся как следует и дадут действительную, а не фальшивую картину отношений Ленина к Сталину.

Свердлов и Сталин как типы организатора

Чтоб найти для Завещания надлежащее место в развитии партии, необходимо сделать отступление.

До весны 1919 года главным организатором партии был Свердлов. Он не носил звания генерального секретаря, которое в то время вообще еще не было изобретено. Но он был им на деле. Свердлов умер 34 лет, в марте 1919 года, от так называемой испанской болезни. В разгаре гражданской войны и эпидемий, косивших направо и налево, партия едва успела отдать себе отчет во всей тяжести понесенной ею потери. В двух траурных речах Ленин дал Свердлову оценку, которая бросает отраженный, но очень яркий свет также и на его позднейшее отношение к Сталину. «В ходе нашей революции, в ее победах, – говорил Ленин, – довелось Свердлову выразить полнее и цельнее, чем кому бы то ни было, самую сущность пролетарской

революции». Свердлов был «прежде всего и больше всего организатором». Из скромного подпольного работника, не теоретика и не писателя, вырос в короткий срок «организатор, который завоевал абсолютно непререкаемый авторитет, организатор всей советской власти в России и единственный по своим знаниям организатор работы партии». Ленину были чужды преувеличения юбилейных или заупокойных похвал. Оценка Свердлова была в то же время характеристикой задач организатора: «Только благодаря тому, что у нас был такой организатор, как Свердлов, мы могли в обстановке войны работать так, что у нас не было ни одного конфликта, который заслуживал бы внимания».

Так оно и было на деле. В беседах того времени с Лениным мы не раз отмечали, с постоянно свежим чувством удовлетворения, одно из главных условий нашего успеха: единство и сплоченность правящей группы. Несмотря на страшный напор событий и трудностей, новизну вопросов и вспыхивавшие моментами острые практические разногласия, работа шла замечательно гладко, дружно, без перебоев. Короткими намеками мы вспоминали эпизоды старых революций. «Нет, у нас лучше». «Это одно обеспечит нам победу». Сплоченность центра была подготовлена всей историей большевизма и поддерживалась неоспоримым авторитетом руководства, и прежде всего Ленина. Но во внутренней механике этого беспримерного единодушия главным монтером был Свердлов. Секрет его был прост: руководствоваться интересами дела, и только ими. Никто из работников партии не опасался интриги, ползущей из партийного штаба. Основу свердловского авторитета составляла лояльность.

Из мысленной проверки всей партийной верхушки Ленин делал в своей надгробной речи практический вывод: «Такого человека нам не заменить никогда, если под заменой понимать возможность найти одного товарища, совмещающего в себе такие способности… Та работа, которую он делал один, теперь будет под силу лишь целым группам людей, которые, идя по его стопам, будут продолжать его дело». И эти слова были не риторикой, а строго деловым предложением. Так именно и поступили: вместо единоличного секретаря установили коллегию из трех лиц.

Из слов Ленина и для непосвященного в историю партии очевидно, что при жизни Свердлова Сталин не играл руководящей роли в аппарате партии ни во время Октябрьской революции, ни в период возведения фундамента и стен Советского государства. В первый Секретариат, заменивший Свердлова, Сталин также не был включен.

Когда на X съезде, через два года после смерти Свердлова, Зиновьев и другие, не без задней мысли о борьбе против меня, проводили кандидатуру Сталина в генеральные секретари, т. е. ставили его юридически на то место, которое Свердлов занимал фактически, Ленин в тесном кругу восставал против этого плана, выражая опасение, что «этот повар будет готовить только острые блюда». Одна эта фраза, сопоставленная с характеристикой Свердлова, показывает нам различие двух типов организатора: одного, который неутомимо смягчал трения, облегчая работу коллегии, и другого, специалиста острых блюд, не боявшегося приправлять их и прямой отравой. Если Ленин не довел в марте 1921 года своего сопротивления до конца, т. е. не апеллировал открыто к съезду против кандидатуры Сталина, то лишь потому, что пост секретаря, хотя бы и «генерального», имел в тогдашних условиях, при сосредоточении влияния и власти в руках Политбюро, строго подчиненное значение. Может быть, впрочем, Ленин, как и некоторые другие, недооценил своевременно опасности.

Болезнь Ленина

В конце 1921 г. здоровье Ленина резко надломилось. 7 декабря, выезжая, по настоянию врачей, в деревню, Ленин, мало склонный жаловаться, писал членам Политбюро:

> «Уезжаю сегодня. Несмотря на уменьшение мною порции работы и увеличение порции отдыха за последние дни, бессонница чертовски усилилась. Боюсь, не смогу докладывать ни на партконференции, ни на съезде Советов»[134].

[134] Это, как и многие другие письма, цитируемые в настоящей статье, воспроизводятся на основании

Пять месяцев он томится, наполовину отстраненный врачами и друзьями от работы, в постоянной тревоге за ход правительственных и партийных дел, в постоянной борьбе с подтачивающим его недугом. В мае его поражает первый удар. В течение двух месяцев Ленин не способен ли говорить, ни писать, ни двигаться. С июля он медленно поправляется. Не покидая деревни, он постепенно втягивается в деловую переписку. В октябре возвращается в Кремль и официально возобновляет работу.

«Нет худа без добра, – писал он для себя в конспекте будущей речи, – я засиделся и полгода смотрел „со стороны“.» Ленин хочет сказать: «я раньше слишком засиделся на своем посту и многого не замечал; длительный перерыв позволил мне теперь на многое взглянуть свежими глазами». Больше всего потряс его, несомненно, чудовищный рост бюрократического могущества, средоточием которого стало Организационное бюро ЦК.

Необходимость смены мастера, специализировавшегося на острых блюдах, встает перед Лениным сразу после его возвращения к работе. Но этот персональный вопрос успел значительно осложниться. Ленин не мог не видеть, как широко его отсутствие было использовано Сталиным для одностороннего подбора людей, нередко в прямом противоречии с интересами дела. Генеральный секретарь опирался теперь на многочисленную фракцию, связанную, если не всегда идейными, то, во всяком случае, прочными узами. Обновление верхушки аппарата стало уже невозможно без подготовки серьезного политического наступления. К этому периоду относится «заговорщическая» беседа Ленина со мной о совместной борьбе против советского и партийного бюрократизма и его предложение «блока» с ним против Организационного бюро, т. е. основной в то время крепости Сталина. Факт беседы и содержание ее нашли вскоре свое отражение в документах и составляют неоспоримый и никем не оспоренный эпизод истории партии.

Однако уже через несколько недель в состоянии здоровья Ленина наступило новое ухудшение. Не только постоянная работа, но и деловые беседы с товарищами были ему врачами снова запрещены. Он обдумывал дальнейшие меры борьбы один, в четырех стенах. Для контроля над закулисной деятельностью Секретариата Ленин разрабатывал общие меры организационного характера. Так возник план создания высокоавторитетного партийного центра в лице Контрольной комиссии из надежных и испытанных членов партии, иерархически совершенно независимых, т. е. не чиновников, не администраторов, и в то же время наделенных правами призывать к ответу всех без исключения чиновников не только партии, в том числе и членов ЦК, но, через посредство Рабоче-крестьянской инспекции, и «сановников» государства – за нарушение законности партийного и советского демократизма и правил революционной морали.

23 января Ленин переслал через Крупскую для напечатания в «Правде» статью на тему о проектируемой им реорганизации центральных учреждений. Опасаясь одновременно и предательского удара со стороны болезни и не менее предательского сопротивления Секретариата, Ленин требовал, чтоб статья была напечатана в «Правде» немедленно: это означало прямую апелляцию к партии. Сталин отказал в этом Крупской, сославшись на необходимость обсудить вопрос в Политбюро. Формально дело шло об отсрочке всего на день. Но самая процедура обращения к Политбюро не предвещала ничего доброго. По поручению Ленина, Крупская обратилась за содействием ко мне. Я потребовал немедленного созыва Политбюро. Опасения Ленина подтвердились полностью: все члены и кандидаты, присутствовавшие в заседании, – Сталин, Молотов, Куйбышев, Рыков, Калинин, Бухарин, – были не только против предложенной Лениным реформы, но и против напечатания его статьи. Для утешения больного, которому каждое острое волнение грозило катастрофой, Куйбышев, будущий глава Центральной контрольной комиссии, предложил напечатать особый номер «Правды» со статьей Ленина в одном экземпляре. Так «страстно» следовали эти люди за учителем! Я с возмущением отверг предложение мистифицировать Ленина, высказался за предложенную им реформу по существу и потребовал немедленного напечатания статьи. Меня

документов моего архива. – *Л. Т.*

поддержал явившийся с запозданием на час Каменев. Настроение большинства было в конце концов сломлено тем доводом, что Ленин все равно пустит статью в обращение, ее будут переписывать на машинках и читать с удвоенным вниманием, и она тем острее направится против Политбюро. Статья появилась в «Правде» на другое утро, 25 января. И этот эпизод нашел в свое время отражение в официальных документах, на основании которых он здесь и излагается.

Считаю нужным вообще подчеркнуть, что, так как я не принадлежу к школе чистого психологизма и так как твердо установленным фактам я привык доверять больше, чем их эмоциональным отражениям в памяти, то все изложение, за вычетом особо оговоренных эпизодов, ведется мною на основании документов моего архива, тщательной проверки дат, свидетельств и всех вообще фактических обстоятельств.

Разногласия между Лениным и Сталиным

Организационная политика была не единственной ареной борьбы Ленина против Сталина. Ноябрьский пленум ЦК (1922), заседавший без Ленина и без меня, внес неожиданно радикальные изменения в систему внешней торговли, подрывавшие самую основу государственной монополии. В беседе с Красиным, тогдашним наркомом внешней торговли, я отзывался о постановлении ЦК. примерно так: «Дна в бочке они еще не высадили, но несколько дыр в нем просверлили». Ленин узнал об этом. 13 декабря он писал мне:

> «Я бы очень просил Вас взять на себя на предстоящем Пленуме защиту нашей общей точки зрения о безусловной необходимости сохранения и укрепления монополии… Предыдущий Пленум принял в этом отношении решение, идущее целиком вразрез с монополией внешней торговли».

Не допуская в этом вопросе никаких уступок, Ленин настаивал на том, чтоб я апеллировал против ЦК к партии и съезду. Удар направлялся в первую голову против Сталина как генерального секретаря, ответственного за постановку вопросов на Пленумах Центрального Комитета. До открытой борьбы на этот раз, однако, дело не дошло: почуяв опасность, Сталин отступил без боя; с ним вместе и другие. На декабрьском Пленуме ноябрьские решения были отменены. «Как будто удалось взять позиции без единого выстрела, – писал мне шутливо Ленин 21 декабря, – простым маневренным движением».

Гораздо острее оказались разногласия в области национальной политики. Осенью 1922 года подготовлялось преобразование Советского государства в федеративный союз национальных республик. Ленин считал необходимым идти как можно дальше навстречу потребностям и притязаниям тех национальностей, которые долго жили под гнетом и далеко еще не оправились от его последствий. Наоборот, Сталин, руководивший подготовительной работой в качестве народного комиссара по делам национальностей, проводил и в этой области политику бюрократического централизма. Выздоравливающий Ленин из подмосковной деревни полемизировал со Сталиным в письмах, адресованных Политбюро. В своих первых замечаниях на сталинский проект федеративного объединения Ленин крайне мягок и сдержан. Он еще надеется в эти дни – конец сентября 1922 года – уладить вопрос через Политбюро, без открытого конфликта. Ответы Сталина, наоборот, проникнуты заметным раздражением. Он возвращает Ленину упрек в «торопливости» и присоединяет к нему обвинение в «национальном либерализме», т. е. в покровительстве окраинному национализму. Эта переписка, политически крайне интересная, до сих пор скрывается от партии.

Бюрократическая национальная политика успела тем временем вызвать в Грузии резкую оппозицию, объединившую против Сталина и его правой руки, Орджоникидзе, цвет грузинского большевизма. Через Крупскую Ленин вступил с вождями грузинской оппозиции (Мдивани, Махарадзе и др.) в негласную связь против фракции Сталина, Орджоникидзе и Дзержинского. Борьба на окраинах была слишком остра, и Сталин слишком связал себя с определенными группировками, чтобы молча отступить, как в вопросе о монополии внешней торговли. В течение ближайших недель Ленин окончательно убеждается, что придется

апеллировать к партии. В конце декабря он диктует обширное письмо по национальному вопросу, которое должно будет заменить на съезде его речь, если болезнь помешает ему выступить.

Ленин выдвигает против Сталина обвинение в административном увлечении и озлоблении против мнимого национализма. «Озлобление, – пишет он многозначительно, – вообще играет в политике обычно самую худую роль». Борьбу против справедливых, хотя бы на первых порах даже преувеличенных, требований угнетавшихся ранее наций Ленин квалифицирует как проявление великорусского бюрократизма. Он впервые называет своих противников по имени. «Политически ответственными за всю эту поистине великорусско-националистическую кампанию следует сделать, конечно, Сталина и Дзержинского». Что великоросс Ленин обвиняет грузина Джугашвили и поляка Дзержинского в великорусском национализме, может показаться парадоксальным. Но дело идет здесь совсем не о национальных чувствах и пристрастиях, а о двух системах политики, различия которых обнаруживаются во всех областях, в том числе и в национальной. Осуждая беспощадно методы сталинской фракции, Раковский писал несколько лет спустя: «К национальному вопросу, как и ко всяким другим вопросам, бюрократия подходит с точки зрения удобства управления и регулирования». Лучше этого нельзя сказать.

Словесные уступки Сталина нисколько не успокаивали Ленина, наоборот, обостряли его подозрительность. «Сталин пойдет на гнилой компромисс, – предостерегал меня Ленин через своих секретарей, – а потом обманет». Именно таков был путь Сталина. Он готов был принять на ближайшем съезде любую теоретическую формулу национальной политики, под условием, чтоб это не ослабляло его фракционной опоры в центре и на окраинах. Правда, у Сталина было достаточно оснований опасаться, что Ленин видит его планы насквозь. Но, с другой стороны, положение больного продолжало ухудшаться. Сталин холодно включал этот немаловажный фактор в свои расчеты. Практическая политика генерального секретаря становилась тем решительнее, чем хуже становилось здоровье Ленина. Сталин пытался изолировать опасного контролера от всякой информации, которая могла бы дать ему орудие против секретариата и его союзников. Политика блокады направлялась, естественно, против лиц, наиболее близких Ленину. Крупская делала что могла, чтоб оградить больного от соприкосновения с враждебными махинациями секретариата. Но Ленин умел по случайным симптомам догадываться о целом. Он отдавал себе безошибочный отчет в действиях Сталина, его мотивах и расчетах. Нетрудно понять, какую реакцию они вызывали в его сознании. Напомним, что к этому моменту в письменном столе Ленина, кроме Завещания, настаивавшего на смещении Сталина, лежали уже документы по национальному вопросу, которые секретарями Ленина, Фотиевой и Гляссер, чутко отражавшими настроения того, с кем сотрудничали, назывались «бомбой против Сталина».

Полугодие обостряющейся борьбы

Свою мысль о роли ЦКК, как охранительницы партийного права и единства, Ленин развивал в связи с вопросом о реорганизации рабоче-крестьянской инспекции (Рабкрин), во главе которой в течение нескольких предшествующих лет стоял Сталин. 4 марта в «Правде» появилась знаменитая в истории партии статья «Лучше меньше, да лучше». Работа писалась в несколько приемов. Ленин не любил и не умел диктовать. Статья долго не давалась ему. 2 марта он прослушал наконец чтение статьи с удовлетворением: «Теперь, кажется, вышло…» Реформу руководящих партийных учреждений статья включала в широкую политическую перспективу, национальную и международную. На этой стороне дела мы здесь останавливаться, однако, не можем. Зато в высшей степени важна для нашей темы та гласная оценка, которую Ленин давал Рабоче-крестьянской инспекции:

> «Будем говорить прямо. Наркомат Рабкрина не пользуется сейчас ни тенью авторитета. Все знают о том, что хуже поставленных учреждений, чем учреждения нашего Рабкрина, нет и что при современных условиях с этого наркомата нечего и спрашивать».

Этот необыкновенный по резкости отзыв главы правительства в печати об одном из важных государственных учреждений бил прямо и непосредственно по Сталину, как организатору и руководителю инспекции. Причины, надо надеяться, теперь ясны. Инспекция должна была служить главным образом для противодействия бюрократическим извращениям революционной диктатуры. Эта ответственная функция могла выполняться с успехом только при условии полной лояльности руководства. Но именно лояльности Сталину не хватало. Инспекцию, как и партийный секретариат, он превратил в орудие аппаратных происков, покровительства «своим» и преследования противников. В статье «Лучше меньше, да лучше» Ленин открыто указывает на то, что предлагаемая им реформа инспекции, во главе которой был незадолго пред тем поставлен Цюрупа, должна встретить противодействие «всей нашей бюрократии, как советской, так и партийной». «В скобках будь сказано, – прибавляет он многозначительно, – бюрократия у нас бывает не только в советских учреждениях, но и в партийных». Это был вполне намеренный удар по Сталину как генеральному секретарю.

Не будет, таким образом, преувеличением сказать, что последнее полугодие политической жизни Ленина, между выздоровлением и вторым заболеванием, заполнено все обостряющейся борьбой против Сталина. Напомним еще раз главные даты. В сентябре Ленин открывает огонь против национальной политики Сталина. В первой половине декабря выступает против Сталина по вопросу о монополии внешней торговли. 25 декабря пишет первую часть Завещания. 30–31 декабря – свое письмо по национальному вопросу («бомбу»). 4 января делает приписку к Завещанию о необходимости снять Сталина с поста генерального секретаря. 23 января выдвигает против Сталина тяжелую батарею: проект Контрольной комиссии. В статье 2 марта наносит двойной удар Сталину как организатору Инспекции и генеральному секретарю. 5 марта пишет мне по поводу своего меморандума по национальному вопросу: «Если б вы согласились взять на себя его защиту, то я мог бы быть спокойным». В тот же день он впервые открыто солидаризуется с непримиримыми грузинскими противниками Сталина, извещая их особой запиской о том, что он «всей душой» следит за их делом и готовит для них документы против Сталина – Орджоникидзе – Дзержинского. «Всей душой» – это выражение нечасто встречается у Ленина.

«Вопрос этот (национальный) чрезвычайно его волновал, – свидетельствует секретарь Ленина, Фотиева, – и он готовился выступить по нему на партсъезде». Но за месяц до съезда Ленин окончательно свалился, так и не успев сделать распоряжения насчет статьи. У Сталина гора свалилась с плеч. В сеньорен-конвенте XII съезда он решился уже говорить, в свойственном ему стиле, о письме Ленина как о документе больного человека, находящегося под влиянием «бабья» (т. е. Крупской и двух секретарей). Под предлогом необходимости выяснить действительную волю Ленина решено было письмо сохранить под спудом. Там пребывает оно до сего дня.

Перечисленные выше драматические эпизоды, как ни ярки они сами по себе, и в отдаленной степени не передают той страстности, с которою Ленин переживал партийные события в последние месяцы своей активной жизни: в письмах и статьях он накладывал на себя обычную, т. е. очень строгую цензуру. Природу своей болезни Ленин достаточно хорошо знал по опыту первого удара. После того как он вернулся к работе, в октябре 1922 года, капиллярные сосуды мозга не переставали напоминать ему о себе чуть заметными, но зловещими и все более частыми толчками, явно угрожая рецидивом. Ленин трезво оценивал собственное положение, несмотря на успокоительные заверения врачей. К началу марта, когда ему пришлось снова отстраниться от работы, по крайней мере, от заседаний, свиданий и телефонных переговоров, он унес в свою комнату больного ряд тягостных наблюдений и опасений. Бюрократический аппарат стал самостоятельным фактором большой политики, с тайным фракционным штабом Сталина в Секретариате ЦК. В национальной области, где Ленин требовал особой чуткости, все откровеннее выступали наружу клыки имперского централизма. Идеи и принципы революции подгибались под интересы закулисных комбинаций. Авторитет диктатуры все чаще служил прикрытием для чиновничьего командования.

Ленин остро ощущал приближение политического кризиса и боялся, что аппарат задушит партию. Политика Сталина стала для Ленина в последний период его жизни воплощением

поднимающего голову бюрократизма. Больной должен был не раз содрогаться от мысли, что не успеет уже провести ту реформу аппарата, о которой он перед вторым заболеванием вел переговоры со мною. Страшная опасность угрожала, казалось ему, делу всей его жизни.

А Сталин? Зайдя слишком далеко, чтоб отступить, подталкиваемый собственной фракцией, страшась того концентрического наступления, нити которого сходились у постели грозного противника, Сталин шел уже почти напролом, открыто вербовал сторонников раздачей партийных и советских постов, терроризовал тех, которые прибегали к Ленину через Крупскую, и все настойчивее пускал слух о том, что Ленин уже не отвечает за свои действия. Такова та атмосфера, из которой выросло письмо Ленина о полном разрыве со Сталиным. Нет, оно не упало с безоблачного неба. Оно означало лишь, что чаша терпения переполнилась. Не только хронологически, но политически и морально оно подвело заключительную черту под отношениями Ленина к Сталину.

Удивляться ли тому, что Людвиг, благочестиво повторяющий официальную версию о верности ученика учителю «до самой его смерти», ни словом не упоминает об этом финальном письме, как, впрочем, и обо всех других обстоятельствах, которые не мирятся с нынешней кремлевской легендой? О факте письма Людвиг, во всяком случае, должен был знать хотя бы из моей Автобиографии, с которой он в свое время ознакомился, ибо дал об ней благожелательный отзыв. Может быть, Людвиг сомневался в достоверности моего показания? Но ни факт письма, ни его содержание никогда и никем не оспаривались. Более того, они удостоверены в стенографических протоколах ЦК. На июльском пленуме 1926 года Зиновьев говорил: «В начале 1923 года Владимир Ильич в личном письме к т. Сталину рвал с ним товарищеские отношения» (Стенографический отчет Пленума. Вып. 4. С. 32). И другие ораторы, в том числе М. И. Ульянова, сестра Ленина, говорили о письме, как о факте, общеизвестном в кругу ЦК. В те дни Сталину не могло даже прийти в голову оспаривать эти показания. Он не покушался на это, впрочем, насколько я знаю, в прямой форме и позже.

Правда, официальная историография сделала за последние годы поистине грандиозные усилия, чтоб вытравить из людской памяти всю эту главу истории в целом. В отношении комсомола эти усилия достигли известных результатов. Но исследователи, казалось бы, для того и существуют, чтоб разрушать легенды и восстанавливать действительности в ее правах. Или это не относится к психологам?

Гипотеза «дуумвирата»

Выше намечены вехи последней борьбы между Лениным и Сталиным. На всех ее этапах Ленин искал моей поддержки и находил ее. Из речей, статей и писем Ленина можно было бы без труда привести десятки свидетельств того, что после нашего кратковременного расхождения по вопросу о профсоюзах он в течение 1921, 1922 и начала 1923 годов не упускал ни одного случая, чтоб в открытой форме не подчеркнуть своей солидарности со мной, не процитировать того или другого моего заявления, не одобрить того или другого моего шага. Надо думать, у него были для этого не личные, а политические мотивы. Что, однако, могло тревожить и огорчать его в самые последние месяцы, это моя недостаточно активная поддержка его военных действий против Сталина. Да, таков парадокс положения! Ленин, боявшийся в дальнейшем раскола партии по линиям Сталина и Троцкого, для данного момента требовал от меня более энергичной борьбы против Сталина. Противоречие тут, однако, лишь внешнее. Именно в интересах устойчивости партийного руководства в будущем Ленин хотел теперь резко осудить Сталина и разоружить его. Меня же сдерживало опасение того, что всякий острый конфликт в правящей группе в то время, как Ленин боролся со смертью, мог быть понят партией, как метание жребия из-за ленинских риз. Я совсем не касаюсь здесь вопроса о том, правильна ли была в этом случае моя сдержанность, как и более широкого вопроса о том, можно ли было в то время предотвратить надвигающиеся опасности организационными реформами и личными перестановками. Но как далеко все же действительное расположение действующих лиц от той картины, которую дает нам популярный немецкий писатель, слишком легко подбирающий ключи ко всем загадкам!

Мы слышали от него, что Завещание «решило судьбу Троцкого», т. е. послужило,

очевидно, причиной того, что Троцкий утратил власть. По другой версии Людвига, которую он излагает рядом, даже не пытаясь примирить ее с первой, Ленин хотел «дуумвират Троцкий – Сталин». Эта последняя мысль, также несомненно внушенная Радеком, как нельзя лучше свидетельствует, к слову сказать, что даже теперь, даже в ближайшем окружении Сталина, даже при тенденциозной обработке приглашенного для диалогов иностранного писателя, никто не отваживается утверждать, будто Ленин видел в Сталине своего преемника. Чтоб не вступать в слишком уже грубое противоречие с текстом Завещания и ряда других документов, приходится выдвигать задним числом идею дуумвирата.

Но как примирить эту новую версию с советом Ленина: сменить генерального секретаря? Ведь это означало бы лишить Сталина всех орудий его влияния. Так не поступают с кандидатом в дуумвиры. Нет, и вторая гипотеза Радека – Людвига, более осторожная, не находит опоры в тексте Завещания. Цель документа определена его автором: обеспечить устойчивость ЦК. Путей к этому Ленин искал не в искусственной комбинации дуумвирата, а в усилении коллективного контроля над деятельностью вождей. Как он представлял себе при этом относительное влияние отдельных лиц в коллективном руководстве, об этом читателю предоставляется делать те или иные выводы на основании приведенных выше цитат из Завещания. Не следует только упускать при этом из виду, что Завещание не было последним словом Ленина и что отношение его к Сталину становилось тем суровее, чем больше он чувствовал приближение развязки.

Людвиг не сделал бы столь капитальной ошибки в оценке смысла и духа Завещания, если б поинтересовался его дальнейшей судьбой. Скрытое Сталиным и его группой от партии, Завещание перепечатывалось и переиздавалось только оппозиционерами, разумеется, тайно. Сотни моих друзей и сторонников были арестованы и сосланы за переписку и распространение этих двух страничек. 7 ноября 1927 года, в день десятилетия Октябрьской революции, московские оппозиционеры участвовали в юбилейной демонстрации с плакатами «Выполним Завещание Ленина». Специальные отряды сталинцев врывались в колонны демонстрирующих и вырывали преступный плакат. Два года спустя, к моменту моей высылки за границу, создана была даже версия о подготовлявшемся «троцкистами» 7 ноября 1927 года восстании: призыв «выполнить Завещание Ленина» истолковывался сталинской фракцией как призыв к перевороту! И сейчас Завещание состоит под запретом всех секций Коминтерна. Наоборот, левая оппозиция во всех странах перепечатывает Завещание по каждому подходящему поводу. Политически эти факты исчерпывают вопрос.

Радек как первоисточник

Откуда же взялся все-таки фантастический рассказ о том, будто при оглашении Завещания, точнее, «шести слов», которых в Завещании нет, я вскочил с места с вопросом: «Как там сказано?» На этот счет я могу предположить только гипотетическое объяснение. Насколько оно вероподобно, пусть судит читатель.

Радек принадлежит к числу профессиональных остряков и рассказчиков анекдотов. Этим я не хочу сказать, что у него нет других достоинств. Но достаточно того, что на VII съезде партии 8 марта 1918 года Ленин, вообще очень сдержанный в отзывах о людях, счел возможным сказать: «Я вернусь к товарищу Радеку, и здесь я хочу отметить, что ему удалось нечаянно сказать серьезную фразу…» И дальше опять: «На этот раз вышло так, что у Радека получилась совершенно серьезная фраза…» Люди, которые говорят серьезно лишь в виде исключения, имеют органическую склонность поправлять действительность, ибо в сыром виде она не всегда пригодна для анекдотов. Мой личный опыт научил меня относиться к свидетельским показаниям Радека с крайней осторожностью, обычно он не рассказывает о событиях, а излагает по поводу них остроумный фельетон. Так как всякое искусство, в том числе и анекдотическое, стремится к синтезу, то Радек склонен соединять воедино разные факты или яркие черты разных эпизодов, хотя бы и разделенных временем и пространством. Здесь нет злой воли. Это голос призванья.

Так, очевидно, случилось и на этот раз. Радек скомбинировал, по всем признакам, заседание Совета старейшин XIII съезда с заседанием Пленума ЦК 1926 года, несмотря на то,

что между тем и другим пролегает промежуток больше двух лет. На пленуме тоже оглашались секретные рукописи, в том числе и Завещание. Читал их на этот раз действительно Сталин, а не Каменев, который сидел уже рядом со мной на скамье оппозиции. Оглашение вызвано было тем, что по партии уже довольно широко ходили в это время копии Завещания, национального письма Ленина и других документов, державшихся под тройным замком. Партийный аппарат нервничал, желая удостовериться, что на самом деле сказал Ленин. «Оппозиция знает, а мы не знаем». После длительного сопротивления Сталин увидел себя вынужденным огласить запретные документы на заседании ЦК, этим самым они попадали в стенограмму, которая печаталась в секретных тетрадях для верхов партийного аппарата.

При оглашении Завещания не было и на этот раз никаких возгласов, ибо членам ЦК документ был уже давно и слишком хорошо известен. Но я действительно прервал Сталина при оглашении переписки по национальному вопросу. Эпизод сам по себе не так уж значителен, но, может быть, он пригодится психологам для кое-каких выводов.

Ленин был крайне экономен в своих литературных средствах и приемах. Деловую переписку с ближайшими сотрудниками он вел телеграфным языком. В обращении стояла всегда фамилия адресата со значком «т» (товарищ), в подписи – Ленин. Сложные пояснения заменялись двойным или тройным подчеркиванием отдельных слов, лишним восклицательным знаком и пр. Все мы слишком хорошо знали особенности ленинской манеры и потому даже небольшое отступление от обычного лаконизма обращало на себя внимание.

При пересылке своего письма по национальному вопросу Ленин писал мне 5 марта:

> «Уважаемый тов. Троцкий. Я просил бы Вас очень взять на себя защиту грузинского дела на ЦК партии. Дело это сейчас находится под „преследованием“ Сталина и Дзержинского, и я не могу положиться на их беспристрастие. Даже совсем напротив. Если бы Вы согласились взять на себя его защиту, то я мог бы быть спокойным. Если Вы почему-нибудь не согласитесь, то верните мне все дело. Я буду считать это признаком Вашего несогласия.
>
> С наилучшим товарищеским приветом.
>
> Ленин.
>
> 5 марта 23 г.».

И содержание, и тон этой небольшой записки, продиктованной в последний день политической жизни Ленина, были для Сталина не менее тяжки, чем Завещание. Недостаток «беспристрастия» – ведь это означало недостаток все той же лояльности. В записке меньше всего чувствовалось доверие к Сталину-«даже совсем напротив» – и подчеркивалось доверие ко мне. Подтверждение негласного союза между Лениным и мною против Сталина и его фракции было налицо. Сталин плохо владел собою, оглашая записку. Подойдя к подписи, он запнулся. «С наилучшим товарищеским приветом» – это было слишком демонстративно под пером Ленина. Сталин прочитал: «С коммунистическим приветом». Это звучало суше и официальнее. В этот момент я действительно приподнялся с места и спросил – «Как там написано?» Сталин оказался вынужден, не без смущения, прочитать подлинный ленинский текст. Кое-кто из его ближайших друзей кричал мне, что я придираюсь к мелочам, хотя я ограничился лишь проверочным вопросом, Маленький инцидент произвел впечатление. О нем говорили на верхах партии. Радек, который уже не был к этому времени членом ЦК, узнал о происходившем на Пленуме из чужих уст, может быть, и из моих. Пять лет спустя, когда он был уже со Сталиным, а не со мною, его гибкая память помогла ему, очевидно, скомбинировать синтетический эпизод, натолкнувший Людвига на столь эффектные и столь ошибочные выводы.

Легенда о «троцкизме»

Хотя Ленин, как мы видели, и не нашел основания указывать в Завещании, что мое небольшевистское прошлое было «не случайно», но я готов принять эту формулу за свой собственный счет. В мире духовном закон причинности столь же непреклонен, как и в мире физическом. В этом общем смысле моя политическая орбита была, конечно, «не случайной».

Но то обстоятельство, что я стал большевиком, тоже не случайно. Вопрос же о том, насколько прочно и серьезно я пришел к большевизму, не решается ни голой хронологической справкой, ни догадками фельетонного психологизма: нужен теоретический и политический анализ. Это, конечно, слишком большая тема, лежащая целиком вне рамок настоящего очерка. Для нашей цели достаточно того, что Ленин, называя поведение Зиновьева и Каменева в 1917 году «не случайным», делал не философское напоминание о законах детерминизма, а политическое предостережение на будущее. Но как раз поэтому Радеку и понадобилось, через Людвига, перенести предостережение с Зиновьева и Каменева на меня.

Напомним главные вехи вопроса. С 1917 по 1924 год о противопоставлении троцкизма ленинизму вообще не было речи. На этот период падают октябрьский переворот, гражданская война, строительство Советского государства, создание Красной Армии, выработка партийной программы, учреждение Коммунистического Интернационала, образование его кадров, составление его основных документов. После отхода Ленина от работы в основном ядре ЦК развиваются серьезные разногласия. В 1924 году призрак «троцкизма» – после тщательной закулисной подготовки – выпускается на сцену. Вся внутренняя борьба в партии ведется отныне в рамках противопоставления троцкизма ленинизму. Другими словами, порожденные новыми условиями и задачами разногласия между мною и эпигонами изображаются как продолжение старых моих разногласий с Лениным. На эту тему создана необъятная литература. Ее застрельщиками являлись неизменно Зиновьев и Каменев. В качестве старых и наиболее близких сотрудников Ленина они становятся во главе «старой большевистской гвардии» против троцкизма. Но под давлением глубоких социальных процессов сама эта группа раскалывается. Зиновьев и Каменев оказываются вынуждены признать, что так называемые «троцкисты» в коренных вопросах оказались правы. Новые тысячи старых большевиков примыкают к «троцкизму».

На июльском Пленуме 1926 года Зиновьев заявил, что его борьба против меня была самой большой ошибкой его жизни, «более опасной, чем ошибка 1917 года». Орджоникидзе не без основания крикнул ему со своей скамьи: «Что же вы морочили голову всей партии?» (См. уже цитированный стенографический отчет). На эту тяжеловесную реплику Зиновьев официального ответа не нашел. Но неофициальное объяснение он дал на совещании оппозиции в октябре 1926 года. «Ведь надо же понять то, что было, – говорил он при мне своим ближайшим друзьям, ленинградским рабочим, честно уверовавшим в легенду о троцкизме, – была борьба за власть. Все искусство состояло в том, чтобы связать старые разногласия с новыми вопросами. Для этого и был выдвинут троцкизм…»

За время своего двухлетнего пребывания в оппозиции Зиновьев и Каменев успели полностью раскрыть закулисную механику предшествующего периода, когда они, вместе со Сталиным, создавали легенду «троцкизма» заговорщическим путем. Еще через год, когда окончательно выяснилось, что оппозиции придется долго и упорно плыть против течения, Зиновьев и Каменев сдались на милость победителя. В качестве первого условия их партийной реабилитации от них потребовали реабилитации легенды о троцкизме. Они пошли на это. Тогда я решил закрепить их собственные вчерашние заявления на этот счет через ряд авторитетных свидетельств. Радек, никто другой, как Карл Радек, дал нижеследующее письменное показание:

> «Присутствовал при разговоре с Каменевым о том, что Каменев расскажет на Пленуме ЦК, как они (т. е. Каменев и Зиновьев) совместно со Сталиным решили использовать старые разногласия Троцкого с Лениным, чтобы не допустить после смерти Ленина т. Троцкого к руководству партией. Кроме того, много раз слышал из уст Зиновьева и Каменева о том, как они „изобретали“ троцкизм как актуальный лозунг.
>
> 25 декабря 1927 г.
>
> К. Радек».

Аналогичные письменные показания даны Преображенским, Пятаковым, Раковским и Эльциным. Пятаков, заместитель народного комиссара тяжелой промышленности, следующими словами резюмировал заявление Зиновьева: «Троцкизм был выдуман для того, чтобы

подменить действительные разногласия мнимыми, то есть разногласиями, взятыми из прошлого, не имеющими никакого значения теперь, но искусственно гальванизированными в вышеуказанных целях». Кажется, ясно? «Никто, – писал, в свою очередь, В. Эльцин, представитель более молодого поколения, – никто из присутствующих при этом зиновьевцев не возражал. Все приняли это сообщение Зиновьева как факт общеизвестный».

Приведенное выше свидетельство Радека помечено им 25 декабря 1927 года. Через несколько недель он был уже в ссылке, а через несколько месяцев, под меридианом Томска, убедился в правоте Сталина, не раскрывшейся ему ранее в Москве. Но и от Радека власти потребовали в качестве условия sine qua поп признания реальности все той же легенды о троцкизме. После того, как Радек пошел на это, ему не осталось ничего иного, как повторять старые формулы Зиновьева, которые последний разоблачил в 1926 году, чтобы вернуться к ним снова в 1928 году. Радек сделал больше: в беседе с доверчивым иностранцем он переделал Завещание Ленина так, чтобы найти в нем опору для эпигонской легенды о «троцкизме».

Из этой краткой исторической справки, опирающейся исключительно на документальные данные, вытекает много выводов: один из них гласит: революция – суровый процесс, и она не щадит человеческих позвоночников.

* * *

Ход дальнейших событий в Кремле и в Союзе определялся не отдельным документом, хотя бы то было и Завещание Ленина, а историческими причинами гораздо более глубокого порядка. Политическая реакция после величайшего напряжения лет переворота и гражданской войны была неизбежна. Понятие реакции надо было в этой связи строго отличать от понятия контрреволюции. Реакция не предполагает непременного социального переворота, т. е. смены у власти одного класса другим. Даже при царизме были свои периоды прогрессивных реформ и периоды реакции. Настроения и ориентировки господствующего класса меняются в зависимости от обстоятельств. Это относится и к рабочему классу. Давление мелкой буржуазии на уставший от потрясений пролетариат означало оживление мелкобуржуазных тенденций в самом пролетариате, а вместе с тем и первую глубокую реакцию, на волне которой поднялся к власти нынешний бюрократический аппарат, возглавленный Сталиным.

Те свойства, которые Ленин ценил в Сталине – упорство характера и хитрость, – оставались, конечно, и сейчас; но они получили иное поле действия и иную точку приложения. Те черты, которые в прошлом означали минусы в личности Сталина: узость кругозора, недостаток творческой фантазии, эмпиризм приобрели сейчас в высшей степени актуальное значение; они позволили Сталину стать полусознательным орудием советской бюрократии, и они побудили бюрократию увидеть в Сталине своего признанного вождя. Десятилетняя борьба на верхах большевистской партии с несомненностью показала, что в условиях нового этапа революции Сталин до конца развивал те именно стороны своего политического характера, которым Ленин в последний период своей жизни объявил непримиримую борьбу. Но этот вопрос, стоящий и сегодня в фокусе советской политики, выводит нас далеко за пределы нашей исторической темы.

Со времени рассказанных событий мною воды утекло. Если уже десять лет тому назад в действии были факторы, гораздо более могущественные, чем советы Ленина, то сейчас и вовсе наивно было бы апеллировать к Завещанию как к актуальному политическому аргументу. Интернациональная борьба между двумя группировками, выросшими из большевизма, давно переросла судьбу отдельных лиц. Ленинское письмо, известное под именем Завещания, сохраняет ныне главным образом исторический интерес. Но история, смеем думать, тоже имеет свои права, которые к тому же не всегда вступают в конфликт с интересами политики. Элементарнейшие из научных требований: правильно устанавливать факты и проверять слухи по документам можно, во всяком случае, одинаково рекомендовать как политикам, так и историкам. Его следовало бы распространить даже на психологов.

Принкипо,
31 декабря 1932 г .

Красин

Леонид Борисович Красин родился в 1870 году в даровитой семье как самый выдающийся из даровитых братьев. К революционному движению он примкнул еще студентом. Он жил и учился в Германии, прекрасно знал немецкую технику и культуру и свободно владел немецким языком.

Красин не умел быть долго в меньшинстве. Он не боялся решительных мер, и в этом смысле он был революционером. Но он требовал, чтоб революционные меры дали немедленное решение. Он вполне естественно примкнул к революционному движению и столь же естественно стал на сторону большевиков. Когда соотношение сил снова сдвинулось в пользу монархии, Красин примкнул к крайней левой фракции отзовистов, отколовшихся от Ленина. Красин хотел бойкотировать III Думу и вызвать развязку при помощи искусственных мер, доступных героическому меньшинству. В качестве химика Красин знал, что такое динамит, в качестве политика он не боялся его употребления. Но бойкотировать Думу значило бойкотировать поражение революции и его последствия. Реалисты непосредственных достижений часто превращаются в иллюзионистов, когда действительность поворачивается к ним неблагоприятным концом. Так произошло и с Красиным. Но его связь с левым авантюризмом длилась недолго. Реалистическое чутье взяло верх. Однако Красин не вернулся к Ленину, который кропотливо собирал физически и морально уцелевших от великого разгрома 1905–1907 годов и восстанавливал партийную организацию снова в подполье, – Красин отошел не только от ультралевого крыла, но и от партии в целом. Он не умел долго оставаться в меньшинстве и терпеливо подготавливать отдаленный день.

Люди золотой середины часто думают, что революционный образ мыслей является продуктом нетерпеливого темперамента. Это не так. Политика революционных экспериментов и авантюр диктуется, правда, психологией нетерпения. Но действительно революционная политика требует, в числе других качеств, умения ждать и долго оставаться в меньшинстве. Ритмы революционной закономерности совсем не совпадают с ритмами индивидуальных аффектов. Революционер должен уметь подняться мыслью над отдельными эпизодами и этапами исторического процесса, прежде всего над его отливами, не для пассивного выжидания, а для активной подготовки. Этой способности у Красина не было. Именно поэтому, несмотря на то что он был революционер и большой человек, он не был большим революционером.

В 1908 году Красин был связан с Алексинским, вообще с группой «Вперед». В одной из записок Ленин вспоминает, что Алексинский через Красина взял у него летом или осенью 1908 года книгу.

Отойдя от партии в годы контрреволюции, он укрепил свои связи с промышленным миром, с которым не порывал никогда. Революционный отлив сменился с 1910 года капиталистическим прибоем. Красин брал реванш на новом поприще. Инженер и предприниматель брал реванш за поражения пролетарского революционера. Острый взгляд, творческую подвижность мысли и способность к смелым решениям Красин перенес на арену промышленного предпринимательства. Война открыла еще больший простор в этой области. Февральская революция застала Красина богатым человеком.

В 1918 году Красин занимал пост председателя чрезвычайной комиссии по снабжению Красной Армии. Одновременно был членом президиума ВСНХ и народным комиссаром торговли и промышленности.

На заседаниях Совета Обороны чаще всего в прениях выступал, пожалуй, Красин, как можно судить по председательским записям Ленина. Красину же давались различные административно-хозяйственные поручения: расследовать вопрос о запасах обуви в Питере; ввести третью смену на тульских военных заводах; мобилизовать повозки военного образца.

Назначенный сперва комиссаром торговли и промышленности, Красин был впоследствии оставлен во главе специального Комиссариата внешней торговли. Но в течение ряда лет этот комиссариат выполнял скромную торговлю. Красин поэтому всегда был занят десятком дел, лежащих вне его ведомства: на нем лежала одно время забота о снабжении армии в качестве

чрезвычайного уполномоченного Совета [Труда и] Обороны, и, когда новая экономическая политика расширила возможность связи с внешним миром, Красин, не покидая поста народного комиссара внешней торговли, совершил ряд длительных дипломатических экскурсий в Европу.

С мая 1920 года до марта 1921 года Красин развивал в Лондоне энергичную кампанию за юридическое признание Советского правительства.

В конце 1924 года Красин был назначен послом в Париж и стал там преемником Извольского[135]. Успехом там его деятельность не была увенчана. Годом позже он в качестве простого уполномоченного был переведен в Лондон.

Так как Красин по своему образованию и деловым отношениям был тесно связан с Германией и во время войны руководил немецкими промышленными предприятиями в России, то белая эмиграция после того, как Красин стал советским сановником, пустила слухи, будто Красин, на самом деле настроенный вполне патриотически, был немецким агентом во время войны и превратил секвестрованные немецкие предприятия в опорные пункты немецкого влияния. Сфорца говорил с Красиным об этих слухах, и вот что тот, по словам графа, ответил ему:

> «Может быть, моим долгом было бы поступать таким образом, но я этого не делал. Великие князья и генералы не нуждались в нашей помощи для разрушения России».

Очищая Красина от нелепого обвинения, Сфорца изображает, однако, мимоходом службу интересам немецкого штаба как «долг» большевиков. На этом не стоит останавливаться, но почтенный джентльмен вкладывает эту оценку в уста Красина, придавая ей тем характер аутентичного свидетельства. Красин был послом Советского правительства, вожди которого отрицали идиотскую клевету об их содействии немецкому штабу. Если б даже их отрицание противоречило действительности, и в этом случае у Красина не было бы ни малейшего интереса дезавуировать и компрометировать свое собственное правительство и себя самого в глазах чуждого и враждебного ему дипломата. Но Красин, кроме того, был большевиком и хорошо знал, что такое большевизм. Он не мог сказать того, что ему вкладывает в уста Сфорца, ища подкрепления для нелепых легенд белой эмиграции.

И еще в одном случае почтенный джентльмен лжесвидетельствует от имени Красина. В качестве министра иностранных дел Сфорца отстаивал необходимость признания Советской России Италией. 6 августа 1920 года он говорил по этому вопросу в итальянском парламенте:

> «Если большевизм должен погибнуть, пусть погибнет от его собственных ошибок, а не под внешним давлением, иначе мы создали бы только мучеников».

Через несколько недель прибывший из Москвы Красин сказал графу Сфорца при первом же свидании:

«В России не в восторге от вашей программы; удобнее было играть в мучеников».

Выходит, что Москва предпочитала блокаду признанию и что Красин поспешил об этом сообщить итальянскому министру при первом свидании.

«Красин любил Ленина, – признает Сфорца, – но это не мешало ему, оказывается, признавать, что его „друг и вождь“ духовно был совершенно тэр а тэр[136] и что он становился ребяческим, когда хотел быть оригинальным». У Красина было сложное отношение к Ленину, обусловленное глубоким различием двух натур и двух жизненных путей, но эти пути не случайно пересекались в решающих точках. Если б Красин думал, что приписывает ему Сфорца, он никогда не сказал бы этого политическому врагу, а Сфорца был и остался врагом.

---

[135] Извольский Александр Петрович (1856–1919) – министр иностранных дел царской России, затем посол в Париже.

[136] Упадший из упадших *(фр.). – Прим. ред. – сост.*

Но Красин не думал, не мог думать ничего похожего на приписываемые ему пошлости. Красин был достаточно умен, чтоб ценить духовную мощь Ленина и восторгаться ею. Сфорца говорит: «Красин любил Ленина». Что ж он любил в нем? Несмотря на длительные периоды отталкивания, через всю жизнь Красина проходит влюбленность в могучий интеллект Ленина. На III съезде партии, где положено было создание фракции большевиков, Красин после доклада Ленина начал свою речь такими словами:

«Я, как и многие другие, вероятно, с наслаждением прослушал…»

Такие отзывы – больше за глаза, чем в глаза – проходят через всю жизнь Красина. Сколько раз в первые годы революции он возмущался нашей политикой, и сколько раз он с блеском в глазах и с улыбкой покоренного говорил о творческом могуществе ленинской головы!

Не менее компрометирующий для Сфорца характер имеет второе приписанное им Красину замечание: Ленин впадал в ребячливость, «когда хотел быть оригинальным». Ленин не хотел и не мог быть оригинальным. Приписать ему такую потребность мог бы только совсем бездарный сноб, а Красин не был ни снобом, ни бездарным.

Не случайно Сфорца ставит Красина выше всех русских революционеров. Немногие из людей, с которыми ему пришлось встречаться, произвели на него столь глубокое впечатление. Больше всего поражало итальянского дипломата «…необычное сочетание преуспевающего делового человека и неуступчивого революционера».

Не вполне последовательный Сфорца говорит о нем: «Он был человеком дела и любил ощутительные результаты, а не мечтательные подготовления; поэтому-то он и был плохим большевиком».

Красин был большевиком в молодости и министром рабочего государства в зрелые годы. Но длительный пробел между этими двумя периодами сам по себе свидетельствует, что Красин не был пролетарским революционером до конца. Он искал всегда непосредственных решений или непосредственных успехов; если идея, которой он служил, не давала таких успехов, то он обращал свой интерес в сторону личного успеха. В этом смысле можно сказать, что он был ближе к людям типа Кавура, чем к людям типа Маркса или Ленина.

Ленин очень ценил Красина, но исключительно как делового человека, как техника, администратора, знатока капиталистического мира. Именно в кругу этих вопросов вращались отношения Ленина с Красиным: заказ паровозов за границей; отзыв по вопросу о бакинской нефти; подыскание необходимых специалистов и пр. Можно не сомневаться, что Ленин не совещался с Красиным по политическим и особенно по партийным вопросам, скорее всего избегал бесед с ним на партийные темы. Включение Красина, как и Кржижановского, несмотря на их «старый большевизм» в ЦК партии было бы при Ленине совершенно немыслимым. Этот шаг был предпринят уже эпигонами для подкрепления собственных позиций влиятельными советскими людьми. Что касается Раковского[137], который до Октябрьской революции не был большевиком, то он был сейчас же после вступления в партию включен в ЦК. Объясняется это различие тем, что Ленин видел в Раковском революционера и политика, но не видел ни того, ни другого ни в Красине, ни в Кржижановском.

На заседаниях Красина любили слушать. С ним не всегда соглашались, но он умел всегда вопрос поставить по-своему, указать те стороны, какие не видели другие, и бросить на вопрос в целом новый свет. Помимо блестящих личных качеств, сильного аналитического ума и хватающего за живое остроумия, ему много помогали в этом его серьезное образование и разносторонний жизненный опыт. Хорошо подкованный марксист, химик, электротехник, человек, руководивший подпольными типографиями, динамитными мастерскими и большими торговыми операциями, «гражданин цивилизованного мира», Красин на всех заседаниях и по всякому вопросу умел сказать свое особое, красинское слово. Во время заседания мы нередко

---

[137] В памяти Троцкого слилось воедино несколько событий. Приехав летом 1917 года в Россию (освобожденный из румынского заточения революционно настроенными русскими солдатами), Раковский сначала примкнул к меньшевикам-интернационалистам. Большевиком он называл себя лишь с самого конца 1917 года. На VII (внеочередном) партийном съезде в марте 1918 года Христиан Раковский в ЦК избран не был.

обменивались записками, и в этих записках, более бедных, чем речи, в силу краткости, есть все же частица Красина. Кое-какие из них сохранились.

Красин давно и настойчиво выдвигал вопрос об обновлении основного капитала нашей промышленности. В июле 1924 года он писал мне:

> «Увеличение производительности труда в государственном масштабе есть в первую и главную очередь вопрос радикального переоборудования всей почти промышленности. Наши орудия производства уже не способны дать дешевый продукт даже при хорошем управлении».
>
> «Оборудование бумажных фабрик устарело, работает дорого. Целлюлозных и древесномассных заводов – нет».

На том же заседании:

> «Нефтяное оборудование (бурение и тартание) ни черта не стоит. Хранить нефть в наших резервуарах нельзя. Газов улавливать не можем. Перегонные заводы – сплошь железный лом; нефтепроводы не существуют. Флота для перевозок не имеем. Как тут дешево работать и как конкурировать с Америкой!»
>
> «Лесопилки наши в техническом отношении втрое хуже шведских, и это почти повсюду».

А вот любопытная записка о торговле, по-видимому, в связи с каким-то вопросом, разбиравшимся в СТО:

> «Это так и есть: если предприятие из года в год с малым капиталом увеличивает свои обороты, завоевывает все новые и новые кредиты, открывает с успехом новые отрасли экспорта, не зарываясь притом в рискованные операции, это и значит, что данное предприятие здоровое. Секрет тут в том, что самый важный момент в торговом предприятии – это организация и люди, умеющие торговать. Так и образовывались буржуазные торговые дома: часто начиная с медного пятака, через пять лет кулак ворочал миллионами. Момент личной инициативы, уменья, проворства здесь превалирует».

На одном из заседаний (в июне 1924 года) я пишу Красину:

> «Вы ошибаетесь, думая, что Соединенные Штаты будут в ближайший период следовать за Англией. Наоборот надо ждать серьезного обострения отношений между Англией и Соединенными Штатами ввиду возвращения Соединенных Штатов на мировой рынок».

Красин тут же отвечает:

> «В ближайшем будущем обострение отношений между Англией и Америкой я считаю невероятным. Вы не можете себе представить, до какой степени провинциальны американцы в вопросах международной политики! Они еще долго не посмеют ссориться с Англией».

А вот, на тех же бумажках из блокнота, красинские афоризмы, очевидно относящиеся к кому-либо из участников заседания или докладчиков:

«Это какая-то амеба с нулевым обращением жизненных соков».

И еще:

«Словесный пулемет…»

И еще, и еще…

А вот краткая характеристика британской юстиции:

«Больших мошенников, чем английские юристы и хваленый английский суд, нет на свете!»

А нужно прибавить, что Красин имел дело с юристами разных стран и что у него был глаз.

У Красина были свои взгляды, и далеко не со всеми из них можно было соглашаться. Это вполне объясняется своеобразием жизненного пути Красина. Но и не соглашаясь с ним, у него всегда можно было чему-нибудь научиться.

Был, однако, один вопрос, в котором Красин занимал архибоевую позицию с такой крайней непримиримостью, которая, вообще говоря, несвойственна была ему в принципиальных вопросах: я имею в виду монополию внешней торговли. Непримиримость выросла здесь у Красина не из общего принципа, а из деловой практики: в качестве народного комиссара внешней торговли он призван был развивать и направлять связи советского хозяйства с мировым. Не только «по должности», но и по всему своему прошлому Красин способен был раньше многих других понять, что советское хозяйство не может развиваться как изолированная, замкнутая в себе система. Он слишком хорошо знал структуру нашей промышленности, ее довоенную связь с иностранной промышленностью, ее зависимость от европейской и американской техники. Проблема обновления основного капитала занимала его с первых лет советской власти. Путь к этому он видел в развитии экспорта. Не только в общекультурном, но и в экономическом и в производственно-техническом отношении он был в полном смысле слова «гражданин цивилизованного мира». Он способен был трезво оценить как наши ужасающие нехватки, так и наши потенциальные возможности. Ему слишком было ясно, что при нынешнем состоянии нашей экономики не только свободно открыть ворота, ведущие в мировой рынок, но и слегка приоткрыть их – значит, затопить государственную промышленность иностранным товаром и иностранным капиталом; другими словами, создать для империализма в его борьбе против советской системы безусловные гарантии победы. Красин стал непримиримым защитником монополии внешней торговли. Здесь он пользовался полной поддержкой Владимира Ильича. Противники объясняли эту его линию ведомственностью. Это неправда. Сама ведомственность Красина в области внешней торговли была выводом его общей оценки соотношения экономических сил. На этой своей линии он стоял незыблемо. И пожалуй, лучшими его речами, наиболее богатыми фактическим содержанием, наиболее убедительными и в силу этого одного наиболее блестящими по форме, являются те, в которых он защищал монополию внешней торговли.

Как человек Красин был обаятелен. Он до конца жизни сохранил юношескую гибкость и стройность фигуры. Лицо, красивое настоящей красотой, светилось умом и энергией. Огоньки иронии – неподдельной иронии человека, много знавшего, много понимавшего и много умевшего, – перебегали из глаз в складки выразительного рта. Его голос был звучен и полновесен, его жест отчетлив, фраза его речи текла плавно и, при соблюдении словесной экономии, отличалась правильной законченностью. Красин был одинаково хорош и как оратор, и как рассказчик, и как собеседник. Писал он мало. Его активность пошла по другим каналам. Но писал он лучше многих из тех, которые пишут много. Вообще все, что он делал, он делал хорошо.

Воровский

Уже с начала девятисотых годов Воровский принимал деятельное участие в революционном движении, организуя сперва студенческие, а затем рабочие социал-демократические кружки. Он много работал теоретически над собою. В начале столетия он выступил в легальной печати как готовый и притом блестящий литератор.

С момента раскола с социал-демократией Воровский сразу примкнул к большевикам и сразу же занял во фракции руководящее положение.

Небезынтересно отметить, что в 1906 году поляк Воровский присутствовал на съезде польской социал-демократии не как член этой национальной организации, а как представитель русских большевиков.

Поразительны по своей психологической несообразности те показания, вернее, лжесвидетельства, которые Сфорца влагает в уста Воровского. В качестве торгового

представителя Воровский, оказывается, делился с итальянским министром иностранных дел своими уничижительными суждениями о Ленине, который «лишен понимания частичных выгод, постепенных успехов; он (Ленин) охотнее садится и вычитывает из своего Маркса, как обстановка будет развиваться». Такие речи Воровский произносил «с грубым издевательством».

Но он не ограничивался этим. Однажды, когда все предложения Воровского встретили со стороны Москвы отказ, Воровский, в состоянии «безудержной искренности», сказал графу Сфорца:

> «Нами руководит немецкий школьный учитель, которого сифилис одарил несколькими искрами гения прежде, чем убить его!»

Я выписал эту отвратительную фразу, преодолевая брезгливость. Под именем Воровского Сфорца здесь клевещет не столько на Ленина, сколько на Воровского. Источники вдохновения графа Сфорца распознать нетрудно: белая эмиграция. Граф сам рассказывает, как итальянское правительство, включая почтенного графа, захватило для обыска чемоданы Воровского, в которых, по доносу белых эмигрантов, находились будто бы бриллианты для революционных целей. Явившись к министру, Воровский сказал: «Извините, господин министр, мой дорожный костюм. Мое выходное платье у вас в таможне». Эта фраза очень похожа на Воровского, и она лучше всего дает тон тем отношениям, какие Воровский мог установить с придворным итальянским «демократом». Те самые эмигранты, которые побудили графа интересоваться чемоданами Воровского, изобрели свою версию насчет болезни Ленина. Но Сфорца здесь допустил анахронизм. Версия, которую изысканный граф, собеседник императрицы Евгении и партнер бельгийской королевы, преподносит читателю, создана была не ранее 1923 года. В дни, когда Сфорца был еще министром и принимал Воровского, самая возможность такой версии со стороны Воровского, и даже со стороны черносотенной эмиграции была совершенно исключена.

Не поразительно ли все-таки, что советские послы, представлявшие при чуждом и враждебном государстве правительство Ленина, с такой торопливостью говорили чуждому и враждебному им итальянскому министру самые уничижительные и оскорбительные отзывы о Ленине? Причем эти отзывы как бы заранее были предназначены для того, чтоб подтвердить оценку Ленина, сделанную графом на основании чтения книг Ленина (каких именно – остается неизвестным).

Граф сам чувствует элемент неправдоподобия в своем рассказе. Он прибегает поэтому к биографии Воровского, чтоб найти мотивы враждебного отношения к Ленину.

«Мы имели в Риме, – пишет Сфорца, – тысячи русских беженцев, в том числе многих, принадлежащих к старым фамилиям московской аристократии».

Они-то и сообщили о брильянтах в чемоданах Воровского.

Мы узнаем от Сфорца, что Воровский происходил из рядов польского дворянства, родился католиком и судил о своих русских товарищах, в том числе и о Ленине, «как чужой». Ему это было тем легче, что «он познакомился с Лениным в Стокгольме в апреле 1917 года, и, очевидно, между этими двумя людьми не возникло симпатии», по крайней мере, каждый раз, когда в беседе произносилось имя Ленина, Воровский не упускал случая, чтоб дать понять «то невысокое мнение, которое он имел об умственном уровне своего лидера».

На всякий случай еще граф прибавляет, что, несмотря на свои высокие дарования, Воровский был исключительным «лжецом». Да, таков словарь джентльмена, когда дело идет не о продажной испанской авантюристке, ставшей французской императрицей, а о безупречном русском революционере.

Я не знаю, велись ли беседы Сфорца с Воровским с глазу на глаз, или же там присутствовали и другие лица. Весьма возможно, что в кабинете графа находился один исключительный «лжец». Но это, во всяком случае, был не Воровский. В рассказе графа нет ни слова правды.

Верно, что Воровский происходил из польской дворянской семьи. Но отец Воровского служил на русских железных дорогах, сам Воровский родился в Москве, воспитывался в

русской среде и с молодых лет стал выдающимся русским писателем[138]. Что католицизм Воровского или его польское происхождение могли влиять на отношение Воровского к русским товарищам, и, в частности, к Ленину, самая мысль эта доставила бы, несомненно, Ленину и Воровскому несколько веселых минут. К сожалению, я не могу поделиться психологическим открытием графа ни с тем, ни с другим.

Не менее замечательно уже с чисто физической стороны и второе сообщение Сфорца о том, что Воровский познакомился с Лениным в апреле 1917 года и что при этом они не понравились друг другу. На самом деле Воровский примкнул к революционному движению в качестве московского студента еще в конце прошлого столетия. Освободившись из первой ссылки, он приехал непосредственно к Ленину в Женеву. Это было в 1903 году. С тех пор вся политическая жизнь Воровского была неразрывно связана с большевизмом и лично с Лениным.

В апреле 1917 года, когда Ленин прибыл в Россию, Воровский был назначен заграничным представителем большевиков для связи ЦК с иностранным рабочим движением. В дальнейшем, после большевистского переворота, на Воровского было возложено также и дипломатическое представительство. Эту дату – апрель 1917 года – Сфорца принял за дату знакомства Воровского с Лениным. На самом деле на Воровского могла быть возложена столь ответственная миссия только потому, что он был одним из коренных большевиков.

В 1920 году Воровский был поставлен во главе Государственного издательства. Прекрасный писатель, всесторонне образованный, вообще человек высокой духовной культуры, Воровский не был, однако, администратором. Как и все другие строители Советского государства, копнувшие глубже старого правящего слоя, он слишком часто наталкивался на невежество, безграмотность, некультурность; по свойству своего характера он скорее других способен был приходить в отчаяние от того наследства, которое завещала революционному государству старая русская история. К этому присоединялось нередко сознание собственной физической слабости. Борьба с варварством требовала крепких нервов и крепкой мускулатуры, а Воровского упорно подтачивал туберкулез.

Летом 1920 года Воровского сразил брюшной тиф. Одно время казалось, что надежд нет. «Это был скелет, покрытый кожей», – писал Ганецкий, близко стоявший к Воровскому. Ленин не только ценил Воровского как преданного большевика и культурного работника, он искренне любил его как прекрасного, мягкого и веселого человека с лукавыми огоньками в глазах.

Ленин метался: надо его спасти во что бы то ни стало. Он разрешил эту задачу, как многие другие. Посетил Воровского в больнице и приказал:

– Не сдаваться!

Мобилизовал врачей, уговаривал, настаивал, проверял по телефону уход за Воровским. И хоть был момент, когда все близкие уже сдались перед неотвратимым, казалось, концом, Воровский, наоборот, выполнил приказ и «не сдался».

В часы, которые сам Воровский считал предсмертными, он временно отослал находившуюся при нем неотлучно жену и продиктовал в ее отсутствие свою последнюю волю: письмо Ленину – учителю и верному другу.

Эти факты достаточно показывают, насколько вероятны те циничные слова, которые граф Сфорца вложил в уста Воровского.

Когда Воровский был убит, профессор П. И. Отоцкий, белый эмигрант, писал 17 мая 1923 года в русской монархической газете «Руль»:

> «При вести об его убийстве у меня сжалось сердце жалостью. Уверен, что сжалось еще немало и других контрреволюционных сердец».

Отоцкий вспоминает, как в 1918 году русские эмигранты осаждали Воровского в Стокгольме по поводу всяких своих личных, семейных и родственных дел:

> «…И всякий встречал тогда самое доброе участие и помощь… Мне пришлось два

---

[138] Вацлава Воровского уместнее называть литературным критиком, нежели писателем.

раза обращаться к Воровскому… И оба раза я забывал, что передо мною большевик, политический противник – столько было в нем душевной деликатности, такта, широкой терпимости к убеждениям и доброты».

Профессор Отоцкий прибавляет:

«За все время пребывания моего в Стокгольме я не слышал ни одного даже намека на личную непорядочность или нечестность Воровского».

Ну, еще бы! Самое упоминание этих слов рядом с именем Воровского звучит нестерпимым диссонансом. Отзыв Отоцкого тем интереснее, что большевиков он, по общему правилу, считает выродками человечества.

Воровский был убит в дни лозаннской конференции, открывшейся 23 апреля 1923 года в зале ресторана при гостинице «Сесиль», где Воровский, глава большевистской делегации, ужинал в обществе двух членов делегации – Аренса и Дивильковского. Убийца, Конради, долго наблюдал за ужинавшими, затем, подойдя к столику, начал стрелять в упор. Воровский был убит первыми двумя выстрелами. Аренс и Дивильковский получили тяжелые ранения.

Дед Мориса Конради переселился из Швейцарии в Петербург, кормил там бюрократию и аристократию шоколадными и кондитерскими изделиями и нажил капитал. Отец Мориса продолжал дело деда.

Морис Конради, хотя и швейцарский подданный, вступил в русскую армию, был ранен, получил ордена. После октябрьского переворота вступил в ряды белой армии, дрался с большевиками, которые совершили преступный переворот, отнявший у фирмы Конради фабрику шоколада и кондитерские. После конца белого движения Конради выехал в Швейцарию. Во время первой лозаннской конференции он искал, но не нашел случая убить Чичерина: этому мешала охрана. Воровского никто не охранял, и Конради убил его без помех.

«Я считал, – таково его показание, – что будет услугой миру освободить его от одного из гнусных злодеев… Если бы уничтожить дюжину главарей, правительство большевиков распалось бы, и многие тысячи жизней были бы спасены».

Швейцарский суд рассматривал дело Конради в ноябре 1923 года и оправдал обвиняемого.

Иначе и не могли поступить добродетельные швейцарские присяжные, почтенные собственники, которые с ужасом думали о большом и цветущем шоколадном предприятии, вырванном большевиками из рук их преуспевающего компатриота. Религия собственности есть самая могущественная из религий. Швейцарские мелкие буржуа являются наиболее ревностными чадами этой наиболее универсальной из церквей.

Вскоре после октябрьского переворота, когда я ведал еще иностранными делами, ко мне заявился швейцарский посланник в сопровождении Карла Мора, не шиллеровского разбойника, а старого швейцарского социал-демократа. Мор был человек не без дарований, не без темперамента, но и не без причуд[139]. С общественным мнением в Швейцарии у него отношения были натянутые, несмотря на то что Мор получал два раза в жизни крупное наследство. А это в Швейцарии много значит. Мор был настроен радикально, сочувствовал Октябрьской революции и позже примкнул даже к коммунизму. Это не мешало ему в качестве доброго швейцарца сопровождать своего посланника в львиную пещеру, в Смольный, где в конце бесконечного коридора находилась моя приемная комната. Посланник, тяжеловесная фигура немецко-швейцарского буржуа, пришел протестовать против реквизиции автомобилей у швейцарских граждан. Я редко наблюдал возмущение более непосредственное, менее дипломатическое, т. е. менее сдержанное в формах выражения. Признаюсь, я не без эстетического удовольствия наблюдал это вулканическое извержение оскорбленной

---

[139] Сравнительно недавно выяснилось, что Карл Мор был при этом человеком с двойным дном: поддерживал тесные связи с германскими властями и получал от них деньги на пропагандистско-разведывательную деятельность.

собственнической страсти. Ему, представителю процветающей демократии, автомобили казались непосредственным продолжением органов тела их собственника, и экспроприацию машин передвижения он воспринимал так же, как вивисекцию человеческого тела. Моя попытка объяснить ему, что в России происходит социальная революция, что автомобиль есть технический орган общества, что формы собственности не даны природой, как прямая кишка, а представляют взаимоотношения людей, и что суть революции состоит в изменении форм собственности, [ни к чему не привела.] Я излагал это популярнее, т. е. применительно к уровню понимания просвещенного буржуа, но почтенный посланник, перебив меня на полуслове, обрушился на меня двойным взрывом обличительного негодования. В конце концов я вынужден был без особой учтивости прервать эту беседу.

Почтенный и просвещенный швейцарский министр мог все понять: и низвержение монархии, и даже убийство кой-каких сановников, – в конце концов был же у Гельвеции свой Вильгельм Тель, – но что революция отнимает у республиканцев, у подлинных демократов автомобили, – нет, этого он понять не мог.

Труднее всего во время этой беседы пришлось, пожалуй, чудаку Карлу Мору: он сочувствовал революции, и недаром он носил имя романтического героя, – даже и эксцессы революции не пугали его воображение. Но в то же время он слишком хорошо понимал своего дипломатического компатриота, и это напряженное понимание не могло не превращаться в сочувствие.

Те доблестные фабриканты и продавцы сыра, шоколада и часов, которых так преданно представлял их дипломатический агент в Петербурге, не могли не оправдать Конради, убийцу Воровского.

20 мая Москва хоронила Воровского. Не менее 500 тысяч человек провожало его гроб.

Чичерин

Официальным руководителем советской дипломатии был Чичерин. Он представляет собою чрезвычайно своеобразную и весьма незаурядную фигуру. Я знал его более десяти лет до революции. Время от времени встречался с ним на эмигрантской почве, обменивался с ним деловыми, скорее техническими письмами. Если б меня в тот период спросили, знаю ли я Чичерина, то я, разумеется, ответил бы утвердительно. На самом деле, я совершенно не знал его. Правда, мимоходом я слышал иногда о чудачествах Чичерина: о его замкнутом и спартанском образе жизни, о том, что его комната в дешевом отеле заполнена газетами и деловыми бумагами, о том, что он работает по ночам; слышал я еще, что секретарь заграничных групп содействия происходит из известной дворянской профессорско-чиновничьей семьи Чичериных. Я наблюдал Чичерина только как чиновника эмигрантских организаций. В тех случаях, когда заходили политические беседы, Чичерин молчал, изредка разве вставляя какую-либо фактическую справку. Больше я ничего не знал об этом человеке.

Я не знал, что он владеет десятком языков, наиболее важными мировыми языками; я не знал, что он с пристальным вниманием следит за мировой прессой и превосходно осведомлен обо всем, что происходит в международной политике и во внутренней политике всех важнейших стран; я не знал, наконец, что Чичерин не только превосходный музыкант, но и высоко образованный знаток музыки, ее теории и ее истории, как и знаток искусства вообще. Это был просвещенный старый русский дворянин, который принес свое разностороннее образование на службу революционной организации и занял в ней скромное место секретаря, как накануне первой революции, он занимал скромное место секретаря при царской миссии в Брюсселе.

Только во время войны Чичерин начал мне раскрываться с другой стороны. Я стал от него неожиданно получать политические письма из Лондона. Чичерин полемизировал против направления маленькой русской газеты «Наше слово», которую я вместе с несколькими другими лицами редактировал в Париже. Чичерин выступал как сторонник Антанты против центральных империй. Таких социал-патриотов, как мы их называли тогда, было немало. Но удивил меня подход Чичерина к вопросу: аргументы его казались мне несостоятельными, но они всегда были неожиданными, не банальны, не из обычного антантовского словаря и

свидетельствовали о чрезвычайно широкой осведомленности автора. Чичерин ссылался на социалистические издания всех стран, приводил цитаты из газет итальянских консерваторов или из органа шведской тяжелой промышленности. Полемика его состояла, в сущности, в подборе цитат: письма не требовали ни возражений, ни даже ответа. Чичерин явно боролся с собою, колебался и вскоре совсем замолчал. На втором или третьем году войны он резко самоопределился влево и стал постоянным лондонским сотрудником «Нашего слова». Его статьи всегда были отмечены печатью исключительной осведомленности, вниманием к деталям: не мог никто с такой точностью, как Чичерин, начертать политическую орбиту того или другого социалиста. В критическую минуту Чичерин всегда приходил «Нашему слову» на помощь.

Поворот влево не прошел для Чичерина безнаказанно. Скоро он оказался в Лондоне арестован. После завоевания власти мы получили возможность поставить вопрос об освобождении Чичерина; сперва британские власти отнеслись к этому требованию как к неслыханной дерзости, тем более что оно исходило от лица, которое они сами несколько месяцев тому назад продержали месяц в концентрационном лагере в Канаде.

Но пришлось считаться с фактами. В наших руках было много английских граждан, которые стремились выбраться на родину. Уже в конце 1917 года Чичерин прибыл в Петроград. Он сразу стал моим заместителем по Комиссариату иностранных дел, которому я совсем не отдавал времени. Изредка, вспоминается, Чичерин звонил мне по телефону, спрашивая тех или других указаний по необыкновенно казусным делам, всплывавшим в его весьма необычной на первых порах практике. Я спешил предоставить разрешение сложных проблем его собственному усмотрению. Ближайшие годы были годами войны, и дипломатия занимала очень маленький сектор на вершине Советского государства. Я не всегда успевал прочитывать даже газетные сведения о шагах советской дипломатии, ее успехах и неудачах. На заседаниях Совнаркома я присутствовал в виде исключения. Вскоре после моего перехода в военное ведомство я, по соглашению с Лениным, официально предложил назначить моего бывшего заместителя народным комиссаром. Это не встретило ничьих возражений. «Чичерин хорошо втянулся в работу», – говорил мне Ленин, который ранее почти совершенно не знал Чичерина. Спец высокой марки.

Раковский

О Раковском говорить как о дипломате, значит, пусть простят дипломаты, принижать Раковского. Дипломатическая деятельность занимала совсем небольшое и вполне подчиненное место в жизни борца. Раковский был писателем, оратором, организатором, затем администратором. Он был солдатом, одним из главных строителей Красной Армии. Только в этом ряду стоит его деятельность в качестве дипломата. Он меньше всего был человеком дипломатической профессии. Он не начинал секретарем посольства или консула. Он не принюхивался в салонах в течение долгих лет к тем правящим кругам, которые не всегда хорошо пахнут. Он вошел в дипломатию как посол революции, и я не думаю, чтоб у кого-либо из его дипломатических контрагентов было хоть малейшее основание ощущать свое дипломатическое превосходство над этим революционером, вторгшимся в их святая святых.

Если говорить о профессии в буржуазном смысле слова, то Раковский был врачом. Он стал бы, несомненно, первоклассным медиком благодаря наблюдательности и проницательности, способности к творческим комбинациям, настойчивости и честности своей мысли и неутомимости своей воли. Но другая, более высокая в его глазах профессия оторвала его от медицины: профессия политического борца.

Он вошел в дипломатию готовым человеком и готовым дипломатом не только потому, что он еще в молодые годы умел при случае носить смокинг и цилиндр, но прежде всего потому, что он очень хорошо понимал людей, для которых смокинг и цилиндр являются производственной одеждой.

Я не знаю, читал ли он хоть раз специальные учебники, на которых воспитываются молодые дипломаты. Но он превосходно знал новую историю Европы, биографии и мемуары ее политиков и дипломатов, психологическая находчивость без труда досказывала ему то, о чем

умалчивали книги, и Раковский, таким образом, не нашел никаких причин теряться или изумляться тем людям, которые штопают дыры старой Европы.

У Раковского было, однако, качество, которое как бы предрасполагало его к дипломатической деятельности: обходительность. Она не была продуктом салонного воспитания и не являлась улыбающейся маской презрения и равнодушия к людям. Поскольку дипломатия и до сих пор еще вербуется, главным образом, из довольно замкнутых каст, поскольку изысканная вежливость, вошедшая в пословицу, является только излучением высокомерия. Как быстро, однако, эта высокая дрессировка, хотя бы переходившая из поколения в поколение, сползает, обнажая черты страха и злобы, это нам дали видеть годы войны и революции. Есть другого рода презрительное отношение к людям, вытекающее из слишком глубокого психологического проникновения в их действительные движущие мотивы. Психологическая проницательность без творческой воли почти неизбежно окрашивается налетом цинизма и мизантропией.

Эти чувства были совершенно чужды Раковскому. В его природе был заложен источник неиссякаемого оптимизма, живого интереса к людям и симпатии к ним. Его благожелательность к человеку была тем устойчивее и в личных отношениях, тем очаровательнее, что оставалась свободна от иллюзий и нисколько не нуждалась в них.

Нравственный центр тяжести столь счастливо расположен у этого человека, что он, никогда не переставая быть самим собою, одинаково уверенно чувствует себя (или, по крайней мере, держит себя) в самых различных условиях и социальных группах. От рабочих кварталов Бухареста до Сен-Джемского дворца в Лондоне.

– Ты представлялся, говорят, британскому королю? – спрашивал я Раковского в один из его приездов в Москву.

В его глазах заиграли веселые огоньки.

– Представлялся.

– В коротких панталонах?

– В коротких панталонах.

– Не в парике ли?

– Нет, без парика.

– Ну, и что ж?

– Интересно, – ответил он.

Мы смотрели друг на друга и смеялись. Но ни у меня не оказалось желания спрашивать, ни у него рассказывать, в чем же, собственно, состояло «интересное» при этой не совсем обычной встрече революционера, высылавшегося девять раз из разных стран Европы, и императора Индии. Придворный костюм Раковский надевал так же, как во время войны красноармейскую шинель, как и производственную одежду. Но можно сказать не колеблясь, что из всех советских дипломатов Раковский лучше всех носил одежду посла и меньше всех давал ей воздействовать на свое «я».

Я никогда не имел случая наблюдать Раковского в дипломатической среде, но я без труда представляю себе его, ибо он всегда оставался самим собою и ему не нужно было облачаться в мундир вежливости, чтоб разговаривать с представителем другой державы.

Раковский был человеком изысканной нравственной натуры, и она просвечивалась сквозь все его помыслы и дела. Чувство юмора было ему свойственно в высшей степени, но он был слишком доброжелательным к живым людям, чтоб позволять себе слишком часто превращать его в едкую иронию. Но у друзей и у близких он любил иронический склад мыслей так же, как и сентиментальный. Стремясь переделать мир и людей, Раковский умел брать их в каждый момент такими, как они есть. Именно это сочетание составляло одну из наиболее важных черт в этой фигуре, ибо доброжелательный, мягкий, органически деликатный Раковский был одним из самых несгибаемых революционеров, каких создавала политическая история.

Раковский подкупает открытым и благожелательным подходом к людям, умной добротой, благородством натуры. Этому неутомимому борцу, в котором политическая смелость соединяется с отвагой, совершенно чужда область интриг. Вот почему, когда действовали и решали массы, имя Раковского гремело в стране, а о Сталине знали только в канцелярии. Но именно потому же, когда бюрократия отстранила массы и заставила их замолчать, Сталин

должен был получить перевес над Раковским.

Раковский пришел к большевизму лишь в эпоху революции. Если, однако, проследить политическую орбиту Раковского, то не останется никакого сомнения в том, насколько органически и неотвратимо его собственная деятельность и его развитие вело его на путь большевизма.

Раковский – не румын, а болгарин, из той части Добруджи, которая по Берлинскому трактату отошла к Румынии. Он учился в болгарской гимназии, был исключен из нее за социалистическую пропаганду, университетский курс проходил в южной Франции и французской Швейцарии. В Женеве Раковский попал в русский социал-демократический кружок, находившийся под руководством Плеханова и Засулич. С этого времени он тесно связывается с марксистской русской интеллигенцией и подпадает под влияние родоначальника русского марксизма Плеханова, через которого сближается вскоре с основоположником французского марксизма Жюль Гэдом и принимает активное участие во французском рабочем движении, на его левом крыле, среди гэдистов.

Спустя несколько лет Раковский деятельно работает на почве русской политической литературы под псевдонимом Х. Инсарова[140]. За свою связь с русскими Раковский в 1894 году подвергается высылке из Берлина. После окончания университета он приезжает в Румынию, в свое официальное отечество, с которым его до сих пор ничто не связывало, и отбывает воинскую повинность в качестве военного врача.

Засулич рассказывала мне в старые годы (1903–1904) о той горячей симпатии, которую вызывал к себе юноша Раковский, способный, пытливый, пылкий, непримиримый, всегда готовый ринуться в новую свалку и не считавший синяков. Политическое мужество с юных лет сочеталось в нем с личной отвагой. В маневренной войне боевой командир набирает «движение на выстрел». И внешние условия, и личный ненасытный интерес к странам и народам бросали его из государства в государство, причем в этих постоянных переездах преследования европейской полиции занимали не последнее место.

Эмигрант Плеханов был непримиримым марксистом, но слишком долго оставался им в области чистой теории, чтобы не утратить связь с пролетариатом и революцией. Под влиянием Плеханова Раковский в годы между двумя революциями (1905–1917) стоял, однако, ближе к меньшевикам, чем к большевикам. Насколько, однако, он в своей собственной политической деятельности был далек от оппортунизма меньшевиков, показывает один тот факт, что Румынская социалистическая партия, руководимая Раковским, уже в 1915 году выступила из II Интернационала. Когда встал вопрос о присоединении к III Интернационалу, то сопротивление оказывали только организации Трансильвании и Буковины, принадлежавшие раньше к оппортунистическим Австрийской и Венгерской партиям. Все же организации старой Румынии и отошедшего к ней с 1913 года Болгарского четырехугольника (кваддилатер) почти единогласно высказались за присоединение к Коммунистическому Интернационалу.

Вождь оппортунистической части партии, бывший австрийский депутат Григоровичи заявил в румынском сенате, что он остается социал-демократом и что он не солидарен с Лениным и Троцким, которые стали антимарксистами.

Раковский – одна из наиболее интернациональных и по воспитанию, и по деятельности, и, главное, по психологическому складу фигур новейшей политической истории. Вот что писал [я о нем в книге «Годы великого перелома», 1919, с. 61]:

> «В лице Раковского я встретил старого знакомого. Христю Раковский – одна из наиболее „интернациональных“ фигур в европейском движении. Болгарин по происхождению, но румынский подданный, французский врач по образованию, но русский интеллигент по связям, симпатиям и литературной работе (за подписью Х. Инсарова он опубликовал на русском языке ряд журнальных статей и книгу о третьей республике), Раковский владеет всеми балканскими языками и тремя европейскими, активно участвовал во внутренней жизни четырех социалистических партий –

[140] По словам Раковского, любимым произведением его был роман Тургенева «Накануне», отсюда и псевдоним.

болгарской, русской, французской и румынской – и теперь стоит во главе последней…»

Раковский подвергался высылке из царской России, строил Румынскую социалистическую партию, был выслан из Румынии как чужестранец, хотя служил перед тем в румынской армии в качестве военного врача, снова вернулся в Румынию, поставил в Бухарест ежедневную газету и руководил Румынской социалистической партией, боролся против вмешательства Румынии в войну и был арестован накануне ее вмешательства. Воспитанная им Социалистическая партия Румынии в 1917 году целиком примкнула к Коммунистическому Интернационалу.

1 мая 1917 года русские войска освободили Раковского из тюрьмы в Яссах, где его, по всей вероятности, ждала участь Карла Либкнехта. И через час Раковский уже выступал на митинге в 20 000 человек. В специальном поезде его увезли в Одессу. С этого момента Раковский целиком уходит в русскую революцию. Ареной его деятельности становится Украина.

Что Раковский лично пришел к Ленину как благодарный ученик, чуждый малейшей тени тщеславия и ревности в отношении к учителю, несмотря на разницу в возрасте всего в четыре года, на этот счет не может быть ни малейшего сомнения у того, кто знаком с деятельностью и личностью Раковского. Сейчас в Советском Союзе идеи оцениваются исключительно в свете документов о рождении и оспопрививании, как будто существует общий для всех идеологический маршрут. Болгарин, румын и француз Раковский не подпал под влияние Ленина в молодые годы, когда Ленин был еще только вождем крайнего левого крыла демократически-пролетарского движения в России. Раковский пришел к Ленину уже зрелым сорокачетырехлетним человеком, со многими рубцами интернациональных боев, в период, когда Ленин поднялся до роли международной фигуры. Мы знаем, что Ленин встретил немалое сопротивление в рядах собственной партии, когда в начале 1917 года национально-демократические задачи революции сменил интернационально-социалистическими

Но и примкнув к новой платформе, многие из старых большевиков, по существу, оставались всеми корнями в прошлом, как неоспоримо свидетельствует нынешнее эпигонство. Наоборот, если Раковский долго не усваивал национальной логики развития большевизма, зато тем глубже воспринял он большевизм в его развернутом виде, причем само прошлое большевизма осветилось для него другим светом. Большевики провинциального типа после смерти учителя потянули большевизм назад, в сторону национальной ограниченности. Раковский же остался в той колее, которую проложила Октябрьская революция. Будущий историк, во всяком случае, скажет, что идеи большевизма развивались через ту опальную группировку, к которой принадлежал Раковский.

В начале 1918 года Советская республика отправила Раковского в качестве своего представителя для переговоров с его бывшим отечеством, Румынией, об эвакуации Бессарабии. 9 марта Раковский подписал соглашение с генералом Авереску, своим бывшим военным начальником.[141]

В апреле 1918 года для мирных переговоров с Радой создана была делегация в составе Сталина, Раковского и Мануильского. Тогда еще никому не могло прийти в голову, что Сталин опрокинет Раковского при помощи Мануильского.

С мая по октябрь Раковский вел переговоры со Скоропадским, украинским гетманом милостью Вильгельма II.

То как дипломат, то как солдат он борется за Советскую Украину против Украинской Рады, гетмана Скоропадского, Деникина, оккупационных войск Антанты и против Врангеля[142]. В качестве Председателя Совета Народных Комиссаров Украины он руководит всей политикой этой страны с населением в 30 млн душ. В качестве члена ЦК партии он

---

[141] Как врача Раковского призывали в армию. Приказ же о мобилизации был подписан генералом Авереску.

[142] Во время боев с Врангелем Раковский являлся членом Реввоенсовета Юго-Западного фронта.

участвует в руководящей работе всего Союза. Одновременно с этим Раковский принимает самое близкое участие в создании Коммунистического Интернационала. В руководящем ядре большевиков не было, пожалуй, никого, кто так хорошо знал бы, по собственному наблюдению, довоенное европейское рабочее движение и его деятелей, особенно в романских и славянских странах.

На первом заседании Интернационального конгресса Ленин в качестве председателя при обсуждении списка докладчиков сообщил, что Раковский уже выехал из Украины и завтра должен прибыть: считалось само собою разумеющимся, что Раковский будет в числе основных докладчиков. Действительно, он выступал с докладом от имени Балканской революционной федерации, созданной в 1915 году, в начале войны, в составе Румынской, Сербской, Греческой и Болгарской партий.

Раковский обвинял итальянских социалистов в том, что они хотя и говорили о революции, но фактически отравляли пролетариат, изображая ему пролетарскую революцию «как свадьбу, в которой ни террору, ни голоду, ни войне не может быть места».

От бюрократизма Раковский был огражден. Ему чужда была та наивная переоценка политических специалистов, которая идет обыкновенно рука об руку со скептическим недоверием к массе. Обвиняя на III конгрессе Коминтерна итальянских социалистов в том, что они не посмели порвать с правым уклоном Турати, Раковский дал меткое объяснение этой нерешительности: «Почему это Турати так незаменим, что за последние 20 лет вам пришлось израсходовать весь наличный в Италии запас извести, чтобы обелять его? Потому что итальянские товарищи из социалистической партии всю свою надежду возлагают не на рабочий класс, а на интеллектуальную аристократию специалистов».

Раковскому чуждо наивное обожествление массы. Он знает на опыте собственной деятельности, что бывают целые эпохи, когда массы бессильны, точно скованные тяжелым сном. Но он знает также, что ничто большое в истории не совершалось без масс и что никакие специалисты парламентской кухни не могут заменить их. Раковский научился, особенно в школе Ленина, понимать роль дальнозоркого и твердого руководства. Но он отдавал себе ясный отчет в служебной роли всяких специалистов и в необходимости беспощадного разрыва с такими «специалистами», которые пытаются заменить собою массу и понижают тем ее собственное доверие к самой себе. В этой концепции источник непримиримой враждебности Раковского к бюрократизму в рабочем движении и, следовательно, к сталинизму, который есть квинтэссенция бюрократизма.

В качестве Председателя Совета Народных Комиссаров Украины и члена Политбюро Украинской партии Раковский входил во все вопросы украинской жизни, сосредоточивая руководство в своих руках. В дневниках ленинского секретариата постоянные записи о телеграфных и телефонных сношениях Ленина с Раковским по самым разнообразным вопросам: о военных делах, о разработке материалов переписи, о программе украинского импорта, о национальной политике, о дипломатии, о вопросах Коминтерна.

Я встречался с Раковским во время объездов фронта.

По должности Раковский являлся народным комиссаром иностранных дел: полное объединение советской дипломатии было произведено только впоследствии. Мы не спешили с централизацией, так как неизвестно было, как сложатся международные отношения, и не выгоднее ли Украине пока еще не связывать формально своей судьбы с судьбой Великороссии. Эта осторожность была необходима также и по отношению к еще свежему украинскому национализму, который на опыте должен был еще прийти к необходимости федерации с Великороссией.

В качестве украинского народного комиссара по иностранным делам Раковский не скупился на ноты-протесты, которые он посылал французскому министерству иностранных дел, мирной конференции правительств Франции, Великобритании и Италии и всем, всем, всем. В этих обширных агитационных документах обстоятельно выясняется, как военные силы Антанты ведут на Украине войну без объявления войны, несут жандармские функции, преследуя коммунистов, помогают белогвардейским бандам и, наконец, пиратствуют, захватывая на месте украинские суда (март, июль, сентябрь, октябрь 1919 года).

Совершаемые белыми под покровительством французского командования подвиги в зоне

военных действий союзных войск Раковский характеризует как «ужасы, напоминающие самую мрачную эпоху завоевания Алжира и гуннские приемы Балканской войны».

В радио от 25 сентября 1919 года, посланном в Париж, Лондон и всем, всем, всем… Раковский очень подробно, с перечислением мест, лиц и обстоятельств рисует картину еврейских погромов, учиненных русскими и украинскими белогвардейцами, союзниками и агентами Антанты. Борьба Раковского с погромным антисемитизмом контрреволюции дала повод зачислить его в евреи: белая пресса иначе о нем не писала, как об «еврее Раковском».

Гораздо важнее была, однако, та закулисная дипломатическая инициатива, которую проявлял Раковский, нередко подталкивая Москву. Когда опубликованы будут архивные документы, они расскажут на этот счет немало интересного. Но главное внимание Раковского в первые годы было посвящено военному вопросу и продовольственному.

Разумеется, в этот первый период полной государственной независимости Украины необходимая связь обеспечивалась по линии партии. В качестве члена ЦК Раковский выполнял, разумеется, постановления ЦК. Нужно, однако, иметь в виду, что в те первые годы не было еще и речи об опеке партии над всей работой Советов, точнее, о замене Советов партией. К этому надо прибавить еще, что отсутствие опыта означало отсутствие рутины. Советы жили полнокровной жизнью, импровизация играла большую роль.

Раковский был подлинным вдохновителем и руководителем Советской Украины в те годы. Это была нелегкая задача.

Украина, прошедшая за два года через десяток режимов, по-разному пересекавшихся с быстро росшим национальным движением, стала осиным гнездом для советской политики. «Ведь это новая страна, другая страна, – говорил Ленин, – а наши русотяпы этого не видят». Но Раковский со своим опытом балканских национальных движений, со своим вниманием к фактам и живым людям, быстро овладел украинской обстановкой, провел дифференциацию в национальных группировках, привлек наиболее решительное и активное крыло на сторону большевизма. «Эта победа стоит пары хороших сражений», – говорил Ленин на IX съезде партии в марте 1920 г. «Русотяпам», пытавшимся брюзжать против уступчивости Раковского, Ленин указывал, что «благодаря правильной политике ЦК, великолепно проведенной т. Раковским» на Украине, «вместо восстания, которое было неизбежно», достигнуто расширение и упрочение политической базы.

Политика Раковского в деревне отличалась той же дальновидностью и гибкостью[143]. При большей слабости пролетариата социальные противоречия внутри крестьянства были на Украине гораздо глубже, чем в Великороссии. Для советской власти это означало двойные трудности. Раковский сумел политически отделить крестьянскую бедноту и объединить ее в «комитеты незаможных селян», превратив ее в важнейшую опору советской власти в деревне. В 1924–1925 годах, когда Москва взяла твердый курс на зажиточные верхи деревни, Раковский отстоял для Украины комитеты деревенской бедноты.

Лучше или хуже, Раковский объясняется на всех европейских языках, причисляя к Европе и Балканы с Турцией. «Европеец и настоящий европеец», – не раз со вкусом говорил Ленин, мысленно противопоставляя Раковского широко распространенному типу большевика-провинциала, наиболее выдающимся и законченным представителем которого является Сталин. В то время, как Раковский, подлинный гражданин цивилизованного мира, в каждой стране чувствует себя дома, Сталин не раз ставил себе в особую заслугу то, что никогда не был в эмиграции[144]. Ближайшими и наиболее надежными сподвижниками Сталина являются лица,

---

[143] Многие документы свидетельствуют об обратном. Насколько Раковский вовремя заметил «мужикоборческий» характер сталинской коллективизации, настолько он сам в годы гражданской войны «перегибал палку» военного коммунизма, вводя непосильное налогообложение в украинских селах. Политика Раковского и харьковского правительства во многом привела к поддержке сельским населением петлюровских частей, армии Махно, а также других многочисленных повстанческих соединений.

[144] По словам многих современников, в известном споре «тутошних» и «тамошних», противопоставившем бывшим эмигрантам самые отсталые слои рабочего движения, Сталин подогревал «тутошних». Образнее всего он выразил данную свою позицию в известном интервью немецкому писателю Эмилю Людвигу.

не жившие в Европе, не знающие иностранных языков и, по существу дела, очень мало интересующиеся всем тем, что происходит за границами государства. Всегда, даже и в старые времена дружной работы, отношение Сталина к Раковскому окрашивалось завистливой враждебностью провинциала к настоящему европейцу.

Лингвистическое хозяйство Раковского имело все же экстенсивный характер. Он знал слишком много языков, чтобы знать их безукоризненно По-русски он говорил и писал свободно, но с большими погрешностями против синтаксиса. Французским он владел лучше, по крайней мере, с формальной стороны. Он редактировал румынскую газету, был любимым оратором румынских рабочих, говорил по-румынски с женой, но все же не владел языком в совершенстве Он слишком рано расстался с Болгарией и слишком редко возвращался в нее впоследствии, чтобы материнский язык мог стать языком его мысли. Слабее всего он говорил по-немецки и по-итальянски. В английском языке он сделал большие успехи, уже работая на дипломатическом поприще.

На русских собраниях он не раз просил аудиторию снисходительно помнить о том, что болгарский язык имеет всего четыре падежа. При этом он ссылался на императрицу Екатерину, которая тоже была не в ладах с падежами. В партии ходило немало шуток, связанных с болгаризмами Раковского. Мануильский, нынешний руководитель Коминтерна, и Богуславский с большим успехом подражали произношению Раковского и тем доставляли ему немалое удовольствие.

Когда Раковский приезжал из Харькова в Москву, разговорным языком за столом у нас в Кремле был из-за жены Раковского, румынки, французский язык, которым Раковский владел лучше нас всех. Он легко и незаметно подбрасывал нужное слово, кому его не хватало, и весело и мягко подражал тому, кто путался в сюбжонктивах, синтаксисе. Обеды с участием Раковского были истинными праздниками, даже и в совсем непраздничных условиях.

В то время как мы с женой жили очень замкнуто, Раковский, наоборот, встречал множество народу, всеми интересовался, всех выслушивал, все запоминал. О самых отъявленных и злостных противниках он говорил с улыбкой, с шуткой, с ноткой человечности. Несгибаемость революционера счастливо сочеталась в нем с неутомимым нравственным оптимизмом.

Наши обеды, обычно очень простые, несколько усложнялись с приездом Раковского. После удачливого воскресенья я щеголял дичью или рыбой. Несколько раз я уводил с собой на охоту Раковского. Он ездил по дружбе и из любви к природе; сама по себе охота не захватывала его. Он ничего не убивал, но хорошо уставал и оживленно беседовал с крестьянами-охотниками и рыболовами. Иногда мы ловили сетями рыбу, «ботая», т. е. пугая воду длинными шестами с жестяными конусами на концах. За этой работой мы провели однажды целую ночь, варили уху, засыпали на короткое время у костра, снова «ботали» и вернулись утром с большой корзиной карасей, усталые и отдохнувшие, искусанные комарами и довольные.

Иногда Раковский за обедом в качестве бывшего врача излагал диетические соображения, чаще всего в виде критики моего будто бы слишком строгого диетического режима. Я защищался, ссылаясь на авторитеты врачей, прежде всего Федора Александровича Гетье, пользовавшегося нашим общим признанием. «J'ai mes regies a moi»[145],– отвечал Раковский и тут же импровизировал их. В следующий раз кто-нибудь, чаще всего один из наших сыновей, уличал его в том, что он нарушает свои собственные правила. «Нельзя быть рабом собственных правил, – парировал он, – надо уметь применять их». И Раковский торжественно ссылался на диалектику.

Работу большевиков не раз сравнивали с работой Петра Первого, дубиною гнавшего Россию в ворота цивилизации. Наличие сходных черт объясняется тем, что в обоих случаях орудием движения вперед являлась государственная власть, не останавливающаяся перед крайними мерами принуждения. Но дистанция в два столетия и небывалая глубина большевистского переворота отодвигают черты сходства далеко назад перед чертами различия. Совсем уж поверхностны и прямо-таки фальшивы личные психологические сопоставления

---

[145] У меня свои правила *(франц.)*.

Ленина с Петром. Первый русский император стоял перед европейской культурой с задранной вверх головой и разинутым ртом. Испуганный варвар боролся против варварства. Ленин же не только интеллектуально стоял на вышке мировой культуры, но и психологически впитал ее в себя, подчинив ее целям, к которым только еще движется все человечество. Несомненно, однако, что рядом с Лениным в переднем ряду большевизма стояли самые различные психологические типы, в том числе и склада деятелей Петровской эпохи, т. е. варвары, восставшие против варварства. Ибо Октябрьская революция, звено в цепи мирового развития, разрешала в то же время крайне отсталые задачи в развитии народов России, без малейшего намерения сказать что-либо уничижительное, с единственной целью, не с политической, а с объективно-исторической.

Можно сказать, что Сталин полнее всего выражал «петровское», наиболее примитивное, течение в большевизме. Когда Ленин говорил о Раковском как о «настоящем европейце», он выдвигал ту сторону Раковского, которой слишком не хватало многим другим большевикам.

«Настоящий европеец» не означало, однако, культуртрегера, великодушно нагибающегося к варварам: этого в Раковском не было никогда и следа. Нет ничего отвратительнее колонизаторского квакерски-филантропического высокомерия и ханжества, которое выступает не только под религиозной или франкмасонской, но и под социалистической личностью. Раковский органически поднялся из первобытности балканского захолустья до мирового кругозора. Кроме того, марксист до мозга костей, он брал всю нынешнюю культуру в ее связях, переходах, сплетениях и противоречиях. Он не мог противопоставлять мир «цивилизации» миру «варварства». Он слишком хорошо разъяснял пласты варварства на высотах нынешней официальной цивилизации, чтоб противопоставлять культуру и варварство друг другу, как две замкнутые сферы. Наконец, человек, внутренне претворивший последние достижения мысли, он психологически был и оставался совершенно чужд того высокомерия, которое свойственно цивилизованным варварам по отношению к безымянным и обделенным строителям культуры. И в то же время он не растворялся до конца ни в окружающей среде, ни в собственной работе, он оставался самим собою, не пробудившимся варваром, а «настоящим европейцем». Если массы в нем чувствовали своего, то полуобразованные и полукультурные вожди бюрократического склада относились к нему с завистливой полувраждебностью, как к интеллектуальному «аристократу». Такова психологическая подоплека борьбы против Раковского и особой к нему ненависти Сталина.

Летом 1923 года Каменев, тогда Председатель Совнаркома, вместе с Дзержинским и Сталиным в свободный вечерний час на даче у Сталина, на балконе деревенского дома, за стаканом чаю или вина, беседовали на сентиментально-философские темы, вообще говоря, мало обычные у большевиков. Каждый говорил о своих вкусах и пристрастиях. «Самое лучшее в жизни, – сказал Сталин, – отомстить врагу: хорошо подготовить план, нацелиться, нанести удар и… пойти спать». Каменев и Дзержинский невольно переглянулись, услышав эту исповедь. От проверки ее на опыте Дзержинского спасла смерть. Каменев сейчас в ссылке, если не ошибаюсь в тех самых местах, где он был накануне Февральской революции вместе со Сталиным[146]. Но наиболее жгучий и отравленный характер носит, несомненно, ненависть Сталина к Раковскому. Врачи считают, что сердцу Раковского необходим отдых в теплом климате? Пусть же Раковский, позволяющий себе столь убедительно критиковать Сталина, занимается медицинской практикой за полярным кругом. Это решение носит личную печать Сталина. Тут сомнения быть не может. Теперь мы, во всяком случае, знаем, что Раковский не умер. Но мы знаем также, что ссылка в Якутскую область означает для него смертный приговор. И Сталин знает это не хуже нас.

На политическом небосклоне Плутарх предпочитал парные звезды. Он соединял своих героев по сходству или по противоположности. Это давало ему возможность лучше отметить индивидуальные черты. Плутарх советской революции вряд ли нашел бы две другие фигуры, которые контрастностью своих черт лучше освещали бы друг друга, чем Сталин и Раковский.

---

[146] После разбирательства его «контрреволюционной» роли в деле Рютина Льва Каменева действительно сослали в Туруханский край.

Правда, оба они южане; один – с разноплеменного Кавказа, другой – с разноплеменных Балкан. Оба – революционеры. Оба, хотя и в разное время, стали большевиками. Но эти сходные внешние рамки жизни только ярче подчеркивают противоположность двух человеческих образов.

В 1921 году при посещении Советской Республики французский социалист Моризе, ныне сенатор, встретил Раковского в Москве как старого знакомого. «Рако, как мы все его называли, его старые товарищи… знает всех социалистов Франции». Раковский забросал собеседника вопросами о старых знакомых и обо всех углах Франции. Рассказывая о своем посещении, Моризе, упоминая о Раковском, прибавлял: «Его верный лейтенант (адъютант) Мануильский». Верности Мануильского хватило, во всяком случае, на целых два года, что является немалым сроком, если принять во внимание натуру лица.

Мануильский всегда состоял при ком-нибудь адъютантом, но оставался верным только своей потребности при ком-нибудь состоять. Когда руководимый «тройкой» (Сталин – Зиновьев – Каменев) заговор против старого руководства потребовал открытой политической борьбы против Раковского, который пользовался на Украине особенно большой популярностью и безраздельным уважением, трудно было найти кого-нибудь, кто взял бы на себя инициативу осторожных инсинуаций, чтобы постепенно поднять их до сгущенной клеветы. Выбор «тройки», которая знала людской инвентарь, остановился на «верном лейтенанте» Раковского, Мануильском. Ему было поставлено на выбор: либо пасть жертвой своей верности, либо путем измены приобрести свой пай в заговоре. В ответе Мануильского сомнений быть не могло. Признанный мастер политического анекдота, он сам красочно рассказывал впоследствии своим друзьям об ультиматуме, который заставил его стать в 1923 году лейтенантом Зиновьева, чтоб к концу 1925 года превратиться в лейтенанта Сталина. Так Мануильский поднялся на высоту, о которой в годы Ленина он не мог даже мечтать и во сне: сейчас он официальный вождь Коминтерна.

Часть верхов украинской бюрократии уже была к этому времени втянута в заговор Сталина. Но для упрощения и облегчения дальнейшей борьбы оказалось наиболее удобным оторвать Раковского от украинской и вообще советской почвы, превратив его в посла. Благоприятным поводом являлась советско-французская конференция. Раковский был назначен послом во Франции и председателем русской делегации.

В октябре 1927 года Раковский был по категорическому требованию французского правительства отстранен от должности посла и отозван, можно сказать, почти выслан из Парижа в Москву. А через три месяца он оказался уже выслан из Москвы в Астрахань. Обе высылки, как это ни парадоксально, связаны были с подписью Раковского под оппозиционным документом. Парижское правительство придралось к тому, что в заявлении оппозиции заключались «недружелюбные» ноты по адресу враждебных Советскому Союзу иностранных армий. На самом деле правое крыло палаты вообще не хотело связей с большевиками. А Раковский лично беспокоил Тардье-Бриана своей слишком крупной фигурой: они предпочитали бы на rue Grenelle менее внушительного и менее авторитетного советского посла. Будучи достаточно в курсе взаимоотношений между сталинцами и оппозицией, они, видимо, надеялись, что Москва им поможет отделаться от Раковского. Но сталинская группа не могла себя компрометировать такой предупредительностью по отношению к французской реакции; к тому же она не хотела иметь Раковского ни в Москве, ни в Харькове. Она оказалась, таким образом, вынужденной в самый неудобный для себя момент взять Раковского публично под защиту от французского правительства и французской прессы.

В интервью 16 сентября Литвинов ссылался и с полным основанием на симпатии Раковского к французской культуре и на то, что де Монзи, глава французской делегации на советско-французской конференции, публично засвидетельствовал лояльность Раковского. «Если конференции удалось разрешить, – говорил Литвинов, – сложнейший вопрос переговоров, а именно о компенсации по государственным долгам… то она в первую очередь обязана этим лично тов. Раковскому».

5 октября Чичерин, тогда еще народный комиссар по иностранным делам, заявил представителям французской печати в опровержение ложных слухов: «Я никогда не выражал никакого неудовольствия по адресу посла Раковского; наоборот, у меня имеются все основания

чрезвычайно высоко ценить его работу…»

Слова эти звучали тем более выразительно, что сталинская печать по данному сверху сигналу уже начала в это время представлять оппозиционеров как вредителей и подрывателей советского режима.

Наконец, 12 октября, на этот раз уже в официальной ноте французскому послу Жану Эрбетту, Чичерин писал:

> «И я и г. Литвинов писали, что отозвание г. Раковского, усилиям и энергии которого франко-советская конференция в значительной мере обязана достигнутыми результатами, не может не нанести морального ущерба самой конференции».

Тем не менее, уступая категорическому требованию Бриана, который сам себе отрезал путь отступления и должен был ограждать свою репутацию в составе правого правительства, Советы оказались вынужденными отозвать Раковского.

Прибыв в Москву, Раковский сразу попал под удары уже не французской, а советской прессы, которая подготовляла общественное мнение к предстоящим арестам и ссылкам оппозиционеров; и мало заботясь о том, что писалось вчера, изображала Раковского как врага советской власти.

В августе нынешнего года Раковскому исполняется 60 лет. В течение свыше пяти лет Раковский провел в ссылке в Барнауле, в Алтайских горах, вместе со своей женой, неразлучной спутницей. Суровая алтайская зима с морозами, доходящими до 45–50 градусов, была невыносима для южанина, уроженца Балканского полуострова, особенно для его усталого сердца. Друзья Раковского – а к нему и честные противники относились всегда дружески – хлопотали о его переводе на юг, в более мягкий климат. Несмотря на ряд тяжелых сердечных припадков ссыльного, которые и становились источником слухов о его смерти, московские власти в переводе отказывали наотрез. Когда мы говорим о московских властях, то это значит Сталин, ибо, если мимо него могут пройти и проходят нередко очень большие вопросы хозяйства и политики, то там, где дело касается личной расправы, мести противнику, решение всегда зависит лично от Сталина.

Раковский оставался в Барнауле, боролся с зимой, дожидался лета и снова встречал зиму. Слухи о смерти Раковского возникали уже несколько раз как плод напряженной тревоги тысяч и сотен тысяч за судьбу близкого и любимого человека.

Он следил неутомимо по доходившим до него газетам и книгам за советским хозяйством и за мировой жизнью, писал большую работу о Сен-Симоне и вел обширную переписку, все меньшая часть которой доходила по назначению.

Раковский изо дня в день следит по советской печати обо всех процессах в стране, читает между строк, досказывает недосказанное, обнажает экономические корни затруднений, предупреждает от надвигающихся опасностей. В ряде замечательных работ, где широкое обобщение опирается на богатый фактический материал, Раковский из Астрахани, затем из Барнаула властно вмешивается в планы и мероприятия Москвы. Он решительно предупреждает против преувеличенных темпов индустриализации.

В середине 1930 года, в месяцы чрезвычайного бюрократического головокружения от плохо продуманных успехов, Раковский предупреждал, что форсированная индустриализация неизбежно ведет к кризису. Невозможность дальнейшего повышения производительности труда, неизбежность срыва плана капитальных работ, острый недостаток сельскохозяйственного сырья, наконец, ухудшение продовольственного положения приводят дальнозоркого исследователя к выводу: «Кризис промышленности уже неотвратим; фактически промышленность уже вступила в него».

Еще ранее, в официальном заявлении от 4 октября 1929 года, Раковский решительно предостерегал против «сплошной коллективизации», не подготовленной ни экономически, ни культурно, и, в особенности, «против чрезвычайных административных мер в деревне», которые неизбежно повлекут за собою тяжелые политические последствия. Через год ненавистный и неутомимый советник констатирует: «Политика сплошной коллективизации и ликвидации кулака подорвала производительные силы сельского хозяйства и завершила

подготовленный всей предыдущей политикой острый конфликт с деревней». Вошедшее у Сталина в традицию сваливание вины за хозяйственные неудачи на «исполнителей» Раковский разоблачает как признание собственной несостоятельности: «Ответственность за качество аппарата ложится на руководство».

Особенно пристально старый политик следит за процессами в партии и в рабочем классе. Еще в августе 1928 года он из Астрахани, первого места своей ссылки, дает глубокий и страстный анализ процессов перерождения в правящей партии. В центр внимания он ставит отслоение бюрократии как особого привилегированного слоя.

> «Социальное положение коммуниста, который имеет в своем распоряжении автомобиль, хорошую квартиру, регулярный отпуск и получает партмаксимум, отличается от положения коммуниста, работающего в угольных шахтах, где он получает от 50 до 60 рублей в месяц».

Функциональные различия превращаются в социальные, социальные могут развиться в классовые.

> «Партиец 1917 года вряд ли узнал бы себя в лице партийца 1928 года».

Раковский знает роль насилия в истории, но он знает и пределы этой роли. Через год с лишним Раковский обличает методы командования и принуждения. С помощью методов командования и принуждения, доведенных до бюрократической виртуозности, «верхушка сумела превратиться в несменяемую и неприкосновенную олигархию, подменившую собою класс и партию». Тяжелое обвинение, но каждое слово в нем взвешено. Раковский призывает партию подчинить себе бюрократию, лишить ее «божественного атрибута непогрешимости», подчинить ее своему суровому контролю.

В обращении в ЦК в апреле 1930 года Раковский характеризует созданный Сталиным режим как «владычество и междуусобную борьбу корпоративных интересов различных категорий бюрократии». Строить новое хозяйство можно только на инициативе и культуре масс. Чиновник, хотя бы и коммунистический, не может заменить народа. «Мы так же не верим в так называемую просвещенную бюрократию, как наши буржуазные предшественники, революционеры конца XVIII столетия, – в так называемый просвещенный абсолютизм».

Работы Раковского, как и вся вообще оппозиционная литература, не выходили из рукописной стадии. Они переписывались, пересылались из одной ссыльной колонии в другую, ходили по рукам в политических центрах; до масс они почти не доходили. Первыми читателями рукописных статей и циркулярных писем Раковского являлись члены правящей сталинской группы. В официальной печати можно было до недавнего времени нередко найти отголоски ненапечатанных работ Раковского в виде тенденциозных, грубо искаженных цитат в сопровождении грубых личных выпадов. Сомнений быть не могло: критические удары Раковского попадают в цель.

Провозглашение плана первой пятилетки и переход на путь коллективизации представляли радикальное позаимствование из платформы левой оппозиции. Многие из ссыльных искренне верили в новую эру. Но сталинская фракция требовала от оппозиционеров публичного отречения от платформы, которая продолжала оставаться запрещенным документом. Такое двоедушие диктовалось бюрократической заботой о престиже. Многие из ссыльных скрепя сердце пошли навстречу бюрократии: этой дорогой ценою они хотели оплатить возможность работать в партии хотя бы над частичным осуществлением собственной платформы.

Раковский не менее других стремился вернуться в партию. Но он не мог этого сделать, отрекаясь от самого себя. В письмах Раковского, всегда мягких по тону, звучали металлические ноты. «Самый большой враг пролетарской диктатуры, – писал он в 1929 году в разгар капитулянтского поветрия, – бесчестное отношение к убеждениям. Уподобляясь католической церкви, вымогающей у ложа умирающих атеистов обращения на путь католицизма, партийное руководство вынуждает у оппозиционеров признание в мнимых ошибках и отказ от своих

убеждений. Если тем самым оно теряет всякое право на уважение к себе, то и оппозиционер, который в течение ночи меняет свои убеждения, заслуживает лишь полного презрения».

Переход многих единомышленников в лагерь Сталина не поколебал старого борца ни на минуту. В ряде циркулярных писем он доказывал, что фальшь режима, могущество и бесконтрольность бюрократии, удушение партии, профессиональных союзов и Советов обесценят и даже превратят в свою противоположность все те экономические позаимствования, какие Сталин сделал из платформы оппозиции. «Больше того, этот отсев может внести оздоровление в ряды оппозиции. В ней останутся те, которые не видят в платформе своего рода ресторанной карточки, из которой каждый выбирает блюдо по своему вкусу». Именно в этот трудный период репрессий и капитуляций больной и изолированный Раковский показал, какая несокрушимая твердость характера таится за его мягкой благожелательностью к людям и деликатной уступчивостью. В письме в одну из ссыльных колоний он пишет в 1930 году: «Самое страшное – не ссылка и не изолятор, а капитуляция». Нетрудно понять, какое влияние оказывал на младших голос «старика» и какую ненависть он вызывал у правящей группы.

«Раковский много пишет. Все, что доходит, переписывается, пересылается, читается всеми, – сообщали мне молодые друзья из ссылки за границу. – В этом отношении Христиан Григорьевич проделывает большую работу. Его позиция ни в малейшей степени не расходится с Вашей; так же, как и Вы, делает упор на партрежим…»

Но доходило все меньше и меньше. Переписка между ссыльными оппозиционерами в первые годы ссылки была сравнительно свободной. Власти хотели быть в курсе обмена мнений между ними и надеялись в это же время на раскол среди ссыльных. Эти расчеты оказались не столь уж обоснованными.

Капитулянты и кандидаты в капитулянты ссылались на опасность раскола партии, на необходимость помочь партии и пр. Раковский отвечал, что лучшая помощь – это верность принципам. Раковский хорошо знал неоценимое значение этого правила для политики дальнего прицела. Ход событий принес ему своеобразное удовлетворение. Большинство капитулянтов продержалось в партии не больше трех-четырех лет; несмотря на предельную уступчивость, все они пришли в столкновение с политикой и партийным режимом, и все снова стали подвергаться вторичному исключению из партии и ссылке. Достаточно назвать такие имена, как Зиновьев, Каменев, Преображенский, И. Н. Смирнов, с ними многие сотни менее известных.

Положение ссыльных тягостное всегда, колебалось в ту или другую сторону в зависимости от политической конъюнктуры. Положение Раковского ухудшалось непрерывно.

Осенью 1932 года советское правительство перешло от системы нормированных заготовок хлеба, т. е. фактически от реквизиции хлеба по твердым ценам, к системе продовольственного налога, оставляющего крестьянину право свободно распоряжаться всеми запасами, за вычетом налога.

И эта мера, как и многие другие, представляла собою осуществление меры, которую Раковский рекомендовал за год с лишним до того, решительно требуя «перехода к системе продналога в отношении середняка с тем, чтобы дать ему возможность в некоторой степени распоряжаться своей остальной продукцией или, по крайней мере, видимость такой возможности, срезая накапливающийся жирок».

Когда по всей мировой печати прошла весть о смерти Х. Г. Раковского в сибирской ссылке, официальная советская печать молчала. Друзья Раковского – они вместе с тем и мои друзья, ибо мы связаны с Раковским 30 годами тесной личной политической дружбы, – пытались сперва проверить весть через советские органы за границей. Видные французские политические деятели, успевшие оценить Раковского, когда он был советским послом во Франции, обращались за справками в посольстве. Но и оттуда не давали ответа. За последние годы весть о смерти Раковского вспыхивала не в первый раз. Но до сих пор каждый раз она оказывалась ложной. Но почему не опровергает ее советское телеграфное агентство? Этот факт усиливал тревогу. Если б Раковский действительно умер, то скрывать этот факт не было бы смысла. Упорное молчание официальных советских органов наводило на мысль, что Сталину приходится что-то скрывать. Единомышленники Раковского в разных странах забили тревогу. Появились статьи, воззвания, афиши с запросом: «Где Раковский?» В конце концов завеса над тайной была приподнята. По явно инспирированному сообщению Рейтера из Москвы

Раковский «занимается медицинской практикой в Якутской области». Если эта справка верна – доказательств у нас нет, – то она свидетельствует не только о том, что Раковский жив, но и о том, что из далекого холодного Барнаула он сослан еще дальше в область Полярного круга.

Упоминание о медицинской практике привлечено для введения в заблуждение людей, мало знакомых с политикой и с географией. Правда, Раковский действительно врач по образованию. Но если не считать нескольких месяцев сейчас же вслед за получением медицинского диплома во Франции и военной службы, которую он свыше четверти века тому назад отбывал в Румынии в качестве военного врача, Раковский никогда не занимался медициной. Вряд ли он почувствовал к ней влечение на 60-м году жизни. Но упоминание о Якутской области делает невероятное сообщение вероятным. Речь идет, очевидно, о новой ссылке Раковского: из Центральной Азии на далекий север. Подтверждения этого мы не имеем пока еще ниоткуда. Но, с другой стороны, такого сообщения нельзя выдумать.

В официальной советской печати Раковский числится контрреволюционером. В этом звании Раковский не одинок.

Все без исключения ближайшие соратники Ленина состоят под преследованием. Из семи членов Политбюро, которые при Ленине руководили судьбами революции и страны, три исключены из партии и сосланы или высланы[147], три удалены из Политбюро[148] и избавились от ссылки только рядом последовательных капитуляций. Мы слышали выше отзыв Чичерина и Литвинова о Раковском в качестве дипломата. И сегодня Раковский готов предоставить свои силы в распоряжение Советского государства. Он разошелся не с Октябрьской революцией, не с Советской Республикой, а со сталинской бюрократией. Но расхождение совпало не случайно с таким периодом, когда вышедшая из массового движения бюрократия подчинила себе массы и установила на новых основах старый принцип: государство – это я.

Смертельная ненависть к Раковскому вызывается тем, что ответственность перед историческими задачами революции он ставит выше круговой поруки бюрократии. Ее теоретики-журналисты говорят только о рабочих и крестьянах. Грандиозный чиновничий аппарат совершенно не существует в официальном поле зрения. Кто произносит самое имя бюрократии всуе, тот становится ее врагом. Так, Раковский из Харькова был переброшен подальше, в Париж, чтобы по возвращении в Москву быть высланным в Астрахань, а оттуда – в Барнаул. Правящая группа рассчитывала, что тяжелые материальные условия, гнет изоляции сломят старого борца и заставят его, если не смириться, то умолкнуть. Но этот расчет, как и многие другие, оказался ошибочным. Никогда, может быть, Раковский не жил более напряженной, плодотворной жизнью, как в годы своей ссылки. Бюрократия стала все теснее сжимать кольцо вокруг барнаульского изгнанника. Раковский, в конце концов, замолчал, т. е. голос его перестал доходить до внешнего мира. Но в этих условиях самое молчание его было могущественнее красноречия. Что оставалось делать с бойцом, который к 60-му году сохранил пламенную энергию, с какой он юношей вышел на жизненную дорогу. Сталин не решился ни расстрелять его, ни даже заключить в тюрьму. Но с изобретательностью, которая в этой области никогда не изменяла ему, он нашел выход: Якутская область нуждается во врачах. Правда, сердце Раковского нуждается в теплом климате. Но именно поэтому Сталин и выбрал Якутскую область.

Приложение

Заявление Х. Раковского в ЦК ВКП(б)

…Под влиянием международных событий в моем сознании созрела мысль о том, что я должен снова и внимательно проверить основание моих разногласий с партией и, осознав свои ошибки, добиться возвращения в ряды борцов за осуществление задач, возложенных историей

---

[147] Зиновьев, Каменев сосланы, Троцкий выслан.

[148] Бухарин, Рыков и Томский.

на партию большевиков-коммунистов.

…Основная теоретическая ошибка зиновьевского-троцкистской оппозиции, являющаяся ее ахиллесовой пятой, – это положение о невозможности построения социализма в одной стране.

…Сегодня, когда социал-фашисты, несмотря на урок событий, стараются снова распространять среди рабочих масс конституционные иллюзии буржуазного парламентаризма, нужно решительнее, чем когда-либо, отстаивать марксистско-ленинское учение о революционной диктатуре пролетариата.

…За период моего пребывания вне партии троцкистская фракция, к которой я принадлежал, скатывалась все дальше и дальше по антиленинскому пути. От мелкобуржуазного уклона внутри Коммунистической партии, падая по наклонной плоскости приспособленчества и оппортунизма, она превратилась в разновидность социал-демократии и, наконец, очутилась фактически в лагере контрреволюции.

…Теперь наши пути с Л. Троцким резко разошлись. В настоящее время, когда происходит поляризация всех общественных классов и сил, когда мир все более четко делится на два противоположных лагеря и в центре революционного находятся Коминтерн и партия коммунистов-большевиков СССР, тщетны всякие попытки удержаться на межеумочных позициях.

Правда, 14 апреля 1934 г.

Иоффе

К брошюре Иоффе «Крах меньшевизма», вышедшей в начале 1917 года в Петрограде, я написал предисловие. Вот что там, между прочим, говорится:

> «А. И. Иоффе, автор печатаемого доклада, был делегатом последней меньшевистской конференции. Он не нашел для себя другого выхода, как полный и окончательный разрыв с полулиберальной партией меньшинства. И это несмотря на то, что т. Иоффе, не будучи меньшевиком, в течение ряда лет вел энергичную борьбу за объединение большевиков с меньшевиками.
>
> Вместе с ним (и с нынешним министром труда Скобелевым) мы издавали в Вене, в самую глухую эпоху контрреволюции, русскую социал-демократическую газету „Правда“. Одним из лозунгов газеты было объединение обеих основных фракций русской социал-демократии. Это не значит, что мы не видели тогда опасных сторон меньшевизма. Наоборот, мы систематически критиковали приспособленчество, легализм во что бы то ни стало, тяготение к чистому парламентаризму, предсказывая, что при соответственных условиях все это может развернуться в европейский правительственный социализм. Но мы считали, что объединение большевиков с меньшевиками в одной нелегальной организации создало бы могущественное противодействие меньшевистскому оппортунизму и повело бы к быстрой изоляции его правого крыла. Были ли мы правы или нет, сейчас невозможно проверить. Во всяком случае, развитие пошло другими путями. Линии большевизма и меньшевизма расходились все более, а революция, выдвинув на политическую арену широкие мещанско-крестьянские массы, окончательно передвинула меньшевизм на непролетарскую базу».

Политическое формирование Иоффе происходило на моих глазах и при моем участии. В Вене он проживал после первой революции в качестве студента медицины и еще больше в качестве пациента. Его нервная система была отягощена тяжелой наследственностью. Несмотря на чрезвычайно внушительную, слишком внушительную для молодого возраста внешность, чрезвычайное спокойствие тона, терпеливую мягкость в разговоре и исключительную вежливость, – черты внутренней уравновешенности, Иоффе был на самом деле невротиком с молодых лет. Он лечился у прославившегося впоследствии «индивидуал-психолога» Альфреда

Адлера, вышедшего из школы Зигмунда Фрейда, но к тому времени уже порвавшего с учителем и создавшего свою собственную фракцию. С Альфредом Адлером мы встречались время от времени в семье старого русского революционера Клячко[149]. Первое посвящение, очень, впрочем, суммарное, в тайны психоанализа я получил от этого еретика, ставшего первоучителем новой секты. Но подлинным моим гидом в область тогда еще малоизвестного широким кругам еретизма был Иоффе. Он был сторонником психоаналитической школы в качестве молодого медика, но в качестве пациента он оказывал ей необходимое сопротивление и в свою психоаналитическую пропаганду вносил поэтому нотку скептицизма.

У Иоффе уже было к этому времени маленькое политическое прошлое, связанное с Крымом, где он родился в богатой купеческой семье, где воспитывался, кажется, в симферопольской гимназии и где завязал первые революционные связи с меньшевиками: в непромышленном Крыму большевиков почти совершенно не было.

В обмен на уроки психоанализа я проповедовал Иоффе теорию перманентной революции и необходимость разрыва с меньшевиками. И в том и в другом я имел успех. В основанной мною в Вене газете «Правда» Иоффе стал вести международное обозрение. Первые его статьи были, насколько вспоминаю, достаточно беспомощны и требовали большой выправки. Иоффе терпеливо и мягко, как все, что он делал, принимал критику, указания и руководство.

Только во взгляде его, как бы рассеянном и в то же время глубоко сосредоточенном, можно было прочесть напряженную и тревожную внутреннюю работу.

На собраниях русской колонии Иоффе никогда не выступал. Даже необходимость объясняться с отдельными лицами, в частности разговаривать по телефону, его нервировала, пугала и утомляла. Я тогда совсем не думал, что он станет хорошим оратором, и особенно дипломатом с мировым именем. Но несомненно, что именно в те молодые годы в работе над газетной хроникой, где нужно было обзор мировых событий вложить в тесные рамки эмигрантского издания, формировались те навыки мысли и пера, которые под толчком больших событий получили неожиданно широкое развитие.

В тюрьме и ссылке Иоффе много работал над собою. Связь между нами оборвалась в течение долгого времени его пребывания в стенах тюрьмы. После ссылки его в Сибирь связь должна была восстановиться, но наступила война, оборвавшая все и всякие связи. После большого промежутка (7 лет?) я встретился с Иоффе в Петрограде, куда он приехал из родного Крыма с мандатом от местной традиционно меньшевистской организации, хотя сам он был настроен в духе боевого интернационализма. В первый период после Февральской революции размежевание между большевиками и меньшевиками происходило только в столице, да и здесь по крайне неотчетливой линии. В провинции же большевики и меньшевики входили в объединенные организации и оказывали в дальнейшем довольно упорное сопротивление раскольническому курсу Ленина. В Петрограде Иоффе написал нечто вроде политического отчета для крымской организации, мотивируя свой организационный разрыв с меньшевизмом. Я написал к его брошюре предисловие. Наша политическая связь сразу восстановилась и не прерывалась до самой его смерти.

Я узнал от Иоффе, что он читает лекции и выступает на рабочих собраниях по районам. Это приятно удивило меня: революция справилась с его нервами лучше, чем психоанализ. Но мне долго не пришлось слышать его, и я недостаточно представлял себе, как именно мой старый молчаливый друг выступает на массовых собраниях.

Просматривая в спешке рукопись его отчета, я несколько раз мысленно повторял себе: как он вырос. Я ему дал понять это, и он был рад. Но, как и в старые годы, он мягко и с благодарностью принял критические замечания и поправки.

Выбранный в Петербургскую городскую думу, Иоффе стал там главою большевистской фракции. Это было для меня неожиданностью, но в хаосе событий вряд ли я успел порадоваться росту своего венского друга и ученика. Когда я стал уже председателем Петроградского Совета, Иоффе явился однажды в Смольный для доклада от большевистской

---

[149] С семьей Клячко Лев Троцкий поддерживал тесные отношения в годы венской эмиграции. Дружба с этой семьей сохранилась у Троцкого и когда он был выслан в 1929 году из Советского Союза.

фракции Думы. Признаться, я волновался за него по старой памяти. Но он начал речь таким спокойным и уверенным тоном, что всякие опасения сразу отпали. Многоголовая аудитория Белого зала в Смольном видела на трибуне внушительную фигуру брюнета с окладистой бородой с проседью, и эта фигура должна была казаться воплощением положительности, уравновешенности и уверенности в себе. Иоффе говорил глубоким бархатным голосом, нисколько не форсируя его, чуть-чуть в разговорной манере, правильно построенные фразы сходили с уст без усилия. Округленные жесты создавали в аудитории атмосферу спокойствия, – все слушали оратора внимательно и с явным сочувствием. Вопрос был небольшой, чисто локальный – гарнизон боролся с муниципалитетом за право бесплатного проезда в трамвае, – но было совершенно очевидно, что этот оратор может также естественно и непринужденно с разговорного тона подниматься до настоящего пафоса. Революция его подняла, выправила, сосредоточила все сильные стороны его интеллекта и характера. Только иногда я в глубине дружеских зрачков встречал излишнюю, почти пугающую сосредоточенность.

Выбранный на июльском[150] съезде 1917 года не то членом ЦК, не то кандидатом (записи полулегального съезда велись не в большом порядке), Иоффе ко времени октябрьского переворота занимает уже в ЦК одно из первых мест[151]. Он состоит в том ядре, которое наиболее решительно стоит за восстание.

После того как Зиновьев и Каменев открыто выступили против восстания, Иоффе требовал в заседании ЦК 20 октября (2 ноября) «заявить о том, что Зиновьев и Каменев не являются членами ЦК… что ни один член партии не может выступать против решений партии, в противном случае в партию вносится невозможный разврат».

Сталин, занимавший весьма уклончивую позицию, возражал Иоффе. Официальный протокол гласит:

> «Сталин считает, что Каменев и Зиновьев подчинятся решениям ЦК, доказывает, что все наше положение противоречиво; считает, что исключение из партии не рецепт. Нужно сохранить единство партии…»

Иоффе неутомимо работает в Военно-Революционном Комитете и в хаосе тех дней, в шуме и крике, среди небритых лиц и грязных воротников выглядит джентльменом и сохраняет полное спокойствие.

Непоколебимую твердость проявляет Иоффе во время ноябрьского кризиса ЦК, уже после победоносного восстания, когда правое крыло ЦК, во имя соглашения с меньшевиками и эсерами, готово было, по существу, отказаться от советской власти.

Во время брестских переговоров Иоффе до конца стоит за дальнейшую оттяжку переговоров, хотя бы и с риском дальнейших территориальных потерь.

«Прощупывать немецких империалистов действительно уже поздно, – говорит он на заседании ЦК 18 февраля. – Но прощупывать германскую революцию еще не поздно… Если у них революции не будет, они заберут больше (не только Ревель), а если будет, то нам все вернется…»

Мягким голосом, с дружелюбной улыбкой он выдвигал всегда самые решительные доводы за необходимость вооруженного восстания. Я наблюдал его в трудные дни и часы, поскольку можно говорить по отношению к тому времени о наблюдениях. Иоффе оставался наиболее сдержанным, не выходил из себя, не терялся в хаосе, и самый его голос оказывал на меня всегда успокаивающее действие.

Когда в ЦК окончательно прошло решение о подписании ультимативных условий

---

150 Имеется в виду VI съезд РСДРП (б), который проходил 26 июля – 3 августа (8-16 августа) 1917 г. в Петрограде. – *Прим. ред. – сост* .

151 Троцкий ничуть не преувеличивает. Многочисленные документы и мемуарные свидетельства начала 20-х годов подтверждают его слова, однако официальные историки долгое время проходили мимо действительной роли Иоффе, подгоняя по-орвелловски факты истории под запросы «генеральной линии».

Германии, причем ЦК счел необходимым участие Иоффе в мирной делегации, Иоффе подал в ЦК заявление:

> «Я вынужден, в интересах сохранения возможного единства партии, подчиниться этому решению и еду в Брест-Литовск лишь как консультант, не несущий никакой политической ответственности».

Приложения

Две речи Троцкого на смерть Иоффе

Революционер

Об Адольфе Абрамовиче пишут как о выдающемся дипломате, заключившем столько-то и столько-то договоров. Несомненно, что на дипломатическом поприще А. А. оказал огромные услуги делу пролетарского государства. Но основное его качество совсем не в том, что он был дипломат. Основное его качество в том, что он был революционер.

Ржавчина бюрократизма не коснулась его ни в малейшей степени. По роду работы, которую ему поручила партия, он вынужден был – особенно за границей – большую часть своего времени проводить в кругу насквозь чуждых и враждебных нам людей. Будучи сам выходцем из буржуазной среды, А. А. знал нравы и обычаи того круга, в котором рабочее государство обязало его вращаться. Но дипломатическая сноровка была на нем как служебный мундир. А. А. покорно носил этот мундир, потому что того требовали интересы пролетарского дела. Но в душе у него мундира не было. Через свою дипломатическую и государственную работу он пронес негнущееся сознание пролетарского революционера. Этот не молодой уже государственный деятель с мировым именем готов был, если бы того потребовали интересы революции, в любой стране, в любой момент начать черную работу подпольщика.

А. А. был интернационалистом до мозга костей – не только по марксистскому миросозерцанию, но и по личному жизненному опыту. Он был непосредственным активным участником революционного движения в важнейших странах Европы и Азии. Мировые связи революции он понимал как немногие в нашей среде.

А. А. был прекрасным человеком. В эмиграции он был внимательным и на редкость мягким другом всех, кто нуждался в поддержке и помощи. Он делился последним, не дожидаясь, когда попросят. Несмотря на недуги, одолевавшие его с молодого возраста, он в подполье, в тюрьмах и на поселении сохранял ровное настроение, которое согревало других. Сочетание революционной несгибаемости с мягкой человечностью составляло существо ушедшего от нас борца. Автор этих строк потерял в А. А. ближайшего друга и соратника в течение последних двадцати лет.

А. А. покончил расчеты с жизнью самовольно. Было бы тупостью обвинять его в дезертирстве. Он ушел не потому, что не хотел сражаться, а только потому, что не имел физических сил для участия в борьбе. Он боялся быть в тягость сражающимся. Для оставшихся примером будет жизнь его, но не самовольный уход. Всякий занимает в ней свой пост. Никто не смеет покидать его.

Об А. А. – подлинном революционере, прекрасном человеке, верном друге – память пронесем через борьбу до конца.

18 ноября 1927 года

Л. Троцкий

Речь на могиле Иоффе

Товарищи, Адольф Абрамович вошел в жизнь последнего десятилетия главным образом как дипломатический представитель первого в истории рабочего государства. Здесь говорили – говорила печать, – что он был выдающимся дипломатом, Это правильно. Он был выдающимся дипломатом, т. е. работником на том посту, на который поставили его партия и власть

пролетариата. Он был большим дипломатом потому, что был революционером из одного куска.

По происхождению своему Адольф Абрамович вышел из буржуазной среды, скорее, из богатой буржуазной среды. Но, как мы знаем, в истории бывали примеры, когда выходцы из этой среды так крепко – с мясом и кровью – рвали с этой средой, чтобы в дальнейшем им уже было не опасно завоевание мелкобуржуазных идей. Он был и остался революционером до конца.

Здесь говорили – и говорили правильно – о его высокой духовной культуре. Как дипломат он вынужден был вращаться в кругу умных, проницательных и злобных врагов. Он знал этот мир, их нравы, их повадки, но нравы этого мира он носил умело и тонко, но как навязанный ему служебным положением мундир. В душе Адольфа Абрамовича не было мундира никогда. Здесь было сказано – и сказано правильно, – что ему было чуждо шаблонное отношение к какому бы то ни было вопросу. Он к каждому вопросу подходил как революционер. Он занимал ответственные посты, но он не был чиновником никогда. Ему чужд был бюрократизм. Он подходил к каждому вопросу под углом зрения рабочего класса, который из подполья поднялся до высот государственной власти. Он подходил к каждому вопросу под углом зрения международного пролетариата и международной революции, – и в этом была его сила, его сила, которая боролась с физической слабостью. Умственную силу, ее напряжение он сохранил до самого последнего момента, до того момента, когда пуля оставила, как мы видели еще сегодня, темное пятно на его правом виске.

Товарищи, он ушел из жизни как бы добровольно. Революция не допускает добровольных уходов из жизни, но Адольфа Абрамовича никто не смеет судить или обвинять, потому что он ушел в тот час, когда сказал себе, что он революции не может отдать ничего больше, кроме своей смерти. И так же твердо и мужественно, как он жил, – он ушел.

Трудные времена никогда не устрашали его: он был одинаков и в октябре 1917 года как член, а затем и председатель Военно-Революционного Комитета в Петрограде, он был одинаков и под Петроградом, когда разрывались снаряды, посылавшиеся Юденичем; он был таким же за дипломатическим столом Брест-Литовска, а затем – многочисленных столиц Европы и Азии. Не трудности пугали его;…то, что заставило его уйти из жизни, это – осознание невозможности бороться с трудностями.

Товарищи, позвольте сказать, и, я думаю, что эта мысль будет вполне соответствовать последним мыслям, последним завещаниям Адольфа Абрамовича, – такие акты, как самовольный уход из жизни, имеют в себе заразительную силу. Но пусть никто не смеет подражать этому старому борцу в его смерти – подражайте ему в его жизни!

Мы, близкие друзья его, которые бок о бок с ним не только боролись, но и жили в течение десятков лет, мы вынуждены сегодня оторвать от сердца исключительный образ этого человека и друга. Он светил мягким и ровным светом, который согревал. Он был средоточием эмигрантских групп, он был средоточием ссыльных групп, он был средоточием тюремных групп. Он вышел – я об этом уже говорил – из зажиточной семьи, но те средства, которыми он располагал в свои молодые годы, они были не его личными средствами, – они были средствами революции. Он помогал товарищам широкой рукой, не дожидаясь просьб, как брат, как друг.

Вот в этом гробу мы принесли сюда бренные останки этого исключительного человека, рядом с которым нам свободно было жить и бороться. Простимся же с ним в том духе, в котором он жил и боролся: он стоял под знаменем Маркса и Ленина, под этим знаменем он умер, и мы клянемся, наш Адольф Абрамович, что знамя твое мы донесем до конца! (Крики «Ура!», поют «Интернационал».)

19 ноября 1927 года

Письмо Троцкого Семашко

Товарищу Семашко
Копия – Врачебной комиссии ЦК
Николай Александрович!

А. А. Иоффе – тяжелобольной товарищ. Хотя он за последние месяцы много работал, но

он явно угасает. Лечиться он не хочет, заявляя, что делу все равно не поможешь, что он себя чувствует лучше, когда работает, и пр. Думаю, что спасти его можно только длительным отдыхом в благоприятных климатических и иных условиях. Добиться этого можно только решительным партийным вмешательством,

20 января 1927 года

Л. Троцкий

Предсмертное письмо Иоффе и сообщение Секретариата ЦК ВКП(б)

300 экземпляров

Порядок ознакомления с протоколами и материалами ЦКК ВКП(б), их хранения и возврата

1. Знакомиться с протоколами заседаний или другими материалами ЦКК могут только товарищи, которым они адресованы, а с протоколами, посылаемыми в местные КК ВКП (б) – только члены КК под ответственность председателя КК и по его усмотрению – члены соответствующего партийного комитета.

Примечание.

Читавшими материалы товарищами делается подпись на них с указанием даты прочтения.

Снятие с протоколов или материалов копий и выписок, а также устная или письменная ссылка на протоколы ЦКК в советском делопроизводстве категорически воспрещается. Получать и хранить протоколы могут только лично товарищи, которым протоколы адресованы, или их доверенные лица (обязательно члены ВКП (б)), утвержденные ЦК или ЦКК в качестве уполномоченных по приему конспиративных документов с правом вскрытия пакетов.

Примечание.

Доверенные («по второй категории»), которым ЦК или ЦКК предоставлено право получить конспиративные документы без права вскрытия пакетов, могут эти материалы хранить только в запечатанном виде. Хранить протоколы в несгораемых шкафах, которые на ночь опечатывать. Выносить протоколы из помещения организации или учреждения категорически воспрещается. Хранить протоколы или материалы на правах личных архивов категорически воспрещается. Срок возврата протоколов Президиума и Секретариата ЦКК не более, чем двухнедельный со дня получения для проживающих в Москве и не более месяца – для иногородних.

Примечание.

При невозвращении после истечения установленного срока более пяти протоколов дальнейшая посылка их до возвращения задержанных временно приостанавливается. Возвращать протоколы в Москве только лично или через утвержденных доверенных; иногородним – возвращать только через фельдъегерский корпус ОГПУ. Возить при переездах с собой протоколы строго воспрещается.

Помимо изложенных в предыдущих пунктах правил на товарищей, получающих конспиративные материалы ЦКК, возлагается ответственность за принятие в каждом отдельном случае дополнительных мер, обеспечивающих, в зависимости от обстоятельств, максимальную конспиративность работы.

Обо всех случаях нарушений этого порядка немедленно сообщать в Президиум ЦКК ВКП (б) для предания виновных строжайшей партийной ответственности.

11 октября 1927 г.

Секретарь ЦКК Янсон.

Дорогой Лев Давыдович!

Я всегда, всю свою жизнь стоял на той точке зрения, что политический общественный деятель должен также уметь вовремя уйти из жизни, как, например, актер – со сцены, и что тут даже лучше сделать это слишком рано, нежели слишком поздно. Еще зеленым юношей, когда самоубийства Поля Лафарга и жены его Лауры Маркс наделали столько шуму в социалистических партиях, я твердо защищал принципиальную правильность их позиции и, помнится, ожесточенно возражал Августу Бебелю, очень возмущавшемуся этими

самоубийствами, что, если можно спорить против того возраста, который устанавливали Лафарги, ибо здесь дело не в годах, а в возможной полезности политического деятеля, то ни в коем случае нельзя спорить против самого принципа ухода политического деятеля из жизни в тот момент, когда он сознает, что не может больше приносить пользы тому делу, служению коему посвятил себя. Более 30 лет назад я усвоил себе философию, что человеческая жизнь лишь постольку и до тех пор имеет смысл, поскольку и до какого момента она является служением бесконечному, которым для нас является человечество, ибо, поскольку все остальное конечно, постольку работа на это лишена смысла; если же и человечество, быть может, тоже конечно, то, во всяком случае, конец его должен наступить в такие отдаленные времена, что для нас оно может быть принято за абсолютную бесконечность. А при вере в прогресс, как я в него верю, вполне можно себе представить, что даже, когда погибнет наша планета, человечество будет знать способы перебраться на другие, более молодые и, следовательно, будет продолжать свое существование и тогда, а, значит, все содеянное в его пользу в наше время будет отражаться и в тех отдаленных веках, т. е. придаст единственный возможный смысл нашему существованию и нашей жизни. В этом и только в этом я всегда видел единственный смысл жизни; и теперь, оглядываясь на прожитую мною жизнь, из которой я 27 лет провел в рядах нашей партии, я – думается мне – имею право сказать, что всю свою сознательную жизнь оставался верен своей философии, т. е. всю ее прожил со смыслом, ибо – в работе и борьбе за благо человечества. Даже годы тюрьмы и каторги, – когда человек отстранен от непосредственного участия в борьбе и служении человечеству, – не могут быть вычеркнуты из числа осмысленных, имеющих смысл годов жизни, ибо, являясь годами самообразования и самовоспитания, эти годы способствовали улучшению работы впоследствии и поэтому точно так же могут быть отнесены к годам работы на пользу человечества, т. е. годам, прожитым со смыслом. Кажется мне, я имею право утверждать, что я ни одного дня своей жизни, в этом понимании, не прожил без смысла.

Но теперь, по-видимому, наступает момент, когда жизнь моя утрачивает свой смысл, и, следовательно, для меня появляется обязанность уйти из нее, покончить с нею.

Уже несколько лет нынешнее партийное руководство нашей партией в соответствии с общей проводимой ею линией не давать работы оппозиционным элементам, – не дает мне ни партийной, ни советской работы того масштаба и характера, в которых я мог бы принести максимум посильной мне пользы. Последний год, как вам известно, Политбюро совершенно отстранило меня как оппозиционера от всякой партийной и советской работы.

С другой стороны, отчасти, вероятно, по причине моей болезненности, отчасти, возможно, и по причинам, которые вам лучше известны, чем мне, – я и в практической оппозиционной борьбе и работе этот год почти не принимал участия.

С огромной внутренней борьбой и сначала с величайшей неохотой я ушел в ту область работы, к которой надеялся прибегнуть лишь тогда, когда уже стану полным инвалидом, и вошел целиком в научно-педагогическую и литературную работу. Как ни тяжело это было сначала, но я постепенно вошел в эту работу и стал надеяться, что и при этой работе жизнь моя все же сохранит ту же внутреннюю необходимую ей полезность, о которой я говорил выше и которая только и может, с моей точки зрения, оправдать мое существование.

Но здоровье мое все ухудшалось и ухудшалось.

В 20-х числах сентября по неведомой мне причине Лечебная комиссия ЦК потребовала меня на консультацию профессоров-специалистов, и последняя установила у меня активный туберкулезный процесс в обоих легких, миокардит, хроническое воспаление желчного пузыря, хронический колит с аппендицитом и хронический полиневрит (множественное воспаление нервов); освидетельствовавшие меня профессора категорически заявили мне, что состояние моего здоровья гораздо хуже, чем я себе это представляю, что я думать не должен надеяться дочитать до конца свои курсы в вузах (1-м МГУ и Институте востоковедения), что, наоборот, гораздо благоразумнее мне сейчас же бросить эти планы, что мне и дня лишнего нельзя оставаться в Москве и часу лишнего нельзя быть без лечения, что мне необходимо немедленно же поехать за границу в соответственный санаторий, а так как эту-де поездку нельзя выполнить в пару дней, то на короткое время до отъезда за границу они предписывают мне кое-какие медикаменты и лечение в кремлевской поликлинике. На мой прямой запрос, какие же шансы,

что я вылечусь за границей, и могу ли я лечиться в России, не бросая работы, профессора, в присутствии ст. врача ЦК т. Абросова, еще одного врача – коммуниста и ст. врача кремлевской больницы А Ю. Коннель, категорически заявили, что российские санатории мне ни в коем случае помочь не могут, что я должен надеяться на заграничное лечение потому, что до сих пор ни разу более двух-трех месяцев за границей не лечился, а что теперь они именно настаивают на поездке минимум на полгода, не ограничивая максимума, и что при таких условиях они не сомневаются, что если я и не вылечусь окончательно, то, во всяком случае, на длительный срок смогу вполне работать.

Около двух месяцев после этого никаких абсолютно шагов со стороны Лечебной комиссии ЦК (которая ведь сама и созвала упомянутый консилиум) не было сделано не только в направлении моей отправки за границу, но и в деле моего лечения здесь. Наоборот, с некоторого времени кремлевская аптека, которая всегда до сего выдавала мне лекарства по моим рецептам, получила запрещение делать это, и я фактически был лишен той бесплатной медикаментозной помощи, которою всегда пользовался, и вынужден был покупать необходимые мне лекарства за свой счет в городских аптеках (кажется, в это же время руководящая группа нашей партии перешла и в отношении других товарищей из оппозиции к выполнению своей угрозы «бить оппозицию по желудку»).

Покуда я был настолько здоров, что мог работать, я на все это обращал мало внимания. Но так как мне становилось все хуже и хуже, то жена моя начала хлопоты и в Лечебной комиссии ЦК и лично у т. Н. А. Семашко (так всегда публично ратующего за осуществление лозунга «беречь старую гвардию») о моей поездке за границу. Вопрос, однако, все время откладывался рассмотрением, и единственное, чего жена добилась, – это выдачи ей выписки постановления консилиума, в котором перечислены мои хронические болезни и указано, что консилиум настаивает на отправке меня за границу «в санаторию типа проф. Фридлендера сроком до одного года».

Тем временем девять дней назад я слег окончательно, так как ухудшились и обострились (как это всегда бывает) все мои хронические болезни и, что ужаснее всего, мой застарелый полиневрит опять принял острую форму, при которой приходится терпеть совершенно невыносимые, адские боли, а я совершенно лишен возможности ходить.

Фактически эти девять дней я не имею никакого лечения, и обсуждается вопрос о моей заграничной поездке. Из врачей ЦК никто ни разу не был. Навестившие меня проф. Давиденко и д-р Левин хотя и прописали какие-то пустяки (которые ничего не помогают, конечно), но тут же признали, что «ничего сделать не могут» и что необходима скорейшая поездка за границу. Д-р Левин сказал как-то жене, что вопрос затягивается, ибо в Лечебной комиссии, наверное, думают, что жена моя поедет со мной, а «это очень дорого» (когда заболевают товарищи не из оппозиции, то их, а зачастую и их жен, как известно, сплошь да рядом отправляют за границу в сопровождении наших врачей или профессоров; я сам знаю много таких случаев и должен также констатировать, что, когда я в первый раз заболел тем же острым полиневритом, меня отправили за границу в сопровождении всей моей семьи – жены и ребенка – и профессора Каннабиха; тогда, впрочем, еще не было вновь установившихся нравов в партии).

Жена на это ответила, что как ни тяжело мое состояние, но она вовсе не претендует, чтобы она или кто-либо вообще сопровождал меня. На это д-р Левин уверил ее, что в таком случае разрешение вопроса пойдет скорее.

Мое состояние все ухудшается, боли стали настолько невыносимыми, что я наконец потребовал хоть какого-нибудь облегчения у врачей. Бывший у меня сегодня д-р Левин опять повторил, что они ничего сделать не могут и что единственное спасение в скорейшей поездке за границу.

А вечером врач ЦК т. Потемкин сообщил моей жене, что Лечебная комиссия ЦК постановила меня за границу не посылать и лечить в России, т. е. профессора-специалисты настаивают на длительном лечении за границей и кратковременное считают бесполезным; ЦК же, наоборот, согласен дать на мое лечение до тысячи долларов (2 тысяч рублей) и не считает возможным ассигновать больше.

Я, как вам известно, в прошлом отдал не одну тысячу рублей в нашу партию, во всяком случае, больше, чем я стоил партии с тех пор, как революция лишила меня моего состояния, и я

не могу уже лечиться за свой счет.

Англо-американские издательства неоднократно предлагали мне за отрывки из моих воспоминаний (по моему выбору, с единственным требованием, чтобы вошел период брестских переговоров) сумму до 20 тысяч долларов; Политбюро прекрасно знает, что я достаточно опытен и как журналист, и как дипломат, чтобы не напечатать того, что может повредить нашей партии или государству, и неоднократно был цензором и по НКИД и по ГКК, а в качестве полпреда – и по всем выходящим в данной стране русским произведениям. Я просил несколько лет назад разрешения Политбюро на издание таких своих мемуаров с обязательством весь гонорар отдать в партию, ибо мне тяжело-де брать от партии деньги на свое лечение. В ответ на это я получил прямое постановление ПБ, что «дипломатам или товарищам, причастным к дипломатической работе, запрещается категорически печатать за границей свои воспоминания без предварительного просмотра рукописи Коллегией НКИД и Политбюро ЦК».

Зная, какая затяжка и неаккуратность произойдет при такой двусторонней цензуре, при которой нельзя даже и связываться с заграничным издательством, я тогда, в 1924 году, отказался от этого предложения. Теперь, когда я был за границей, я получил новое, – уже с прямой гарантией 20 тысяч долларов гонорара, но зная, как теперь фальсифицируется и история партии, и история революции, и не считая возможным приложить свою руку к подобной фальсификации, не сомневаясь, что вся цензура Политбюро (а иностранные издательства настаивают именно на более личном характере воспоминаний, т. е. на характеристиках действующих в них лиц и т. д.) сведется к недопущению правильного освещения лиц и деятельности ни с одной, так сказать, ни с другой стороны, т. е. ни истинных вождей революции, ни квазивождей ее, теперь возведенных в этот сан, – я, без прямого нарушения постановления Политбюро, не считаю возможным издание своих мемуаров за границей, следовательно, не вижу возможности лечиться, не получая денег от ЦК, который явно за всю мою 27-летнюю революционную работу считает возможным оценить мою жизнь и здоровье суммою не свыше 2 тысяч рублей.

В таком состоянии, как я сейчас, я, конечно, лишен возможности делать хоть какую-нибудь работу. Даже если бы я оказался в силах, несмотря на адские боли, все же продолжать чтение своих лекций, такое положение требовало бы серьезного ухода, переноски меня всюду на носилках, помощи в добыче в библиотеках и архивах нужных книг и материалов и т. п. В прошлую мою такую же болезнь к моим услугам был целый штат полпредства, теперь же мне «по чину» даже личного секретаря не полагается; при том невнимании ко мне, которое последнее время постоянно проявляется при всех моих заболеваниях (вот и теперь, как сказано, я девять суток – без всякой помощи фактически, и даже предписанной мне проф. Давиденко электрической грелки пока добиться не могу),– я не могу рассчитывать даже на такой пустяк, как переноска меня на носилках.

Даже, если бы меня лечили и послали на необходимый срок за границу, – положение оставалось бы в высшей степени пессимистическим: в прошлый раз я в остром состоянии полиневрита без движения пролежал около двух лет; тогда у меня, кроме этой болезни, никаких других не было, и тем не менее все мои болезни пошли именно от этой; теперь у меня насчитывается их что-то около шести; даже, если бы я мог теперь сколько нужно времени посвятить лечению, и тогда вряд ли имел бы право рассчитывать на мало-мальски сносный срок продолжительности жизни после этого лечения.

Теперь же, когда меня не считают возможным серьезно лечить (ибо лечение в России и по мнению врачей безнадежно, а лечение за границей на пару месяцев – столь же бесполезно) – жизнь моя теряет всякий смысл; даже если не исходить из моей философии, очерченной выше, вряд ли можно признать для кого-нибудь нужной жизнь в невероятных мучениях, лежа без движений и без возможности вести хоть какую-нибудь работу.

Вот почему я говорю, что наступил момент, когда необходимо эту жизнь кончать. Я знаю вообще отрицательное отношение партии к самоубийцам, но я полагаю, что вряд ли кто-нибудь, уяснив себе все мое положение, смог бы осудить меня за этот шаг.

Кроме того, проф. Давиденко полагает, что причиной, вызвавшей рецидив острого моего заболевания полиневритом, являются волнения последнего времени. Если бы я был здоров, я нашел бы в себе достаточно сил и энергии, чтобы бороться против созданного в партии

положения. Но в настоящем своем состоянии я считаю невыносимым такое положение в партии, когда она молчаливо сносит исключение Ваше из своих рядов, хотя абсолютно не сомневаюсь в том, что рано или поздно наступит в партии перелом, который заставит ее сбросить тех, кто довел ее до такого позора… В этом смысле моя смерть является протестом борца, который доведен до такого состояния, что никак и ничем иначе на такой позор реагировать не может.

Если позволено сравнивать великое с малым, то я сказал бы, что величайшей важности историческое событие, – исключение Вас и Зиновьева из партии, – что неизбежно должно явиться началом термидорианского периода в нашей революции, и тот факт, что меня после 27 лет революционной работы на ответственных партийно-революционных постах ставят в положение, когда не остается ничего другого, как пустить себе пулю в лоб, – с разных сторон демонстрируют один и тот же режим в партии, и, быть может, обоим этим событиям, малому и великому совместно, – удастся или суждено стать именно тем толчком, который пробудит партию и остановит ее на пути скатывания к термидору. Я был бы счастлив, если бы мог быть уверен, что так именно будет, ибо знал бы тогда, что умер недаром. Но, хотя я знаю твердо, что момент пробуждения партии наступит, я не могу быть уверен, что это будет теперь же… Однако я все-таки не сомневаюсь в том, что смерть теперь может быть полезнее моей дальнейшей жизни.

Нас с Вами, дорогой Лев Давыдович, связывает десятилетие совместной работы и личной дружбы тоже, смею надеяться. Это дает мне право сказать Вам на прощание то, что мне кажется в Вас ошибочным.

Я никогда не сомневался в правильности намечавшегося Вами пути, и Вы знаете, что более 20 лет иду вместе с Вами, со времен «перманентной революции».

Но я всегда считал, что Вам недостает ленинской непреклонности, неуступчивости, его готовности остаться хоть одному на признаваемом им правильным пути в предвидении будущего большинства, будущего признания всеми правильности этого пути.

Вы политически всегда были правы, начиная с 1905 года, и я неоднократно Вам заявлял, что собственными ушами слышал, как Ленин признавал, что и в 1905 году не он, а Вы были правы. Перед смертью не лгут, и я еще раз повторяю Вам это теперь… Но Вы часто отказывались от собственной правоты в угоду переоцениваемому Вами соглашению, компромиссу. Это ошибка. Повторяю, политически Вы всегда были правы, а теперь более правы, чем когда-либо. Когда-нибудь партия это поймет, а история обязательно оценит. Так не пугайтесь же теперь, если кто-нибудь от Вас даже и отойдет или, тем паче, если не многие так скоро, как нам всем бы этого хотелось, к Вам придут. Вы правы, но залог победы Вашей правоты – именно в максимальной неуступчивости, в строжайшей прямолинейности, в полном отсутствии всяких компромиссов, точно так же, как всегда в этом именно был секрет побед Ильича.

Это я много раз хотел сказать Вам, но решился только теперь, на прощанье.

Два слова по личному поводу. После меня остаются малоприспособленная к самостоятельной жизни жена, маленький сын и больная дочь. Я знаю, что теперь Вы ничего не сможете для них сделать, а на теперешнее руководство партии я и в этом отношении абсолютно не рассчитываю. Но я не сомневаюсь, что недалек тот момент, когда Вы опять займете подобающее Вам место в партии. Не забудьте тогда моей жены и деток.

Желаю Вам не меньше энергии и бодрости, чем Вы проявляли до сих пор, и наискорейшей победы. Крепко обнимаю. Прощайте.

Москва, 16 ноября 1927 г.

Ваш А. Иоффе.

П. С. Письмо написано с 15-го на 16-е ночью, а сегодня, 16-го днем, Мария Михайловна была в Лечебной комиссии с целью настоять на моей отправке за границу хотя бы и на 1-2 месяца. На это ей было повторено, что по мнению профессоров-специалистов краткосрочная поездка за границу совершенно бесполезна, и было заявлено, что Лечебной комиссией ЦК постановлено немедленно перевезти меня в Кремлевскую больницу. Таким образом, мне отказано даже в краткосрочной лечебной поездке за границу, а то, что лечение в России не имеет никакого смысла и не дает никакой пользы, – как указано, признается всеми моими

врачами.

Дорогой Лев Давыдович, я очень сожалею, что мне не удалось Вас повидать; не потому, что я сомневался бы в правильности принятого мною решения и надеялся бы, что Вы сможете меня переубедить. Нет. Я нисколько не сомневаюсь в том, что это самое разумное и трезвое из всех решений, которые я мог бы принять. Но я боюсь за это свое письмо; такое письмо не может быть не субъективным, а при столь резком субъективизме сможет утратиться критерий объективности и какая-нибудь одна фальшиво звучащая фраза может испортить все впечатление письма. Между тем я, конечно, рассчитываю на использование этого письма, ибо только в этом ведь случае мой шаг сможет дать свою пользу.

Поэтому я даю Вам не только полнейшую свободу редактирования моего письма, но даже очень прошу Вас исключить из него все то, что Вам покажется лишним, и добавить то, что Вы сочтете необходимым.

Ну, прощайте, дорогой мой. Крепитесь, Вам еще много силы и энергии понадобится. А меня не поминайте лихом.

А. Верно: Д. Котляренко

Сообщение от Секретариата ЦК ВКП(б)

1 ноября с. г.

Лечебная комиссия в составе т. т. Филлера и Короткова (от ЦКК ВКП (б)), Потемкина, Абросова (врачей ЦК) и Самсонова (управделами ЦК) вынесла следующее решение:

«Поручить врачу Центрального Комитета т. Потемкину выяснить возможности лечения т. Иоффе в СССР».

15 ноября с. г.

Лечебная комиссия приняла следующее постановление:

«Ввиду возможности организации лечения т. Иоффе А. А. в СССР, поручить врачу ЦК т. Потемкину организовать таковое, договорившись со специалистами Санупра Кремля и с т. Иоффе».

На это постановление Лечебной комиссии возражений со стороны т. Иоффе и его семьи в Секретариат ЦК не поступало и поэтому со стороны ЦК, не обсуждавшего решение Лечебной комиссии, не могло быть никаких решений против выезда т. Иоффе для лечения за границу.

Секретарь ЦК ВКП (б) Кубяк

18 ноября 1927 года

Верно: Д. Котляренко

Ленин и Сфорца

Что демократический граф Сфорца, с большой почтительностью говорящий о философских интересах бельгийский королевы, невысоко ставит философские горизонты Ленина, это в порядке вещей. Но и в области политики итальянский дипломат отзывается о Ленине с суверенным пренебрежением. На нескольких страничках, которые он посвящает создателю большевистской партии, Сфорца изображает его слепым фанатиком, повторяющим наизусть формулы Маркса, чтобы затем неожиданно вложить в уста Ленина фразу: «Книга убивает социальную революцию». Причем, по словам Сфорца, Ленин стал действовать согласно этому принципу. Всеми этими отзывами и оценками Сфорца очень хорошо характеризует себя, но мало дает для оценки Ленина.

Если поставить себе задачей охарактеризовать особенность духовной природы Ленина и вместе с тем его главную силу в немногих словах, то пришлось бы указать на его способность охватить каждый вопрос и каждую политическую обстановку со всех сторон, вскрыть все тенденции, продумать до конца все их возможные последствия и выразить выводы в самых

простых и прозаических словах. В этом равновесии теории и практики, мысли и воли, предвидения и активности, осторожности и дерзновения, в этой универсальности – суть ленинского гения.

Но так как он каждую сторону вопроса сводит к простейшим формулам, то умственная банальность при чтении Ленина легко может проникнуться чувством собственного превосходства. Всякий «образованный» человек мог бы о той или другой стороне вопроса сказать так же, как Ленин или лучше Ленина. Но посредственность мысли – в одной плоскости, а Ленин – в трех измерениях.

Английские и итальянские социалисты, встретившиеся с Лениным на Циммервальдской конференции, одинаково подтверждали графу Сфорца правильность его оценки Ленина. Кто были эти итальянские социалисты – мы не знаем. Что касается английских социалистов, то их в Циммервальде вовсе не было. Один из циммервальдцев рассказывает, как Ленин, указывая на Зиновьева, говорил одному из своих западноевропейских собеседников «Бедняга Зиновьев, он еще утопист; он верит, что мы сможем в России совершить революцию без пролития крови». Кто имеет хоть малейшее представление о совместной работе Ленина и Зиновьева, тот без труда поймет, что Ленин не мог делать такого замечания, к которому Зиновьев не мог подать ему никакого повода. Об этих апокрифических словах Ленина графу поведал один из участников Циммервальда, ставший впоследствии министром великой страны. Если не считать Ленина и Троцкого, ставших впоследствии народными комиссарами, никто из участников Циммервальда не становился впоследствии правителем ни великой, ни малой страны.

Приложение

Из писем Л. Троцкого Максу Истмену

20 января 1931 г.

Дорогой друг!

[…] Хочу в нескольких словах сообщить Вам о новой книге, которую я пишу в промежутке между двумя томами «Истории революции». Книга будет, может быть, называться «Они и мы» или «Мы и они» и будет заключать в себе целый ряд политических портретов представителей буржуазного и мелкобуржуазного консерватизма, с одной стороны, и пролетарских революционеров – с другой; намечены:

Хувер, Вильсон, из американцев; Клемансо, Пуанкаре, Барту и некоторые другие французы; дело банка Устрик займет главу в связи с характеристикой французских политических нравов. Из англичан войдут Болдвин, Ллойд Джордж, Черчилль, Макдональд и лейбористы вообще. Из итальянцев я возьму графа Сфорца, Джолитти и старика Кавура. Из революционеров: Маркс и Энгельс, Ленин, Люксембург, Либкнехт, Воровский, Раковский и, вероятно, Красин, в качестве переходного типа.

Этот список еще не окончательный. Я работал над этой книгой в течение последнего месяца: из этого Вы видите, что она еще не далеко продвинулась вперед, хотя ее общая физиономия мне уже выяснилась. (Толчком для меня послужила книга итальянского дипломата Сфорца, посвященная характеристике различных государственных деятелей, в том числе и некоторых революционеров. Книга его очень плоская, имела, судя по газетам, в Америке большой успех, чему я, разумеется, нисколько не удивляюсь. В своих характеристиках бельгийского короля, лорда Бальфура или Пуанкаре, итальянский граф источает благородство изо всех пор. Но когда он переходит к революционерам, прежде всего к Ленину, то обнажает себя в качестве глупого и грязного сикофанта. Особенно гнусны те отзывы, которые он влагает в уста Воровского относительно Ленина. Мне не будет никакого труда доказать, что сиятельный автор постыдно лжет. Разоблачение Сфорцы и явилось для меня первым толчком ко всей этой книге. Но центр тяжести ее уже сейчас переместился. Книга будет иметь тон боевого памфлета, но ни в каком случае не агитаторский тон. Характеристики будут опираться на самое серьезное изучение всех фигур в контексте политических условий и прочее. Думается мне, что книга вызовет интерес широких кругов, как революционных, так и консервативных, ибо она вся будет построена на противопоставлении одного типа другому. Для этой книги я бы

хотел иметь хорошего американского издателя (кстати, я, вероятно, включу в книгу также и портрет Авраама Линкольна, фигуру которого так постыдно исказила официальная и официозная американская иконография). Когда эта книга будет готова? Это зависит от того, когда я должен буду сдать второй том своей «Истории революции». Немецкий издатель намеревался, насколько я знаю, выпустить второй том не скоро после первого. Бонн же, по-видимому, будет торопиться. Я предложил им сговориться между собою. Если второй том будет отложен месяцев на восемь, то я мог бы книгу портретов закончить в течение ближайших четырех месяцев. Таковы предварительные сведения […]

25 января 1932 г.

[…] Кстати, я хотел бы написать статью: «Ленин, Воровский и граф Сфорца». Этот поганенький либерально-сиятельный итальянский дипломат гнусно оклеветал Ленина и Воровского. Разоблачить и уличить его можно беспощадно. Книга Сфорца вышла на всех языках и широко рекламировалась в Америке. Как Вы думаете, нашлось бы место для такой статьи? […]

1 апреля 1933 г.

[…] Я сейчас работаю над характеристикой Раковского, Иоффе, Воровского и Красина. Вместе с «Завещанием Ленина»[152] это составило бы небольшую книгу. Окончательное решение я приму в зависимости от ожидаемого мною ответа Саймон и Шустера.

Жму руку, Ваш

Л. Троцкий

[152] Опубл. в ж-ле «Обозрение». No 10–11. 1984.